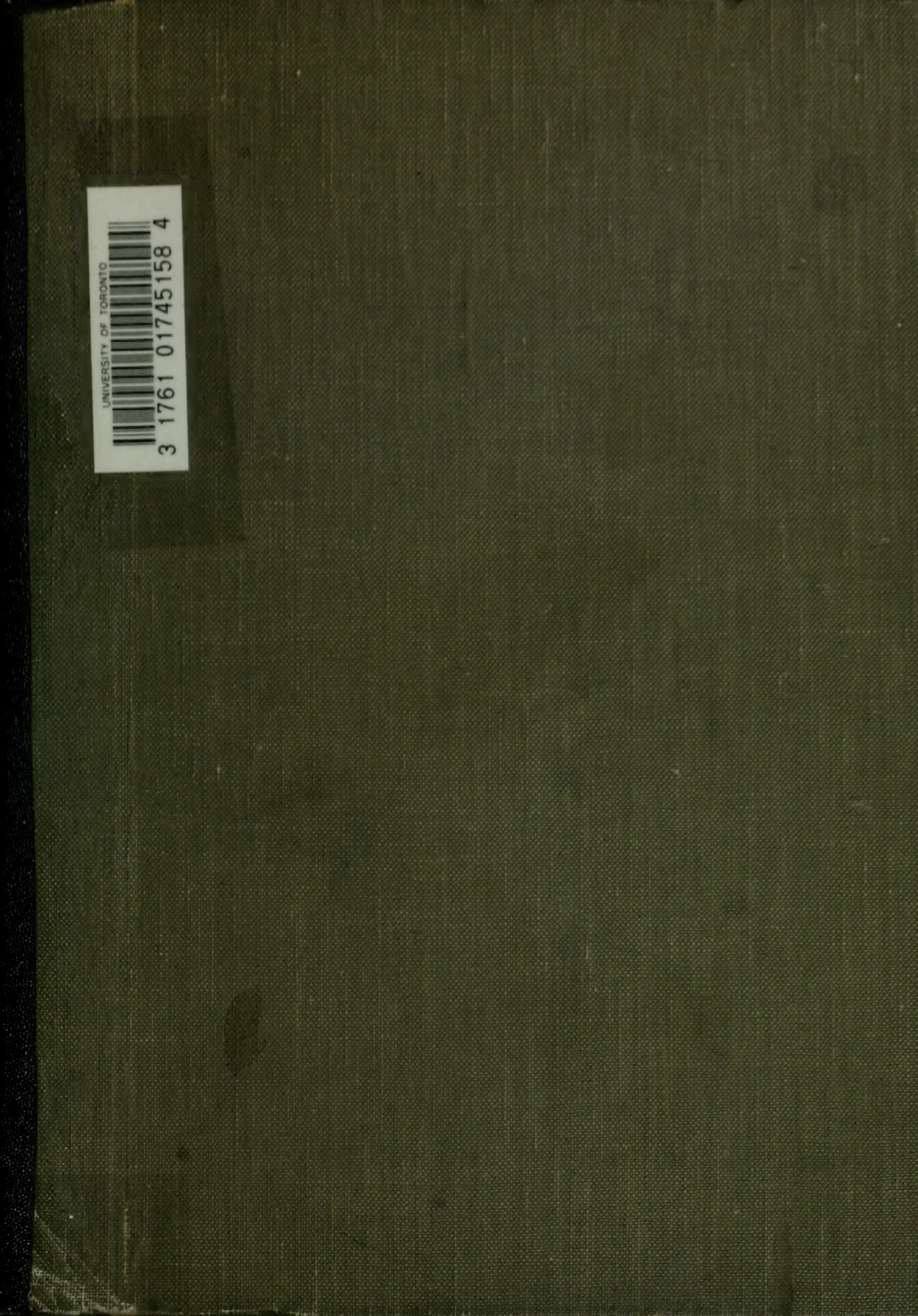

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01745158 4

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ
СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА
В. М. САБЛИНА.

МОСКВА.
1908.

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

HOMO SAPIENS.

ПЕРЕВОДЪ
ВЛАДИМІРА ВЫСОЦКАГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
1908.

Типо-литографія I. И. Пашкова, Милютинскій пер., домъ Арбатской.

HOMO SAPIENS

На распутьи.

I.

Фалькъ вскочилъ въ бѣшенствѣ.

Кто тамъ опять стучитъ?

Онъ не хотѣлъ, чтобы ему мѣшали, особенно теперь, когда онъ принялся, наконецъ, за работу.

Слава Богу! Никого изъ друзей... Только почтальонъ...

Хотѣлъ было бросить письмо въ сторону... Не къ спѣху... И вдругъ:

— Микита!

Его даже въ жаръ бросило.

— Микита, мой дорогой Микита!

Пробѣжалъ глазами письмо: „Будь завтра послѣ обѣда дома... Возвращаюсь изъ Парижа!"

Такъ много онъ давно уже не писалъ... Съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ написалъ свое знаменитое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ.

Фалькъ отъ души расхохотался.

Это прекрасное сочиненіе! Какъ это его не исключили тогда изъ гимназіи!

Новогоднія впечатлѣнія, изложенныя въ формѣ поздравленія, съ періодами, изъ которыхъ каждый былъ въ двѣ страницы длиной.

А потомъ... Нѣтъ, это было великолѣпно! Старый Френкель... Какъ онъ ругался! Цѣлая исторія вышла!..

Талькъ вспомнилъ, какъ онъ убѣдилъ Микиту написать апологію, основною мыслью которой была великолѣпная игра словъ: Was einem Schiller erlaubt ist, sollte einem Schüler nicht erlaubt sein.

А потомъ, на слѣдующій день, они всю ночь напролетъ писали апологію, только утромъ легли спать, а Френкелю послали записку съ извиненіемъ.

Фалькъ еще теперь не могъ понять, какъ подобная исторія могла пройти безнаказанно.

Это знаменитое извиненіе: „само собой понятно, что нельзя прійти въ классъ, если проработать цѣлую ночь надъ апологіей".

Двадцать мелко исписанныхъ страницъ...

Но теперь надо работать.

Сѣлъ, но работать ему уже совсѣмъ не хотѣлось. Онъ хотѣлъ принудить себя, старался собрать мысли, грызъ ручку пера, написалъ нѣсколько строкъ и то совсѣмъ банальныхъ... Ничего не выходило...

Въ другое время онъ бы навѣрное впалъ въ одно изъ тѣхъ могильныхъ настроеній, которое приходилось заливать алкоголемъ. Но сегодня онъ былъ веселъ.

Онъ развалился въ креслѣ.

Передъ глазами его ясно всталъ тотъ страшный чердакъ, гдѣ они жили послѣдній годъ передъ окончаніемъ гимназіи.

Въ одной стѣнѣ три окна, которыхъ нельзя было открывать, такъ какъ являлась опасность, что вылетятъ стекла. Остальныя стѣны сплошь покрыты плѣсенью... А холодина! Боже милостивый!

А какъ они проснулись разъ рано утромъ и съ удивленіемъ стали осматривать комнату!

— Странно, какой свѣжій воздухъ,—сказалъ Микита.

— Да, странно.

И они безъ конца дивились этому странному явленію.

Потомъ дѣло выяснилось. На дворѣ былъ такой морозъ, что птицы замерзали налету.

Фалькъ всталъ. Это были его лучшія воспоминанія.

А тотъ верзила, что приносилъ имъ всегда книги... Какъ его звали?..

Интересный человѣкъ...

Онъ долго не могъ вспомнить его фамиліи. Ахъ, наконецъ... Лонгинусъ.

Фалькъ вспомнилъ, какъ Микита забрался разъ въ конуру Лонгинуса и взялъ книжку, которую тотъ не хотѣлъ ему дать.

Вдругъ, — это было воскресенье, — снова свѣжо въ комнатѣ... Проснулся. Странная картина: Микита въ рубашкѣ съ ключомъ въ рукѣ... Лонгинусъ раздраженъ до послѣднихъ предѣловъ... Дрожитъ отъ бѣшенства.

— Открой двери!—шипитъ Лонгинусъ съ театральнымъ паѳосомъ.

— Положи книжку,—открою.

Лонгинусъ въ героической позѣ большими шагами ходитъ по комнатѣ.

— Открой двери!—кричитъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Положи книжку!

Лонгинусъ выходитъ изъ себя. Наконецъ, онъ обращается къ Фальку.

— Ты человѣкъ воспитанный, образованный,—не можешь же ты допустить, чтобы мои права какимъ бы то ни было образомъ ограничивались!

Да, Лонгинусъ любилъ избранную, искусно построенную рѣчь.

— Мнѣ очень жаль, но ключъ у Микиты.

— Отрицаю въ тебѣ всякую образованность.

Это было величайшее оскорбленіе изъ всѣхъ, какія онъ наносилъ когда бы то ни было.

— Открой двери! Я покоряюсь насилію и оставляю тебѣ книгу!

Боже! Какъ они тогда хохотали!.. А кромѣ того, это было воскресенье. Они должны были быть въ костелѣ. Но костелъ былъ имъ не по душѣ. Они были слишкомъ вѣрны своимъ атеистическимъ убѣжденіямъ.

Во всякомъ случаѣ это было опасно. Фанатикъ-законоучитель шпіонилъ въ костелѣ...

— Ха-ха-ха...

Фалькъ вспомнилъ, какъ онъ сидѣлъ разъ въ костелѣ противъ своей „богини" на катафалкѣ. Желая казаться граціознымъ и интереснымъ, онъ все время безконечно длинной проповѣди просидѣлъ въ очень неудобной позѣ, въ какой видѣлъ на какой-то картинѣ Байрона, сидящаго на могилѣ Шелли.

Славная исторія потомъ вышла...

Теперь онъ снова хотѣлъ сѣсть за работу, но не могъ собраться съ мыслями. Въ его мозгу все плясало и кружилось вокругъ этихъ чудныхъ воспоминаній.

Онъ безсмысленно грызъ ручку пера и повторялъ: прекрасное было время!

А когда они вдругъ открыли Ибсена, какъ „Брандъ" вскружилъ имъ головы!

Все или ничего!—Это стало ихъ девизомъ.

И они разыскивали притоны нищихъ, собирали вокругъ себя заброшенныхъ дѣтей.

Фалькъ снова увидѣлъ себя на чердакѣ.

Пять часовъ утра. Стукъ деревянныхъ башмаковъ, словно кто-то втаскиваетъ наверхъ пушки.

Потомъ открываются двери, и входятъ гуськомъ: мальчикъ, дѣвочка, потомъ два мальчика, двѣ дѣвочки,—вся комната полна дѣтворы.

Всѣ размѣщаются у печки, вокругъ большого дубоваго стола.

— Микита, вставай. Я страшно усталъ.

Микита ругается.

Онъ не можетъ встать. Всю ночь сидѣлъ надъ латинскимъ сочиненіемъ.

Вдругъ они срываются оба, полные бѣшенства и ненависти другъ къ другу.

Зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холода.

А потомъ, онъ у печки, тяжело дыша и ругаясь: дрова не загораются. Микита у большого котла съ молокомъ, подогрѣваетъ его на спиртовкѣ.

Понемногу у обоихъ проясняются лица.

Дѣти набрасываются на хлѣбъ и молоко какъ маленькіе хищники.—Микита въ сторонѣ сіяетъ отъ радости.

А потомъ:—Дѣти, вонъ!

Теперь они уже смотрятъ другъ на друга даже дружелюбно.

Фалькъ почувствовалъ сердечную теплоту.

Онъ давно забылъ уже объ этомъ. Одному Богу извѣстно, сколько прекраснаго, человѣчнаго было во всемъ этомъ.

Потомъ обыкновенно обоимъ становится стыдно, что поймали другъ друга въ чувствительности,—нѣтъ, они называли это эстетикой,—и въ концѣ концовъ ссора.

— Niebelungenlied, собственно, только пустая, жалкая болтовня.

Микита превосходно зналъ слабыя струнки Фалька.

Съ этимъ Фалькъ, конечно, не могъ согласиться. Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ жаромъ и рѣзалъ хлѣбъ.

Микита былъ хитрый. Всегда затягивалъ Фалька въ споръ и съѣдалъ нарѣзанные ломтики хлѣба, чего Фалькъ въ жару спора, конечно, не замѣчалъ.

И вдругъ:

— Боже, уже двѣ минуты, какъ начался урокъ.

Хватали книжки и бѣгомъ бросались въ гимназію. Онъ впереди, а Микита за нимъ, прихрамывая.

— Вылѣчилъ ли онъ теперь ногу?—Фалькъ только тогда замѣчалъ, что онъ голоденъ, когда Микита съѣдалъ весь хлѣбъ,—ловкій малый!

Потомъ...

Фалькъ задумался.

Брандъ въ примѣненіи къ любви. Все или ничего!..

Снова задумался.

Собственно, онъ разбилъ всю будущность Янины.

Гм... но отчего же она не могла оторваться отъ него? А какъ онъ ее мучилъ убѣжденіями и прямолинейностью Бранда!

Да, безъ сомнѣнія, онъ какъ-то гипнотизировалъ ее. Чѣмъ же можно иначе объяснить то, что она бѣжала изъ дому и поѣхала съ нимъ?

Непріятно. Вѣдь онъ никогда ея не любилъ. Онъ хотѣлъ только знать, какъ въ дѣвушкѣ развивается любовь. Хотѣлъ написать біогенезу любви.

Проектъ недурной для восемнадцатилѣтняго мальчика. Ну, да вѣдь онъ читалъ тогда Бюхнера и этого „triste cochon“ Бурже.

Надо бы ее навѣстить.

Нѣтъ, лучше нѣтъ... Если бъ она разъ навсегда могла забыть о немъ!

Онъ всталъ и началъ задумчиво ходить по комнатѣ.

Это же, наконецъ, отвратительно — вѣчно вновь соблазнять ее, а потомъ сейчасъ же становится логично мыслящимъ

человѣкомъ и объяснять, что любовь надо побороть въ себѣ, что любовь—чувство первобытныхъ людей, что-то въ родѣ патологической сыпи въ духовной жизни новаго человѣка.

Да, въ этомъ онъ былъ неподражаемъ.

Если бы только она могла быть немного веселѣе!

Онъ вспомнилъ, какъ на всѣ его глумливыя доказательства она отвѣтила однажды:

— Я отъ души желаю тебѣ влюбиться когда-нибудь... серьезно влюбиться...

Какая наивность! Нѣтъ—нѣтъ... Старый Кенигсбергскій волкъ зналъ, чѣмъ это пахнетъ,—о! онъ вникнулъ въ природу любви.

Любовь, безусловно, только болѣзненное явленіе... Да, Кантъ понялъ любовь...

Онъ закурилъ папиросу и растянулся на диванѣ.

Что-то Микита пишетъ теперь?

Необыкновенная сила была въ этомъ человѣкѣ.

Съ такимъ трудомъ пробиваться въ жизни и ни на шагъ не свернуть съ намѣченной дороги.

Теперь онъ могъ бы уже имѣть состояніе, если бы хотѣлъ писать такъ, какъ другіе.

Эти страшные годы въ университетѣ!

— Нѣтъ ли у тебя десяти пфениговъ, Микита?

У Микиты не было ничего; съ самаго утра онъ копался въ своихъ вещахъ и искалъ десяти пфениговъ, которые должны были гдѣ-то быть.

— Итакъ, постъ?

— Кажется...—Микита продолжалъ свою работу.—Впрочемъ, ты, вѣроятно, слышалъ, что деньги теперь страшно пали въ цѣнѣ?

— Да, да, я уже слышалъ.

— Ну, вотъ!—Микита продолжалъ рисовать.

И они страшно голодали!

Фалькъ нервно вздрогнулъ.

Онъ совсѣмъ лишился силъ отъ голода... Странно еще, что съ ума не сошелъ. А какъ однажды онъ упалъ на улицѣ отъ слабости, и его чуть не переѣхали!

Въ концѣ концовъ у нихъ была только одна пара брюкъ: Микита писалъ въ одномъ бѣльѣ, когда Фалькъ шелъ въ университетъ.

Теперь Фалькъ громко расхохотался.

Онъ вспомнилъ, какъ мать прислала своего эконома съ деньгами. Она продала тогда лѣсъ. Всѣ втроемъ отправились въ кабачокъ и сидѣли тамъ до поздней ночи. Экономъ на четвереилькахъ карабкался по лѣстницѣ домой, Микита все время хваталъ его за ногу, пока, наконецъ, взбѣшенный экономъ не толкнулъ его изо всей силы каблукомъ въ носъ.

О, Боже! А когда эконома стало тошнить, и онъ пробилъ головой стекло, потому что не могъ открыть окна...

И Фалькъ снова вспомнилъ цѣлыя три недѣли голода и нищеты. Онъ съ чувствомъ нѣжности думалъ о матери, которая всегда, однако, приходила на помощь въ послѣднюю минуту.

Его тронули эти воспоминанья.

Да, да, мать... мать...

Ну, Микитѣ, должно быть, приходилось изрядно голодать въ Парижѣ?

Хе-хе, несчастные прокладыватели новыхъ путей!

Фалькъ меланхолически улыбнулся.

Но нѣтъ! Наперекоръ! Лучше умереть съ голоду, чѣмъ отступить хоть на одинъ шагъ!

Что это собственно было? Что поддерживало его, несмотря на всѣ оскорбленія, ненависть, всѣ неудачи?

Снова легъ.

Великое могучее искусство, что ищетъ новыхъ міровъ, міровъ, лежащихъ внѣ явленій, внѣ сознанія, внѣ всякой внѣшней формы проявленія,—міровъ до того неуловимо-тонкихъ, что всякая связь между ними стушевывается и сливается,—міровъ, скрытыхъ въ одномъ взглядѣ, въ одномъ движеніи, въ одномъ проблескѣ секунды...

Онъ тяжело вздохнулъ.

А новые символы... Новыя слова, новыя краски, новые звуки...

— Все это было уже!

— Нѣтъ, милостивый государь, не все! Не было страданія, которое выше всѣхъ страданій, не было наслажденія, которое становится страданіемъ, не было цѣлой массы новыхъ понятій, въ которыхъ сливаются въ одно всѣ чувства... Да, да, не было еще тысячи такихъ впечатлѣній, которыя умѣютъ чувствовать два—три, самое большее, десять человѣкъ изъ нашихъ современниковъ... Всего этого не было, иначе ихъ понимала бы толпа, толпа, которой нужны цѣлыя столѣтія, чтобы пережевать какую-нибудь частичку мысли.

Въ концѣ концовъ, можетъ быть, и лучше, что не каждый журнальный писака понимаетъ это, иначе артисту пришлось бы стыдиться самого себя.

Онъ смотрѣлъ на истерзанное облако дыма, которое тоненькими лентами плыло изъ папиросы и взвивалось кверху причудливыми узорами.

Онъ видѣлъ однажды ручей, нарисованный подобнымъ образомъ на китайской картинѣ.

Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ голосъ Микиты.

Да,—вспомнилъ онъ,—никогда уже послѣ не переживалъ

онъ такого мистическаго, невыразимаго настроенія. Онъ былъ боленъ тогда, не могъ открыть глазъ, — все лицо опухло.

Микита ухаживалъ за нимъ, какъ нянька. Охъ, какъ онъ умѣлъ это дѣлать! День и ночь онъ дежурилъ у его кровати. Когда Фалькъ не могъ заснуть, Микита читалъ вслухъ. Да, читалъ „Флорентійскія ночи“ Гейне.

И Фалькъ слышалъ монотонное нѣжное пѣніе,—да, пѣніе, а, можетъ быть, и молитву, что плыветъ къ небу и утихаетъ понемногу,—словно послѣдняя зыбь на озерѣ, когда ее сглаживаетъ спокойствіе лѣтняго вечера, — все тише, нѣжнѣе...

Заснулъ.

II.

— Микита, братъ мой дорогой!

— Да, это я!

Они горячо обнялись.

Фалькъ былъ очень растроганъ.

Бѣгалъ то туда, то сюда, хваталъ всевозможныя вещи и засыпалъ вопросами:

— Говори, говори, чего ты хочешь?.. Пива? Водки? Подожди-ка, у меня есть превосходное токайское,—мать прислала,—знаешь, еще отъ покойнаго отца... Онъ зналъ въ винахъ толкъ.

— Да оставь же, наконецъ... Садись. Дай поглядѣть на тебя!

Фалькъ, наконецъ, успокоился.

Оба, счастливые, взглянули другъ другу въ глаза и чокнулись.

— Замѣчательное вино! Но, послушай, какой у тебя скверный видъ! Ты, вѣрно, много писалъ... Правда, чортъ возьми! Твоя послѣдняя книжка,—знаешь, такъ меня потрясла... нѣтъ, это было замѣчательно! Покупаю книжку, начинаю на улицѣ читать, останавливаюсь, книжка такъ меня захватываетъ, что и кончаю ее на улицѣ и почти съ ума схожу! Ты необыкновенный артистъ!

Фалькъ просіялъ.

— Это очень, очень меня радуетъ. Именно ты... ты былъ всегда такъ требователенъ ко мнѣ. Такъ она понравилась тебѣ, въ самомъ дѣлѣ?

— Ну!

Микита описалъ рукой въ воздухѣ большой кругъ.

Фалькъ улыбнулся.

— У тебя новый жестъ.

— Видишь ли, не все можно выразить словами. Необыкновенно тонкіе оттѣнки можно выразить только жестомъ.

— Да, ты правъ.

— Вотъ это, напримѣръ, большая линія, понимаешь ли, широкое движеніе, размахъ—горячій подводный ключъ,—это не многіе понимаютъ. Итакъ, пошелъ я въ Парижѣ къ одному изъ великихъ, въ вожаку натуралистовъ, или какъ они тамъ себя называютъ... Вотъ зарабатываетъ! Ну, да, толпа начинаетъ покупать теперь этотъ cinquième élement, который Наполеонъ открылъ въ Польшѣ—la boue, и на ней нѣсколько картофельныхъ стеблей. Прежде покупали пряничныя произведенія знаменитаго декоратора его святѣйшества, — Рафаэлемъ его звали, не правда ли? Да... ну, а теперь время художниковъ картофеля и грязи...

— Итакъ, я спрашиваю у вожака, почему они пишутъ то, что въ природѣ въ тысячу разъ прекраснѣе и все-таки не имѣетъ никакого значенія. Глупости! Смыслъ?! Значеніе?! Сама природа, понимаете ли...

Да, я понималъ.

— Природа—смыслъ и значеніе.

— Но, вѣроятно, не картофель...

Тогда художникъ картофеля вышелъ изъ себя.

— Именно картофель—это природа, а остальное чепуха! Фантазія? Фантазія? Понимаете ли—фантазія,—смѣшно,—это

только вспомогательное средство, только въ случаѣ крайней необходимости...

Оба друга отъ души хохотали.

Микита задумался.

— Ну, а теперь они увидятъ. У меня голова трещитъ отъ всего того, что я задумалъ. Если бы у меня была тысяча рукъ, я бы нарисовалъ тысячу линій, и тогда ты бы меня понялъ.

— Видишь ли, человѣкъ отучивается иногда говорить. Я былъ у одного скульптора—ты увидишь у меня его эскизы... Я на колѣняхъ ползалъ передъ этимъ человѣкомъ. Говорю ему: то, молъ, и то—великолѣпно!—Что?—Разсказываю ему содержаніе. Ахъ, вы вотъ что думаете?! И описываетъ въ воздухѣ необыкновенно могучую линію. Вотъ тотъ понималъ это... Но, Боже мой, я говорю и говорю, такъ что губы заболѣли! Какъ же тебѣ живется? Не особенно?.. А?

— Не особенно. За послѣднее время я перестрадалъ много. Тысячи тончайшихъ впечатлѣній, которыхъ нельзя высказать въ словахъ, тысячи настроеній, которыя, какъ молніи, рождаются въ душѣ и исчезаютъ неуловимыми...

Микита вдругъ прервалъ его.

— Да, да, въ томъ-то и дѣло. Видишь, этотъ скульпторъ, этотъ геній,—знаешь, какъ онъ сказалъ? Онъ чудно опредѣлилъ это.—Смотрите, вотъ пять пальцевъ, ихъ можно видѣть, ощущать,—потомъ онъ растопырилъ пальцы,—но здѣсь, здѣсь,—того, что между пальцами, нельзя видѣть, нельзя осязать, а вѣдь это самое главное...

— Да, безусловно, это самое главное, но оставимъ въ покоѣ искусство...

— Ты, вѣрно, усталъ отъ работы?

— На это я не могу пожаловаться... Но иногда мнѣ все надоѣдаетъ. Не имѣть возможности черпать непосредственно

изъ сокровищницы жизни, а всегда жить только въ зависимости отъ того, какъ сложатся обстоятельства, какъ ты ими воспользуешься,—и зачѣмъ, собственно? Меня убиваетъ одна мысль о томъ, что я едва ли могу самъ прочувствовать непосредственно страданіе или наслажденіе,—все становится во мнѣ литературой, чѣмъ-то искусственнымъ...

— Ты долженъ влюбиться.

— Микита!.. Ты,—ты даешь мнѣ этотъ совѣтъ?

— Да, да! Любовь! Любовь—не литература, любовь нельзя чувствовать посредственно. Придетъ минута счастья, и человѣкъ готовъ до неба прыгнуть, не думая о томъ, что переломаетъ себѣ ноги. Придетъ минута страданія, и такъ ужасны, такъ непосредственны эти мученія... Впрочемъ, этого нельзя описать, этого нельзя подвести подъ извѣстный уголъ зрѣнія...

Микита улыбнулся.

— Знаешь, я женюсь.

— Ты?! Женишься?!

— Да, и безконечно счастливъ.

Фалькъ не могъ побороть изумленія.

— Ну, за здоровье твоей невѣсты!

Осушили бутылку.

— Слушай, Микита, вѣдь мы проведемъ цѣлый день вмѣстѣ?

— Конечно, конечно!

— Знаешь, я открылъ баснословный ресторанъ...

— Нѣтъ, братъ. Пойдемъ къ моей повелительницѣ.

— Она здѣсь?

— Да. Недѣли черезъ четыре наша свадьба. Жду только Мюнхенской выставки... Только бы получить денегъ, чтобы можно было устроить пиръ на славу... Такого торжества, какимъ будетъ это, не видѣла еще ни одна мастерская художника.

Ralькъ упорствовалъ.

— Я былъ такъ страшно радъ, что сегодня, именно сегодня, мы будемъ только вдвоемъ. Помнишь наши чудныя „heures de confidence“ съ ихъ безконечными спорами?..

Но Микита упорно настаивалъ на своемъ планѣ. Иза такая необыкновенно интересная женщина. Онъ далъ ей слово, привести „in natura“ этого страннаго звѣря, котораго зовутъ Фалькомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отказываться нельзя, я долженъ итти къ ней.

Фалькъ согласился.

Всю дорогу Микита, живо жестикулируя, разсказывалъ ему безъ перерыва о своемъ счастьѣ.

— Да, да, странное дѣло, какъ чувство измѣняетъ человѣка. Все переворачивается вверхъ ногами, кажется, словно открылись глубины, которыхъ человѣкъ никогда не предчувствовалъ. Десять міровъ открывается передъ глазами. А потомъ всѣ эти чуждыя, неизвѣстныя впечатлѣнія, до того неуловимыя, что онѣ лишь тысячную долю секунды остаются въ мозгу! А какой странной кажется тогда природа! Слушай,—сначала, пока она еще сопротивлялась, я лежалъ, какъ песъ, зимою у ея порога, въ страшнѣйшій морозъ я проспалъ однажды всю ночь у ея дверей,—и завладѣлъ ею. Но какъ я страдалъ! Видѣлъ ли ты когда-нибудь крикъ неба? Нѣтъ! А знаешь, я видѣлъ, какъ небо кричало. Казалось, словно оно разверзло тысячи пастей и затопило міръ наводненіемъ цвѣтовъ. Все небо—безконечные ряды полосъ: отъ темно-краснаго до чернаго. Затхлая кровь... нѣтъ! Лужа, въ которой блеститъ пурпуръ заката, а потомъ грязное золото! Уродливо, отвратительно, но великолѣпно... клянусь Богомъ, великолѣпно! Потомъ чувство счастья... Я поднимался, поднимался и росъ, росъ въ небо, такъ что могъ бы папиросу закурить о солнце...

励Фалькъ улыбнулся.

...Микита, который едва доставалъ ему до плечъ! Замѣчательный малый!..

— Не правда ли? Забавная картина! Я—достаю до солнца! Знаешь, когда я былъ въ Парижѣ, французы оглядывались на меня... У меня былъ другъ... Когда я шелъ съ нимъ, то казался великаномъ.

Оба разсмѣялись.

Микита сердечно пожалъ его руку.

— Слушай, Эрикъ, я, собственно, не знаю, кого больше люблю... Видишь ли, любовь къ женщинѣ—это что-то совсѣмъ другое, тутъ ставишь извѣстныя требованія и въ концѣ концовъ,—не правда ли?—любовь имѣетъ всегда какую-то цѣль... Дружба, мой дорогой, наоборотъ,—дружба это что-то неуловимое, что-то „между пальцами"... Если же живешь съ женщиной цѣлыхъ три мѣсяца, не разставаясь...

Фалькъ перебилъ его.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я иногда тосковалъ о тебѣ. Здѣсь, между этими „писаками", нѣтъ ни одного... Понимаешь... Зато теперь мы наверстаемъ!

— Да, мы все время будемъ вмѣстѣ.

Они остановились передъ домомъ.

— Слушай, Эрикъ, она страшно заинтересована тобой. Старайся быть интереснымъ, иначе я буду смѣшонъ въ ея глазахъ. Очень интереснымъ, вѣдь тебѣ это нетрудно, сатана ты этакій!

Вошли.

Фальку казалось, что передъ нимъ разостлалась громадная, гладкая, зеркальная поверхность.

Потомъ онъ почувствовалъ, словно долженъ вспомнить что-то, что онъ уже разъ въ жизни видѣлъ или слышалъ.

— Эрикъ Фалькъ,—представилъ Микита.

Взглянула на него. Смутилась, но потомъ сердечно протянула ему руку.

— Такъ это вы?!

Фалькъ оживился.

— Да, это я. Видъ у меня совсѣмъ обыкновенный. По описаніямъ Микиты, вы, вѣроятно, ожидали встрѣтить какое-нибудь заморское чудовище?

Она улыбнулась.

Фалькъ замѣтилъ что-то въ родѣ таинственной пелены, за которой виднѣлся проблескъ этой странной улыбки.

— Я стала ревновать къ вамъ Микиту. Онъ всегда говорилъ только о васъ. Я, собственно, только изъ-за васъ и пріѣхала въ Берлинъ.

Удивительно... Опять та же пелена на глазахъ. Словно проблескъ могучаго свѣта, который только ищетъ еще дороги сквозь густую пелену тумана... Что это такое?

Сѣли.

Фалькъ взглянулъ на нее, она на него. Оба улыбнулись въ странномъ смущеніи.

— Микита разсказывалъ, что вы всегда пьете коньякъ. Я купила бутылку, но онъ уже выпилъ половину... Можно вамъ налить?

— Ради Бога, довольно!

— Простите, я не видѣла... Вы вѣдь изъ Россіи, а тамъ, говорятъ, коньякъ пьютъ стаканами.

— Вѣдь она думаетъ,—пояснялъ Микита,—что въ Россіи медвѣди бродятъ по домамъ и вылизываютъ горшки.

Всѣ засмѣялись.

Разговоръ переходилъ на всевозможныя темы. Микита говорилъ, не умолкая и жестикулируя руками.

— Видишь, Эрикъ, оба мы любимъ другъ друга до безумія.

Фалькъ замѣтилъ у Изы улыбку смущенія... Словно чувство стыда скользнуло легкимъ лучомъ по ея лицу.

— Ты не долженъ надоѣдать Фальку разсказами о такихъ скучныхъ исторіяхъ.

Едва замѣтная тѣнь недовольства скользнула по лицу Микиты.

Она украдкой погладила его руку. Лицо Микиты снова прояснилось.

Она умѣетъ ладить съ нимъ,—подумалъ Фалькъ.

Комната утопала въ странномъ, темно-красномъ свѣтѣ. Словно свѣтъ лампы пробивался черезъ слои разноцвѣтныхъ стеколъ.

Было ли это отъ освѣщенія?

Нѣтъ, это было въ углахъ рта—нѣтъ!.. Тончайшія полоски вокругъ глазъ... Снова исчезло и упало въ нѣжныя ямочки на щекахъ... Нѣтъ, что-то непостижимое...

— Ты молчишь, Эрикъ, развѣ тебѣ чего-нибудь не хватаетъ?

— Боже, какъ вы прекрасны!

Фалькъ сказалъ это нарочно, но съ такимъ оттѣнкомъ искренности, что обманулъ даже Микиту.

— Видишь, Иза, это искренній человѣкъ, правда?

...Странный человѣкъ! Это лицо...—Иза должна была все время смотрѣть на него.

— Что ты, собственно, дѣлалъ всю зиму?

Фалькъ овладѣлъ собою.

— Бездѣльничалъ съ Ильтисомъ *).

— Кто это такой?

— Это прозвище одного великаго человѣка,—объяснилъ Микита.

---

*) Iltis—хорекъ.

Иза расмѣялась.

— Странное прозвище!

Видите ли, Ильтисъ для меня лично человѣкъ очень симпатичный... Живетъ въ единеніи съ молодежью. Иногда, когда она слишкомъ много пьетъ, онъ ускользаетъ потихоньку...

— Кто онъ такой?

— Скульпторъ. Да это собственно не важно.

— Насъ онъ интересуетъ только, какъ человѣкъ. Но какъ у человѣка, у него есть idée fixe, что кто-нибудь застрѣлится подъ вліяніемъ его внушенія. Гипнозъ его излюбленный конекъ. Какъ-то разъ случилось такъ, что мы пили всю ночь. Почтенная публика, которая считаетъ насъ жрецами искусства...

— Жрецы искусства! Превосходно... храмъ музъ... Кліо... Ха-ха-ха...—Микита былъ необыкновенно веселъ.

— И вотъ—публика понятія не имѣетъ, какъ это часто случается съ жрецами искусства! Послѣ такой безсонной ночи жрецамъ захотѣлось свѣжаго воздуха. Младшихъ жрецовъ мы потеряли по дорогѣ. Только великій іерофантъ...

— Іерофантъ! Ильтисъ—іерофантъ:

Микита весь трясся отъ смѣха.

— Итакъ, іерофантъ и я идемъ вмѣстѣ. Вдругъ Ильтисъ останавливается. У стѣны стоитъ человѣкъ и смотритъ на небо.

— Человѣкъ!—говоритъ Ильтисъ съ такою дрожью въ голосѣ, которой передать невозможно.

Но человѣкъ не трогается съ мѣста.

Ильтисъ почти мечетъ искры глазами.

— Смотри, смотри! Этотъ человѣкъ загипнотизированъ,— шепчетъ онъ таинственно.

— Человѣкъ,—голосъ его становится какимъ-то могучимъ, рычитъ, какъ хриплая труба, которая разрушала стѣны

Іерихона:—Вотъ тебѣ шесть марокъ, купи револьверъ и лиши себя жизни!

Человѣкъ протигиваетъ руку.

— Полный гипнозъ, — шепчетъ Ильтисъ и торжественно кладетъ на раскрытую ладонь человѣка шесть марокъ. Въ ту же минуту человѣкъ начинаетъ сходить съ ума отъ радости.

— Теперь мнѣ нечего лишать себя жизни... Да здравствуетъ жизнь!

— Подлый трусъ!—рычитъ ему вслѣдъ Ильтисъ.

Микита и Иза отъ души расхохотались.

Фалькъ прислушивался. Въ этомъ смѣхѣ былъ какой-то звукъ,—что-то такое... Что напоминалъ ему этотъ смѣхъ?

— Да, если бы я былъ министромъ народнаго просвѣщенія, то далъ бы этому подлому трусу мѣсто профессора психологіи съ хорошимъ жалованьемъ.

— Всѣ русскіе умѣютъ такъ тонко издѣваться?

Она взглянула на него большими, сердечными глазами.

— Я не русскій. Я только родился на русской границѣ. Но благодаря близкому столкновенію съ славянами, благодаря католическому воспитанію и другимъ прелестямъ, характеру сообщается какая-то черта, которой нѣтъ у нѣмцевъ. Кромѣ того, видите ли, тамъ можно собрать много интересныхъ впечатлѣній.

Фалькъ началъ говорить о своей родинѣ съ нѣжностью, которая какъ-то странно звучала въ его насмѣшливомъ тонѣ.

— Прекрасные люди! На сто человѣкъ развѣ двое грамотныхъ, вѣдь они—поляки, а въ школѣ ихъ заставляютъ слушать сладкіе звуки чужой рѣчи.

Да, во что бы то ни стало, ихъ хотятъ воспитать достойными нѣмецкими гражданами, а все, что достойно уваженія,

должно говорить на нѣмецкомъ языкѣ! Съ истинно прусской энергіей они вбиваютъ дѣтямъ въ головы сладкую нѣмецкую рѣчь,—ну, да и успѣхи поразительны!

— Дѣти встрѣчаютъ даже другъ друга нѣмецкимъ привѣтствіемъ, которое должно звучать собственно: Gelobt sei Jesus Christus! Но мягкій польскій языкъ содрагается передъ такимъ варварскимъ сочтаніемъ звуковъ, какъ Gelobt...

Было что-то такое въ его голосѣ, что ее странно приковывало. Онъ могъ говорить о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, но говорилъ съ такими оттѣнками, удареніями... Микита говоритъ слишкомъ громко.

— Помнишь, Эрикъ, какъ мы были еще въ гимназіи... Одинъ изъ учителей былъ ужасно похожъ на Ильтиса?

Фалькъ слушалъ разсѣянно. Пока Микита говорилъ, онъ каждую минуту посматривалъ на Изу. И каждый разъ, какъ глаза ихъ встрѣчались, они оба улыбались.

Этого чувства онъ еще никогда не испытывалъ.

Ему казалось, что что-то напрягается въ немъ, собирается со всѣхъ сторонъ,—чувствовалъ теплоту и силу, которая приливала къ его мозгу.

У него дѣйствительно было желаніе быть интереснымъ. Да, конечно. Въ немъ было что-то похожее на намѣреніе... да, намѣреніе обратить на себя вниманіе этой женщины, привлечь ее...

...Что это за женщина?

Снова взглянулъ на нее, она не слушала словъ Микиты,— вокругъ глазъ то же странное сіяніе.

Словно всѣ линіи сливались за пеленой.

У него все время было желаніе снять что-то съ ея лица и глазъ.

Микита оборвалъ свой разсказъ посерединѣ.

Взглянулъ мимолетно на Изу. Глаза ея были устремлены на Фалька.

Любопытство?.. Да?.. А, можетъ быть, и нѣтъ...

Фалькъ замѣтилъ безпокойство Микиты и вдругъ громко разсмѣялся:

— Да, это было удивительно. Этотъ старый Френкель,— настоящій двойникъ Ильтиса. Помнишь еще, Микита,—тогда, въ воскресеніе... Мы спали... Я видѣлъ во снѣ Гризера, химика, который тогда казался мнѣ титаномъ духа. Онъ обманулъ насъ обоихъ... Вдругъ просыпаюсь. Кто-то стучитъ въ дверь.

— Отворите!

Я, спросонья, думалъ о Гризерѣ. Но это голосъ не Гризера.

— Кто тамъ?

— Френкель.

Не слушаю и думаю только о Гризерѣ.

— Но вѣдь вы не Гризеръ?

— Я Френкель. Отворите.

— Да не дурачьтесь! Вы не Гризеръ.

Слышу, что это голосъ не Гризера, несмотря на это отворяю, но я еще такъ заспался, что не могу его узнать.

— Вѣдь вы не Гризеръ?

Вдругъ прихожу въ себя и отступаю въ ужасѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Френкель! Боже! А на столѣ лежитъ книжка Штрауса „Жизнь Христа“...

Всѣ эти воспоминанія согрѣли Микиту.

Фалькъ чувствовалъ, что ему надо теперь уйти, но оторваться отъ Изы было невозможно, физически невозможно.

— Слушай, Микита... Можетъ быть... поѣдемъ въ ресторанъ „Зеленаго Соловья“?.. Это займетъ твою невѣсту.

Микита колебался, но Иза тотчасъ согласилась.

— Да, да, мнѣ очень хочется увидѣть этотъ знаменитый ресторанъ.

Одѣлись.

Denкъ шелъ впереди.

Иза должна была погасить лампу.

Она осталась на минуту съ Микитой.

— Развѣ онъ не чудный человѣкъ?

— О, замѣчательный! Но полюбить его я бы не могла.

Она вдругъ его поцѣловала.

Внизу всѣ втроемъ сѣли на извозчика.

Была свѣтлая мартовская ночь.

Они проѣхали уже Звѣринецъ, но все время молчали.

Въ экипажѣ было очень тѣсно. Фалькъ сидѣлъ противъ Изы.

Этого чувства онъ никогда не испытывалъ. Ему казалось, что жаръ все время льется ему въ глаза, что тѣло поглощаетъ ея... ея теплоту... Словно отъ нея исходили какіе-то лучи, отъ которыхъ таяли всѣ другія чувства и сливались въ одно—въ желаніе... томленіе...

Дыханіе его стало короткимъ и горячимъ.

Что это было?

Да нѣтъ!

Вдругъ ихъ руки встрѣтились.

Фалькъ забылъ о присутствіи Микиты. На минуту онъ пересталъ владѣть собой.

Поднялъ къ губамъ ея руку и цѣловалъ ее съ такою страстью, съ такою страстью...

Она позволяла...

III.

Появленіе Изы въ „Зеленомъ Соловьѣ“ произвело громадное впечатлѣніе. Фалькъ замѣтилъ, какъ у стараго Ильтиса щурились глаза и кривилось лицо непріятной усмѣшкой. Его богатая, сексуальная фантазія, конечно, сейчасъ же начала усиленно работать. Въ этомъ онъ былъ неподражаемъ.

Ильтисъ тотчасъ подбѣжалъ къ Микитѣ.—Боже, вѣдь они всегда были добрыми друзьями!

Фалькъ небрежно кивнулъ ему головой и сѣлъ съ Изой въ сторонѣ.

И снова видѣлъ въ ея глазахъ горячій, мглистый блескъ.

Ему казалось, что онъ теряетъ сознаніе. Съ трудомъ владѣлъ собою.

Странно,—онъ долженъ былъ сначала откашляться,—его голосъ какъ-то странно охрипъ.

— Я васъ познакомлю немного съ этой компаніей.

Снова откашлялся.

— Вотъ этотъ господинъ, толстякъ съ тонкими ногами,— къ несчастію, вы ихъ теперь не увидите, а ихъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ посмотрѣть,—да, тотъ, который теперь смотритъ на васъ такимъ таинственнымъ, пристальнымъ взглядомъ, словно чутьемъ хочетъ угадать въ васъ таинственную соціальную загадку,—это анархистъ. Кромѣ того онъ пи-

шетъ стихи, великолѣпные стихи: Мы - инфантерія... Нѣтъ, серьезно, мы красные гусары человѣчества. Красные гусары!.. Истинно прусская фантазія!

920Фалькъ хрипло засмѣялся.

Да, онъ анархистъ и индивидуалистъ. Впрочемъ, всѣ тѣ, которые сидятъ здѣсь,—индивидуалисты съ специфическимъ грубымъ нѣмецкимъ эгоизмомъ.

Что-то зазвенѣло на полу.

Всѣ оглянулись.

Фалькъ улыбнулся.

— Видите ли, это тоже интересный молодой человѣкъ. Онъ филисофъ и вѣритъ въ волевой центръ, который находится во всемірномъ пространствѣ,—люди, по его теоріи, только проявленіе этой воли. Вся его энергія сосредоточивается въ оконечностяхъ пальцевъ, а потому, чтобы предотвратить ея сгущеніе, онъ освобождается отъ нея, швыряя на полъ стаканы.

Молодой человѣкъ съ курчавой головой торжествующими глазами оглянулся по сторонамъ. Но его поступокъ не произвелъ особенно большого впечатлѣнія, а потому онъ приказалъ подать себѣ второй стаканъ.

Ильтисъ успокаивалъ его.

— Да ну, дитя мое...

— А тотъ, тамъ... съ лѣвой стороны... Развѣ его лицо не похоже на гнилое яблоко?

Къ нимъ подошелъ Микита.

— Надо будетъ сѣсть тамъ, за столомъ, иначе они подумаютъ, что мы ихъ чуждаемся.

Теперь всѣхъ по очереди представили Изѣ.

Фалькъ сидѣлъ съ ней рядомъ. Съ правой стороны отъ него сидѣлъ человѣкъ, котораго друзья Фалька называли „Сосунъ“.

Сосунъ былъ изысканно любезенъ.

Но вдругъ онъ опротивѣлъ Фальку. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ его ненавидитъ.

— Читали вы этотъ новый сборникъ стиховъ?—Сосунъ произнесъ имя, которое только что появилось и было „en vogue“.

— Да, просмотрѣлъ.

Фалькъ чувствовалъ, что Иза прислушивается къ его словамъ. Ощущалъ какую-то внутреннюю дрожь.

— Ну и что? Удивительная вещь?

— Нисколько. Напротивъ, я думаю, что книжка совсѣмъ глупая.

Фалькъ старался быть спокойнымъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ глупая. Зачѣмъ писать такіе стишки безъ всякаго содержанія? Чтобы воспѣвать весну? Ее уже слишкомъ много воспѣвали. Слѣдовало бы даже стыдиться произносить слово „весна“...

Микита съ недоумѣніемъ взглянулъ на Фалька. Фалькъ никогда не имѣлъ обыкновенія говорить въ этихъ кружкахъ.

— Вся эта живопись настроеній, все это такъ плоско, такъ незначительно... Такія настроенія переживаетъ каждый деревенскій парень, каждая дѣвка, когда въ ея организмѣ зимняя сонливость уступаетъ мѣсто усиленному обмѣну веществъ... Будь это настроенія, которыя приподнимаютъ хоть край завѣсы съ тайнъ и загадокъ, переполняющихъ душу человѣка... Будь это настроенія, которыя, по крайней мѣрѣ, знакомятъ хоть немного съ собственно-душевной жизнью... Да, съ этими таинственными свойствами души... А всѣ эти впечатлѣнія, которыхъ стоящій чуть-чуть повыше человѣкъ со всѣмъ и не чувствуетъ, такъ какъ его чувство содрогается передъ этимъ весеннимъ пробужденіемъ похоти...

Талькъ остановился и смутился. Ему казалось, что онъ на каѳедрѣ, а вокругъ него тысячи слушателей. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда терялъ самообладаніе и говорилъ чепуху. Сосунъ хотѣлъ перебить его, но Фалькъ долженъ былъ докончить.

— Видите ли, всѣ эти чувства имѣютъ значеніе для молодежи и подростковъ, потому что они, если можно такъ выразиться,—субстратъ полового подбора...

— Но, дорогой Фалькъ!—Сосунъ воспользовался минутной паузой, во время которой Фалькъ старался собрать мысли,—вы забываете совершенно о талантливости художника. Только талантливость обусловливаетъ цѣнность произведеній искусства. Стихи закончены въ художественномъ отношеніи, ритмъ хорошій, свободный...

— И представляютъ изъ себя одну труху,—перебилъ его Фалькъ.

— За твое здоровье!—Ильтисъ дружески чокнулся съ Фалькомъ. Съ Фалькомъ происходило что-то неладное. Онъ никогда не видѣлъ его еще такимъ вспыльчивымъ и раздраженнымъ.

Фалькъ былъ въ возбужденномъ состояніи.

— Нѣтъ, мой дорогой. Не форма, не ритмъ имѣютъ рѣшающее значеніе въ произведеніяхъ искусства. Это имѣло значеніе тогда, когда человѣкъ только создавалъ художественныя формы, да, онъ долженъ былъ творить въ силу какого-то внутренняго влеченія, вызваннаго тысячью причинъ. Тогда ритмъ, какъ таковой, имѣлъ значеніе: въ немъ проявлялась ритмическая дѣятельность разныхъ мускуловъ... Въ тѣ времена, когда ритмъ только зарождался, онъ былъ откровеніемъ,—геніальной вещью. А теперь онъ имѣетъ только атавистическое значеніе, теперь онъ—только пустая, мертвая форма.

Впрочемъ, для такихъ стиховъ и не нужно ничего, кромѣ унаслѣдованнаго чувства формы... Я не думаю отрицать, что ритмъ имѣетъ огромное значеніе въ области создаванія цѣльности художественнаго эффекта, но вѣдь, кромѣ формы, въ поэтическомъ произведеніи должно быть и еще коечто...

Ильтисъ снова чокнулся съ Фалькомъ. Это начинало надоѣдать ему.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не истасканная тема весны, любви, женщины... Нѣтъ, долой этихъ смѣшныхъ лириковъ...

Фалькъ все больше горячился.

Иза не слышала словъ его рѣчи. Видѣла только человѣка съ тонкими чертами худого лица, съ горящими страстью, глубокими глазами.

— Чего я хочу? Чего я хочу? Хочу жизни и ея страшныхъ глубинъ, ея бездонныхъ пропастей... Искусство для меня--глубочайшій инстинктъ жизни, священная дорога къ будущему жизни, къ вѣчному въ жизни, и потому я требую великихъ, плодотворныхъ мыслей, которыя подготовятъ новый половой подборъ, создадутъ новый міръ, новыя понятія о мірѣ...

— Искусство для меня не кончается ритмической пѣвучестью, оно для меня—воля, которая призываетъ къ жизни новые міры, новыхъ людей изъ небытія...

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ нужно великое, богатое идеями искусство, въ противномъ случаѣ оно вообще не нужно и не имѣетъ никакого смысла.

Фалькъ вдругъ пришелъ въ себя. Что онъ городитъ? Развѣ онъ хочетъ провозгласить міру какую-нибудь программу? Но въ то же время онъ всматривался въ Изу, стараясь разгадать, какое впечатлѣніе произвела на нее его болтовня.

Вѣдь это ужъ слишкомъ по-дѣтски.

— Тотъ родъ искусства, который вы хвалите, можетъ имѣть значеніе для звѣрей... Вамъ извѣстно, напримѣръ, что птицы подманиваютъ къ себѣ самокъ ритмомъ и пѣвучестью... Наши поэты не умѣютъ этого,—нѣтъ, безусловно нѣтъ. Они не производятъ никакого впечатлѣнія даже на подростковъ...

Ильтисъ ехидно улыбнулся и заморгалъ глазами.

Фалькъ подошелъ къ нему. Онъ былъ недоволенъ собою, но чувствовалъ взглядъ Изы и впился въ нее своими глазами, глубоко... въ самое сердце... Это было даже слишкомъ лирично... Онъ опять загорячился... Сосунъ началъ раздражаться.

— Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, интересно знать, что вы называете искусствомъ?

— Вы видѣли Ропса? Да? Такъ, видите ли, это искусство! Можно ли вообще сказать что-нибудь большее о жизни?..

— Понятно.

— Да,—понятно,—если кто-нибудь судитъ поверхностно... Понятно,—если кто-нибудь все находитъ понятнымъ... Да, понятно—Штраусу, Фогту, Бюхнеру и... и... Но всѣ эти глубины, эти ужасныя бездны, эта страшная борьба половъ, вѣчная ненависть половъ... Развѣ это тоже понятно? Развѣ это—не таинственная мистерія? Развѣ это не является факторомъ, который вѣчно рождаетъ, создаетъ жизнь и уничтожаетъ ее? Развѣ не этотъ факторъ обусловливаетъ мотивы нашихъ поступковъ, хотя они кажутся сознательно мыслящему человѣку такими невинными и незначительными?

Фалькъ путался, искалъ, подбиралъ слова, чувствовалъ, что не можетъ ихъ найти, а потомъ заговорилъ снова, все больше волнуясь.

— Вотъ что намъ нужно: мозгъ, для котораго нѣтъ ничего понятнаго,—мозгъ, который не знаетъ ничего понятнаго

и въ которомъ развязался узелъ,—священный узелъ всѣхъ воспріятій, гдѣ линія становится звукомъ, великое событіе—жестомъ, тысячи людей сливаются въ одно, гдѣ есть непрерывная цѣпь отъ звука къ слову и цвѣту безъ существующихъ теперь границъ...

Фалькъ снова пришелъ въ себя и тихо улыбнулся...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу знать ни вашей смѣшной логики, ни вашего сознанія, ни вашихъ атавистическихъ полумѣръ полового подбора...

Иза все время смотрѣла на него. Не слышала того, что онъ говорилъ, видѣла только его густые волосы, какъ они упали къ нему на лобъ, видѣла глубокіе, широко открытые глаза... Она никогда не ожидала, чтобы онъ могъ быть такимъ красивымъ, такимъ демонически-красивымъ...

— Господинъ Фалькъ, кажется, ученикъ теософовъ?

Анархистъ поднялъ вдругъ голову и произнесъ это серьезно, растягивая слова.

Фалькъ улыбнулся.

— Нѣтъ, милостивый государь, нисколько. Но послушайте... Хоть вы и великій поэтъ, прославленный повсюду, гдѣ только знаютъ нѣмецкій языкъ...

Кто-то громко и злорадно расхохотался, повидимому, нарочно.

Анархистъ взглянулъ на него съ бѣшенствомъ, покраснѣлъ и крикнулъ Фальку:

— Пожалуйста, безъ насмѣшекъ!

Фалькъ сталъ серьезнымъ.

— Простите, я говорилъ совсѣмъ серьезно. Но, увы, сдѣлалъ промахъ. То, что я сказалъ, было, положимъ, любезностью, такъ какъ я васъ великимъ не считаю, но слышу это вездѣ вокругъ...

Анархистъ кипѣлъ; онъ видѣлъ глаза [illegible], которые смотрѣли на него съ нескрываемой ироніей.

— Милостивый государь, вы заходите слишкомъ далеко!

— Нисколько. Вы видите въ томъ, что я говорю, дурныя намѣренія, которыхъ у меня нѣтъ. Впрочемъ, вы создали и для меня... картину такого...—я назвалъ бы это величіемъ антитезы... Я имѣю въ виду красныхъ гусаръ человѣчества...

Снова раздался хохотъ того же господина, но на этотъ разъ до того громкій, что Фальку стало непріятно.

— Но докончимъ... Если вы творите,—не правда ли, вѣдь это необыкновенная минута, мистическая, я даже скажу,—теософическая, такъ какъ вы все сверхъестественное относите къ теософіи... Вы, вѣроятно, слышали о факирахъ, которые искусственнымъ путемъ впадаютъ въ сомнамбулическій экстазъ, а потомъ цѣлые мѣсяцы лежатъ заживо похороненными? Я самъ видѣлъ въ Марселѣ факира, который въ состояніи такого экстаза наносилъ себѣ раны, а крови не было и слѣда. Итакъ, если вы творите, то это то же состояніе сомнамбулическаго экстаза, съ той только разницей, что его нельзя искусственно вызвать. Въ одно мгновеніе вся жизненная сила сосредоточивается на чемъ-нибудь одномъ. Вы ничего не видите, ничего не слышите, работаете безсознательно, вамъ не надо задумываться, все совершается какъ во снѣ... А теперь скажите, развѣ это состояніе не мистическое? Развѣ вы можете объяснить это логическимъ путемъ? Можете ли вы объяснить кому-нибудь, почему вы, а не кто-нибудь другой—извѣстный поэтъ?..

Всѣ молчали въ замѣшательствѣ. Фалькъ зашелъ уже слишкомъ далеко.

Анархистъ всталъ и вышелъ.

Ильтисъ ничего не понималъ. Нѣтъ, нѣтъ, его мозгъ слишкомъ великъ, чтобы понять такіе метафизическіе пустя-

ки, но онъ понималъ, что Фалькъ побѣдилъ противника, и дружелюбно чокнулся съ нимъ.

— Вашу руку!

Молодой человѣкъ, который передъ этимъ бросалъ стаканы на землю, всталъ, патетически подбоченился одной рукой, а другую подалъ Фальку.

Фалькъ съ улыбкой протянулъ ему свою руку.

Иза молчала. Она чувствовала себя такой счастливой. Такого счастья она не испытывала уже давно, очень давно.

Фалькъ былъ чудный человѣкъ. Безусловно, встрѣча съ нимъ была самою прекраснѣйшею случайностью въ ея жизни, но только случайностью...

Вдругъ она встревожилась.

— Ты такъ молчалива!—Микита подошелъ къ ней.

— Я счастлива.—Она слегка пожала его руку.

— Ты не устала?

— Нѣтъ, нисколько.

— Но мы пойдемъ уже, правда?

Какая-то сила приковывала ее къ мѣсту. Чего бы она ни дала, лишь бы остаться! Но въ его глазахъ она прочла нѣмую просьбу.

— Да, пойдемъ!

Голосъ ея звучалъ чуждо, почти отталкивающе.

Встала.

— Вы идете уже? Останьтесь съ нами еще минутку.— Фалькъ умолялъ, онъ готовъ былъ задержать ее силой.

Но Микита безусловно не могъ остаться дольше; онъ долженъ проводить домой Изу.

— Такъ помни, Микита...

— Ахъ, правда!—Микита совсѣмъ забылъ, что Ильтисъ пригласилъ его на вечеринку.

— Да, онъ придетъ навѣрное. Захочетъ ли Иза итти съ нимъ, онъ не знаетъ...

Иза съ радостью приняла приглашеніе.

— А ты, Фалькъ? Тоже придешь, конечно?

Ильтисъ ударилъ Фалька дружески по плечу.

— Обязательно.

Иза повернулась вдругъ къ Фальку и еще разъ подала ему руку.

— Вы скоро навѣстите меня?

Фальку казалось, что пелена спала съ ея глазъ, зной брызнулъ и залилъ горячею волною вѣки.

— Ваша комната—для меня отчизна.

Микиту охватило безпокойство; онъ страшно сильно пожалъ руку Фалька и вышелъ съ Изой.

— Спѣшатъ!—Ильтисъ лукаво подмигнулъ.

Фалькъ почувствовалъ вдругъ странную раздражительность. Онъ съ трудомъ могъ удержать слово, которое навѣрное не польстило бы Ильтису.

Сѣлъ снова и оглянулся по сторонамъ.

Все вокругъ казалось ему такимъ безконечно глупымъ и скучнымъ, онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ.

И въ то же время былъ недоволенъ собой. Чувствовалъ, что въ продолженіе всей этой болтовни онъ былъ безконечно смѣшонъ, дѣтски смѣшонъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ произвести впечатлѣніе на Изу. Безусловно... А все, что онъ сказалъ, казалось ему глупымъ... Столько громкихъ и пустыхъ словъ... Такое отвратительное переливаніе изъ пустого въ порожнее. При иныхъ условіяхъ онъ, конечно, сумѣлъ бы это сказать гораздо лучше. Но что жъ дѣлать?..

Онъ дрожалъ, путался, не понималъ, что съ нимъ происходило, когда говорилъ.

Его охватило почти бѣшенство.

Этотъ дуракъ, Сосунъ... Какъ онъ противно тянулъ пиво изъ стакана... Противно... Все ему вдругъ опротивѣло въ этомъ знаменитомъ „Соловьѣ“.

Все.

— Нѣтъ! Зачѣмъ сидѣть еще здѣсь? Ему захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Чувствовалъ потребность пойти куда-нибудь подальше, бродить безъ конца, по всѣмъ улицамъ... Во многомъ онъ долженъ разобраться. Тутъ скрывается какая-то загадка, которую онъ долженъ рѣшить,— что-то... что-то новое, чуждое.

Расплатился и вышелъ.

IV.

Когда Фалькъ вышелъ на улицу, въ немъ проснулось сильное безпокойство.

Онъ пошелъ быстро впередъ. Быть можетъ физическая усталость доставитъ ему облегченіе...

И ему казалось, что что-то гонитъ его все скорѣй и скорѣй впередъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ пустился бѣжать.

Но ему стало еще хуже.

Чувствовалъ, какъ волна безпокойства, кружась, все больше и больше проникаетъ въ его тѣло. Чувствовалъ, какъ что-то кружится въ немъ все быстрѣе и съ возрастающей силой заливаетъ каждую пору, каждый нервъ... Что это такое?

Онъ вздрогнулъ.

Опять?.. Опасность?!

Остановился.

Въ немъ несомнѣнно есть какой-то животный инстинктъ. Какая-то чуждая душа въ немъ чуяла опасность.

Вдругъ онъ почувствовалъ какое-то, неизвѣстное ему еще, животное влеченіе.

Бѣжать, бѣжать!—кричало что-то внутри.

Онъ вдругъ вспомнилъ себя четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Гдѣ-то высоко, на четвертомъ этажѣ... Два окна

выходили на дворъ. Внизу вѣчный стукъ... Бондари сбивали обручами бочки.

Онъ долженъ былъ выучить наизусть отрывокъ изъ Овидія, иначе его ожидало строгое наказаніе.

И онъ сидѣлъ и училъ. Училъ такъ, что горячія слезы, какъ горохъ, катились по его щекамъ.

Но мозгъ его какъ-то странно отупѣлъ. Чуть онъ выучитъ одинъ стихъ, какъ забудетъ всѣ предыдущіе.

А на лугу, за стѣной крѣпости, играли его товарищи... И Гансъ, конечно, былъ съ ними... Гансъ, котораго онъ такъ любилъ.

День клонился къ вечеру. Онъ упалъ на колѣни; его охватилъ безконечный ужасъ; онъ молилъ святого духа о благодати просвѣтлѣнія.

Но не могъ ничего, ничего запомнить...

У него въ глазахъ темнѣло отъ страха. Онъ долженъ выучить. Долженъ... Билъ себя кулаками по головѣ, тысячу разъ повторялъ каждое слово, но ничего не выходило.

Не было спасенія. И тогда вдругъ его осѣнила неожиданная, спасительная мысль.

— Бѣжать далеко, далеко,—къ матери...

Онъ бѣжалъ среди ночи, бѣжалъ, задыхался, падалъ. Каждый шелестъ обезсиливалъ его, каждый огонекъ воспламенялъ цѣлое море свѣта передъ его глазами, потомъ онъ срывался снова и бѣжалъ дальше, безъ отдыха, пока не свалился наконецъ въ лѣсу, безъ силъ, безъ памяти...

И теперь онъ слышалъ снова этотъ сильный, повелительный голосъ:—Бѣги! Бѣги!

Онъ задумался и улыбнулся.

Звѣрь проснулся. Развѣ человѣкъ, одаренный разумомъ, не располагаетъ другими оборонительными средствами, кромѣ трусливаго бѣгства? И зачѣмъ ему, собственно, бѣжать?

И вдругъ желаніе начало безумствовать въ немъ, — какъ облака тумановъ, оно заволокло его мозгъ и придавило всѣ мысли. Онъ чувствовалъ ея руку на своихъ губахъ. Чувствовалъ, какъ теплота ея тѣла разжигала его кровь, чувствовалъ, какъ звукъ ея голоса плылъ ласкающей волной по его нервамъ.

Онъ вдругъ пустился впередъ.

— Нѣтъ!—крикнулъ онъ громко.

...Микита! Какъ онъ ее любитъ!.. Онъ вспомнилъ Микиту... какъ тотъ съ дрожащимъ безпокойствомъ слѣдилъ за ними все время.

Развѣ онъ не увѣренъ въ ея любви?

И вдругъ:

Она... Можетъ ли она любить Микиту? Нѣтъ, это смѣшно! Я думаю только о томъ, можетъ ли подобное существо... нѣтъ, нѣтъ... о томъ, можетъ ли эта женщина спокойно смотрѣть на смѣшныя движенія Микиты... Гм... Микита былъ вѣдь сегодня немного смѣшонъ съ этимъ запинаніемъ и...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—Фальку стало стыдно. — Микиту надо любить. Каждый, кто его узнаетъ, долженъ его полюбить. Да, да, безъ сомнѣнія... Она любитъ его, должна его любить.

А можетъ быть, только его искусство?..

Въ самомъ дѣлѣ? Или это только ему кажется? Развѣ онъ не видѣлъ, какое недовольство скользнуло по ея лицу, когда Микита говорилъ о счастьи ихъ любви? Развѣ она не хотѣла тогда загладить это, приласкавъ безъ всякаго повода его руку.

Его вдругъ охватило бѣшенство. Развѣ онъ не поймалъ себя теперь на томъ, что любовь Микиты доставляла ему непріятное чувство? Развѣ въ немъ нѣтъ желанья, чтобы его предположенія оправдались? Нѣтъ, это отвратительно, это подло...

Отвратительно? Отчего же отвратительно? Ха - ха - ха... Какъ будто бы онъ виноватъ въ томъ, что въ его душѣ проснулись глупые, животные инстинкты!

Онъ пошелъ между двумя рядами деревьевъ. Это поразило его. Такихъ великолѣпныхъ деревьевъ онъ никогда еще не видалъ. Смотрѣлъ на нихъ пристально. Могучіе суки были словно спицы въ колесѣ,—причудливо развѣтвлялись и переплетались, какъ сѣть... Онъ видѣлъ, какъ вѣтви выдѣлялись на фонѣ неба: громадную сѣть жилъ, которыя опутали небо, это святое чрево магическаго свѣта и благодати.

Какъ это было красиво! И мартовскій вѣтеръ такой теплый...

Онъ долженъ забыть о ней, забыть!

И снова всѣ его мысли и планы заглушилъ этотъ крикъ:

— Бѣги! Бѣги!

Онъ снова почувствовалъ ея узкую, горячую руку на своихъ губахъ.

Она позволила ему... Видѣлъ ея улыбку,—улыбку, словно изъ-за пелены тумана, жаръ и блескъ вокругъ глазъ...

И съ безконечнымъ наслажденіемъ ощущалъ дрожащую теплоту въ своемъ тѣлѣ... Глаза его горѣли. Ему было такъ жарко и такъ тоскливо.

Онъ хотѣлъ бы имѣть теперь какого-нибудь человѣка, котораго могъ бы приласкать.

— Янина!

Какъ молнія, сверкнула въ его мозгу эта мысль.

Она вѣдь такъ добра къ нему!.. Такъ страшно его любитъ... Вѣдь и онъ ее такъ сильно любилъ... Можетъ быть, даже больше, чѣмъ онъ самъ въ этомъ сознается.

Ея любовь показалась ему вдругъ такой прекрасной. Она отдала ему все, не думала ни о чемъ, не хотѣла знать ничего, принадлежала ему и только ему.

Странно, что онъ очутился недалеко отъ ея дома. Что привело его сюда?

Да, еще только одна улица.

Ночной сторожъ открылъ ему ворота. Онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ и тихо постучалъ въ ея дверь.

— Эрикъ, ты?

Она дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Тише... это, я... Такъ захотѣлось къ тебѣ...—Онъ проскользнулъ въ ея комнату.

Она страстно повисла у него на шеѣ.

Съ какимъ блаженствомъ онъ чувствовалъ теперь эту страсть!

— Мнѣ такъ захотѣлось къ тебѣ...

И онъ покрывалъ ее поцѣлуями, ласкалъ, говорилъ ей, а она теряла сознаніе отъ избытка счастья.

— Какое счастье!.. Какое счастье!.. — шептала она все время.

Онъ прижималъ ее все сильнѣй и сильнѣй, а въ сознаніи все время мелькало:—Микита! Микита!

Да, теперь я забылъ, забылъ обо всемъ... ради Микиты...

Да, Янина, я съ тобой, и останусь съ тобой, останусь...

V.

Онъ не долженъ никогда больше видѣть ея.

Это была единственная мысль, къ сознанію которой онъ пришелъ въ теченіе всей этой безсонной ночи.

Въ немъ проснулось безпокойство, мучительное безпокойство.

Чѣмъ это кончится? Какъ онъ подавитъ въ себѣ эту страшную страсть? Въ теченіе какого-нибудь часа эта женщина пустила въ него глубокіе корни, которые огромною сѣтью опутали всю его душу. Онъ почувствовалъ, что распадается на двухъ людей, и въ то время какъ одинъ изъ нихъ пробуетъ ясно и трезво направлять волю, второй бросаетъ въ его мозгъ мысли, которыя разбиваютъ всѣ его рѣшенія, заглушаютъ голосъ долга и совѣсти. И все глубже впивались въ него тоска и страсть, такъ что онъ безпомощно корчился отъ боли и тоски и не могъ найти спокойствія.

И что же, собственно, случилось?

Ohé, les psychologues! Объясните мнѣ теперь, что происходитъ у меня въ душѣ, вѣдь у васъ такая масса психологическихъ законовъ и формулъ. Будьте добры, объясните!

Онъ вдругъ вскочилъ.

Но что же сдѣлалось съ Микитой?

Развѣ онъ предчувствуетъ приближеніе чего-то? Но вѣдь ничего еще не случилось! Отчего онъ сегодня былъ такимъ неразговорчивымъ?

Онъ долженъ безумно любить ее. Страданіе дрожало у него на губахъ.

Да, Микита чувствуетъ на тысячеверстномъ разстояніи... Микита видитъ, какъ трава растетъ... Тотъ тонъ, которымъ онъ просилъ его проводить Изу къ Ильтису!..—У него самаго такъ много работы, а Иза такъ рада этому вечеру...

Отчего же онъ самъ не пойдетъ съ нею?

Онъ придетъ, можетъ быть, позднѣе... Но развѣ онъ не можетъ отложить своей работы до слѣдующаго дня?

Фалькъ всталъ.

Нѣтъ! Онъ не пойдетъ съ нею. Не хочетъ больше видѣть ея. Теперь, быть можетъ, онъ еще будетъ въ силахъ забыть о ней. Теперь она могла бы еще стать прекраснымъ воспоминаніемъ его жизни,—воспоминаніемъ, которымъ онъ могъ бы современемъ воспользоваться, какъ литературной темой.

Литературной темой! Фалькъ язвительно разсмѣялся.

Онъ останется дома и отдастся литературѣ.

Вдругъ онъ почувствовалъ бѣшеное отвращеніе.

Это глупое, безсмысленное писаніе!.. Отчего онъ не настолько аристократъ, чтобы не проституировать самыми личными, самыми тонкими и самыми стыдливыми своими впечатлѣніями?...

Зачѣмъ онъ бросаетъ все это на потѣху толпѣ?

Отвратительно!

Нѣтъ, надо обдумать! Да... Ужъ рѣшилъ... Останется дома...

Онъ былъ доволенъ этимъ непоколебимымъ рѣшеніемъ. Сѣлъ за письменный столъ и началъ читать.

Прочелъ страницу и ничего не понялъ.

Потомъ уставился глазами въ потолокъ.

Вдругъ онъ безсознательно вспомнилъ одного мужика изъ повѣсти Гоголя, которому доставляло удовольствіе механическое чтеніе, хотя онъ не понималъ ни слова.

Собрался съ мыслями и началъ читать дальше.

Какъ очаровательны ея движенія!

Это уже были не движенія, а слова, самое полное выраженіе его высшаго идеала красоты,—а рука, ея рука...

Задрожалъ.

Если бъ только можно было забыть объ этомъ!

Онъ долженъ написать Микитѣ, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не будетъ въ состояніи сопровождать Изу.

Сѣлъ и написалъ записку.

Какъ хорошо было бы послать кого-нибудь съ запиской. Приходится самому бѣжать на почту!

Вышелъ на улицу! Что-то толкало его итти къ ней, еще разъ увидѣть ее, упиться воздухомъ, которымъ она дышетъ, еще разъ испытать очарованье, которымъ было полно все вокругъ нея.

Но нѣтъ,—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Вѣдь онъ сумѣетъ побороть себя?!

Да, побороть! И такъ побороть, какъ одинъ изъ его друзей, у котораго была одна только страсть: увидѣть Римъ. Онъ отправился туда, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города рѣшилъ, что человѣкъ долженъ умѣть бороться съ собой, и вернулся... Да, но, вернувшись на родину, онъ сошелъ съ ума.

Да, вотъ результаты этой глупой, смѣшной борьбы! Къ чему бороться съ собой?..

Онъ вспомнилъ слова Гейне... Какъ это? „Прекрасными были мои побѣды надъ собой, но еще прекраснѣе были мои пораженія“... Что-то въ этомъ родѣ.

Его кольнула скрытая, циничная мысль.

Какъ будто онъ оскверняетъ Изу!

Но отчего же? Какое отношеніе Иза могла имѣть къ этой мысли?

Онъ шелъ и думалъ о тѣхъ таинственныхъ ассоціаціяхъ, которыя происходятъ гдѣ-то въ тайникахъ души, а потомъ вдругъ безъ всякой связи появляются въ мозгу.

Да, на видъ безъ связи... Коварная, невѣдомая сила прекрасно знаетъ, что соединяетъ и связываетъ.

Размышленіе объ этой странной загадкѣ доставляло ему удовольствіе.

Дѣлалъ онъ это, конечно, для того, чтобы другая назойливая и непріятная мысль не могла прорваться въ сознаніе.

Но мысль о Микитѣ все-таки прорвалась.

А онъ не хотѣлъ о немъ думать.

Ему казалось, что всякій разъ онъ чувствуетъ, какъ у него судорожно сжимается сердце. Вся кровь приливала иногда... Это причиняло ему боль.

Отчего у одного Микиты могло быть исключительное право на какого-нибудь человѣка, что-то въ родѣ монополіи?

Ему вдругъ стало стыдно, но въ то же время онъ почувствовалъ что-то непріятное—да, это дѣйствительно чувство ненависти—нѣтъ... непріязни...

Онъ не долженъ итти къ ней ради Микиты! Ради Микиты?! Онъ злобно разсмѣялся. Эрикъ Фалькъ считаетъ себя непобѣдимымъ. При помощи извѣстной, установленной самой природою гармоніи онъ долженъ каждому мужчинѣ наставить рога,—каждая чужая невѣста должна въ него влюбиться съ непобѣдимою силой!

Вѣдь это страшно смѣшно!

Если бы онъ еще сказалъ себѣ: слушай, не ходи туда, ты влюбишься, а надѣяться на взаимность не можешь, потому что она вѣдь...

Пріостановился.

Онъ былъ такъ увѣренъ, что она ближе ему, чѣмъ Микитѣ, онъ чувствовалъ это такъ ясно, да и Микита, вѣроятно, чувствовалъ, что Иза...

Нѣтъ, нѣтъ!

Одно лишь могъ онъ сдѣлать съ чистой совѣстью: быть хоть поблизости нея, хоть черезъ улицу,—въ ресторанѣ, тамъ онъ сядетъ и напьется пьянымъ, чтобы попросту не быть въ состояніи пойти къ ней... Да! Онъ напьется!

Передъ домомъ, гдѣ жила Иза, онъ остановился.

Теперь уже слишкомъ поздно! Теперь онъ не можетъ во время дать знать Микитѣ.

Что же ему дѣлать?

Боже мой, въ концѣ концовъ приходится итти къ ней.

Сердце въ немъ страшно билось, когда онъ поднимался по лѣстницѣ.

Позвонилъ.

Страшно перепугался; ему казалось, что звонокъ переполошилъ всѣхъ въ домѣ.

Бѣги, бѣги!—кричитъ что-то въ его душѣ.

Дверь отворилась. Иза стояла въ коридорѣ.

Онъ замѣтилъ, какъ въ ея глазахъ блеснула и разлилась по всему лицу радость.

Она сердечно пожала его руку... очень сердечно.

Хотѣла ли она сказать что-нибудь этимъ?

— Вы уже знаете, что Микита придетъ позднѣе?

— Знаю, онъ былъ у меня сегодня.

— Такъ вы пойдете со мной. Вѣдь это не будетъ вамъ непріятно?

— Для васъ я сдѣлаю все!

Эти слова неожиданно сорвались съ языка.

Оба смутились. Да, онъ долженъ все время зорко слѣдить за собой, чтобы ни на минуту не терять самообладанія.

И какъ это такъ вдругъ случилось, что онъ не сумѣлъ удержаться?

Они сѣли, взглянули другъ другу въ глаза и улыбнулись.

Фалькъ чувствовалъ, что и она безпокоится.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сталъ говорить о банальныхъ вещахъ.

— Ну, какъ вамъ понравилось вчера?

— Вечеръ былъ очень интересный.

— Ильтисъ —необыкновенный человѣкъ, не правда ли?

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю это совершенно искренно.

Иза взглянула на него недовѣрчиво.

— Да, Ильтисъ безусловно геній - диллетантъ. Онъ все знаетъ, все изучаетъ, все читалъ. Мозгъ его работаетъ вполнѣ логично, но приходитъ къ такимъ страннымъ выводамъ, что они всегда ведутъ на смарку весь его трудъ. Такъ, напримѣръ, недавно онъ слѣдилъ за проблемой, на какомъ уровнѣ развитія стоятъ дѣти. И онъ, конечно, порядочно ломалъ надъ этимъ голову. Прежде всего—сравненіе съ женщинами... Всѣ дѣти являются куколками женщинъ, то-есть, другими словами, женщина,—ребенокъ, который пересталъ развиваться. У женщинъ и дѣтей круглыя формы и нѣжныя кости. Дѣти и женщины не умѣютъ логично думать, не могутъ разумомъ побороть чувство...

Но дальнѣйшая параллель представляла уже трудности.

Дѣти чисты и невинны, женщины же злобны, измѣнчивы, кокетливы, онѣ истинныя прислужницы сатаны.

Итакъ, сравненіе было вѣрно только на первый взглядъ. Онъ все болѣе и болѣе оживлялся.

— Но однажды, это было, конечно, раннимъ утромъ, и я провожалъ по обыкновенію Ильтиса домой,—онъ вдругъ остановился на мосту и, забывъ обо всемъ, сталъ смотрѣть на лебедей, которые громадной стаей выплыли изъ-подъ моста.

Вдругъ онъ становится какимъ-то возбужденнымъ.

— Эрикъ, видишь?

— Вижу.

— Что видишь?

— Лебедей.

— Не правда ли?

— Да...

Ильтисъ нервно оборачивается.

Въ это самое время проходитъ іерихонская булочница.

Фалькъ нервно разсмѣялся.

— Эта замѣчательная іерихонская булочница... Вы не знаете безподобнаго Лиліенкрона?

Нѣтъ!—Иза удивленно смотрѣла на Фалька.

— Такъ Лиліенкронъ написалъ поэму: Распятіе, — нѣтъ. „Рабби Іешуа". Въ толпѣ...

— Но что же было съ Ильтисомъ?

— Сейчасъ, сейчасъ... Въ толпѣ, которая сопровождала Христа на Голгоѳу, идутъ адвокаты, офицеры, карманные воришки, конечно, психологи, представители экспериментальнаго романа, наконецъ, іерихонская булочница.

— Но вѣдь тогда не было булочницъ,— замѣтилъ кто-то изъ его друзей.

— Лиліенкронъ возмутился. Вѣдь булочница была самымъ интереснымъ типомъ во всей поэмѣ.

— Даже собственно вся поэма написана единственно для того, чтобы создать типъ булочницы.

Она смѣялась „en camarade". Въ ея смѣхѣ было что-то товарищески прямодушное. Онъ хотѣлъ бы всегда ее видѣть такою; въ такомъ случаѣ они стали бы только друзьями, больше ничѣмъ...

— Итакъ, когда подходитъ іерихонская булочница, Ильтисъ хватаетъ горсть булокъ изъ корзины и бросаетъ въ воду.

Это дало ему счастье.

— Видишь?

— Вижу.

— Что?

— Лебедей.

— Смѣшно! И я ихъ вижу. Но ты не видишь того, что видитъ моя интуиція. Лебеди и дѣти стоятъ на одинаковомъ уровнѣ развитія... Дѣти не ѣдятъ корокъ, лебеди тоже...

Иза разсмѣялась нѣсколько дѣланнымъ смѣхомъ.

Фалькъ смутился. Смѣшно!.. Какъ онъ могъ предположить, что займетъ ее такими дѣтскими разсказами?.. Вѣдь это было болѣе, чѣмъ некрасиво.

— Неужели Ильтисъ въ самомъ дѣлѣ утверждаетъ это?

Фалькъ сталъ оправдываться.

— Нѣтъ, во всемъ разсказѣ нѣтъ ни слова правды. Онъ просто плохо выдумалъ, но когда началъ разсказывать, надѣялся, что справится удачнѣе съ этой темой... Она не должна сердиться на него, если онъ скажетъ искренно: разсказывалъ онъ это только затѣмъ, чтобы она не скучала въ его обществѣ... Онъ хотѣлъ, чтобы она не скучала, хотѣлъ быть интереснымъ, а потому и придумалъ такъ неудачно, да еще вдобавокъ такую идіотскую исторію.

Изѣ стало неловко.

— Вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ.

Вечерѣло. Наступила непріятная пауза. Мозгъ Фалька путался. Тысячи мыслей и чувствъ перекрещивались и парализовали другъ друга.

— Микита былъ у васъ сегодня?—спросилъ онъ только затѣмъ, чтобы что-нибудь сказать, но все-таки не могъ понять, почему онъ спросилъ именно это.

— Да, былъ.

— Онъ сегодня какой-то странный... Что съ нимъ?

— Онъ немного нервенъ. Выставка его картинъ доставляетъ ему много хлопотъ.

— Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не измѣнился. Мы страшно любили другъ друга, но иногда бывали непріятныя минуты... Въ продолженіе часа онъ переживалъ сотни всевозможныхъ настроеній.

Иза подыскивала новую тему для разговора. Фалькъ прочелъ это въ нервномъ движеніи ея руки.

— Я буду вашимъ шаферомъ?

— Да, конечно.

Она быстро взглянула ему въ глаза.

Отчего такъ быстро? На его губахъ появилась неопредѣленная усмѣшка.

Изу это непріятно кольнуло. Что должна была значить эта усмѣшка?

— Недѣли черезъ три вы будете имѣть это счастье.

Я очень радъ.—Фалькъ любезно улыбнулся.

Снова наступило молчаніе.

Встала.

— Я покажу вамъ вещь, которая васъ заитересуетъ...

Фалькъ внимательно осматривалъ японскую вазу.

— Великолѣпная! Необыкновенные артисты эти японцы. Они видятъ все, какъ въ моментальной фотографіи. Правда? Они видятъ и замѣчаютъ то, что недоступно для нашего

сознанія. То, что продолжается лишь тысячную долю секунды... Понимаете?

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете?

— Я говорю, что они обладаютъ способностью удерживать въ памяти то, что слишкомъ мгновенно для нашего сознанія, или, какъ это изящно выражаютъ спеціалисты психологи,—физіологическое время слишкомъ коротко, чтобы такое впечатлѣніе могло проникнуть въ сознаніе.

Онъ держалъ вазу въ рукахъ и смотрѣлъ на Изу.

— И со мной это иногда случается, но очень рѣдко. Сегодня, напримѣръ, когда я увидѣлъ васъ въ коридорѣ... По вашему лицу скользнулъ лучъ радости и исчезъ въ то же мгновеніе.

— Да?.. Вы замѣтили?—спросила она съ ироніей.

— Да, это было словно мгновенная вспышка магнія, но я замѣтилъ. Не правда ли? Вы обрадовались, когда я пришелъ, а я былъ такъ безконечно счтастливъ, увидавъ это...

Голосъ его былъ такимъ искреннимъ, такимъ сердечнымъ. Она чувствовала, что краснѣетъ.

— Что жъ, пойдемъ?—сказала она.

— Нѣтъ, подождемъ еще минуту,—еще рано... А кромѣ того, знаете ли,—я, можетъ быть, говорю слишкомъ откровенно, но долженъ вамъ сказать,—я чувствую себя здѣсь безконечно счастливымъ. Я не испытывалъ никогда, никогда и нигдѣ подобнаго чувства...

Сумракъ поразительно сближаетъ людей.

— Все это такъ странно. Странно, что Микита—мой другъ, что вы — его невѣста; странное у меня чувство, — словно я знаю васъ тысячу лѣтъ...

Иза встала и зажгла лампу.

Свѣтъ раздѣляетъ людей. Она хотѣла создать это разстояніе.

— Жаль, что Микита придетъ только позднѣе.

— Да, жаль, очень жаль.

Онъ былъ взволнованъ. Микита снова сталъ у него передъ глазами. Смѣшно, что Микита имѣетъ исключительную монополію на какого-нибудь человѣка. Ну, да ничего не подѣлаешь!..

Взглянулъ на часы.

— Теперь пора. Пойдемте!

VI.

Откуда взялась у него эта мысль?

По серединѣ картины онъ хотѣлъ нарисовать женщину, манящую къ себѣ таинственной улыбкой, обольстительную, а со всѣхъ сторонъ,—и снизу, и сверху къ ней тянутся тысячи рукъ.

Тысячи кричащихъ... да, кричащихъ рукъ! Худыя, нервныя руки артистовъ, толстыя, мясистыя руки банкировъ съ кольцами на пальцахъ... тысячи другихъ рукъ... А она съ манящимъ, таинственнымъ взглядомъ...

Микита былъ лихорадочно возбужденъ.

Да, онъ долженъ сейчасъ же взяться за это. Скорѣе, скорѣе, иначе все пропадетъ, и явятся разныя мысли, мученья, терзанья, тысячи бѣшеныхъ дьяволовъ.

— Фалькъ не подлецъ!.. Понимаешь, Микита? Фалькъ—не подлецъ!

Онъ кричалъ это свему сердцу.

Но потомъ увидѣлъ ихъ обоихъ, какъ они смотрятъ, не отрываясь, другъ на друга. Видѣлъ, какъ взгяды ихъ сплетались постоянно въ дрожащемъ безпокойствѣ, видѣлъ улыбку смущенія...

И сегодня у Ильтиса!.. Вѣроятно, будутъ танцовать. Онъ не думалъ объ этомъ прежде.

Танецъ... танецъ... Иза боготворитъ танцы. Иза прирожденная танцовщица. У нея только и есть одна эта страсть.

Онъ видѣлъ разъ, какъ она танцовала. Все ломалось въ немъ. Эти разнузданныя, вакхическія движенія, и эта страстная истома въ чувственномъ наслажденіи танцемъ...

Вотъ что надо нарисовать, милѣйшій господинъ натуралистъ! Когда душа раскрывается, а изъ ея глубинъ выползаютъ проклятыя чудовища!.. Эту мерзость нарисовать... Какой дьявольскій характеръ! Отчего онъ никогда не могъ повѣрить, что она любитъ его, что она должна его любить? Да, его, его! Вѣдь все-таки и онъ чего-нибудь стоитъ, хотя бы какъ артистъ... Проклятыя условія... Какой-нибудь Либерманъ нарисуетъ трехъ глупыхъ овецъ на картофельномъ полѣ, или поле и женщинъ, собирающихъ картофель, и зарабатываетъ этимъ деньги, получаетъ медали!

А я написалъ все человѣчество и даже больше, — нѣчто такое, что находится по ту сторону человѣка, а что я взялъ?

Ничего? Дуракъ ты, Микита! неужели ты не видѣлъ, какъ толпа каталась по полу отъ смѣха въ Гамбургѣ, Парижѣ, ну, и конечно, въ Берлинѣ? Развѣ это „ничего“?

А остроты въ Fliegende Blätter? Развѣ не послужилъ я имъ темой?

И платить еще подати?! Боже, не имѣть куска хлѣба и платить подати! Прекрасныя условія! Хотятъ описать у меня все за недоимки, которыя я долженъ государству! Что такое государство? Что у меня съ нимъ общаго?

— Это ваши картины?

— Конечно мои! Я ихъ цѣню въ сорокъ тысячъ марокъ. Чего вы смѣетесь?

— Какъ же мнѣ не смѣяться? Кто жъ ихъ у васъ купитъ? Вы ни пфенига за нихъ не получите! Къ несчастію, у васъ нечего описать!

Ну, дорогая Иза, развѣ я не великій артистъ?

Онъ началъ писать и смѣялся.

Но душу что-то все подтачивало и подтачивало. Кололо и сверлило такъ, что онъ подскакивалъ.

Странное дѣло. Что такого, собственно, въ Фалькѣ? Вѣдь и я не упалъ со стола, какъ маленькій Эйольфъ... Мой спинной мозгъ здоровъ. Въ моей головѣ тоже вѣдь зарождаются идеи...

— Ты самъ писалъ это сочиненіе, Микита?

— Конечно, самъ, господинъ учитель!

— Тебѣ помогалъ кто-нибудь?

— Кто жъ мнѣ будетъ помогать?

— Несмотря на это я вижу постороннее вліяніе, которое возрастаетъ въ сочиненіи въ геометрической прогрессіи.

— Сказано превосходно, но сочиненіе это писалъ я самъ.

— Микита, не будь же такимъ упрямымъ и сознайся, что Фалькъ украсилъ шелковыми заплатами твои войлочныя туфли? Гдѣ Фалькъ?

Но Фалькъ въ такихъ случаяхъ никогда не являлся. Извѣщалъ о своей болѣзни и писалъ дома стихи.

Микита вдругъ очнулся и ударилъ себя кулакомъ по лицу. Вѣдь это прямо подло такъ думать о Фалькѣ!

— Вотъ нарисуйте-ка, господинъ Либерманъ, эту другую, отвратительную душу, которая бросаетъ въ мозгъ человѣка комъ грязи! Нарисуйте—и я подарю вамъ тогда всѣ мои картины, отправлю ихъ даже къ вамъ на собственный счетъ.

...Иза танцуетъ теперь съ Фалькомъ... Онъ умѣетъ танцовать... О, какъ онъ танцуетъ!

Почувствовалъ ненависть.

Фалькъ, дорогой Фалькъ, гдѣ женщина, которая можетъ устоять передъ тобой?

Иза танцуетъ!—Иза—танцовщица!

— Вѣрила ли ты во что-нибудь въ жизни? Знаешь ли ты, что такое вѣра?

Нѣтъ, она, конечно, не знаетъ.

— А знаешь ли ты,—кто ты, Иза?

Нѣтъ, не знаетъ.

— Не знаешь самой себя, Иза?

Нѣтъ.

А въ его душѣ есть вѣра, она живетъ уже тысячи лѣтъ. Да, да, потому-то у него и есть это смѣшное желаніе овладѣть всецѣло женщиной, потому-то онъ и вѣритъ въ любовь, которая будетъ жить цѣлые вѣка!

Вскочилъ.

Нѣтъ, онъ не пойдетъ къ Ильтису... Нѣтъ!

Теперь онъ увидитъ, можетъ ли онъ побороть себя...

Да, итти туда и смотрѣть, смотрѣть на нее въ объятіяхъ Фалька... Какъ она прижимается къ нему... Хе-хе, вцѣпляется въ него... Хе-хе...

Микита скинулъ съ себя блузу. Ему было страшно жарко.

Стоять тамъ и смотрѣть! Отелло съ кинжаломъ подъ плащомъ...

А Ильтисъ, прищуривъ глаза, говоритъ Сосуну: „Однако танецъ Изы за печенки его хватаетъ“...

Мучительное безпокойство терзало его мозгъ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Надо же когда-нибудь образумиться.

Какое онъ имѣетъ право не вѣрить Изѣ?

Никакого, рѣшительно никакого... А если такъ,—чего онъ хочетъ, чортъ возьми?

Безпокойство его росло. Страданіе становилось невыносимымъ.—Пойдетъ, пойдетъ! Долженъ же онъ показать Изѣ, что онъ теперь сталъ благоразумнымъ, что пересталъ уже сомнѣваться... Да, веселиться и танцовать!

А этого ты, какъ разъ не умѣешь, дорогой Микита! Ты скачешь, какъ клоунъ въ ярмарочномъ балаганѣ!..

А кромѣ того, ты слишкомъ малъ... меньше Изы. А они — дивная, чудная пара!

Микита долженъ былъ сѣсть. Ему казалось, что ему перерѣзали бритвой всѣ жилы.

— Чортъ возьми, какъ это больно!

— Микита, поди-ка сюда на минутку.

— Что прикажете, господинъ учитель?

— Видишь ли, Микита, это собственно безсовѣстно писать такую чушь въ апологіи... Если бы ты написалъ это, по крайней мѣрѣ, самостоятельно, а то вѣдь это—произведеніе Фалька...

И какъ онъ не далъ пощечины этому старому дураку?

Онъ вдругъ всталъ.

Что это я, сошелъ съ ума, что ли? Чего я хочу отъ Фалька и отъ Изы?

Онъ испугался. Вѣдь это уже болѣзненныя явленія. И уже не въ первый разъ... это постоянно повторяется. Онъ вспомнилъ, какъ отправился разъ въ Бретань, чтобы, наконецъ хорошенько поработать.

Смѣшной Микита! Хе-хе, Превосходно поработалъ! На слѣдующій же день въ припадкѣ сумасшествія и ревности вскочилъ въ вагонъ и помчался въ Парижъ. Полусумасшедшимъ влетѣлъ къ Изѣ.

— Ты ужъ вернулся?—Онъ показался ей страшно комичнымъ.

Онъ готовъ былъ провалиться тогда сквозь землю отъ стыда.

— Знаешь, Микита,—онъ заговорилъ вслухъ самъ съ собой,—ты оселъ, совсѣмъ оселъ! Любовь нужно взять! Не сомнѣваться, не щупать пальцами, не вертѣться все

время, какъ котъ около горячей похлебки, нѣтъ! Взять, взять силой, гордо и сознательно... Тогда она будетъ твоя! Поработить! Не какъ даръ, не какъ милостыню! Нѣтъ, мой дорогой Микита, вымолить ее нельзя!

Да, они теперь танцуютъ.

Онъ началъ напѣвать единственную уличную пѣсню, какаую онъ зналъ:

Venant des noces belles
Au jardin des amours—
Que les beaux jours sont courts!

Великолѣпно! И къ этому рисунокъ Стейнлена въ „Gil Blas"—комичный клоунъ, котораго дѣвушка лупитъ по физіономіи.

Великолѣпно, великолѣпно!

Venant des noces belles
J'étais bien fatigué
Je vis deux colombelles
Une pastoure, ô guè.

А вѣдь тутъ нѣтъ сомнѣнія! Нѣтъ, дорогой Микита! Какъ бы это было хорошо, если бы тебѣ не надо было сомнѣваться! Не правда ли, Микитушка?

Вчера на извозчикѣ...

Всталъ и безпокойными шагами сталъ ходить по комнатѣ...

Прежде она всегда меня спрашивала:

— Что съ тобой, Микита?

Всегда гладила меня по рукѣ.

Всегда, молча, клала голову ко мнѣ на грудь.

А вчера—ни слова!.. Ни слова!

— Покойной ночи, Микита!
— Good-bye, Иза, Goode-bye!
И онъ началъ пѣть сильнымъ и фальшивымъ голосомъ:

Venant des noces belles
Au jardin des amours...

VII.

Нѣтъ, мое дорогое дитя, позволь тебѣ замѣтить, что всѣ ученые—дураки!

Ильтисъ сидѣлъ, окруженный молодежью, и выкладывалъ имъ свою премудрость.

Странно, что онъ не упомянулъ еще о своихъ сорока пяти годахъ.

Фалькъ не могъ забыть вчерашняго циничнаго замѣчанія.

Весь вечеръ онъ искалъ случая, чтобы досадить Ильтису.

— Всѣ! Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одного умнаго ученаго. Послушайте только: это очень характерно для господъ профессоровъ. Я путешествовалъ разъ съ однимъ приватъ-доцентомъ геологіи. Онъ долженъ былъ дѣлать измѣренія, но магнитная стрѣлка не желала успокоиться.

— Ага!—говоритъ премудрый приватъ-доцентъ,—у меня въ карманѣ магнитъ.

— Хорошо,—говорю,—такъ брось его.

Магнитъ взлетѣлъ кверху и упалъ далеко. Но стрѣлка все-таки не успокоивалась.—У тебя, вѣрно, есть перочинный ножикъ? Да, дѣйствительно, у него было ножикъ. Бросилъ и его въ сторону. Но стрѣлка была словно заколдована.—Ты стоишь, вѣроятно, на пластѣ желѣзной руды,—осмѣливаюсь я замѣтить.—Не можешь ли ты и ее отбросить?—Нѣтъ, мудрецъ этого сдѣлать не могъ.

Вотъ какъ дѣлаютъ измѣренія! И на основаніи такихъ данныхъ строятъ, Богъ знаетъ, какія теоріи!

— И несомнѣнно, что причиной этого была желѣзная руда? спросилъ Фалькъ.

Ильтисъ удивленно взглянулъ на него.

— Конечно!

— Ну, знаешь ли, причины—вещь не надежная. Очень рѣдко можно найти причину, которая не оказалась бы ложной. Можешь ли ты, напримѣръ, возвращаясь къ твоей любимой темѣ, привести причины того, что женщина стоитъ на низшей ступени развитія, чѣмъ мужчина.

— Открой первое попавшееся руководство по физіологіи.

— Дыханіе? Эти доказательства попросту смѣшны. Дѣти обоихъ половъ дышать до десятилѣтняго возраста животомъ, точно такъ же и всѣ женщины, которыя не носятъ корсетовъ, напримѣръ, китаянки или женщины съ Юма. Существующій теперь типъ дыханія у женщинъ созданъ искусственнымъ путемъ, какъ это можно видѣть на индіанкахъ изъ племени Чика-Зава...

— Это слова ученыхъ, дорогой Фалькъ, они доказываютъ совсѣмъ обратное...

— О нѣтъ, эти слова высказаны людьми совершенно безпристрастными... но и другое доказательство того, что женщина стоитъ на низшей ступени развитія, а именно, что она формами и размѣрами ближе къ ребенку—неудачно.

Это, напротивъ, говоритъ въ пользу женщины.

Типъ ребенка надѣленъ всѣми характерными чертами человѣческаго рода, въ то время какъ, наоборотъ, типъ мужчины, въ морфологическомъ отношеніи, доказываетъ скорѣй переходъ къ старчеству.

— Это метафизика, дорогой Эрикъ. Ты вообще слишкомъ увлекаешься метафизикой.

— Быть можетъ. Но фактъ тотъ, что ты дошелъ до своихъ выводовъ благодаря смѣшенію морфологическихъ понятій о высшей и низшей ступени развитія.

Ильтисъ смотрѣлъ на него, ничего не понимая.

— Этого я не понимаю.

— Это тоже не обязательно. Фалькъ искалъ глазами Изы. Къ чему вообще говорить? Если онъ пришелъ сюда, такъ не затѣмъ, чтобы говорить о морфологіи... Ему хочется танцовать...

— Soyns amis, Cinna!—Будь здоровъ!—крикнулъ Ильтисъ.

Кто-то началъ играть вальсъ.

Фалькъ подошелъ къ Изѣ. Она стояла въ глубинѣ большого atelier. Улыбнулась ему. Нѣтъ, эта притягивающая улыбка, казалось, не поддавалась анализу. Полумракъ, въ которомъ она стояла, таинственно улыбался.

— Вы танцуете?

Лучъ свѣта скользнулъ по ея лицу.

— Можно васъ просить?—спросилъ Фалькъ и задрожалъ.

Кровь разомъ ударила ему въ голову, когда онъ прижалъ къ себѣ ея стройную фигуру.

Онъ попалъ въ водоворотъ, который подхватилъ его. Чувствовалъ, какъ они срослись, какъ она стала частью его души, а онъ кружится вокругъ самого себя, самъ съ собою...

Онъ не видѣлъ ея,—она была въ немъ. И онъ впитывалъ въ себя ритмъ, линію и плавность ея движеній и чувствовалъ, что въ душѣ его былъ приливъ и отливъ—то нахлынетъ, то исчезнетъ, то сильнѣй, то слабѣй.

А потомъ вдругъ—чувство чего-то необыкновенно гладкаго, холоднаго,—какой-то мягкой, стеклянной поверхности.

Чувствовалъ ее... Она прильнула лицомъ къ его лицу.

Радость пламенемъ вспыхнула въ его душѣ; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

Она принадлежала ему!

Забылъ обо всемъ. Фигуры окружающихъ слились въ кроваво-красную полосу, которая кружилась около него солнечнымъ кольцомъ.

Чувствовалъ только себя и женщину, которая принадлежала ему.

Не слышалъ музыки,— музыка была въ немъ, весь міръ звучалъ, безумствовалъ въ немъ и кричалъ пламенной страстью, а онъ несъ ее по всему міру, великій, гордый тѣмъ, что можетъ ее такъ нести.

Кто такое Иза?.. Кто Микита?

Только онъ, онъ одинъ существуетъ, а она часть его самого, которую онъ прижимаетъ къ груди.

Они упали отъ усталости на диванъ.

Вокругъ слышался говоръ. До его ушей долетали возбужденныя, отрывистыя слова, которыхъ онъ не понималъ; все еще видѣлъ кроваво-красное солнечное кольцо, которое кружилось около него.

Пришелъ въ себя. Красная мгла разсѣялась, онъ видѣлъ длинныя, узкія полосы табачнаго дыма.

Она полулежала на диванѣ, тяжело дыша. Глаза ея были широко раскрыты.

Онъ тихо взялъ ея руку. Они были одни,—никто не могъ ихъ видѣть.

Отвѣтила порывистымъ нервнымъ пожатіемъ.

Все сильнѣй и сильнѣй сжимали другъ другу руки.

Она наклонилась къ нему, почти упала,—ближе, ближе... Головы ихъ касались другъ друга.

Она не противилась; чувствовалъ, какъ отдавалась ему,

какъ опускалась въ его сердце, въ горячее ложе крови его сердца.

Вдругъ она вырвалась.

— Фалькъ, позвольте вамъ представить перваго нѣмецкаго покровителя искусствъ... — Шермеръ ехидно улыбнулся.—Покровителя нѣмецкой національности—тѣломъ и душой... Господинъ Бухенцвейгъ.

Господинъ Бухенцвейгъ низко поклонился.

— Шермеръ вводитъ меня въ ваше милое общество съ незаслуженной похвалой... Но могу сказать смѣло, что искусство меня очень интересуетъ.

Бухенцвейгъ сѣлъ и замолчалъ.

Онъ былъ смѣшонъ. Безъ бороды, безъ усовъ, лицо обрюзглое, глаза безцвѣтные.

— Ваша книга, господинъ Фалькъ, въ высшей степени меня заинтересовала и привела въ восторгъ.

— Очень радъ.

— Г-нъ Бухенцвейгъ необыкновенно интересуется искусствомъ!—Шермеръ старался не показать, что онъ пьянъ.

— Да, да...

— А знаете, почему?—Бухенцвейгъ говорилъ меланхолично, оттопыривая нижнюю губу. — Знаете, почему? Послѣ многихъ неудачъ я рѣшился искать утѣшенія въ искусствѣ.

Сосунъ подошелъ къ нимъ.

— Ну, Фалькъ, открыли какого-нибудь новаго генія?

— Вы, видно, еще сами себя не открыли?...

Иза была неспокойна, слушала разсѣянно.

Какъ это произошло?.. Какъ она могла это сдѣлать? Отдаться Фальку... Смѣшно! Позволить постороннему человѣку, съ которымъ только вчера познакомилась, стать въ такія близкія отношенія. Она чувствовала стыдъ и безпо-

койство, чувствовала, что этотъ человѣкъ былъ ближе ей, чѣмъ она сама сознавалась себѣ.

— Знаете, господинъ Бухенцвейгъ, заявилъ Шермеръ, если вы дѣйствительно интересуетесь искусствомъ,—а вы вѣдь вѣчно говорите о нѣмецкомъ искусствѣ и тому подобныхъ несчастіяхъ,—такъ сдѣлайте что-нибудь для нѣмецкаго искусства! Сдѣлайте что-нибудь! Одолжите бѣдному нѣмецкому артисту, хотя бы мнѣ, 200 марокъ! Ей Богу, сдѣлайте это!..

Бухенцвейгъ оттопырилъ нижнюю губу и всунулъ указательный палецъ въ карманъ брюкъ.

Онъ дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія, и искоса поглядывалъ на Изу.

Какимъ противнымъ показался ей вдругъ этотъ человѣкъ! Отчего же Микита не приходитъ? Вѣдь ужъ поздно.

— Да есть ли у васъ вообще 200 марокъ?—Шермеръ расхохотался съ явной насмѣшкой.

Сколько пфениговъ въ вашемъ милліонномъ состояніи?..

И какъ этотъ человѣкъ не обидѣлся?.. Ей вдругъ опротивѣло все это общество. Отчего онъ не приходитъ? Чего онъ опять отъ нея хочетъ?

Она почувствовала усталость. Эта вѣчная ревность... Но у него вѣдь только она одна... Кромѣ нея, у него не было никого. Онъ не придетъ, конечно... Сидитъ теперь въ мастерской, мучится, сходитъ съ ума, бѣгаетъ по комнатѣ.

Она стала прислушиваться. Фалькъ говоритъ такимъ раздражительнымъ голосомъ.

— Оставьте меня въ покоѣ съ этими вѣчными разговорами о литературѣ. У насъ есть дѣло поважнѣе, чѣмъ споры о томъ, кому принадлежитъ первенство въ нѣмецкой литературѣ—Гауптману или Зудерману.

— Ну, ну, Сосунъ слишкомъ горячится. Вѣдь между ними громадная разница.

— Я не думаю ни минуты сомнѣваться въ этомъ. Я самъ поклонникъ Гауптмана. Выше всего я ставлю его лирическія произведенія. Читали вы прологъ, написанный къ открытію Deutsches Theater. Нѣтъ? Это самый цѣнный перлъ современной лирики... Ха-ха-ха... Послушайте-ка:

Und so wie es uns, den Alten
Doch gelang in diesem Hause,
Wollen wir die Fahne halten
Ob der Strasse Markgebrause!

— Вы забыли самое лучшее мѣсто... Какъ это оно начинается? Насчетъ девяносто девяти луковицъ и блеска чудеснаго пламени и...—Ну, да это все равно, ха-ха-ха... Перлъ, ей Богу, перлъ!..

Сосунъ бросилъ Шермеру презрительный взглядъ и продолжалъ возвышеннымъ тономъ:

— Не знаю, Фалькъ, убѣжденіе ли это ваше или только насмѣшка, но подумайте,—человѣкъ, который написалъ „Ткачей"...

Шермеръ быстро перебилъ его:

— Это не производитъ уже никакого впечатлѣнія. Газеты пріучили насъ и къ бунтамъ, и къ голодовкамъ, и къ убійствамъ.

Сосунъ замѣтилъ, что очень непріятно быть въ обществѣ пьянаго человѣка, въ отвѣтъ на что услышалъ нѣчто не особенно лестное.

Группа раздѣлилась. Остались только Иза и Фалькъ.

Онъ вдругъ почувствовалъ, что она такъ далека отъ него, такъ чужда, такъ безконечно чужда... Онъ былъ очень раз-

строенъ. Конечно, она сидитъ теперь, какъ на иголкахъ, и ждетъ Микиту.

Онъ почувствовалъ внезапную и сильную боль.

— Нѣтъ, Фалькъ, Микита уже не придетъ сегодня,— сказала она вдругъ.

— Останьтесь еще немного, онъ съ минуты на минуту можетъ притти.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не придетъ. Надо итти домой. Я такъ устала. Здѣсь скучно... Я больше не останусь.

— Можно проводить васъ?

— Какъ хотите.

Фалькъ кусалъ губы,—онъ видѣлъ ея безпокойство.

— Можетъ быть, вы не хотите итти со мной?

— Нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста, но пойдемте домой... Пойдемте...

VIII.

Они вышли за ворота.

— Позвать извозчика?

— Нѣтъ, нѣтъ, пройдемтесь!

Странно, что Микита не заботится о другихъ... Сказалъ, что придетъ навѣрное. Отчего это онъ не пришелъ? Къ чему онъ опять ревнуетъ? Нѣтъ, нѣтъ, это ее слишкомъ утомляетъ. Даже больно становится. Она чувствуетъ себя какъ бы связанной.

Почти ни съ кѣмъ разговаривать не смѣетъ.

Она вѣчно чувствуетъ его пристальный, подозрительный взглядъ.

А исторія въ Франкфуртѣ! Нѣтъ, это было уже слишкомъ. Онъ слишкомъ ее мучитъ. Онъ не можетъ понять радости, охватывающей человѣка, когда онъ встрѣтитъ земляка въ чужомъ городѣ? Онъ отправился въ другую комнату и сѣлъ писать письма, чтобы скрыть свое бѣшенство.

Они шли по Звѣринцу.

Теплый мартовскій воздухъ успокоилъ ее понемногу.

— Теперь онъ, конечно, будетъ сердиться на нее за то, что она не ждала его у Ильтиса весь вечеръ.

— Не можете ли вы объяснить, Фалькъ, почему Микита не пришелъ?

— Опять, вѣроятно, дурное настроеніе.

Но ему въ ту же минуту стало стыдно.

— А можетъ быть мучится за работой, а тогда онъ никого не хочетъ видѣть, а тѣмъ болѣе скучать въ подобномъ обществѣ.

Молчаніе.

Наступила какая-то странная тишина.

Темное чувство тревоги и безпокойства вкрадывались въ ея душу.

Какъ хорошо, что Фалькъ съ нею...

— Можно предложить вамъ руку?

Она была почти благодарна.

Думала о вечерѣ, думала о танцахъ, но не чувствовала уже стыда, не чувствовала безпокойства... Нѣтъ, напротивъ,—ее окружала какая-то мягкая, пріятная теплота.

— Отчего вы молчите?—голосъ ея звучалъ почти нѣжно.

— Я не хотѣлъ быть навязчивымъ. Я думалъ, что вамъ будетъ непріятно говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Общество разстроило мои нервы, оттого я и была нѣсколько безпокойна. Я рада, что мы одни.

Она говорила очень тепло.

— Видите ли,—Фалькъ тихо улыбнулся,—у меня много причинъ молчать и глубоко думать о самомъ себѣ...

Чувствовалъ, что она внимательно слушала его.

— Видите ли, это необычайно... Это странно... Не поймите меня ложно,—я говорю съ вами объ этомъ, какъ о загадкѣ, какъ о тайнѣ, какъ о чудѣ воскресенія или о чемъ-нибудь подобномъ.

Фалькъ откашлялся. Голосъ его немного дрожалъ.

— Когда я былъ еще въ гимназіи, мнѣ страшно понравилась одна идея Платона. Онъ считаетъ земную жизнь только отраженіемъ той жизни, которую мы пережили, какъ идею.

Все, что мы видимъ—это лишь воспоминаніе, анамнезъ того, что мы видѣли уже давно,—до нашего появленія на свѣтъ.

Видите ли, тогда я любилъ эту идею за ея поэтическое содержаніе, теперь я постоянно думаю о ней, потому что она оправдывается тѣмъ, что во мнѣ происходитъ.

Я говорю это совершенно объективно, какъ говорилъ вчера о томъ, что на факировъ огонь не производитъ ни малѣйшаго дѣйствія. Не поймите меня ложно... Я для васъ, собственно, совсѣмъ чужой человѣкъ...

— Нѣтъ, вы мнѣ не чужой...

— Нѣтъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ. Вамъ и только вамъ я не хотѣлъ бы быть чужимъ... Видите, меня никто не знаетъ, всѣ меня ненавидятъ, потому что не могутъ понять, — они подозрительны, не увѣрены... Но вамъ я хотѣлъ бы открыть всю свою душу.

Онъ запнулся. Не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко?..

Она не отвѣчаетъ... позволяетъ ему говорить.

— Итакъ,—но что я хотѣлъ сказать? Вчера, вчера... Странно, что это случилось только вчера... Когда я вчера увидѣлъ васъ, то зналъ васъ уже давно. Какъ будто я видѣлъ васъ гдѣ-то. Конечно, я васъ никогда не видалъ, но я зналъ васъ раньше, зналъ, зналъ... Сегодня я ужъ знаю васъ сотни лѣтъ и потому говорю вамъ все это... Я долженъ это сказать...

Да, а потомъ... я обыкновенно умѣю владѣть собой, но вчера на извозчикѣ—это было сильнѣе меня,—я долженъ былъ поцѣловать вашу руку, и благодаренъ вамъ за то, что вы не отняли ея...

Не понимаю этого... Всегда я вижу всѣхъ людей только издали, душа моя дѣвственна, она не позволяетъ никому приблизиться къ ней, но васъ я чувствую въ себѣ, чувствую, какъ каждое ваше движеніе разливается

— Вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ.

— И будете моимъ другомъ?

— Да.

Остальную часть дороги они шли молча.

Противъ дома Изы былъ ресторанъ. Онъ былъ еще открытъ.

— Мы теперь друзья... Можно предложить вамъ выпить со мною рюмку вина? Мы упрочимъ свою дружбу.

Иза колебалась.

— Вы мнѣ сдѣлаете громадное одолженіе. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ вами, такъ en bon camarade.

Вошли.

Фалькъ спросилъ бургундскаго.

Они были одни. Комната была отдѣлена портьерой.

— Благодарю васъ! У меня никогда не было друга.

У Изы напрашивалось на языкъ имя Микиты, но она молчала. Ей было непріятно произносить это имя.

Принесли вино.

— Вы курите?

— Да.

Иза оперлась о спинку дивана, закурила папиросу и начала пускать кольца.

— За нашу дружбу!—Онъ взглянулъ на нее съ сердечной нѣжностью.

— Я такъ счастливъ, вы такъ добры ко мнѣ, а, впрочемъ,—не правда ли?.. Мы ничего другъ отъ друга не хотимъ... Мы свободны...

Онъ снова увидѣлъ блескъ вокругъ ея глазъ. Нѣтъ! Онъ не хочетъ видѣть его! Жадно выпилъ рюмку вина, снова налилъ и задумался.

— Да, да, душа—странная загадка...

Молчаніе.

— Вы знаете Ницше?—Онъ поднялъ голову.

— Да.

— А это мѣсто изъ Заратустры: „Ночь глубже, чѣмъ о ней подумать можетъ день"...

Кивнула головой.

— Не правда ли,—душа тоже глубже, чѣмъ ея проявленія въ этомъ глупомъ сознаніи?..

Они переглянулись. Глаза ихъ впились другъ въ друга.

Фалькъ опять смотрѣлъ въ рюмку.

— Я, собственно, спеціалистъ по психологіи. Понимаете ли—спеціалистъ! Это значитъ: я опредѣлялъ скорость воспринимакія впечатлѣній, опредѣлялъ время, въ которое данное впечатлѣніе, воспринятое чувственнымъ путемъ, проникаетъ въ сознаніе, но о любви я ничего не зналъ... И вдругъ... Ну—да... Ваше здоровье!

Выпилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, изъ всѣхъ этихъ вычисленій ничего не вышло. Сегодня ночью моя душа научила меня большему, чѣмъ четыре - пять лѣтъ, потерянныхъ надъ изученіемъ такъ называемой психологіи... Мнѣ снилось...—Онъ поднялъ голову.—Вамъ не скучно?..

— Нѣтъ, нѣтъ...

Они улыбнулись другъ другу.

— Да, мнѣ снилось, что я ѣхалъ на кораблѣ по морю. Было темно; тяжелая, густая мгла повисла надъ кораблемъ, мгла, которая проникала внутрь корабля, тяжелая, какъ свинецъ, душная, ужасная...

Я сидѣлъ съ вами въ салонѣ и говорилъ,—нѣтъ, говорилъ не я. Говорило что-то въ моей душѣ, говорило беззвучно и голосъ былъ тоже безтѣлесный, но вы понимали меня!.. А

потомъ мы встали. Мы оба знали, прекрасно знали, что случится что-то страшное...

И случилось...

Ужасный грохотъ, словно сорвалось какое-то солнце, адскій гулъ, словно массы ледниковъ вдругъ свалились на землю: какой-то пароходъ врѣзался въ нашъ корабль.

Только мы вдвоемъ не чувствовали тревоги. Мы видѣли только себя, понимали другъ друга и крѣпко держались за руки.

Но вдругъ вы исчезли.

Я вдругъ увидѣлъ себя на спасательной лодкѣ, море вздымалось къ небу и снова упадало въ бездонную пропасть.

Ко всему, что происходило со мной, я былъ равнодушенъ. Только страшный, безумный испугъ,—что случилось съ вами,—разрывалъ мой мозгъ. Вдругъ я увидѣлъ, что корабль тонетъ съ неслыханной быстротой, надъ водой торчитъ только громадная мачта, а на ней, наверху—вы... Въ ту же минуту я бросился въ море, схватилъ васъ, а вы безсильно повисли на моихъ рукахъ. Мнѣ было страшно тяжело. Я не могъ держаться больше на поверхности воды... Еще минута,—и мы бы утонули...

Вдругъ мгла и тучи склубились въ громадную фигуру. Все небо закрыла она собой,—холодная, страшная, равнодушная...

Фалькъ улыбнулся въ странномъ смущеніи.

Море и небо, вы и я, весь міръ,—это былъ рокъ, судьба, предопредѣленіе!..

Ее охватила тревога. Онъ смотрѣлъ на нее такъ странно.

Вдругъ онъ оборвалъ.

— Странный сонъ, не правда ли?—спросилъ онъ съ улыбкой.

Она старалась быть равнодушной и ничего не отвѣтила.

Черезъ минуту онъ посмотрѣлъ на нее своими большими горящими, какъ въ лихорадкѣ, глазами. Потомъ снова сталъ смотрѣть въ рюмку.

— Это первое откровеніе предопредѣленія въ моей жизни.

Голосъ его звучалъ монотонно, мѣрно, съ оттѣнкомъ нѣкоторой небрежности. Онъ приковывалъ ее къ себѣ, въ немъ было что-то гипнотизирующее. Она не могла его не слушать.

— Я не зналъ также, что такое неизбѣжность. А теперь знаю. Видите ли? Въ жизни моей я былъ ко всему равнодушенъ, жилъ, не предчувствовалъ ничего дурного; былъ хозяиномъ своего мозга... Не было чувства, котораго я не могъ бы побороть, да... Вдругъ появляетесь вы, странный первообразъ моей души, вы—идея, которую видѣлъ я когда-то въ другой жизни, вы—вся тайна моего искусства...

Такъ видите ли, я былъ твердымъ, сильнымъ и холоднымъ, а теперь вы становитесь поперекъ моей дороги, и вся моя жизнь сосредоточивается въ этомъ одномъ моментѣ. Вы завладѣваете мной такъ, что я ни о чемъ другомъ не могу думать; становитесь—сущностью моего разума...

— Нѣтъ, Фалькъ, не говорите объ этомъ. Меня такъ мучитъ мысль, что я должна стать причиной вашего несчастія...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! Я счастливъ, вы сдѣлали меня другимъ человѣкомъ, вы дали мнѣ неизмѣримое богатство, я ничего отъ васъ не требую... Я знаю, что бы любите Микиту...

Иза чувствовала, какъ въ ней растетъ безпокойство. Она забыла совсѣмъ о Микитѣ. Нѣтъ! Ей нельзя здѣсь дольше оставаться. Она не должна больше слушать этого. Встала...

— Ну, теперь пойду.

— Останьтесь, останьтесь еще минуту.

Что-то заставляло ее остаться, но она вспомнила о Микитѣ. Тревога и безпокойство расли.

Вскочила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна итти... Я не могу сидѣть здѣсь больше... Должна, должна... Я такъ устала.

920Фалькъ съ трудомъ подавилъ нервный смѣхъ.

IX.

У воротъ они остановились.

Фалькъ сталъ отпирать дверь. Трудно было найти замочную скважину.

Наконецъ!

Она вошла въ сѣни. Онъ шелъ за нею. Снова остановились. Чего же онъ хочетъ еще?

— Покойной ночи, Фалькъ.

Онъ сильно сжималъ ея руку. Голосъ его дрожалъ.

— Мнѣ кажется, что мы должны проститься теплѣе.

Дверь была полуоткрыта. Свѣтъ фонаря широкой полосой ложился на ея лицо.

Она взглянула на него такъ странно, съ такимъ изумленiемъ. Онъ сконфузился.

— Покойной ночи...

Слышалъ, какъ ключъ повернулся въ замкѣ. Сталъ прислушиваться. Легко и быстро поднималась она по лѣстницѣ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Вдругъ онъ безсознательно крикнулъ изо всѣхъ силъ.

— Что это значило?

Можетъ быть, онъ хочетъ излить свою силу въ дикомъ ревѣ? Великолѣпно! Онъ—безподобный оселъ... Непрiятно! Какъ это было глупо и нелѣпо, эти слова о тепломъ про-

щаньѣ... Охъ, какимъ смѣшнымъ, какимъ безконечно смѣшнымъ онъ долженъ былъ ей показаться.

Онъ—воплощеніе презрительнаго сарказма,—вдругъ влюбился, какъ школьникъ.

Боже, какъ это было непріятно, а тутъ еще воспоминаніе, которое стало его мучить.

...Ему исполнилось 13 лѣтъ, когда онъ въ первый разъ влюбился. Онъ чувствовалъ себя недостижимо великимъ. А эти глубокіе, геніальные разговоры, которые онъ велъ съ дамой своего сердца... Поэзія Шиллера и Ленау... А желтыя перчатки, которыя онъ купилъ себѣ....

Однажды вечеромъ классный наставникъ поймалъ его на tête-à-tête.

А на слѣдующій день... превосходно!

Звонокъ. Десятиминутная перемѣна.

Всѣ бросились на школьный дворъ.

— Фалькъ, останься здѣсь!

Онъ зналъ уже, что его ждетъ.

— Поди сюда!

Онъ подходилъ къ каѳедрѣ, какъ къ эшафоту.

— Принеси табуретъ.

Принесъ.

— Ложись.

Легъ.

Толстый, тростниковый хлыстъ засвистѣлъ въ воздухѣ, дрожалъ, гнулся, падалъ и свистѣлъ все сильнѣй, все больнѣй...

Господи, какъ это было больно! Чего вы смѣетесь, милостивый государь? Это великая трагедія. Рѣдко страдалъ я въ жизни такъ страшно, какъ тогда... Вашъ смѣхъ—признакъ вашей глупости! Развѣ вы не понимаете, что такое жизнь? Комизмъ на ряду съ трагизмомъ, золото въ грязи,

величайшая святыня въ пошлости,—да, вотъ видите, вы этого не понимаете...

Гегель, старый прусскій философъ, былъ умный человѣкъ. Вы знаете вообще Гегеля? Такъ видите ли, вся его философія сводится къ вопросу: почему природа для лучшихъ своихъ цѣлей пользуется такими не эстетическими средствами, какъ, напримѣръ, половые органы, служащіе для оплодотворенія и выдѣленія продуктовъ обмѣна веществъ? И въ самомъ дѣлѣ, это очень забавно, до комизма, до гнусности забавно, но таково всегда все самое святое...

Фалькъ впалъ въ бѣшенство.

Нужно же это разъ навсегда до конца продумать: Любовь... О, да, любовь! Сперва странное смущеніе, растерянные взгляды, потомъ блестящіе глаза фавна, потомъ дрожаніе рукъ, словно кто-то передаетъ изъ-за тысячи верстъ телеграмму... Потомъ—пониженіе и повышеніе голоса, какъ при чтеніи Горація, то хриплое, то отрывистое... Потомъ цѣлый рядъ безсознательныхъ движеній: безсмысленное хватаніе предметовъ, не совсѣмъ устойчивое равновѣсіе, откашливаніе и кашель... Развѣ это не смѣшно? Развѣ есть что-нибудь смѣшнѣе этого?

А противъ меня сидитъ Иза и подбадриваетъ меня своей милой усмѣшкой, знающей добро и зло, своими загадочными глазами...

Ну, тайны-то актерскаго искусства мы знаемъ до тонкости. Развѣ я сегодня скверно жестикулировалъ?

Все сливается во мнѣ, потому что я такъ называемый „дифференцированный“ человѣкъ... Все,—намѣренія, желанія, страсти, искренность, сознательное и безсознательное, ложь и правдивость, тысяча небесъ, тысяча міровъ колышатся во мнѣ, но несмотря на все это, я смѣшонъ.

Вся суть въ томъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, рѣшительно ничего. Это „желѣзный“ законъ, самый долговѣчный

изъ всѣхъ, по которому человѣкъ, прежде чѣмъ добиться своей забавной цѣли, долженъ тысячу разъ быть смѣшнымъ въ глазахъ любимой женщины...

Вдругъ онъ прервалъ нить мыслей.

Такъ у меня чувство стыда!.. Да, да, все — какъ у маленькаго школьника. Онъ также чувствуетъ себя смѣшнымъ, если упадетъ съ лошади на глазахъ своей возлюбленной. Но вѣдь Иза для него чужая, совсѣмъ чужая. Онъ ничего не знаетъ о ней. Онъ не сдѣлалъ ни одного шага для того, чтобы разгадать тайну туманной улыбки этой необыкновенно любезной и снисходительной женщины!

И онъ влюбился именно въ ту женщину, о которой ничего не зналъ.

Вдругъ. Сразу. Въ одну секунду.

Гей! Тысячи эмпиріо-психологовъ, ісі! Ко мнѣ — вы, всезнающіе, вы, анатомы души, вы, аналитики „purs et secs", идите и объясняйте...

Итакъ фактъ: въ теченіе секунды я влюбился въ женщину. влюбился въ первый разъ.

— Оттого, что во мнѣ проснулось чувственное влеченіе? Ошибаетесь, оно во мнѣ никогда не дремало.

Оттого, что я внушилъ себѣ что-нибудь? Я ничего себѣ не внушалъ. Мой мозгъ не принималъ въ этомъ участія. У меня не было и времени задуматься. Кромѣ того, постыдитесь! Вы! Авторы физіологіи любви, такой баснословной физіологіи, должны были бы знать, что похоть не задумывается. Похоть — глупое, глухое животное. Неуклюжее и смѣшное.

Впрочемъ, мнѣ это рѣшительно все равно. Если кому-нибудь въ іюнѣ исполнится 25 лѣтъ, никто не спрашиваетъ причины... Вопросъ „почему" не существуетъ уже больше. Все принимается, какъ фактъ положительный. Такъ дѣлаютъ всегда.

Онъ оглянулся. Какая-то незнакомая площадь...

Очень красиво.

Сѣлъ на скамью, голова была немного тяжела, онъ, вѣроятно, выпилъ лишнее... Но все-таки не могъ успокоиться.

Что-то бурлило въ немъ, какъ подводный ключъ, весь вечеръ. Невыразимо мучительная мысль, которую онъ постоянно подавлялъ въ себѣ, но которая пробивалась все энергичнѣе и теперь вырвалась со страшною силой.

Микита!

Фалькъ всталъ въ безпокойствѣ, нѣсколько секундъ походилъ вокругъ, потомъ опять сѣлъ.

Видишь ли, Микита, ты не сердись на меня, я тутъ безусловно ни въ чемъ не виноватъ.

Зачѣмъ ты потащилъ меня къ ней? Я хотѣлъ пить вино и говорить съ тобою... Я не хотѣлъ итти къ ней... Нельзя таскать друзей къ невѣстѣ!

Это главный параграфъ кодекса любви.

Безусловно нельзя, даже если эта невѣста такъ великолѣпна, какъ твоя Иза.

Нѣтъ, Микита, не будь такъ страшно грустенъ. Это причиняетъ мнѣ невыносимую боль. Вѣдь я тебя очень, очень люблю.

Фалькъ расчувствовался.

Я дѣйствительно не виноватъ въ этомъ. Ну, подумай только. Вхожу въ комнату... Великолѣпная, красная волна свѣта. И этотъ красный свѣтъ обливаетъ женщину горящимъ кругомъ жара, женщину, которую я зналъ лучше, чѣмъ ты, хотя никогда ея не видѣлъ.

Виноватъ красный свѣтъ! Ты вѣдь художникъ, чортъ возьми! Ты долженъ знать, какъ этотъ красный свѣтъ дѣйствуетъ на твою душу.

И вотъ приходитъ такой „тоже психологъ“ господинъ Du Bois-Reymond и говоритъ: красный свѣтъ состоитъ изъ волнъ, которыя дѣлаютъ пятьсотъ билліоновъ колебаній въ секунду. Эти колебанія вызываютъ дрожаніе моихъ нервовъ, а потому я самъ дрожу... Ну, значитъ, я дрожу.

Понимаешь ты теперь, отчего я влюбился? Оттого, что я дрожу!

Итакъ,—ясно какъ солнце: дрожу—ergo люблю.

Фалькъ всталъ и пошелъ машинально впередъ. На улицахъ было пусто. Только по временамъ слышался назойливый хриплый женскій голосъ:

— Пойдемъ ко мнѣ, милочка!

Нѣтъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія. Что ему дѣлать у кокотки? Онъ—не берлинскій романистъ и не нуждается въ скромныхъ, юбочныхъ настроеніяхъ для того, чтобы написать романъ. Нѣтъ! Онъ ненавидитъ всѣхъ женщинъ, всѣхъ, а больше всего ее,—ее, которая коварно ворвалась въ его душу и пробудила это проклятое безпокойство.

Нѣтъ, Микита, ты не долженъ на меня сердиться. Нѣтъ... нѣтъ... Ты понятія не имѣешь, какъ я страдаю. Что-то давитъ мнѣ горло... цѣлый день... Я ничего не ѣлъ, а только пилъ, пилъ...

Знаешь, что мнѣ снилось? Что я падаю съ высокой горы. Я сидѣлъ на ледникѣ, который летѣлъ съ безумной быстротой... Развѣ я могъ бороться. Развѣ я могъ защищаться? Ледникъ несъ меня, ледникъ былъ широкій.

Онъ мчался и мчался, бѣшеный, безумный.

Развѣ я могу расположить атомы моихъ нервовъ въ другомъ порядкѣ? Развѣ я могу задержать функціонированіе моего мозга? Хе? Развѣ я могу это сдѣлать? А ты?

Ледникъ мчитъ меня, подбрасываетъ, кидаетъ,—я лечу, падаю, пока, наконецъ, онъ не броситъ меня въ море.

Это—„желѣзный“ законъ.

Фалькъ почти крикнулъ.

Ну да, я немного пьянъ, а тогда владѣть собой нѣсколько трудно.

Нѣтъ, Микита, нѣтъ... Ты очень дорогъ мнѣ. Я ни въ чемъ, ни въ чемъ передъ тобой не виноватъ.

Вдругъ онъ впалъ въ бѣшенство.

А развѣ ты не игралъ на ея нервахъ, милѣйшій Фалькъ, развѣ ты не возбуждалъ ея любопытства тысячью уловокъ?

Великолѣпно это внезапное сознаніе вины! Да, я беру свою совѣсть, обремененную грѣхомъ, и высыпаю ея содержимое передъ Всемогущимъ, который создалъ меня не неразумнымъ четвероногимъ, а двуногимъ индивидуумомъ, одареннымъ душой и разумомъ, способнымъ различать добро и зло при помощи этого „quinta essentia“, то-есть свободной воли, и управлять своими поступками.

Да, дорогой Микита... Mea maxima culpa! Я согрѣшилъ противъ тебя!

По дорогѣ онъ увидѣлъ открытое ночное кафэ.

Охъ, какъ же онъ усталъ!

Вошелъ и сѣлъ въ углу, на диванѣ.

Вокругъ онъ слышалъ крикъ, говоръ, ругань, торговлю. Оглянулся, не дѣлаетъ ли замѣтокъ какой-нибудь берлинскій романистъ. Какой-нибудь коллега по занятію... хе, хе, хе...

Гадость!.. Сколько стоитъ фунтъ мяса на пять минутъ?

Онъ облокотился и сталъ смотрѣть на сильный свѣтъ электрической лампы.

Онъ мигалъ у него въ глазахъ. Видѣлъ, какъ вокругъ бѣлыхъ, круглыхъ лапъ дрожало горячее зарево.

Видѣлъ свѣтлую мглу, которая крутилась все быстрѣе и быстрѣе, сильнѣе и горячѣе.

И чувствовалъ ее въ своихъ объятіяхъ, ея воспаленное лицо у своего, чувствовалъ ея движенія, которыя разливались невыразимымъ блаженствомъ по его нервамъ, и видѣлъ миръ, какъ красное кольцо, кружившееся вокругъ.

Это была великая проблема.

Выпрямился.

Проблема его любви! Иза родилась изъ него, или онъ изъ нея. Она была самымъ совершеннымъ дополненіемъ его. Ея движенія до такой степени были движеніями его души, что доводили его до состоянія величайшаго экстаза, звукъ ея голоса освобождалъ въ его душѣ что-то такое, въ чемъ крылась тайна всего его бытія.

Глупый мозгъ, откуда ты знаешь это съ такой увѣренностью?

Онъ язвительно засмѣялся.

Но вдругъ задумался. Увидѣлъ себя и ее въ странной картинѣ.

Они равнодушно сидѣли другъ противъ друга. Холодно смотрѣли другъ другу въ глаза,—вѣдь они были совсѣмъ равнодушны и чужды одинъ другому.

Да, въ его глаза проникли параллельные лучи, что-то въ родѣ лучей Рентгена. Онъ видѣлъ насквозь и себя и ее, видѣлъ, какъ что-то поднималось изъ ихъ глубинъ, какъ оба подземныя „Я“ приблизились и смотрѣли другъ на друга вопросительно, похотливо...

Или нѣтъ! Они сидѣли равнодушно за столомъ и говорили о глупыхъ и маловажныхъ вещахъ. Но эти другія „Я“ были безконечно близко, обнимались, сливались другъ съ другомъ.

Это другое „Я“, дорогой Микита, то, котораго я не знаю, то, которое проявляется безъ причины и повода, которое знало ее уже тысячи лѣтъ до нашей встрѣчи.

Видишь ли, Микита, мой глупый мозгъ—самое большее—можетъ знать, что что-то происходитъ, — констатировать совершившійся фактъ.

Да, мой дорогой, это фактъ совершившійся. Я ее люблю.

А то, что я старался быть интереснымъ?.. Что я ее завлекалъ, обращалъ вниманіе на мою глубину?

Побойся Бога, Микита, будь же благоразумнымъ! Великое „Agens" такъ завелъ пружину, что колесики и шестерня должны двигаться въ ту, а не въ другую сторону,—это неизбѣжно!

И ты этого не понимаешь!

— Отчего Микита не пришелъ?

Охъ, сударыня, какъ вы плохо знаете Микиту! У Микиты инстинкты одарены руками, достающими за тысячу верстъ, руками, которыя схватываютъ неуловимое. Микита видитъ, какъ звукъ становится цвѣтомъ. Онъ писалъ красками аккорды, которые довели бы васъ до сумасшествія, если бы вы ихъ слышали, но вѣдь грубый глазъ переноситъ все! Микита видитъ, какъ трава растетъ, какъ небо кричитъ. Все это видитъ Микита—Микита геній!

А что такое я? Что я сдѣлалъ?

Чепуха, Фалькъ! Неужели ты и въ самомъ дѣлѣ пьянъ?

Нѣтъ, нѣтъ, я психологъ и въ настоящую минуту прилежно занимаюсь препарированіемъ души Микиты начисто...

Хо! Микита притворяется, будто онъ ничего не видитъ, онъ позволяетъ яду впиваться въ самые сокровенные тайники его души, пока ядъ не разъѣстъ всего въ ней, пока все въ ней не погибнетъ.

Ну, такъ что же? Ненужное препятствіе полетитъ за бортъ, а корабль свободно пойдетъ дальше. Микита не первый—и не послѣдній!

Говоръ и смѣхъ вокругъ Фалька становился все громче.

Онъ вскочилъ въ бѣшенствѣ и крикнулъ: Тише!

Потомъ сѣлъ. Эти проклятыя мухи, что прерывали его мысли!

Страшное безпокойство охватило его.

Нужно повидать Микиту. Надо обязательно посмотрѣть, что онъ теперь дѣлаетъ.

Да, онъ пойдетъ къ нему.

— Кто тамъ?—онъ работаетъ.—Это я, Эрикъ Фалькъ.— Открываетъ. Смотритъ на меня искоса, а глаза у него, конечно, дикіе.

— Чего тебѣ надо?

— Чего? А вотъ я хочу тебѣ объяснить, что люблю не я, а то, другое мое „Я", котораго я не знаю, и которое напало на меня врасплохъ. Хочу объяснить тебѣ, какъ это случилось. Я сидѣлъ съ ней за столомъ, равнодушный, холодный, но въ то время, какъ я говорилъ о разныхъ пустякахъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, то, другое „Я", работало самостоятельно, манило ее, влекло, пока она не поддалась.

Нѣтъ, нѣтъ! Она подтруниваетъ и смѣется надо мной, потому что мое глупое, сознательное „я" захотѣло теплаго прощанья. Видишь,—она для меня чужая, совсѣмъ чужая, но эти другія „Я" въ обоихъ насъ знаютъ, прекрасно знаютъ другъ друга, любятъ другъ друга безконечно сильно, неразрывно.

Благодарю Тебя, всемогущій Творецъ, что ты создалъ меня двуногимъ животнымъ, которое надѣлилъ разумомъ и душой, дабы оно могло различать добро и зло, дабы оно не пожелало Изы, разъ Микита имѣлъ счастье познакомиться съ ней раньше.

А тамъ,—тамъ сидитъ молодое животное около ста кило живого мяса, хе-хе, глупый купчикъ... У него нѣтъ разума, онъ не знаетъ разницы между добромъ и зломъ.

Видишь, молокососъ, что ты въ сравненіи со мною?

Нѣчто безъ разума и воли.

Фалькъ расхохотался во все горло.

Но въ виду неприличнаго поведенія, — это выраженіе страшно ему понравилось,—онъ долженъ покинуть кафе.

Какъ разъ во время.

Въ этой отравленной, вонючей отъ пота и мяса атмосферѣ вертепа дольше не могъ бы выдержать человѣкъ изъ породы Homo sapiens.

На дворѣ свѣтало.

Надъ черными крышами онъ видѣлъ лазурь неба въ невыразимомъ, тихомъ, святомъ величіи.

Величіе неба надъ Берлиномъ, — разсмѣялся онъ презрительно,—но вѣдь такова эта глупая природа: она простираетъ могущество свое и надъ океаномъ и надъ лужей грязи!

X.

— Отчего ты не пришелъ вчера къ Ильтису? — спросила Иза неувѣреннымъ тономъ.

— Къ чему мнѣ было приходить? Я былъ увѣренъ, что ты и безъ меня прекрасно проведешь время.

— Это очень нехорошо... Ты же знаешь, какъ я счастлива, когда бываю вмѣстѣ съ тобой.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Микита взглянулъ на нее недовѣрчиво.

— Какъ это надо понимать?

Она возмутилась. Но вдругъ увидѣла дрожь на его блѣдномъ, истощенномъ лицѣ. Она знала это.

— Стыдись! Какой ты нехорошій.—Взяла его руку и начала гладить ее.

Микита медленно отнялъ руку. Началъ ходить по мастерской.

— Что съ тобой?

— Со мной? Ничего, ничего, ничего...

Она взглянула на него. Нервное безпокойство все сильнѣе дрожало на его лицѣ. Что-то кипѣло въ немъ и каждую минуту грозило взрывомъ.

— Ну, пойди же ко мнѣ!

Онъ остановился передъ нею.

— Чего тебѣ надо?

— Садись со мной! Здѣсь... рядомъ.

Сѣлъ. Она взяла его за руку.

— Что съ тобой, Микита?.. Ну?

— Ничего!

— Развѣ я сдѣлала тебѣ что-нибудь непріятное?

— Нѣтъ.

— Видишь, Микита, ты не искрененъ. Ты не хочешь мнѣ сказать, но я знаю слишкомъ хорошо: ты меня ревнуешь къ Фальку...

Микита хотѣлъ ее перебить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я слишкомъ хорошо тебя знаю: ты ревнуешь, а это страшно глупо.

Фалькъ человѣкъ очень интересный, послѣ тебя онъ, можетъ быть, самый интересный человѣкъ, котораго я знаю, но я не могла бы его любить,—никогда. Ты не пришелъ вчера, и я прекрасно знала, что ты сидишь дома и сходишь съ ума отъ ревности. Цѣлый вечеръ я все время спрашивала себя, какой у тебя, собственно, поводъ къ этому? Развѣ я тебѣ дала поводъ къ ревности?

Микитѣ стало стыдно.

— Ты не долженъ ревновать... Это меня мучитъ. Это меня утомляетъ... Въ концѣ концовъ мнѣ придется перестать со всѣми разговаривать, чтобы не сердить тебя. Я не могу выносить этого! У тебя нѣтъ никакого повода! Ты самъ губишь нашу любовь.

Микита былъ страшно подавленъ и цѣловалъ ея руки

— Ты унижаешь меня этимъ вѣчнымъ недовѣріемъ. Ты вѣдь долженъ понять, что и я тоже человѣкъ. Нельзя такъ вѣчно мучить меня! Ты гордился моей самостоятельностью, а теперь самъ хочешь ее уничтожить, сдѣлать меня невольницей! Въ концѣ концовъ ты захочешь совсѣмъ отрѣзать меня отъ всего міра.

Микита былъ въ отчаяніи.

— Иза, нѣтъ, нѣтъ! Я не ревную. Но ты не знаешь, что значитъ для меня твоя любовь. Я не могу жить безъ тебя. Всѣ мои корни въ тебѣ... Ты...

Онъ сдѣлалъ широкое, смѣшное движеніе рукой.

— Ты не понимаешь этого, у тебя нѣтъ этого бѣшенаго темперамента—этого... этого... ну, ты не умѣешь чувствовать, какъ это жжетъ и мучитъ, какъ это падаетъ молніей передъ глазами и затемняетъ весь міръ.

Она все гладила его по рукѣ.

— Нѣтъ, ты не знаешь, что ты для меня. Я не ревную, я чувствую только страшную тревогу, безпокойство, что вдругъ я тебя потеряю... Я не могу объяснить себѣ, почему ты меня любишь—я...

— Слушай, слушай, — онъ выпрямился. — Присмотрись только къ этому маленькому, смѣшному Микитѣ, вѣдь ты выше меня...

— Оставь это въ покоѣ. Я люблю тебя,—ты великій артистъ, величайшій ихъ всѣхъ...

— Вотъ, видишь, ты любишь во мнѣ только, только артиста... Человѣка во мнѣ ты и не знаешь совсѣмъ. Какъ человѣкъ, я для тебя ничто, ничто...

— Но вѣдь человѣкъ и артистъ въ тебѣ одно! Чѣмъ бы ты былъ безъ своего искусства?

— Да, да, ты права. Нѣтъ, Иза, я сумасшедшій. Не сердись на меня за это... Ради Бога не сердись. Я буду теперь благоразуменъ. Но развѣ это моя вина? Ты должна это понять. Я, я живу тобою... Если бы я тебя потерялъ, тогда... тогда бы у меня ничего не осталось, ничего...

Слезы, какъ горохъ, катились по его щекамъ.

Она прижала его къ себѣ.

— Мой дорогой, мой глупый Микита, я вѣдь люблю тебя...

— Правда? Ты меня любишь? Правда? Ты... ты...

Дрожащими руками онъ гладилъ ее по лицу, обнималъ, прижималъ страстно къ груди.

— Ты не бросишь меня никогда?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Любишь меня?

— Да.

— Повтори, повтори это еще разъ, тысячу разъ... Ты одна у меня... Ты, ты не понимаешь, какъ я мучился вчера... Я думалъ, что сойду съ ума. Хотѣлъ бѣжать къ тебѣ и не могъ... Не могъ ни сидѣть, ни стоять... Ты, Иза, никогда меня не бросишь? Нѣтъ, нѣтъ! Я бы погибъ тогда... тогда... тогда...

Тощее исхудалое тѣло художника дрожало все сильнѣй.

— Увидишь, я буду писать,—ты не знаешь, на что я способенъ... Убѣдишься въ этомъ. Я буду писать только тебя, всегда тебя. Я заставлю весь міръ преклоняться передъ тобой... Я все, все сумѣю написать. Мысли, аккорды, слова... и тебя, да тебя... Ты будешь гордиться мною, гордиться...

Онъ всталъ передъ ней на колѣни, обнималъ ихъ, слова его путались, онъ лепеталъ ихъ безсвязно.

— Ты моя, ты...

Она начала испытывать безпокойство. Ей это было непріятно. Только бы его успокоить!

— Да, да... Ты мой великій Микита! И я твоя, твоя... Но нельзя быть такимъ нехорошимъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что ты меня любишь. Знаю, что ты моя... Прости... Это больше никогда не повторится... Ты прощаешь меня?

— Да, да.

Онъ прижималъ ее такъ сильно къ себѣ, что она едва могла дышать.

Смутная тревога въ ней росла и росла. Чувствовала, что приближается... Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Какъ хорошо было бы теперь убѣжать...

Вырвалась.

Онъ, казалось, не обращалъ на это вниманія. Дикая, долго сдерживаемая страсть прорвалась и хлынула со страшною силой.

— Я такъ счастливъ, такъ безконечно счастливъ. Ты дала мнѣ все, все...—лепеталъ онъ.

Животная, слѣпая, бѣшеная страсть овладѣла имъ.

— Безъ тебя я ничто, ничто. Вчера я чувствовалъ это, я гибну, пропадаю безъ тебя...

Онъ прижималъ ее къ себѣ все сильнѣе.

— Ты... ты...—Онъ горячо дышалъ.

Она чувствовала, какъ его горячее дыханіе жгло ея шею. Вся ея душа сжималась, какъ сухая губка. Тревога росла въ ней, обезсиливала ее, перепутывала всѣ мысли и чувства... Боже, что ей дѣлать? Фалькъ стоялъ у нея передъ глазами. Что-то возставало въ ней, сопротивлялось въ дикомъ, отчаянномъ возмущеніи.

— Будь моею,—молилъ онъ...—Докажи мнѣ, что любишь меня...—Она видѣла глаза Микиты, глаза безумца, которые ничего не видятъ.

Боже, Боже...

Еще разъ вскочила. Хотѣла его оттолкнуть и убѣжать, не видѣть его никогда... Не поддаваться никогда этой гадости, но въ ту же минуту лишилась силъ. Ее охватила болѣзненная грусть, она не могла сопротивляться... Должна была...

— Люблю тебя... Умираю отъ тоски по тебѣ...—лепеталъ онъ, какъ ребенокъ.

А отвращеніе усиливалось въ ней, вростало въ горло, обезсиливало. Холодная дрожь гадливости пробѣжала по ея

тѣлу,—но она не могла защищаться, у нея уже не было силъ. Она слышала только голосъ Фалька, видѣла его глаза... Нѣтъ, у нея уже не было силъ... закрыла глаза и со страшнымъ мучительнымъ отчаяніемъ отдалась этой отвратительной страсти.

. . . .

. . . .

— Ты осчастливила меня.

Счастье искривило смѣшною гримасой нервное, худое лицо Микиты.

Но она чувствовала отвращеніе, бѣшеное отвращеніе, которое впивалось въ каждый нервъ съ чувствомъ возрастающаго возмущенія и ненависти, которой она до сихъ поръ не знала. На губахъ ея играла безсознательно-дружелюбная улыбка,—эта улыбка познанія добра и зла.

Она снова гладила его руку.

Боролась съ собой. Въ глазахъ у нея темнѣло отъ стыда и возмущенія. Она съ трудомъ удерживала слово, которое хотѣла кинуть ему въ лицо за то, что онъ такъ грубо ее изнасиловалъ... А мысль о Фалькѣ все глубже проникала въ душу. Безумная боль разрывала ея голову...

— Иза, я счастливъ, безконечно счастливъ сегодня...

Она овладѣла собой и улыбнулась. Но чувство отвращенія и гадливости все не покидало ея. Все было ей противно, его слова, его рука, его горячее дыханіе.

Но Микита думалъ только о своемъ счастьѣ. Эта женщина принадлежитъ ему. Голова горѣла отъ радости и силы.

Она не хотѣла думать, но не могла удержать мысли о Фалькѣ. Эта мысль причиняла ей боль, терзала ее, бросала въ сердце стыдъ и ненависть. Она глубоко вздохнула. Только бы онъ не пришелъ! Боже, только бы онъ не пришелъ...

—填лькъ будетъ у тебя сегодня?

Микита взглянулъ на нее удивленно.

— Кто? Фалькъ?

Она очнулась.

— Я бы очень хотѣла, чтобы онъ посмотрѣлъ твои картины. Онъ не видѣлъ ихъ, а вѣдь онъ одинъ только можетъ ихъ понять.

Микита вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Слушай, Иза, я напишу ему, чтобы онъ сейчасъ пришелъ?

Она быстро вскочила.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не сегодня.

— Отчего же не сегодня?

— Я хочу быть съ тобой вдвоемъ.

Онъ горячо поцѣловалъ ея руку и взглянулъ на нее съ благодарностью.

Какая-то собачья покорность была во всемъ этомъ. Она вспомнила большую собаку въ домѣ своего отца, которая также ее любила, и отъ которой она никогда не могла избавиться.

Стемнѣло.

Какое онъ имѣлъ право насиловать ее такъ грубо?.. Да... нѣтъ... не думать, не думать!.. А все-таки она чувствовала себя оскверненной,—онъ ее осквернилъ!

Вдругъ она почувствовала на своемъ плечѣ его руку.

Испугалась. Его прикосновеніе было противно ей.

— Зажги лампу.

Микита всталъ и зажегъ.

Потомъ впился въ нее испуганными глазами. У нея не было больше силъ владѣть собой. Все обрушилось на нее: Фалькъ, Микита, отвращеніе... Это ужасное отвращеніе... гадливость...

Вдругъ въ немъ проснулся страхъ, ужасъ, который на минуту парализовалъ его мозгъ.

Она видѣла, какъ лицо его начало дергаться, какъ глаза стали страшно расширяться.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Ничего, ничего!—Она попробовала улыбнуться, но не могла.

— Что... что... что съ тобой творится?—Онъ начиналъ понимать.

Въ ту же минуту раздался сильный звонокъ.

Онъ вздрогнулъ, не понимая, откуда этотъ звукъ.

— Слышишь, кто-то звонитъ... Не отворяй, не отворяй!—молила она въ ужасѣ.

Но онъ уже убѣжалъ. Силы ее покинули. Это онъ, онъ, Фалькъ,—она знала это. Онъ! Боже...

— О, это прямо великолѣпно, это попросту трогательно, мы какъ разъ хотѣли послать за тобой...—Микита едва владѣлъ собой.—Ну, Иза, Фалькъ, наконецъ, пришелъ.—Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы овладѣть собой.

— Ты не повѣришь, какъ я радъ. Знаешь, Эрикъ... Это прекрасно... Мы устроимъ великолѣпный вечеръ... Чего хочешь? Вина, водки, пива?.. Хе... Все будетъ...

Хочешь видѣть мои картины?—Что же ты найдешь въ нихъ? Иди въ жизнь,—да, на улицу,—тамъ картины! Эта глупая мазня, этотъ жалкій изводъ красокъ,—къ чему онѣ?.. Боже, къ чему это все!.. Развѣ ты не говорилъ вчера, что этимъ нельзя заманить даже глупой самки?.. Да, да, иди на улицу,—нѣтъ, иди въ ночное кафэ, тамъ картины! Великолѣпныя! Знаешь... такой картины, которую я вчера видѣлъ, никто не напишетъ... Знаешь, что я видѣлъ?.. Я былъ въ ресторанѣ, да, въ ресторанѣ, а не въ кафэ... и сидѣлъ тамъ очень долго. Противъ меня сидѣлъ какой-то господинъ съ

двумя дамами. Одна была его любовницей, а съ другой онъ переговаривался по безпроволочному телеграфу подъ столомъ. Онъ ѣлъ сосиски, понимаешь... Яуэровскія, насколько я могъ разсмотрѣть... Вдругъ... Вотъ была минута!.. Ха, ха! Эта минута, эта чудная минута!..—Микита хрипло смѣялся, едва можно было разобрать его слова.

Минута, которая рѣдко случается.

Ну, слушай: эта легальная любовница...—Микита постоянно прерывалъ разсказъ нервнымъ, непріятнымъ смѣхомъ...—хватаетъ тарелку съ сосисками, и бросаетъ ее въ лицо донъ-жуану... Вотъ была картина,—куда всѣ мои!.. Подливка текла по лицу... Знаешь, эта темно-шоколадная жидкость, которой въ Берлинѣ поливаютъ всѣ кушанья... Сосиски разлетѣлись во всѣ стороны... Этотъ верзила былъ похожъ...—Микита трясся отъ смѣха...—Вотъ была картина! Ахъ, на кого онъ былъ похожъ!

Фалькъ не могъ понять, что происходитъ съ Микитой. Взглянулъ на Изу, но она лежала на диванѣ неподвижно, смотря въ потолокъ.

Вѣроятно, опять сцена ревности.

— Знаешь, что сдѣлалъ этотъ верзила?—Микита нервно теребилъ пуговицу на сюртукѣ Фалька.—Ничего! Ничего! Прехладнокровно вытеръ салфеткой лицо... Вотъ что онъ сдѣлалъ!.. А дама, съ которою онъ переговаривался по телеграфу, умирала отъ смѣха... Ея эротическія чувства исчезли, какъ дымъ... И знаешь почему?—Знаешь?—кричалъ Микита.

Потому что онъ сталъ смѣшнымъ въ ея глазахъ, смѣшнымъ! А разъ человѣкъ станетъ смѣшнымъ въ глазахъ женщины, тогда все пропало...

Все это казалось Фальку непріятнымъ. Онъ думалъ о вчерашнемъ прощаньѣ.

— Развѣ ты понимаешь, что значитъ стать смѣшнымъ въ глазахъ женщины?.. Да, да, конечно...—Микита запнулся...— Не всегда, не всегда... Есть еще женщины, въ глазахъ которыхъ человѣкъ никогда не бываетъ смѣшнымъ, женщины, которыя любятъ! Любятъ!..—Онъ успокоился...—Видишь, эти женщины забываютъ о себѣ и обо всемъ... не видятъ того, что человѣкъ смѣшонъ,—не думаютъ, не обращаютъ вниманія...—Онъ снова загорячился.

— Ну, Иза?.. Развѣ я не правъ? Вѣдь ты женщина!

Иза старалась перемѣнить тему разговора. Это было ей невыносимо непріятно. Какъ онъ назойливъ и противенъ!.. Она разсмѣялась.

— Да, ты, пожалуй, правъ... Эта исторія съ сосисками очень комична. Ну, что же дальше?

Микита смѣрилъ ее пристальнымъ взглядомъ.

— Да, дальше,—правда! Итакъ, осмѣянный донъ-жуанъ былъ совсѣмъ спокоенъ, хотя всѣ посѣтители за столиками умирали отъ смѣха... Его красивый, высокій воротничекъ превратился въ мокрую тряпку, а твердую, накрахмаленную грудь рубашки можно было бы обернуть вокругъ спички...

Виновница,—женщина, въ глазахъ которой нельзя быть смѣшнымъ,—поблѣднѣла,—я даже видѣлъ, какъ она дрожала. Она была ужасно похожа на собаку. Такими Гойя видѣлъ людей,—несравненный Гойя, единственный психологъ въ мірѣ. Онъ видѣлъ только животное въ человѣкѣ, а вѣдь всѣ люди—животныя: псы или ослы.

Но у дѣвушки былъ темпераментъ, у нея была любовь, безграничная любовь въ сердцѣ, она любила его, да, любила...

Какъ? Развѣ это тебя не интересуетъ? Нѣтъ? Тебя не интересуетъ ревность, которая доводитъ до преступленія? Одна бросаетъ въ лицо сосисками, другая обливаетъ купо-

росомъ. Но чувство всегда одно и то же! Сильное, могучее — это жизнь, любовь! У одной проявляется такъ, у другой немного иначе... У моей матери была служанка, которая цѣлыми днями и ночами читала романы... Какъ ты думаешь, не потеряло ли въ лицѣ ея человѣчество новую, могучую Родзевичъ? Правда? Правда?

Фалькъ началъ безпокоиться. Что творится съ Микитой?

— Вотъ видишь,—не стоитъ смотрѣть моихъ картинъ!

Да, правда, pointa... Субъектъ вышелъ спокойно и торжественно со своими дамами изъ ресторана... Но вдругъ на улицѣ... Ну, это надо было видѣть.... это можетъ произвести сенсацію... дѣвушка вдругъ свалилась на мостовую отъ здоровой пощечины... Но она встала, поползла за нимъ на колѣняхъ и молила о прощеньѣ. Онъ оттолкнулъ ее, но она все время ползла за нимъ, молила и ревѣла.

Микита становился все болѣе возбужденнымъ.

— Знаешь, что я тогда сдѣлалъ?

Я подошелъ къ нему, поклонился до земли и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, милостивый государь, выразить свое изумленіе.

— Да, видишь,—волненіе Микиты доходило до угрожающихъ границъ...

— Ради Бога, что съ тобой,—ты боленъ?.. Что съ тобой случилось?

Микита перебилъ его:

— Я? Боленъ?.. Да ты съ ума сошелъ? Такъ видишь, этотъ человѣкъ поступилъ превосходно. Правда?.. Женщину нужно поработить—кулакомъ, бичомъ... Любовь надо брать съ боя, съ боя...

Онъ запнулся и замолчалъ.

Наступило неловкое молчаніе.

Ералькъ безпокоился. Онъ смотрѣлъ тревожными глазами то на Микиту, то на Изу. Но, въ сущности, эта сцена доставила ему удовольствіе.

Иза вдругъ сѣла и медленно произнесла:

— Ты бы могъ здѣсь очень кстати привести слова Ницше: „Когда идешь къ женщинѣ, не забудь захватить плетки". А то вѣдь твои слова кажутся почти плагіатомъ.

Что-то необыкновенно отталкивающее звучало въ ея голосѣ.

Фалькъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Неужели это разрывъ?.. Съ Микитой?.. Эта ненависть...

Микита вдругъ вскочилъ съ табурета и расхохотался.

— Чортъ возьми, Ницше это превосходно сказалъ, баснословно хорошо... Но что съ вами? У васъ такой торжественный видъ... Впрочемъ, я совсѣмъ дуракъ, въ самомъ дѣлѣ!

Онъ вдругъ сталъ очень любезенъ.

— Не сердись за то, что я такъ волнуюсь, но у меня, кажется, въ самомъ дѣлѣ delirium,—я всю ночь пилъ съ этимъ верзилой... Это мнѣ не особенно полезно... Мой дядя умеръ отъ delirium, отъ самаго прекраснѣйшаго бреда, который только можетъ расцвѣсти въ человѣческомъ мозгу. Его бредъ былъ могучимъ, какъ пальма, какъ огромная пальма, подъ которой нельзя ходить безнаказанно, какъ говорятъ наши великаны духа.

Онъ ходилъ по комнатѣ и поправлялъ картины.

Боже, что это за картины? Человѣкъ, который довольствуется самимъ собой, долженъ бы былъ этимъ ограничиться,—не марать и не мазать...

Такъ ты хочешь посмотрѣть картины?.. Ну, такъ ты долженъ притти завтра, когда будетъ свѣтло...

Да, для нихъ нуженъ свѣтъ, въ каждомъ окнѣ тысячи квадратныхъ верстъ свѣта, чтобы увидѣть то, чего еще ни

одинъ человѣкъ не видѣлъ... Да, ни одинъ человѣкъ... чего даже я не видѣлъ... но долженъ увидать, долженъ!

Фалькъ никогда не видалъ Микиты въ такомъ состояніи... Это было ненормально...

— Но что же съ тобой? Чего ты играешь со мной какакую-то комедію?

— Что со мной? Что со мной? Я счастливъ, какъ никогда!

— Ну, такъ нечего трезвонить объ этомъ во всѣ колокола! Нечего кричать!

— Я долженъ, чортъ возьми, кричать, потому что у тебя иногда такъ дрожитъ что-то около губъ, на нихъ появляется такой ироническій оттѣнокъ, словно ты не вѣришь въ мое счастье... Ну, Иза? Развѣ мы не счастливы?!

Но Иза не могла больше выносить этого. Теперь онъ забросаетъ грязью всѣ ихъ отношенія... Нѣтъ, это было уже слишкомъ!..

Встала, одѣлась и, не говоря ни слова, вышла изъ мастерской.

Микита смотрѣлъ на нее безсмысленно.

Онъ былъ словно раздавленъ. Потомъ обратился къ Фальку.

— Иди и ты! Иди, иди! Я слишкомъ разстроенъ, я хочу остаться одинъ... Иди, иди!—крикнулъ онъ.

Фалькъ почти презрительно пожалъ плечами и вышелъ. Внизу онъ встрѣтилъ Изу. Она дожидалась его.

Оставшись одинъ, Микита заперъ двери, остановился по серединѣ комнаты и вдругъ изо всей силы ударился головой о стѣну.

Боль отрезвила его.

Такъ онъ дѣйствительно сходитъ съ ума.

Онъ подошелъ, шатаясь, къ дивану. Голова страшно болѣла.

Вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло, голова закружилась.

Это было безобразно. Изнасиловать беззащитную женщину, овладѣть ею, помимо ея желанія. Она отдалась ему, потому что должна была отдаться, потому что...

И онъ вскрикнулъ изо всей силы.

— Гадость!

Безпокойство терзало, рвало его. Онъ чувствовалъ, какъ дрожитъ каждая жила. Все растущее и растущее бѣшенство пѣнилось въ его душѣ; ему казалось, что онъ распадается, что всѣ члены вырываются изъ суставовъ. Его охватила страшная тревога.

— Со мной что-то не ладно, со мной что-то не ладно,— повторялъ онъ все время.

Схватился обѣими руками за грудь.

Онъ изнасиловалъ беззащитную женщину,—женщину, которой онъ былъ противенъ. Отчего же она отдалась ему? Онъ просилъ ее? Боже, она отдалась ему изъ любезности! Богъ знаетъ, изъ-за чего!

И вдругъ у него молніей блеснула дикая мысль.

Теперь она отдастся Фальку, потому что онъ будетъ просить объ этомъ, отдастся, чтобы не сдѣлать ему непріятности, чтобы...

Онъ ржалъ отъ бѣшенаго смѣха, катался по дивану и, наконецъ, разразился судорожнымъ плачемъ.

Онъ слышалъ свой плачъ.

И снова просыпалось въ его мозгу безумное безпокойство. Вскочилъ... Онъ долженъ вернуть ее къ себѣ, иначе Фалькъ ее отниметъ.

Машинально взялъ шапку, открылъ двери, сбѣжалъ по лѣстницѣ, и пустился, сломя голову, по улицѣ къ ея дому,— дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдный, съ пѣной на губахъ.

— Дома?

— Нѣтъ.

Остановился передъ домомъ. Все рухнуло въ немъ.

Хотѣлъ итти, но ноги не слушались.

Онъ не сможетъ даже шага сдѣлать.

Остановился, но не могъ собрать мыслей. Вдругъ прочелъ на противоположной сторонѣ улицы: Restaurant-Café.

— Ага! Кафе... Да, онъ пойдетъ въ кафе, тамъ сядетъ, — тихо, тихо... Сядетъ на диванъ, напьется кофе, прочтетъ газеты...

XI.

Иза и Фалькъ сидѣли въ томъ же ресторанѣ, гдѣ и прошлый вечеръ. Съ той лишь разницей, что они были одни въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Никогда еще Иза не испытывала такого наслажденія отъ того, что она одна съ мужчиной.

Она полулежала на диванѣ, курила и лѣниво, безъ мыслей, пускала клубы дыма.

Совсѣмъ забыла о Микитѣ. А если онъ и вставалъ у нея передъ глазами, то какъ злобный, мечущійся изъ стороны въ сторону, противный призракъ, — что-то въ родѣ урода или карлика.

Да, онъ умѣетъ язвить. Эти скрытые уколы въ глупомъ разсказѣ о сосискахъ.

Фалькъ смотрѣлъ на нее пристально.

Временами онъ удивлялся, что лицо ея обливается темнокраснымъ румянцемъ и нервно дрожитъ.

И каждый разъ видѣлъ, какъ она вдругъ поднималась и выпивала рюмку вина.

Какъ онъ ее любитъ! Какъ хочетъ прижать къ себѣ ея стройное тѣло, гладить мягкіе, свѣтлые волосы, прижать, спрятать ея голову на своей груди...

Отчего же у него нѣтъ смѣлости сдѣлать это...

Отчего?

Онъ чувствуетъ, знаетъ, что она его любитъ... Такъ отчего?..

Жалость къ Микитѣ? Развѣ онъ не страдалъ точно такъ же, если не больше?..

Онъ вспомнилъ всю эту непріятную сцену у Микиты, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Странно, что онъ почти радовался этому. Что за дьяволъ сидѣлъ въ немъ, который ликовалъ все время? Онъ вспомнилъ, какъ напоилъ разъ жениха одной дѣвушки и чувствовалъ дьявольское наслажденіе, когда дѣвушка пришла въ отчаяніе, что ея женихъ такъ ужасно напился. Онъ былъ увѣренъ, что съ этихъ поръ она возненавидѣла жениха. Что за сатана сидѣлъ въ немъ?

На губахъ его играла нервная, грустная улыбка.

Она взглянула на него. Какъ онъ красивъ! цѣлыми часами она могла бы смотрѣть на него, смотрѣть въ его большіе, блестящіе глаза, что впились въ нее съ лихорадочнымъ блескомъ... А когда онъ нервно ходилъ по комнатѣ,—эти гибкія, хищныя движенія стройной пантеры...

И снова чувствовала, какъ румянецъ стыда заливаетъ ея лицо, какъ просыпается темная ненависть...

Микита неотесанъ, грубъ!

Она жадно пила.

Не говорила ни слова.

Онъ говорилъ уже такъ много, хотѣлъ теперь углубиться въ свою душу и наслаждаться тѣмъ, что его окружало, вдыхать, впивать это каждымъ нервомъ.

Она слушала, наслаждалась тихими, монотонными звуками его словъ... Въ его голосѣ было что-то, что парализовало ея волю, гипнотизировало ее.

Она вспомнила, какъ слышала разъ въ оперѣ Тристана и Изольду. Тогда она тоже испытывала что-то въ родѣ

этого. Сидѣла въ ложѣ, забыла, гдѣ она... О, это невыразимо блаженное состояніе... Въ полуснѣ слышала какую-то сонную, сладострастную музыку... Чувствовала, какъ эта музыка льется въ ея душу, тоскливая, ангельская музыка...

Упала на диванъ и закрыла глаза.

Ей было такъ безконечно хорошо... Съ нимъ, съ нимъ!..

Фалькъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ рядомъ съ ней...

Взялъ ея руку, посмотрѣлъ въ глаза... Словно вокругъ разлился волшебный, фосфорическій блескъ... Онъ видѣлъ этотъ блескъ, дрожащій, жаркій, манящій, зовущій блескъ... Видѣлъ его уже тогда, еще въ первый вечеръ...

Тихая улыбка блаженной грусти соединила ихъ души...

— Я буду продолжать...

— Только не забудьте?..

— Чего?

— Уговора!

— Я забылъ.

— Вы не смѣете забывать!

— Нѣтъ, нѣтъ!—Онъ цѣловалъ ея руку.

Какъ она влекла его къ себѣ, какъ притягивала этими глазами! Сознательно?...

— Откуда вы пришли?

— Развѣ не важнѣе, куда я иду?

Улыбнулась.

— Да, да... Вы пристыдили меня, вы правы... Какая красивая у васъ рука! чудно красивая!.. Я никогда не видѣлъ такой руки...

Она взглянула на него.

Вдругъ онъ пересталъ владѣть собой. Сталъ передъ ней на колѣни и страстно цѣловалъ ея руку. Онъ впился въ нее...

Она осторожно отодвинула свою мягкую, узкую, длинную руку.

— Не дѣлайте этого... Это такъ больно...

Она говорила тихимъ, прерывающимся, туманнымъ голосомъ.

Милкъ снова сѣлъ. Потиралъ лобъ, пилъ, дрожалъ отъ волненія и молчалъ.

Длинная пауза.

Потомъ онъ заговорилъ снова. Спокойно, тихо, съ грустной улыбкой.

— Прошло всего два-три дня съ тѣхъ поръ, какъ я васъ увидалъ... Да, я этого не понимаю... Впрочемъ, тутъ нечего понимать. Это желѣзный, свершившійся фактъ. Прошу васъ, позвольте мнѣ сказать все это... Это меня успокоитъ... Я не могу не говорить объ этомъ... Вы, можетъ, этого не понимаете, но я люблю первый разъ въ моей жизни!

Онъ жадно, безъ памяти пилъ.

— Да, вы этого не понимаете, но влюбиться въ мои года—это страшно! Это переворачиваетъ въ душѣ все вверхъ дномъ, это помрачаетъ разсудокъ... Вы стали моимъ предопредѣленіемъ, моей гибелью...

Онъ забылся.

— Я знаю, да, знаю, что не долженъ говорить вамъ этого...—Онъ съ ненавистью подавилъ мысль о Микитѣ,—я даже не знаю, къ чему это говорю. Это страшная тайна... Сегодня я совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ три дня тому назадъ,—не понимаю, что произошло со мной... но... мнѣ можно это сказать: вѣдь я ничего отъ васъ не требую... Вы—во мнѣ,—всю жизнь я носилъ васъ въ себѣ, какъ великую, скорбную тоску и... Да, я говорилъ вамъ это уже сто разъ, но,—онъ вдругъ загорячился,—но я такъ страшно мучусь, гибну, меня охватываетъ такое безпокойство, та-

кое безумное безпокойство... Нѣтъ, нѣтъ, — я не безумецъ, я это знаю, я сознаю прекрасно, что дѣлаю и говорю, знаю, что у меня хватило бы силъ побороть все это... Да, я пойду, буду носить васъ въ себѣ, буду обливаться кровью отъ этой вѣчной тоски,—пусть моя душа надломится и раздробится...

Снова сталъ передъ ней на колѣни. У него темнѣло въ глазахъ. Онъ чувствовалъ, какъ два сердца бились другъ о друга.

— Люби меня! Скажи, скажи, что любишь...

Онъ обнялъ ее и чувствовалъ, что тѣло ея поддается, льнетъ, наклоняется къ нему. Онъ схватилъ ее и прижалъ къ себѣ съ разнузданной страстью.

— Моя, моя!..

Она вырвалась изъ его объятій.

Не знала, отчего сопротивляется... Но почувствовала вдругъ страшную ненависть къ Микитѣ, который ее загрязнилъ, осквернилъ...

Фалькъ взглянулъ на нее.

Глаза ея расширились и наполнились слезами. Она отвернулась и судорожнымъ движеніемъ сжала ручку дивана.

Онъ овладѣлъ собой.

— Да, вы правы,—онъ говорилъ измученымъ голосомъ... Да, это нехорошо съ моей стороны. Простите... Вы слишкомъ устали для того, чтобы любить.

Она взглянула на него съ тихимъ, грустнымъ упрекомъ.

— А затѣмъ...—онъ не могъ удержаться,—какое невыразимое наслажденіе сидѣть такъ съ вами безъ всякихъ желаній и страсти... Мы будемъ друзьями!.. Хотите?...

Фалькъ старался быть веселымъ. Онъ чувствовалъ себя усталымъ и больнымъ. Не могъ скрыть своей боли.

Къ чему же ее скрывать? Къ чему? Его охватило бѣшенство и какое-то твердое, неумолимое упорство. Ему почти хотѣлось ударить кулакомъ по столу. А вѣдь онъ никогда этого не дѣлалъ.

Онъ снова всталъ, прошелся вокругъ стола и сѣлъ съ другой стороны около Изы.

— Нѣтъ, это было бы смѣшно, если бы я хотѣлъ играть съ вами комедію. Я не хочу этого. Но долженъ вамъ все сказать... Долженъ... Вѣдь вы бы могли... Нѣтъ! Ты! Ты! Позволь мнѣ такъ называть тебя. Вѣдь у меня нѣтъ никого на свѣтѣ. Одно ужъ это для меня невыразимое счастье... Счастье въ томъ, что чувствую тебя моею въ этомъ словѣ „Ты“, для меня счастье кричать это „Ты“ изо всѣхъ силъ... „Ты!“... „Ты!“...

Вдругъ онъ снова попалъ въ водоворотъ страсти. Не видѣлъ уже ничего. Спряталъ голову въ ея колѣни. Она обняла его голову и поцѣловала... Робко, потомъ смѣлѣе, съ короткими перерывами, потомъ еще сильнѣе и страстнѣе. Онъ дрожалъ,—дрожь наслажденія огненными молніями скользила по его тѣлу.

И слышалъ слова, быстрыя, отрывистыя, которыя она говорила туманнымъ голосомъ и которыя плыли въ его душу изъ какой-то безконечной дали, изъ-за горъ и лѣсовъ...

— Я пошла за нимъ, думая, что смогу его полюбить, потому что онъ меня такъ любилъ... Если бы ты зналъ, какъ это меня мучитъ... Тебя, тебя я любила уже давно—давно... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ говорить о тебѣ... Я упросила его пріѣхать сюда... Когда я тебя увидала въ первый разъ, я дрожала, почти теряла разсудокъ. Но я не могу, не могу... Я не хочу переходить изъ рукъ въ руки... Пусти меня, пусти!..

Но онъ не слышалъ уже ничего, прижималъ ее къ себѣ, впивался въ ея губы, обнималъ ея голову и съ безумною страстью прижималъ ее къ лицу.

Наконецъ, она вырвалась и начала громко плакать.

— Пусти меня!.. Не мучь!.. Я—не могу!..

Онъ всталъ. Безконечная грусть наполнила его душу.

Потомъ схватилъ ея руки, и они долго смотрѣли другъ на друга молча и долго держались за руки.

— Значитъ... разстаться?

— Да.

— Навсегда?

Она молчала. Слезы текли по ея щекамъ.

— Навсегда? — Фалькъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Теперь онъ услышитъ свой смертный приговоръ.

— Навсегда.

XII.

Валькъ остановился на улицѣ въ глубокомъ раздумьѣ.

Онъ стоялъ долго, прежде чѣмъ замѣтилъ это.

Да, первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ эту гнетущую грусть.

Онъ совсѣмъ почти лишился силъ.

Навсегда!

Повторялъ: навсегда. Но не могъ понять, что это значитъ, это непонятное—навсегда!!

На углу остановился.

Что жъ, итти домой?

Но что же онъ будетъ дѣлать дома?

На противоположной сторонѣ улицы, въ окнахъ кафэ онъ замѣтилъ свѣтъ. Безсознательно вошелъ туда.

Онъ искалъ глазами свободный столикъ и вдругъ попятился въ ужасѣ.

Въ углу сидѣлъ Микита. Видъ у него былъ страшный.

— Что это, кровь? Да, кровь... Фалькъ подошелъ къ нему.

— Что ты сдѣлалъ, ради Бога?

На вискахъ была запекшаяся кровь и волосы слиплись отъ крови.

Микита взглянулъ на него стеклянными глазами. Передъ нимъ стояла большая бутылка абсента.

— А, это ты? Здравствуй, здравствуй... Очень радъ.

— Что ты сдѣлалъ?

Это былъ отвратительно.

— Ну, дорогой Фалькъ, какъ дѣла на счетъ любви или, собственно говоря, на счетъ этого „самаго важнаго“ въ любви?.. У тебя видъ такой, словно ты только что послѣ...? Пошло, какъ по маслу, правда?.. Иза танцовщица—безбожная танцовщица... Ха-ха-ха.

Микита смѣялся съ отвратительнымъ цинизмомъ.

Фалькъ возмутился, но поборолъ себя.

— Что ты сдѣлалъ?—повторилъ онъ, пристально глядя на Микиту.

— Что сдѣлалъ? Хе-хе-хе... Разбилъ лобъ о стѣну. Капелька крови... Ей Богу. Это обращаетъ на меня вниманіе всѣхъ, и я могу съ удобствомъ дѣлать этюды. Онъ указалъ на мраморную доску стола, покрытую рисунками.

Нѣтъ, нѣтъ, это ничего... Но скажи же, Фалькъ, какъ далеко ты зашелъ въ любви?

Фалькъ взглянулъ на него съ презрѣніемъ, но вдругъ замѣтилъ эти стеклянные, безумные глаза, которыхъ никогда у него не видалъ, и его охватило безпокойство.

— Ты—идіотъ!—крикнулъ онъ.

Вдругъ Микиту покинуло его искусственное возбужденіе, лицо его стало тупымъ, глаза остолбенѣли... Онъ задумался и безмысленно кивнулъ головой.

— Знаю, знаю...

Фалькъ испугался. Сѣлъ около Микиты.

— Ты идіотъ! Чего ты хочешь отъ Изы?.. И отъ меня? Скажи, наконецъ?

Микита взглянулъ на него съ бѣшенствомъ.

— Хочешь меня обманывать?.. Развѣ ты не провелъ съ нею весь вечеръ?

Ililькъ возмутился.

— Я долженъ былъ быть съ нею... По твоей же винѣ.. Ты сперва выгоняешь людей за дверь, а потомъ хочешь, чтобы они спокойно шли по домамъ. Ты мучилъ ее весь вечеръ, кололъ глупыми замѣчаньями, а потомъ требуешь, чтобы она спокойно вернулась домой и легла спать?

Моральное обвиненіе было недурно.

Фальку стало стыдно. Эта ничтожная трусость и лживость!

— Такъ гдѣ же ты былъ съ нею?.. Гдѣ?

— Гдѣ я былъ?.. Долженъ былъ ее успокоить, потому что ея возлюбленный,—это воплощеніе вѣжливости,—страдаетъ припадками сумасшествія, а чтобы объяснить это оскорбленной дамѣ, надо было пойти куда-нибудь... Нельзя же собирать вокругъ себя на улицѣ толпу!

Микита смотрѣлъ на него недовѣрчиво.

— Ну, пойди же, глупый человѣкъ, туда, рядомъ и спроси хозяина, и тогда узнаешь, гдѣ мы были... Впрочемъ, благодарю покорно, у меня нѣтъ желанья играть роли посредника въ вашихъ предсвадебныхъ перебранкахъ. Я не намѣренъ больше открывать передъ твоей невѣстой неоцѣнимыя духовныя и умственныя достоинства ея будущагѳ мужа и оправдывать его.

— Такъ ты это сдѣлалъ?

— У меня нѣтъ ни малѣйшей причины скрывать что-нибудь отъ тебя!

Гадость, гадость!—повторялъ въ душѣ Фалькъ... Но отчего? Оттого, что успокаиваю его?.. Гадость?.. Хе, хе... Пусть будутъ счастливы!—Я ея больше никогда не увижу.

У Микиты потемнѣло въ глазахъ. Онъ схватилъ руку Фалька и сжималъ ее такъ сильно, что Фалькъ чуть не крикнулъ отъ боли.

— Ты... Фалькъ...—бормоталъ Микита,—я... благодарю...— Голосъ его оборвался.

Фалькъ никогда еще не испытывалъ такого непріятнаго чувства. Онъ съ наслажденіемъ ударилъ бы себя по лицу, но... Вѣдь онъ дѣлалъ счастливымъ Микиту! И въ то же время онъ чувствовалъ глухую ненависть. Микита казался ему чѣмъ-то второстепеннымъ... Чортъ возьми! Какъ можно показываться съ окровавленнымъ лицомъ! Вѣдь это же слишкомъ некрасиво!

— Смой же кровь!

Микита смутился. Ему стало совѣстно, и онъ безпомощно смотрѣлъ на Фалька. Потомъ пошелъ въ уборную и обмылъ лицо и голову.

Фалька мучила совѣсть. Противно! Теперь у него было отвратительное чувство, что онъ облагодѣтельствовалъ бѣднаго, обманутаго Микиту... Да, онъ—что-то въ родѣ мецената, который обманутому карлику возвращаетъ счастье, — ахъ, какъ это подло!

Ну, что за чушь! Отчего онъ долженъ жертвовать своимъ счастьемъ для Микиты? Оттого, что въ немъ есть еще остатки похороненнаго прошлаго, остатки глупой совѣсти, атавистическіе остатки понятій владѣнія, собственности, прошлаго и будущаго... Точно въ такомъ же положеніи онъ могъ очутиться передъ Микитой, а Микита могъ бы сдѣлать то, что онъ хочетъ или, собственно, не хочетъ сдѣлать... Ну, да теперь все прошло, пропало... Теперь,—теперь...

Микита вернулся.

— Ну вотъ ты и похожъ на человѣка!—Фалькъ чувствовалъ потребность быть безконечно добрымъ съ Микитой—такъ, какъ прежде, побратски...

Попробовалъ.

Но Микитѣ было совѣстно, стыдъ заливалъ его мозгъ, онъ едва могъ смотрѣть на Фалька,—его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ сталъ противенъ самому себѣ.

— Слушай, Эрикъ, пойдемъ.

Они пошли, молча, рядомъ.

Все въ Микитѣ кипѣло... И вдругъ хлынуло.

— Ты не понимаешь этого, Эрикъ! Не можешь этого понять... Что ты знаешь о ней? Говори, говори, что ты знаешь? Ничего, ничего... Я жилъ съ нею три, четыре мѣсяца, а тоже ничего не знаю. Я бросаюсь въ пропасть,— нѣтъ, не я... Меня подхватилъ водоворотъ, втягиваетъ меня въ себя, поглощаетъ, и я лечу, проваливаюсь.

— Слушай, слушай, Эрикъ.—Онъ судорожно схватилъ его за руку.—Ты не знаешь, какъ это грызетъ... какъ это страшно больно... Эта неувѣренность... Понимаешь?.. Иногда она нападаетъ на меня на улицѣ и валитъ на землю,—судорога... Теряю сознаніе... Я... я...

Охъ, если бы онъ зналъ, какъ я мучаюсь,—думалъ Фалькъ... Онъ говоритъ это мнѣ!.. Ха, ха, ха...

Вся эта сцена показалась вдругъ ему страшно глупой. Какъ это комично, что оба они, какъ овцы въ вертячкѣ, бѣгаютъ вокругъ одной женщины... Онъ подавилъ въ себѣ ненависть, которая все росла въ немъ,—ненависть къ человѣку, дѣлившему съ нимъ одну страсть, одно страданіе...

— Ты не знаешь своей невѣсты?..

Твоя невѣста... Какъ это было больно!.. Но вѣдь онъ не увидитъ больше ея никогда... Онъ понялъ, въ одну тысячную секунды понялъ вдругъ все. Никогда... Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу.

— Да, да... я ея не знаю, ничего о ней не знаю...— голосъ Микиты дрожалъ... — но дѣло въ томъ... что... что...

Фалькъ услышалъ сдержанныя рыданья. Но онъ не чувствовалъ жалости.

Онъ сталъ твердымъ.

— Слушай, Микита, я чувствую, что ты ревнуешь Изу ко мнѣ,—но у тебя нѣтъ ни малѣйшаго повода. Да, да, знаю, ты борешься противъ этого разсудкомъ, но того, того, что вырывается откуда-то изъ глубины, нельзя побороть разсудкомъ...

Такъ понимаешь, — твоя невѣста не увидитъ меня больше...

Нѣтъ, нѣтъ, позволь мнѣ доказать,—это совсѣмъ не самопожертвованіе. Мнѣ очень симпатична твоя невѣста, но ты ошибаешься, думая, что мое чувство глубже. Точно такъ же и у нея...

Фалькъ обливался кровью...

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебя знаю, знаю твою дружбу, но лучше будетъ, если мы пока не будемъ видѣться... Ну, прощай...

Микита не могъ сказать ни слова.

— Да, да, прощай.

Микита хотѣлъ что-то сказать, но Фалькъ вскочилъ на извозчика.

— Куда прикажете?

Фалькъ безсознательно и машинально назвалъ улицу, на которой жила Янина.

Вдругъ пришелъ въ себя

Что?.. Куда?... Куда онъ велѣлъ ѣхать? Какимъ образомъ это такъ—вдругъ—зародились въ его мозгу?

Вѣдь у него совсѣмъ не было сознательной мысли о Янинѣ... Нѣтъ, цѣлый день... Онъ ни разу не подумалъ о ней...

Чего онъ отъ нея хочетъ?

Но онъ не думалъ больше объ этомъ. Не все ли ему равно, куда ѣхать? Не все ли равно, отдастъ онъ себѣ отчетъ въ этомъ или нѣтъ...

То, что касалось его больше, мучительнѣе всего, было для него такъ же непонятно и таинственно. Отчего онъ влюбился въ эту женщину? Отчего? Отчего онъ такъ страшно страдаетъ изъ-за этой женщины?

Ха-ха-ха... По всему свѣту шатаются мужчины—гордые, твердые, стальные—и презираютъ женщину!

Фалькъ трясся отъ смѣха.

Они презираютъ женщину—эти умники, эти твердые мужчины!—Но и не страдаютъ изъ-за женщинъ!

Они такъ горды, такъ непобѣдимы! Да, даже смѣшной старый Ильтисъ презираетъ женщинъ...

Фалькъ нервно смѣялся, самъ не зная отчего.

Я никогда не страдалъ изъ-за женщины!

Фалькъ представилъ себѣ Ильтиса.

Потому что твой организмъ слишкомъ грубъ, у тебя организмъ пастуха, дорогой Ильтисъ! Твое чувство вѣдь не зависитъ отъ мозга; ты, какъ гидромедуза, которая вдругъ выдѣляетъ изъ себя щупальцы, снабженные половыми органами, и отправляетъ ихъ въ поиски за самкой, не заботясь дальше о нихъ.—О, Господи, ты счастливъ, дорогой Ильтисъ, но я не завидую твоему счастью. Я не завидовалъ никогда быку въ томъ, что онъ можетъ ѣсть траву, даже тогда, когда самъ страшно голодалъ.

Я страдаю по моей собственной винѣ, дорогой Ильтисъ, мой умъ старается открыть свои глубины, создать звенья, которыя соединили бы меня со всѣмъ міромъ, со всей природой... Я страдаю, потому что не могу стать природой, потому что не могу слить, растворить въ себѣ того, что составляетъ половину моего существа,—женщину, потому

что... — потому что... Впрочемъ, рѣшительно все равно, что я могу и чего не могу, — во всякомъ случаѣ все это только ложь моего слишкомъ ученаго мозга... Но фактъ, фактъ... — я страдаю, какъ никогда еще не страдалъ.

Онъ вытянулся въ экипажѣ.

Теперь онъ не увидитъ ея никогда... Отчего?

Оттого, что Микита былъ первымъ, а, можетъ быть, просто онъ былъ раньше, а старшинству всегда отдается предпочтеніе... Оттого, что Микита могъ бы страдать...

Фалькъ злобно разсмѣялся.

Да, онъ долженъ пожертвовать собой, потому что иначе другой сталъ бы страдать, а потому, чтобы этотъ другой не страдалъ, страдать долженъ онъ. Развѣ Христосъ не позволилъ распять себя ради того, чтобы другимъ открыть врата рая? А онъ, Эрикъ Фалькъ, взвалитъ себѣ на плечи страданья другихъ, онъ — благодѣтель, онъ — великій искупитель!

Теперь Микита падаетъ подъ бременемъ моихъ благодѣяній, едва на ногахъ держится,—такъ давитъ его эта тяжесть.

Противно! Фалькъ плюнулъ, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Да, онъ уѣдетъ, чтобы не сдѣлать несчастнымъ Микиты.

Только ради этого!

Конечно, уѣду я оттого, что она меня проситъ... Но отчего же мнѣ не быть благодѣтелемъ въ глазахъ того, кто меня имъ считаетъ?

Отчего?

Вѣдь я могъ бы сказать Микитѣ, что уѣзжаю потому, что мнѣ грозитъ опасность, но вѣдь это не было бы такъ красиво, а то... Ну, да все равно...

Можно было бы сказать еще такъ: Микита, ты оселъ, а иногда бываешь даже совсѣмъ не эстетиченъ.

Конечно, эстетика сама по себѣ—глупость, но надо же имѣть въ себѣ хоть столько эстетики, чтобы не разбивать собственной головы о стѣну въ минуты страданья...

О, Всемогущій, какъ я благодаренъ тебѣ, что ты создалъ меня не такъ, какъ того мытаря...

Да, человѣкъ думаетъ иногда баснословно грубо.

Что я хотѣлъ сказать?.. Видишь, Микита, надо вѣдь хоть немного скрывать то, что у тебя на душѣ... Боже, я не имѣю ничего противъ того, что ты страдаешь... Отчего бы и нѣтъ? Я тоже страдаю, но тебѣ бы слѣдовало держать себя по другому... Такъ вотъ что: твоя невѣста, насколько ты замѣтилъ, измѣняетъ тебѣ съ твоимъ другомъ. Ты сейчасъ же дѣлаешься необыкновенно предупредительнымъ съ извѣстной долей отталкивающей и небрежной холодности, принимаешь видъ совершенно равнодушнаго человѣка. Только на твоемъ лицѣ можно замѣтить иногда проблескъ страданія. Впрочемъ, очень рѣдко, только тогда, когда это дѣйствительно у мѣста и во время,—это дѣло инстинкта, чувства такта.

Обобщаю: надо быть равнодушнымъ, холоднымъ, отталкивающимъ. Знаешь, что чувствовалъ бы я тогда? Я бы устыдился въ глубинѣ сердца, казался бы самъ себѣ несчастнымъ грѣшникомъ, въ собственныхъ глазахъ былъ бы смѣшнымъ. Очень возможно, что всѣ эти непріятныя ощущенія охладили бы меня, отрезвили.

Ну, а теперь я твой благодѣтель, передъ которымъ тебѣ стыдно, такъ какъ ты такъ смѣшно выставилъ напоказъ свою ревность, такъ какъ лицо твое вымазано кровью...

Да, я твой благодѣтель, которому ты лепечешь слова благодарности!

Да, я твой благодѣтель!

Отчего?

Оттого, что ты стоишь ниже меня, потому что у тебя рабскій мозгъ, потому что я, я—самый обыкновенный, разсчетливый подлецъ!

А она меня любитъ.

Оттого я и подлецъ!

Хе-хе, Микита, твоя логика ужасно глупа, непозволительно глупа.

Развѣ онъ не видитъ, что Иза его уже не любитъ?

Да что же это, чортъ возьми, развѣ онъ слѣпъ?

Чего же онъ хочетъ отъ женщины, которая всей душой принадлежитъ другому?

Экипажъ съ асфальтовой мостовой свернулъ на каменную.

Это было слишкомъ непріятно.

Ну, да это не надолго.

Но отчего же она хочетъ выйти за Микиту?

Отчего?

И тогда въ головѣ у него скользнула мысль, которая подбросила его, какъ мячикъ.

Или она—его любовница?!

Какія-то маленькія иглы впивались въ его грудь,—онъ корчился отъ боли...

— Скорѣй, извозчикъ, скорѣй, чортъ побери!

Какое мнѣ до этого дѣло? Мнѣ, мнѣ?!.

Я ея больше никогда не увижу. Это даже лучше, гораздо лучше. Это маленькое страданіе пройдетъ, потомъ забуду...

Куда же везетъ его эта скотина?

Ага!

Фалькъ вылѣзъ изъ экипажа. Теперь надо ждать ночного сторожа.

Зачѣмъ онъ, собственно, идетъ къ Янинѣ?

Онъ ясно представлялъ себѣ, что его ждетъ у нея наверху... Она, конечно, будетъ плакать, - почему онъ такой грустный и усталый... а потомъ нѣтъ! Не хочу, не хочу!

Онъ увидѣлъ Изу, ея стр йную, миніатюрную фигуру, чувствовалъ ея поцѣлуи и ея узкую руку.

Нѣтъ! Не пойдетъ...

Ну, такъ домой! Домой...

Зажжетъ лампу...

Онъ нервно ощупалъ свои карманы.

Славу Богу, спички у него есть... Потомъ ляжетъ въ кровать... Нѣтъ! нѣтъ! Онъ, можетъ быть, заснетъ на диванѣ,—да, немного морфія... А завтра эта головная боль... Не увидитъ ее никогда...

Когда онъ пришелъ домой, то нашелъ письмо отъ матери.

Это было очень длинное письмо. Она подробно разсказывала о томъ, что продала имѣніе. Послѣ смерти отца хозяйство не клеилось, управляющій постоянно ее обворовывалъ, и она переѣхала въ городъ.

Кромѣ того она говорила въ письмѣ о нѣкоемъ Кауерѣ, который помогалъ ей, и которому она очень многимъ обязана, затѣмъ слѣдовалъ очень длинный панегирикъ молодой дочери Кауера, ангелу добра и красоты.

Имя Маритъ, такъ странно звучало въ ушахъ Фалька; онъ слышалъ это имя только въ Норвегіи...

И наконецъ—самое главное... Фалькъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Мать очень подробно распространялась о томъ, почему это самое главное: онъ долженъ обязательно къ ней пріѣхать, чтобы привести въ порядокъ денежныя дѣла. Онъ долженъ присутствовать при этомъ, потому что этого требуютъ опекуны...

Ну вотъ, все устраивается превосходно. Поѣду.

Отвѣтилъ матери, что думаетъ выѣхать немедленно, и самъ бросилъ письмо въ почтовый ящикъ.

XIII.

Фальку надо было ждать еще полчаса.

Дурацкіе часы всегда спѣшатъ.

Голова была тяжелая, морфій обезсилилъ его члены.

Кромѣ того, у него еще была лихорадка, сердце усиленно билось, иногда ему приходилось наклоняться, потому что въ груди что-то кололо.

Оглянулся.

За буфетомъ сидѣли два желѣзнодорожныхъ чиновника и играли въ карты съ кельнеромъ.

Ему хотѣлось пива, но онъ не рѣшался мѣшать кельнеру.

Потомъ взглянулъ на большія стеклянныя двери и прочелъ нѣсколько разъ: Залъ для ожидающихъ.

Да, дѣйствительно, тутъ приходится ждать.

Снова взглянулъ на буфетъ.

Странно, что онъ не замѣтилъ раньше четвертаго мужчины.

У него были черные усы и громадное лицо. Одно время онъ наблюдалъ за игрой, потомъ остановился передъ зеркаломъ, осмотрѣлъ себя и, видимо, остался доволенъ.

Да, конечно, ты очень красивъ; очень красивъ...

Есть ли у него любовница? Конечно... онъ, вѣроятно, нравится женщинамъ... Если бы Микита... ну, да...

Жаль, очень жаль, что онъ долженъ побезпокоить кольнера... Позвонилъ.

— Простите, но мнѣ страшно хочется пить!

Кельнеръ принялъ это за выговоръ и сталъ извиняться.

Нѣтъ, нисколько, ему только очень непріятно, что пришлось помѣшать. Фалькъ былъ изысканно любезенъ съ кельнеромъ.

Теперь надо итти. А ему такъ хорошо здѣсь.

Когда онъ вошелъ въ купэ, то почувствовалъ необыкновенную радость.

Купэ было пусто.

Какое счастье! Теперь онъ не могъ бы ни съ кѣмъ сидѣть. Это привело бы его въ отчаяніе. Ни одной мысли онъ не додумалъ бы до конца.

Взглянулъ на часы. Еще пять минутъ.

Прижалъ голову къ окну.

Его вниманіе привлекъ къ себѣ свѣтъ газоваго фонаря на платформѣ.

Свѣтъ трепеталъ отъ весенняго вѣтра, и пламя было похоже на треугольникъ, обращенный основаніемъ вверхъ. Основаніе было до того изогнутымъ, что стороны извивались кверху, какъ острые языки. Такими, вѣроятно, были огненные языки, сошедшіе на головы апостоловъ.

Онъ очнулся отъ задумчивости.

Вѣдь все это онъ видѣлъ.

Жаль, что у него нѣтъ записной книжки. Собственно говоря, стоило бы дѣлать замѣтки, чтобы открыть душу.

Поѣздъ тронулся. Что?.. Какъ?

Онъ уѣзжаетъ отъ нея?.. Отъ нея?

Нѣтъ, невозможно!

Холодный потъ выступилъ на лбу, неимовѣрный страхъ пѣнился и кипѣлъ въ немъ...

Отъ нея?!

Что-то толкало его выскочить изъ вагона и бѣжать къ ней,—упасть передъ ней, обнять ея колѣни, сказать, что онъ жить безъ нея не можетъ, что она должна принадлежать ему, что... что...—Онъ задыхался. Схватился за голову и громко зарыдалъ.

Слышалъ, какъ безумствуетъ неудержимый поѣздъ, ничто, ничто не остановитъ его...

Охъ! Если бы навстрѣчу мчался тоже поѣздъ, они бы столкнулись, врѣзались бы другъ въ друга локомотивами, а вагоны взгромоздились бы къ небу.

Какой скверный воздухъ въ этой отвратительной клѣткѣ,— совсѣмъ какъ въ кафэ!

Онъ быстро открылъ окно.

Въ одно мгновеніе купэ наполнилось непріятнымъ сырымъ холоднымъ воздухомъ.

Онъ успокоился и закрылъ окно.

Одно только онъ сознавалъ ясно: ему нельзя ѣхать, онъ не долженъ уѣзжать... У него голова разлетится... Правда, какъ это онъ сказалъ Изѣ? Его душа раздробится на мелкіе осколки...

Но я не хочу жертвовать собой, хочу быть счастливымъ!— кричалъ онъ.

И вдругъ пришелъ въ себя.

Что съ нимъ, собственно, происходитъ? Къ чему все это безсознательное бѣшенство? Неужели Кантъ правъ? Неужели любовь только болѣзнь, лихорадка, служащая къ выдѣленію болѣзненныхъ зародышей, — процессъ выздоровленія, и... глупость!..

Боже, какъ этотъ поѣздъ безумствуетъ!

Онъ вытянулся. Поѣздъ сталъ невозможно трясти. Да, что-то проваливается подъ нимъ, онъ идетъ, какъ по куску

холста. Идетъ смѣло. Онъ хочетъ показать деревенскимъ мальчишкамъ, что онъ, сынъ помѣщика, смѣлѣе ихъ всѣхъ. Они струсили. Теперь онъ имъ покажетъ! И идетъ по озеру, которое только что замерзло ночью; ледъ трещитъ подъ нимъ, гнется, онъ идетъ, какъ по трясинѣ, вдругъ...

Фалькъ вскочилъ и легъ снова.

И снова чувствовалъ, что онъ падаетъ, падаетъ,—безсознательно вытянулъ руку, чтобы схватиться за что-нибудь...

Нѣтъ! Онъ не можетъ уѣхать отъ нея! Она должна быть его! Заставитъ ее... заставитъ... она его любитъ, но, какъ всѣ женщины... боится... Она хочетъ его, онъ это знаетъ очень хорошо... только боится...

Боже, Боже, если бы поѣздъ остановился!

Онъ ходилъ по этой отвратительной клѣткѣ, пульсъ страшно бился, ужасное безпокойство мѣшало сознательнымъ мыслямъ. Онъ все время замѣчалъ мысли и чувства, которыя выползали, Богъ знаетъ откуда, и мучили его.

Чего Микита отъ нея хочетъ? Она вѣдь принадлежитъ мнѣ, мнѣ... Развѣ Микита хочетъ насиловать ея душу?

Вдругъ онъ замѣтилъ, что поѣздъ замедляетъ ходъ. Радостное чувство охватило его. Наконецъ! Наконецъ!

Но вотъ они пролетѣли мимо станціи, не останавливаясь, и поѣздъ снова помчался, какъ прежде.

Ему хотѣлось громко плакать! Но развѣ это поможетъ? Надо ждать терпѣливо...

Глухая покорность охватила его...

Вѣдь онъ не ребенокъ, надо ждать, надо научиться владѣть собой...

Онъ сѣлъ у окна и старался что-нибудь разглядѣть. Но ночь была такъ темна, такъ глубока, охъ, глубока,—глубже чѣмъ можетъ представить себѣ день.

И бездны въ его душѣ такъ глубоки... Закрылъ глаза.

Онъ увидѣлъ вдругъ поляну въ лѣсу своего отца, а на ней двухъ лосей, которые дрались другъ съ другомъ. Видѣлъ, какъ они ударяли одинъ другого громадными рогами, какъ пятились, чтобы ударить снова съ еще большею силой. Потомъ видѣлъ, какъ они сплетались рогами, какъ старались ихъ разнять, дѣлая при этомъ дикіе прыжки и кружась на одномъ мѣстѣ. Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ, какъ захрустѣли рога: одинъ изъ лосей освободился и всадилъ другому рога въ грудь. Пробилъ ее. Все глубже всаживалъ онъ рога, сверлилъ ими грудь противника, такъ что кровь била фонтаномъ, разрывалъ съ дикимъ бѣшенствомъ мясо и внутренности.

Страшно, страшно!

Около нихъ паслась самка. Ей не было никакого дѣла до дикой борьбы озвѣрѣвшихъ отъ похоти самцовъ.

Фалькъ старался развлечь свой мозгъ, но передъ глазами у него были огненныя кольца, которыя расширились въ громадные раскаленные круги,—все шире и шире,—онъ едва могъ охватить ихъ размѣры, а всерединѣ стоялъ побѣдитель, дрожащій, окровавленный, но гордый и могучій. На его рогахъ висѣли внутренности соперника. Потомъ онъ видѣлъ, какъ лось-побѣдитель сталъ кружиться все быстрѣе и быстрѣе вокругъ самого себя... огненный водоворотъ подхватилъ его и унесъ... Фалькъ видѣлъ, какъ онъ полетѣлъ, словно сорвавшаяся планета,—куда, куда?

Водоворотъ, водоворотъ... Боже, гдѣ онъ слышалъ разсказъ о водоворотѣ, который манитъ къ себѣ, затягиваетъ, несетъ за собой...

И снова въ глазахъ у него потемнѣло.

Онъ увидѣлъ Микиту и бросился на него. Схватилъ его и потащилъ по коридору, потомъ оба съ грохотомъ упали

съ лѣстницы. Перила сломались. А они, задыхаясь отъ бѣшенства, комомъ свалились на камни черной пропасти...

Фалькъ безмысленными глазами оглядывался по сторонамъ. Слышалъ, что кто-то вошелъ въ купэ.

Онъ узналъ вдругъ кондуктора, и его охватило радостное чувство.

— Гдѣ?.. Гдѣ ближайшая станція?

— Черезъ двѣ минуты остановка.

Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

Его вдругъ охватило безпокойство. Взглянулъ на часы. Онъ ѣхалъ только три часа, значитъ, черезъ три часа вернется,—а потомъ къ Изѣ, къ Изѣ...

Поѣздъ остановился. Фалькъ вышелъ.

— Когда поѣздъ идетъ въ другую сторону?

— Завтра въ 10 часовъ.

У него задрожали колѣни. Потерялъ сознаніе.

—Hôtel Stern... Hôtel de l'Europe... Hôtel du Nord!—кричали вокругъ него.

Отдалъ кому-то чемоданъ, и его повезли.

Проснувшись на другой день въ полдень, онъ оглянулся по сторонамъ.

Гм... Для гостиницы комната не дурна. Все тѣло болѣло, но впечатлѣніе у него было такое, словно онъ поборолъ болѣзнь.

Да, онъ такъ нервенъ, а эта нервность—его здоровье. Многоуважаемые гг. врачи поймутъ это когда-нибудь...

Потомъ всталъ съ кровати и позвонилъ.

Когда вошелъ кельнеръ, онъ спросилъ его, гдѣ онъ, собственно, находится, и попросилъ кофе... Странно: такъ онъ въ самомъ дѣлѣ не сошелъ съ ума...

Онъ чувствовалъ въ себѣ великое, торжественное спокойствіе.

— Я здѣсь останусь. Вѣдь мнѣ здѣсь прекрасно.

Онъ велѣлъ принести бумаги и написалъ письмо матери, въ которомъ объяснилъ ей, отчего не можетъ пріѣхать, какъ ей устроиться съ опекунами, и предупредилъ, что все лѣто, вѣроятно, пробудетъ за границей.

Еще разъ прочелъ письмо матери, чтобы убѣдиться, не спрашиваетъ ли она еще чего-нибудь.

Его глаза машинально наткнулись на имя Маритъ.

Да, онъ попросилъ еще разъ передать поклонъ „ангелу добра и красоты"—Маритъ. Окончивъ письмо, онъ выпилъ кофе и снова легъ спать.

Заснулъ онъ сейчасъ же.

Ему снился ангелъ добра и красоты, — снилась Маритъ.

XIV.

Въ ресторанѣ „Зеленый Соловей“ было шумно и весело. Ильтисъ сидѣлъ съ глубокомысленнымъ выраженіемъ лица, какъ это и подобало великому человѣку, и доказывалъ Микитѣ, что женщины стоятъ ниже мужчинъ. Онъ нарочно повернулся спиною къ молодому литератору, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Вчера между ними произошла непріятная сцена: молодой человѣкъ осмѣлился замѣтить, что женоненавистничество Ильтиса покоится не на теоретическихъ, а другихъ причинахъ. Каждый разъ, какъ въ ихъ обществѣ появляется какая-нибудь дама, Ильтисъ начинаетъ разсказывать про женщинъ невѣроятныя вещи.

— Видишь ли,—говорилъ Ильтисъ,—ты молодъ, Фалькъ—тоже. Вы этого не понимаете, но подождите, когда вы протянете лѣтъ десять въ супружествѣ,—послѣднюю фразу онъ сказалъ шопотомъ въ виду присутствія Изы,—тогда увидите. Дорогой добрый Фалькъ приводитъ въ примѣръ женщинъ съ Юма, индіанокъ изъ племени Чеке-Зава и тому подобный научный вздоръ, но все-таки фактъ остается фактомъ, женщина ниже мужчины!

Сосунъ хотѣлъ что-то возразить, но Ильтисъ быстро перебилъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ, фактъ остается фактомъ!—Ильтисъ надулся.—И не слѣдуетъ прибѣгать къ мелочнымъ доказательствамъ.

Микита не слушалъ. Его терзала боль, стыдъ,– стыдъ, отъ котораго кровь съ безумнымъ бѣшенствомъ заливала мозгъ.

Къ чему же тянуть? Все прошло... Онъ думалъ объ ея отталкивающемъ обращеніи съ нимъ, о ея... ея...

Развѣ это, попросту, не ненависть?

Какъ онъ ее молилъ, какъ ползалъ передъ ней на колѣняхъ и просилъ прощенія! Но она... гм... гм... эта леденящая, холодная улыбка... Развѣ ея глаза не говорили ясно: зачѣмъ ты молишь, зачѣмъ ты ставишь меня въ такое невозможное положеніе? Что у меня съ тобой еще общаго?

Онъ глубоко вздохнулъ.

— У тебя, кажется, тяжело на душѣ?—Ильтисъ моргалъ глазами.

— Но позвольте, я безусловно съ вами не согласенъ. Сосунъ соображалъ, какъ бы ему получше выразить свое возраженіе.

Ильтисъ разсердился.

— Только не будьте мелочны. Не будьте мелочны, иначе мы станемъ на почву глупой, такъ называемой, науки. Разсказать вамъ мой опытъ съ учеными?

Отчего, собственно, Фалькъ не приходитъ?—думалъ Микита.—Совершенно лишнее съ его стороны... Ха-ха-ха... Чтобы дать мнѣ возможность вернуть ее? Поздно, поздно, дорогой Фалькъ!

Но чего я ее такъ мучаю? Чего еще я хочу отъ нея? Любви? Развѣ можно вынудить любовь?

Смѣшно, смѣшно! Какъ можно было вообще любить человѣка, который только смѣшонъ?

Онъ взглянулъ на Изу, которая, какъ всегда, сидѣла въ сторонѣ.

Но Иза не смотрѣла на него. Она, повидимому, страшно волновалась. На лицѣ ея горѣли красныя пятна, глаза безпокойно блуждали вокругъ.

Дверь отворилась, вошелъ бѣлокурый богословъ.

Иза быстро взглянула на дверь. Въ эту минуту она, повидимому, не могла овладѣть собой и вздрогнула.

Она улыбнулась бѣлокурому юношѣ, но не могла скрыть разочарованiя на своемъ лицѣ.

Да, разочарованiя! Чортъ возьми, онъ вѣдь не слѣпъ!..

Такое выраженiе бываетъ только у разочарованныхъ. А эти нервныя движенiя, ожиданья,—ожиданья! Кого же она ждетъ?.. Кого?.. Глупый Микита, развѣ ты не знаешь, кого? Развѣ ты не знаешь, почему она не хочетъ хоть полчаса побыть съ тобой наединѣ? Не знаешь, почему она уже цѣлыхъ три дня таскается сюда съ тобою!

Онъ разсмѣялся злобнымъ смѣхомъ.

Фалька ждетъ,—хе, хе,—Фалька! Онъ повторялъ эту фамилiю,—это доставляло ему какое-то удовольствiе... Фалькъ— его другъ, больше — братъ... Онъ пожертвовалъ собою для него... Да, да, навѣрное!.. Женихъ, который страдаетъ припадками помѣшательства, долженъ вернуть къ себѣ свою невѣсту, долженъ выиграть время, чтобы помѣстить свой капиталъ въ надежномъ мѣстѣ.

— Гопъ!.. Гей!..—заревѣлъ онъ.—За твое здоровье! Ильтисъ!

Всѣ оглянулись съ изумленiемъ, никто никогда не слышалъ, чтобы Микита такъ ревѣлъ.

Микита овладѣлъ собою.

— Къ чорту ваше философствованiе... женщина, мужчина... Все это ерунда! Все чушь! Будемъ веселиться!

Иза устало взглянула на Микиту.

Чего онъ такъ оретъ? Что съ нимъ? Къ кому онъ теперь ревнуетъ?

Какъ онъ опротивѣлъ ей!.. Какъ она могла любить этого человѣка? Нѣтъ это невыносимо... Надо съ этимъ покончить! Сегодня же... Когда онъ будетъ провожать ее домой. Да, сегодня же!

Но какъ она ему это скажетъ?

Сердце ея усиленно билось.

Какъ она ему скажетъ? Спокойно и ясно. Развѣ онъ слѣпъ? Развѣ онъ не можетъ помочь ей выйти изъ этого непріятнаго положенія? Вѣдь онъ знаетъ теперь, что она любитъ Фалька. Или онъ этого не понимаетъ? Она такъ ясно дала ему понять, что равнодушна къ нему.

Назойливый человѣкъ! Она боялась думать объ этомъ... Не смѣла... Но теперь поняла, что онъ ей противенъ... Странно, что она не чувствуетъ при этомъ ни жалости, ни состраданія...

Назойливый человѣкъ! Да! Она наслаждалась тѣмъ, что можетъ повторять эти слова безъ непріятнаго чувства.

Дверь снова открылась.

Теперь идетъ Фалькъ, да, да!—Она дрожала.

Но вошелъ кто-то незнакомый.

Вѣдь это ужасно ждать и ждать и сидѣть съ этимъ противнымъ сбродомъ.

Она чувствовала глаза Микиты, который уставился на нее, но старалась избѣгать ихъ.

Боже, какъ она къ нему равнодушна!

Что дѣлается съ Фалькомъ въ продолженіе этихъ пяти страшныхъ дней?

Пойти къ нему? Она не знаетъ, гдѣ онъ живетъ... Спросить Микиту? Нѣтъ, нельзя...

Она задумалась.

Какъ его увидѣть? Зачѣмъ она молила его не приходить никогда къ ней?.. Но вѣдь она не знала тогда, что такъ лю-

битъ его, что такъ равнодушна къ Микитѣ, что весь, весь міръ причиняеть ей только страданія.

Она была совсѣмъ въ отчаяніи. Чего онъ опять такъ кричитъ? Невольно взглянула на пустыя бутылки, которыя стояли передъ Микитой.

— Знаешь ты, что такое любовь?—Микита пересталъ владѣть собой.—Знаешь, что такое муки желанія? Любилъ ли ты когда-нибудь женщину?

Ильтисъ презрительно махнулъ рукой.

— Да, да...—Микита искалъ словъ.—Женщина родитъ мужчину,—и ей этого довольно! Женщина рождаетъ, а мужчина любитъ. Женщина никогда, никогда не любитъ... съ нея довольно и родовъ...

— Что? Женщина тоже любитъ? Что?

Но вѣдь женщины лишаютъ себя жизни изъ-за любви,—замѣтилъ Сосунъ,—объ этомъ почти каждый день можно читать въ газетахъ.

— Что? Самоубійство? Спросите его, спросите, онъ лучше это знаетъ,—Микита указалъ на Ильтиса,—женщины лишаютъ себя жизни, когда онѣ беременны и ихъ бросаютъ любовники!

Микита ударилъ кулакомъ по столу.

Иза взглянула на него съ безконечнымъ презрѣніемъ.

Снова напился! Какъ она могла любить этого человѣка? Нѣтъ, она никогда его не любила. Это была только иллюзія, обманъ.

Наступила тишина. Присутствіе Изы стѣсняло всѣхъ, Микита велъ себя слишкомъ свободно въ ея присутствіи.

Микита вдругъ замолчалъ.

Видѣлъ, да, въ первый разъ видѣлъ эти презрительные глаза! Прекрасно видѣлъ!

Онъ опустилъ голову.

Прекрасно! Глаза ея впивались въ него все глубже и глубже. Видѣлъ теперь ея глаза въ себѣ... какъ они на него смотрятъ?

А если бы онъ ихъ нарисовалъ?.. Набросилъ нѣсколько пятенъ на полотно и отступилъ на три шага... Нѣтъ, плохо видно—а теперь изъ угла мастерской—тоже плохо—изъ другого... А теперь въ зеркало. Значитъ, этого нельзя иначе объяснить... Это презрѣніе! Страшное, холодное презрѣніе и отвращеніе.

Иза не могла больше выдержать. Она чувствовала лихорадочное безпокойство, чувствовала, какъ сердце все скорѣе и скорѣе бьется въ груди.

Она должна увидѣть Фалька во что бы то ни стало, долженъ онъ притти наконецъ. Онъ бываетъ здѣсь каждый день, отчего же онъ теперь не приходитъ?

Разговоръ снова оживился.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ литературой! Эти вѣчные разговоры о поэтахъ, издателяхъ, гонорарахъ—это доводитъ меня до отчаянія.—Ильтисъ зѣвнулъ.—Чего вы хотите отъ Фалька? Отличный малый.

Иза слушала.

Она замѣтила, какъ Микита вдругъ выпрямился.

— Что? Что?.. Фалькъ?

— Ну, да,—говорилъ Сосунъ,—у Фалька есть талантъ, я съ этимъ согласенъ, но этотъ талантъ только еще развивается... Онъ долженъ созрѣть, перебродить... Еще неизвѣстно, во что онъ разовьется. Фалькъ все еще ищетъ и блуждаетъ...

— Что? Фалькъ блуждаетъ?..—Микита расхохотался во все горло,—вы безподобны... Знаете, Фалькъ единственный человѣкъ, который можетъ что-нибудь сдѣлать! Фалькъ нашелъ много новаго! Да, Фалькъ можетъ сдѣлать то, чего

вы не можете, несмотря на все ваше желанiе.—Фалькъ—Фалькъ.

Въ эту минуту Бухенцвейгъ подошелъ къ Изѣ. Онъ думалъ, что всѣ эти разговоры наскучили ей, и хотѣлъ ее развлечь.

Она взглянула на его гладкое, толстое лицо, лицо кельнера или красиваго „парикмахера". Чего хочетъ этотъ человѣкъ.

Да, Бухенцвейгъ имѣлъ честь видѣть ее нѣсколько дней тому назадъ въ обществѣ Фалька. Фалькъ необыкновенно интересный человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, которые больше всего его интересуютъ... Онъ пришелъ сюда только затѣмъ, чтобы его встрѣтить...

— Слушай, Иза,—крикнулъ Микита черезъ столъ,—ты знаешь, Фалькъ уѣхалъ изъ Берлина?

Онъ уставился на нее неподвижными глазами.

Иза вздрогнула. Она почувствовала сильную боль въ лицѣ, что-то сдавило ей грудь... Смотрѣла широко открытыми глазами на дикое, злобное, раскраснѣвшееся лицо Микиты, потомъ машинально повернулась къ Бухенцвейгу.

Схватила рюмку, но та была пуста.

Бухенцвейгъ услужливо побѣжалъ за кельнеромъ.

Все потемнѣло у нея въ глазахъ. Она ничего не видѣла. Вдругъ услышала чей-то голосъ. А, это Бухенцвейгъ... Она не могла понять, чего ему надо... Смотрѣла на него, потомъ безпомощно улыбнулась...—Принесли вино.—Выпила.

— Я прекрасно знаю Гальбе. Это необыкновенно милый человѣкъ, очень крупная сила въ наши времена, когда ощущается такой недостатокъ въ большихъ талантахъ.

Иза взглянула на него. Этотъ человѣкъ вдругъ ей опротивѣлъ. Она не знала, почему.

— Простите, ваше общество мнѣ очень прiятно, но я должна итти домой.

Подошла къ Микитѣ.

— Я пойду.

— Да? Да? Серьезно? Скучно тебѣ?

Она не слушала его и стала одѣваться.

Когда они сидѣли уже на извозчикѣ, Микита крикнулъ Ильтису, который любезно помогалъ Изѣ садиться:

— Подожди, я сейчасъ вернусь! Мы весело проведемъ ночь.

Иза нахмурила брови.

Оба молчали.

Иза была подавлена этимъ извѣстіемъ... не могла думать. Она такъ устала...

Иногда она впадала въ какое-то безнадежное отчаяніе, которое переходило въ сонное утомленіе.

— Слушай, Иза, завтра въ Мюнхенѣ открывается выставка моихъ картинъ.

— Да?..

Экипажъ остановился.

— Покойной ночи!—Микита дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Покойной ночи!

— Теперь во весь духъ назадъ, — крикнулъ онъ извозчику.

Извозчикъ ударилъ лошадь кнутомъ. Экипажъ покатился по асфальтовой мостовой.

А Микита извивался и корчился отъ внезапнаго приступа судорожнаго плача.

Когда онъ вернулся въ ресторанъ, то былъ уже спокоенъ.

Его встрѣтили громкимъ крикомъ.

„Да, Иза стѣсняла всѣхъ своимъ присутствіемъ“,—подумалъ онъ.

— Слушай,—онъ сѣлъ около Ильтиса,—если я сегодня

напьюсь, такъ посади меня завтра утромъ на поѣздъ... Въ половинѣ восьмого... Помни...

— Хорошо, хорошо. Я тысячу разъ ѣздилъ уже съ этимъ поѣздомъ.

XV.

励

Фалькъ сидѣлъ въ номерѣ гостиницы и думалъ.

Зачѣмъ онъ, собственно, пріѣхалъ сюда? Вѣдь онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы мучиться и въ Берлинѣ.

Теперь, вѣроятно, прошло уже шесть дней?

Задумался. Да, сегодня уже шестой день... Больше онъ не въ силахъ выдержать. Нѣтъ, безусловно нѣтъ. Онъ долженъ принять, какъ голый фактъ, что не вынесетъ больше этихъ мученій. Такъ онъ погибнетъ. Каждый день надламывается въ немъ что-то, что еще вчера было здоровымъ, съ каждымъ днемъ растетъ отвращеніе въ жизни,—а это страданіе, эти муки.

Погибнуть изъ-за женщины? Онъ — артистъ, онъ... Ха, ха, ха...

Ну, во всякомъ случаѣ лучше погибнуть изъ-за женщины, чѣмъ отъ идіотской апоплексіи, тифа или дифтерита.

Ахъ ты, глупый Ильтисъ! Какъ ты простъ! Теперь я погибну, по крайней мѣрѣ, благодаря самому себѣ, погибну отъ того, что составляетъ существенную глубину моей души. Вѣдь она, она: это Я,—Я, котораго ты еще никогда не видѣлъ,—Я, которое только теперь открылось мнѣ самому.

Можешь умереть отъ бѣлой горячки или маніи преслѣдованія, если считаешь это болѣе подходящимъ, а я погибну отъ самого себя.

Но зачѣмъ мнѣ, чортъ побери, погибать? Я хочу быть счастливымъ, хочу жить...

Вдругъ онъ потерялъ нить мыслей. Мозгъ его былъ слишкомъ разсѣяннымъ послѣднее время.

Онъ сидѣлъ, сидѣлъ и вдругъ замѣтилъ, что онъ словно оглушенъ чѣмъ-то... Старался заставить себя думать.

Гм... вѣдь я никогда не дѣлалъ ничего, чего бы не могъ проконтролировать своимъ мозгомъ. Да, первые два дня онъ еще владѣлъ собой. Вѣдь онъ поступалъ вполнѣ сознательно, дѣйствовалъ на нее заранѣе обдуманными средствами...

Боже! Этотъ смѣшной разсказъ о лебедяхъ!.. Какъ онъ глупо былъ обдуманъ, какъ неумѣло... какъ по-дѣтски...

А потомъ онъ попалъ въ водоворотъ... Мозгъ сталъ кружиться на одномъ мѣстѣ, все быстрѣе, быстрѣе, онъ мчался, проваливался въ бездоный Мальстремъ страсти...

Этотъ танецъ, этотъ танецъ...

Онъ увидѣлъ вдругъ въ углу паутину. Смотрѣлъ на нее долго и пристально, пока глаза сами собой не закрылись.

Онъ усталъ, страшно усталъ, во всѣхъ костяхъ ломота.

Да, три,—нѣтъ, четыре часа онъ бѣгалъ, чтобы усталостью заглушить эту боль въ себѣ, чтобы заснуть безъ этого отвратительнаго яда, безъ морфія...

Теперь надо еще смотрѣть на какой-нибудь блестящій предметъ.

Онъ долго смотрѣлъ на мѣдную ручку двери.

Чувствовалъ только, что слезы плывутъ по лицу—тихія, грустныя слезы.

Была чудная осенняя погода. Ясный, солнечный полдень. Онъ смотрѣлъ на великолѣпную колокольню костела Спасителя въ Копенгагенѣ. Микита стоялъ рядомъ и махалъ платкомъ.

Farwell! Farwell! — слышалъ онъ чей-то голосъ, но никого не видѣлъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что около него стоитъ какой-то юноша, весь въ слезахъ. Бѣдный! Онъ долженъ ѣхать въ Штетинъ, чтобы искать мѣста.

Сколько миль въ часъ можетъ дѣлать этотъ пароходъ?

— Смотри-ка! — Микита указалъ на англійскій пароходъ.

Два матроса боксировали какъ сумасшедшіе. Онъ видѣлъ, какъ они набрасывались одинъ на другого, точно пѣтухи, въ одно мгновеніе сплетались въ клубокъ, который катился по землѣ, развертывался, подскакивалъ вверхъ и падалъ. Потомъ видѣлъ, какъ они вскакивали съ земли и съ новымъ бѣшенствомъ набрасывались другъ на друга. Видѣлъ кулаки, мелькавшіе въ воздухѣ. Вдругъ оба упали на лѣстницу, которая вела въ каюты, но сейчасъ же снова очутились наверху, снова свернулись въ клубокъ, который дико подскакивалъ на палубѣ...

Фалькъ проснулся, открылъ глаза, но закрылъ ихъ снова.

— Слушай, Эрикъ, видишь ты эту чудную ночь въ водѣ и этотъ блескъ, это миганіе? Боже, если бы это можно было написать!

— Охъ, ты мой дорогой, золотой мой!

Они сидѣли и пили. Ночь была такая черная. Сидѣли, прижавшись другъ къ другу.

Но вдругъ ихъ охватило безуміе. Они схватили одинъ другого за плечи. Онъ поднялъ Микиту и хотѣлъ бросить его за бортъ. Но Микита былъ ловокъ. Выскользнулъ у него изъ рукъ и схватилъ его за ноги. Фалькъ отчаянно сталъ бить его кулаками по головѣ, но тотъ несъ его, не обращая вниманія на побои. Да, онъ хотѣлъ его бросить въ море,— они уже приблизились къ борту. Вотъ... вотъ... Вдругъ Фалькъ почувствовалъ что-то твердое подъ ногами. Онъ на-

валился всѣмъ тѣломъ на Микиту, такъ что смялъ его, перегнулъ назадъ, однимъ движеніемъ схватилъ его за бедра... страшно взмахнулъ въ воздухѣ.—Микита полетѣлъ въ черную ночь, въ море...

Фалькъ проснулся.

Онъ стоялъ по серединѣ комнаты съ сжатыми кулаками.

Пришелъ въ себя.

Его охватила дикая ненависть, бѣшеное желаніе борьбы.

За бортъ, за бортъ!

Стиснулъ зубы. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ началъ ходить по комнатѣ большими шагами. Кто хочетъ похитить у него счастье? Кто хочетъ быть причиной его гибели?

Понемногу онъ успокоился.

Ясно какъ Божій день: одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть—или онъ, или Микита! Онъ на распутьи... Передъ нимъ двѣ дороги: онъ будетъ счастливъ, но погубитъ Микиту, или наоборотъ! Жить безъ нея онъ не можетъ. Она не любитъ уже Микиты. Такъ чего же онъ отъ нея хочетъ? Что для него Микита? Они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ голодали,—ну такъ что же? Что же еще?

Онъ сѣлъ и понурилъ голову.

Никогда еще онъ не чувствовалъ такой болѣзненной, мучительной тоски о ней.

Да! На распутьи.—Или онъ, или я!

Водоворотъ втянулъ насъ обоихъ,—одного онъ несетъ къ счастью.

Только одного...

И этотъ одинъ—я!

Онъ увидѣлъ лося, дрожащаго, забрызганнаго кровью побѣдителя.

Его охватило страшное безпокойство.

Снялъ съ себя платье и одѣлъ его снова.

Онъ искалъ денегъ, выворачивалъ всѣ карманы, но не могъ ничего найти, — выходилъ изъ терпѣнія, метался изъ стороны въ сторону, потъ выступалъ у него на лбу.

Онъ долженъ ѣхать къ ней! *Долженъ*... Больше онъ не можетъ выносить этихъ мученій... Онъ стащилъ съ кровати одѣяло, матрацъ и нашелъ, наконецъ, портмонэ подъ подушкой.

Лишь бы не было поздно, лишь бы не было поздно!..

Взглянулъ на часы.

Позвонилъ.

Кельнеръ быстро вбѣжалъ въ комнату.

— Когда идетъ поѣздъ въ Берлинъ?

— Черезъ часъ безъ нѣсколькихъ минутъ.

— Скорѣй, скорѣй счетъ! Спѣшите ради Бога...

Фалькъ пріѣхалъ въ Берлинъ поздно вечеромъ.

Вдругъ понялъ: надо итти къ Микитѣ.

Да, онъ скажетъ ему прямо, что нельзя уже предаваться иллюзіямъ, что Иза его не любитъ, что если она не сказала ему этого, то только потому, вѣроятно, чтобы не заставлять его пока страдать... что она сдѣлала это изъ жалости.

Да, надо ему сказать это совсѣмъ откровенно.

Но какъ это страшно непріятно!

Ну? Почему? Микита для него посторонній человѣкъ!

Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ мастерской Микиты, онъ чувствовалъ все большую тяжесть.

Нѣтъ! Онъ не можетъ этого сказать Микитѣ.

Все время онъ долженъ былъ думать о томъ, чѣмъ былъ для него Микита прежде, какъ онъ его любилъ...

Онъ едва могъ дышать.

Передъ квартирой Микиты онъ остановился въ нерѣшительности.

Да, долженъ, долженъ... но... Боже! Да! Если онъ этого не сдѣлаетъ, то долженъ опять уѣхать.

И онъ вспомнилъ тѣ страшныя мученья, которыя пережилъ за эти шесть дней.

Страшно! Страшно!—шепталъ онъ.

Поднялся наверхъ.

— Дома Микита?

— Нѣтъ, уѣхалъ въ Мюнхенъ.

Фалькъ остановился на лѣстницѣ. Онъ не могъ обнять мыслью этого счастья.

Это счастье!

Повторилъ это еще разъ, но, несмотря на такое счастье, чувствовалъ себя какъ-то странно подавленнымъ.

А теперь къ Изѣ, къ Изѣ!

Онъ думалъ только о ней. Старался представить себѣ, какъ она его приметъ, думалъ о разныхъ мелочахъ, которыя замѣтилъ въ ней, заставлялъ себя думать, дѣлая при этомъ отчаянныя усилія,—лишь бы забыться, лишь бы заглушить въ себѣ то, что хотѣло заговорить въ немъ, что сопротивлялось, содрогалось передъ этимъ необъятнымъ счастьемъ.

Вдругъ понялъ: онъ не можетъ итти къ Изѣ, онъ долженъ ждать, пока не вернется Микита. Тогда онъ все ему скажетъ и лишитъ Микиту возможности упрекнуть его въ трусости, въ томъ, что онъ соблазнилъ невѣсту за спиной друга.

Да, онъ долженъ ждать!

Но это невозможно, физически невозможно. Теперь все напряглось въ немъ до послѣднихъ предѣловъ. Еще тысячная часть миллиметра, и тетива лопнетъ. Зачѣмъ же онъ тогда вернулся?

Пока онъ могъ переносить эти мученья, онъ не возвращался и упорно, очень упорно боролся съ собой, но теперь...

Онъ вдругъ встряхнулся.

Нѣтъ, довольно этой борьбы! Онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать, хотя бы передъ этимъ содрогались десятки, тысячи чувствъ... Боже мой, да вѣдь онъ нисколько не думаетъ спорить, въ каждомъ изъ этихъ чувствъ есть извѣстная доля необходимости, но въ концѣ концовъ всегда побѣдитъ послѣдняя, самая сильная необходимость, которой нельзя предотвратить!

Онъ задумался надъ подробностями этой мысли, но его снова охватила страшная подавленность.

Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ глухую тревогу, какія-то смущенныя, стыдливыя, мучительныя чувства, потомъ всѣ они стали сливаться въ одно безконечно грустное чувство неминуемой гибели, безнадежности... Онъ былъ страшно подавленъ.

Проходя мимо часовъ, онъ вдругъ страшно испугался.

Черезъ полчаса запрутъ ворота, а тогда онъ ея не увидитъ... Сегодня ужъ не увидитъ...

Надо все обдумать теперь. Надо! Надо!

Онъ чувствовалъ мучительное напряженіе въ каждомъ нервѣ, въ каждомъ мускулѣ. Шелъ все скорѣе.

Нѣтъ, нѣтъ! Не думать больше, не думать! Надо итти къ ней... Будь, что будетъ!.. А вѣдь онъ думалъ еще, старался еще бороться, но зналъ, что долженъ итти къ ней. А потомъ, какъ-то вдругъ онъ подавилъ въ мозгу всѣ мысли и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Когда онъ поднялъ руку къ звонку, его снова охватило обезсиливающее чувство тревоги. Онъ нѣсколько разъ дотрогивался до пуговки электрическаго звонка, но у него не хватало духу нажать ее. Потомъ онъ прислонился къ стѣнѣ, почувствовалъ вдругъ какую-то страшную тяжесть. Онъ прошелъ нѣсколько ступеней внизъ, сосчиталъ ихъ...

Внизу послышался звонъ ключей, и вдругъ онъ вспомнилъ о послѣдней необходимости, — о необходимости, которая всегда побѣждаетъ.

Онъ снова вернулся наверхъ и позвонилъ.

Служанка открыла дверь.

— Барышня дома?

— Барышня не принимаетъ... Она не велѣла никого впускать!

— Пожалуйста, скажите ей, что я долженъ съ ней поговорить.

Онъ почти кричалъ, хотя самъ не зналъ—отчего.

Въ ту же минуту открылась дверь.

Иза стояла въ передней.

Фалькъ подошелъ къ ней, не говоря ни слова. Они вошли въ комнату.

Взялись за руки. Оба дрожали.

Потомъ Иза обвилась руками вокругъ его шеи и громко разрыдалась.

XVI.

Все это время въ Мюнхенѣ Микита провелъ, какъ во снѣ. Онъ дѣлалъ все, что совѣтовали ему друзья, ходилъ всюду, куда ему приказывали, но чувствовалъ, что съ нимъ неладно, очень неладно.

Надо было ужъ уѣзжать. Онъ съ большимъ удовольствіемъ остался бы въ Мюнхенѣ, но тутъ больше нечего было дѣлать. А надо было чѣмъ-нибудь заняться... Все равно, чѣмъ...

Онъ медленно пошелъ на вокзалъ. Да, надо возвращаться въ Берлинъ.

Надо было бы, собственно, проситься съ друзьями, но это было ему непріятно. Они пошли бы съ нимъ на вокзалъ, потомъ стали бы острить, оказывать всякія дружескія услуги... Нѣтъ, надо остаться одному.

Странно, какъ ясны теперь его мысли. Прежде все ихъ развлекало, такъ что онъ съ трудомъ могъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, чего онъ, собственно, хочетъ, а теперь все складывалось такъ ясно, такъ понятно.

Голосъ его тоже сталъ тише.

Только эта странная дрожь, которая продолжалась цѣлыми часами, и эта внезапная потеря сознанія... О, какъ это страшно!

Онъ боялся, что это вернется снова.

Вдругъ онъ остановился передъ оружейнымъ магазиномъ.

Ему вспомнились сотни всевозможныхъ путешествій, про которыя онъ читалъ въ газетахъ. Возможно, что и съ нимъ случится что-нибудь недоброе... Да на него могли напасть.

Боже, отчего съ нимъ не можетъ случиться того, что случается съ тысячами людей?

Въ окнѣ висѣло всевозможное оружіе.

Люди вѣдь страшно изобрѣтательны.

To be or not be...—промелькнуло вдругъ въ его мозгу.

To be or not be... Недостаетъ только соотвѣтственнаго плаща и черепа... Чортъ возьми, надо будетъ принять передъ зеркаломъ такую позу.

Вошелъ въ магазинъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза, былъ стѣнной календарь.

1 апрѣля—прочелъ онъ громадныя буквы.

Prima Aprilis... Сегодня будетъ много сюрпризовъ!

Онъ потребовалъ револьверъ, но такъ усталъ, что долженъ былъ сѣсть.

Развѣ необходимо сегодня вернуться въ Берлинъ? Развѣ нельзя подождать, пока онъ придетъ въ себя?..

Но вдругъ онъ опять оживился.

Разлука имѣетъ громадное значеніе въ любви.

Фалькъ тоже уѣхалъ. Все время она скучала. Долженъ же быть кто-нибудь съ ней! Если онъ теперь вернется... Отчего съ нимъ не можетъ случиться того, что случается съ тысячами другихъ!

Развѣ онъ не читалъ въ романахъ, что разлука разжигаетъ гаснущую любовь...

Боже! Вѣдь писатели не дураки... Какъ прекрасно, какъ подробно они это описываютъ!

Заплатилъ за револьверъ и вышелъ.

Надежда гналась за надеждой. Онъ ускорилъ шагъ. Выпрямился. Ему казалось, что въ немъ просыпаются какія-то новыя силы.

Его охватило безпокойство, напряженность... Какъ онъ могъ подумать, что не пройдетъ этого пути?

Мозгъ его сталъ лихорадочно работать.

Онъ вспомнилъ Изу, вспомнилъ, какъ они были счастливы, какъ она его любила, какъ преклонялась передъ нимъ. Она чувствовала въ немъ великаго художника.

Нѣтъ, не только художника. Нѣтъ, она вѣдь любила прильнуть къ нему, ласкать... Она,—она, о какъ онъ ее любилъ!

Вѣдь онъ не былъ самимъ собою, каждая нить его организма была связана съ нею,—такъ неразрывно...

И онъ ее, вѣроятно, прямо измучилъ своей вѣчной ревностью, своей... своей...

Да, да... Но она была такъ добра... Она все ему прощала...

Да!—да! Она станетъ тамъ, протянетъ къ нему руки, бросится ему на шею:

— Слава Богу, что ты вернулся! Я такъ безконечно тосковала о тебѣ...

Да, такъ и будетъ, такъ и будетъ!—крикнулъ онъ. Онъ знаетъ это навѣрное.

Да... правда... Развѣ она хоть разъ отвѣтила на его письма?..

Онъ ударилъ себя по головѣ.

Ахъ ты, глупый Микита! Что ты знаешь о женщинѣ, что ты знаешь объ ея хитрости?.. Ну, конечно! И чего бы терзаться изъ-за всего этого? Вѣдь это ясно... Она имѣла полное право наказать меня такъ строго...

Онъ убѣждалъ себя неопровержимыми доказательствами, что это только женская хитрость, женскій умъ... нѣтъ,

нѣтъ, какъ это Фалькъ говорилъ... Врожденный умъ полового подбора!

Фалькъ умѣетъ назвать все, какъ слѣдуетъ...

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ Берлину, безпокойство его возрастало. Прежняя боль проснулась опять и стала терзать его съ прежнимъ бѣшенствомъ. Въ продолженіе послѣднихъ двухъ часовъ онъ былъ только безпомощной ея жертвой.

Онъ страшно мучился. Вѣдь это прямо неслыханная вещь, чтобы человѣкъ могъ такъ мучиться!

Онъ бѣгалъ по купэ, метался изъ стороны въ сторону, и вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ—ему казалось, что онъ сойдетъ съ ума отъ боли и безпокойства.

. . . .

Иза встрѣтила его холодной, смущенной улыбкой.

Она укладывала вещи.

Вдругъ Микита понялъ ясную, ледяную правду.

Ему слѣдовало сейчасъ же уйти, но онъ такъ усталъ, что долженъ былъ сѣсть.

Иза отвернулась.

— Иза!—крикнулъ онъ вдругъ хриплымъ голосомъ, не поднимая на нее глазъ.

И оборвалъ. На столѣ лежала пара шелковыхъ зеленыхъ чулокъ. Гдѣ-то въ глубинѣ его души произошла какая-то чувственная ассоціація, онъ схватилъ чулокъ и порвалъ его на мелкіе кусочки.

Иза взглянула на него съ презрѣніемъ. Теперь, наконецъ, у нея хватило смѣлости.

— Чего ты отъ меня хочешь? Я не люблю тебя!

Она только пробовала, сможетъ ли это сказать ему.

— Я не люблю тебя, ты для меня чужой.

Она хотѣла сказать что-то о Фалькѣ, но не могла.

Видѣла въ немъ эту собачью, безропотную покорность.

Онъ сталъ ей противенъ.

Она еще что-то говорила, но онъ уже не слушалъ.

Вышелъ на улицу.

Разъ онъ читалъ гдѣ-то, что человѣкъ въ такія минуты ничего не понимаетъ, но онъ понималъ все и такъ ясно, такъ отчетливо. Ей нечего было даже говорить этого.

Отчего такъ пусто на улицѣ? Ахъ, да... сегодня воскресенье, всѣ ушли за городъ... воскресенье prima, aprilis,—взглянулъ на часы, —шесть часовъ вечера... To be or not to be.—Да, когда я стану передъ зеркаломъ въ плащѣ Гамлета съ черепомъ въ рукѣ, въ заключительномъ монологѣ надо будетъ вспомнить о времени.

Онъ никогда не думалъ, что человѣкъ передъ смертью можетъ такъ ясно, такъ спокойно и разумно мыслить...

Да, Гарборгъ правъ. Разъ человѣкъ знаетъ, что долженъ непремѣнно умереть, онъ совершенно спокоенъ.

Да, да... Писатели всегда люди, которые...

Онъ шелъ очень медленно, но теперь остановился.

Этотъ безмозглый молокососъ давно уже раздражалъ его.

Идетъ, вѣроятно, на свиданье и, чтобы нога казалась меньше, купилъ тѣсныя ботинки. Вотъ онъ остановился и дѣлаетъ видъ, что осматриваетъ витрину.

Вонъ... вонъ... опять остановился.

Вдругъ Микиту охватило бѣшенство.

Онъ подошелъ къ нему съ суровымъ выраженіемъ лица.

— У васъ, вѣроятно, здоровенныя мозоли, молодой человѣкъ?

Молодой человѣкъ вглянулъ на него съ изумленіемъ, потомъ разсердился и покраснѣлъ отъ злости.

Микита испугался.

— Вѣдь это прямо наглость!—кричалъ молодой человѣкъ.

Микита отступалъ въ испугѣ.—Извините... знаете... кольца Вахсмута въ часахъ.

Онъ быстро ушелъ въ другую сторону.

Господи, какіе злые эти люди, кричатъ на меня, до смерти меня терзаютъ...

Чувствовалъ, что слезы текутъ у него по щекамъ.

Ну, Микита! Хоть на твою долю выпало очень много тяжелаго, но все-таки выть на улицѣ нечего... Чортъ возьми!

Да успокойся же!

Его снова охватило бѣшенство.

Дуракъ, сантиментальный комедіантъ! Чего плачешь? Ужъ не чувствуешь ли гдѣ-нибудь вблизи прекрасный полъ, который, можетъ быть, сжалится надъ твоей судьбой? Хе? Прекрасный полъ... ха-ха!

Онъ вошелъ въ свою мастерскую и заперъ двери.

Взглянулъ на картину. Эта противная мазня! Какъ онъ этого раньше не замѣтилъ! Надо это поправить!..

Онъ схватилъ кисть, но рука его лихорадочно дрожала.

Обезумѣвъ отъ бѣшенства онъ рванулъ картину и порвалъ ее на мелкіе куски.

Потомъ бросился на диванъ. Но вскочилъ снова, какъ бѣсноватый.

— Иза!—кричалъ онъ—Иза!

Вдругъ захохоталъ. Задыхался отъ смѣха.

Ползалъ по землѣ. Бился головою о полъ, схватилъ стулъ и разбилъ его вдребезги. Въ немъ безумствовало бѣшенство разрушенія.

Силы его покинули. Мозгъ охватило безуміе.

И только одинъ послѣдній вопросъ:

— Боже, что же это? Что теперь дѣлать?

Вдругъ онъ почувствовалъ въ карманѣ что-то тяжелое.

Ага! Правда! Правда... Онъ ходилъ по комнатѣ, искалъ чего-то и повторялъ все время: Да, правда, правда...

Да... ну, конечно это! А револьверъ все больше тянулъ книзу карманъ. Сѣсть! Не правда ли?.. Удобнѣе... Надо сѣсть, надо сѣсть...

Такая страшная тишина! Охъ, какъ это больно!

Вынулъ револьверъ, но прошло много времени, пока онъ его зарядилъ. Руки не слушались больше воли.

Онъ разсердился.

Конечно, раньше всего сѣсть. Это самое главное.

Сѣлъ.

Въ сердце? Разумѣется! Это хорошая мысль. Обыкновенно стрѣляютъ миллиметромъ выше, чтобы потомъ отправиться въ больницу! Хе-хе...

Вдругъ онъ незамѣтно задумался и забылъ обо всемъ. На дворѣ кто-то запѣлъ. Его охватила внезапная тревога. Онъ сжималъ изо всей силы револьверъ.

Скорѣй! скорѣй!

Что-то усиливало въ немъ это страшное безпокойство.

Черезъ минуту онъ не будетъ въ силахъ сдѣлать этого.

И онъ порывисто всунулъ револьверъ въ ротъ и спустилъ курокъ...

Въ тотъ же вечеръ Фалькъ и Иза сидѣли въ поѣздѣ. Они ѣхали въ Парижъ.

— Любишь?—спросила она и взглянула на него полными счастья глазами.

Фалькъ не отвѣтилъ. Сжалъ ея руку и съ безконечной нѣжностью посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ты, мой... ты!..—Они долго сидѣли, прильнувъ другъ къ другу. Она устала. Онъ устроилъ ей постель изъ пледовъ, закуталъ ее и все продолжалъ смотрѣть съ тою же горячей, сердечной нѣжностью.

— Моя... моя...

— Поцѣлуй меня, поцѣлуй!—закрыла глаза.

Онъ поцѣловалъ ее осторожно, какъ бы боясь до нея дотронуться.

— Теперь спи, спи.

— Да.

Онъ сѣлъ съ другой стороны.

Теперь она его... Теперь онъ счастливъ...

О Микитѣ онъ почти не думалъ. Даже странно, какъ мало онъ о немъ заботился. Но разъ уже... Тутъ ничего не подѣлаешь. Человѣкъ долженъ погибнуть, разъ у него нѣтъ силъ къ жизни, разъ жизненныя условія сложились не по немъ... Тутъ вѣдь никто не виноватъ, тутъ ничего нельзя сдѣлать...

А онъ самъ бы погибъ? Нѣтъ! Его страданіе было совсѣмъ другое. Это были пароксизмы горячки, которые ро-

ждали сильную волю. Да, онъ это понялъ, наконецъ. Только... Какъ бы это назвать? Новая воля, — воля, возникающая изъ инстинктовъ, воля...

Гм... какъ это выразить?.. Воля инстинктовъ, которую не стѣсняютъ никакія границы сознанія, никакія атавистическія чувства... Воля, въ которой инстинкты и мозгъ сливаются въ одно...

Онъ долженъ еще страдать; такъ какъ онъ теперь въ переходномъ состояніи, онъ лихорадитъ еще, силясь побороть свой мозгъ. Но когда онъ поборетъ въ себѣ все это глупое наслѣдіе этики, всѣ эти атавистическіе остатки прошлаго, — онъ перестанетъ страдать.

Но вдругъ онъ расхохотался въ душѣ.

Боже, Боже, это глупое, идіотское резонерство. Безсмысленная болтовня о новой волѣ и тому подобномъ. Въ концѣ концовъ онъ можетъ счесть себя за сверхчеловѣка, потому что... ну, потому что его страсть не остановилась ни передъ чѣмъ, потому что Иза отдалась ему изъ любви, потому что онъ самъ преступникъ.

На самомъ же дѣлѣ онъ хочетъ немного забыться, немного обмануть самого себя...

Преступленіе! — крикнуло что-то въ его душѣ.

Онъ взглянулъ на нее. Она принадлежитъ ему, ему, такъ какъ должна была ему принадлежать... Они ѣдутъ за счастьемъ...

Онъ сталъ смотрѣть въ окно.

Видѣлъ, какъ передъ глазами мелькали деревья, поля, попутныя станціи.

Все это будетъ твое, если въ тебѣ воцарится эта новая воля, воля инстинктовъ, освященныхъ мозгомъ.

Онъ вспомнилъ Наполеона.

Нѣтъ, это не то. Это была воля фанатика-эпилептика.

Странно, что онъ ищетъ все время примѣровъ такого же неумолимаго эгоизма... и преступности.

Это, вѣроятно, слѣды болѣзни, которую онъ перенесъ. Теперь онъ вѣдь добился счастья.

И вмѣстѣ съ сознаніемъ этого безконечнаго счастья, котораго онъ добился собственной волей, онъ росъ въ своихъ глазахъ.

Взглянулъ на Изу, которая уже заснула, и долго не отрывалъ глазъ.

Вотъ женщина, которой онъ не знаетъ! Но ему и не надо знать ея... Зачѣмъ? Она теперь съ нимъ, онъ отбилъ ее у другого.

Онъ былъ лосемъ... Нѣтъ это слишкомъ звѣрски... Воспоминаніе о внутренностяхъ лося, которыя висѣли на рогахъ побѣдителя, было ему непріятно.

Онъ изо всѣхъ силъ боролся съ цѣлой массой непріятныхъ, тяжелыхъ чувствъ... Хе-хе... Какъ будто кто-то раскопалъ осиное гнѣздо!

Но потомъ онъ опять успокоился.

Да, случилось такъ, какъ должно было случиться. Странно, что онъ вспоминаетъ все время о прежнихъ понятіяхъ, о свободной волѣ, о преступности, о винѣ... А можетъ быть...

Но теперь,—теперь... Куда несетъ его судьба? Къ счастью? Къ безграничному счастью, полному новыхъ, невѣдомыхъ наслажденій.

О, какимъ гордымъ, какимъ счастливымъ, сильнымъ и какимъ грустнымъ чувствовалъ онъ себя...

А поѣздъ летѣлъ и летѣлъ. Въ окнахъ мелькали дома, деревни, города, а высоко на небѣ горѣла туманнымъ фіолетовымъ свѣтомъ звѣзда...

Мимоходомъ.

I.

Маритъ Кауеръ сидѣла на верандѣ помѣщичьяго дома въ радостномъ волненіи.

Наконецъ, наконецъ... Она совсѣмъ уже потеряла надежду увидѣть его когда-нибудь. Разъ десять по крайней мѣрѣ писалъ онъ матери, что пріѣдетъ завтра... послѣзавтра...

Но у него всегда была такая спѣшная работа, что пріѣхать, оказывается, онъ можетъ только черезъ мѣсяцъ. Проходилъ мѣсяцъ, другой... Но вотъ, наконецъ: пріѣхалъ, пріѣхалъ...

Сегодня вернулся изъ гимназіи ея маленькій братъ и вдругъ вспомнилъ, нагородивъ уже цѣлый коробъ школьной чепухи, что пріѣхалъ г-нъ Фалькъ. Какъ же, г-нъ Эрикъ Фалькъ ждалъ его около гимназіи, велѣлъ передать глубокій поклонъ родителямъ и сказать, что еще сегодня онъ придетъ съ визитомъ.

Маритъ на мгновеніе окаменѣла. Она не могла повѣрить этому.

Боже милостивый, какъ ее мучило это постоянное откладываніе пріѣзда. Она съ ума сходила все это время. Пожертвовала своей дѣвичьей гордостью: — писала къ нему письма, молила его пріѣхать хоть на недѣлю, просила такъ горячо, такъ усиленно.

Дѣлала она это, впрочемъ, потому, что ее просила близорукая мать Фалька, для которой писать письма было прямо мукой. Но онъ вѣдь такъ догадливъ, что могъ бы понять, сколько тоски, сколько желаній дрожало въ каждомъ ея словѣ.

А можетъ быть онъ не хотѣлъ понимать этого?

Боже, неужели правда то, что о немъ говорятъ?

Нѣтъ, это все подлая, гадкая ложь... Все это противныя, отвратительныя сплетни! Будто бы Фалькъ тайно женился, будто бы у него былъ уже сынъ, а онъ вступилъ опять въ гражданскій бракъ, да еще въ довершеніе всего съ какой-то француженкой.

Нѣтъ, онъ честный, добрый и искренній человѣкъ. Онъ бы навѣрное написалъ ей объ этомъ. Вѣдь онъ такъ часто говорилъ, что любитъ ее... Онъ не сталъ бы ее обманывать.

Развѣ онъ не увѣрялъ ее такъ часто, что она, только она можетъ дать ему счастье?

Нѣтъ, все это ложь и сплетни! Онъ безконечно благородный и безконечно чуткій человѣкъ...

Сердце ея усиленно билось. Она глубоко дышала. Глаза наполнились слезами. Безграничный восторгъ охватилъ ее: еще четверть часа, и она его увидитъ, будетъ смотрѣть въ его таинственные глаза, будетъ слушать его странный голосъ. Какъ она его любитъ, какъ невыразимо любитъ...

Господь ее услышалъ. Она заказала три обѣдни, лишь бы Онъ снова вернулъ его ей. Какъ раненое животное, лежала она у ногъ Распятаго, молила, плакала, каялась. Неужели Отецъ Небесный не хочетъ услышать ее?

Чѣмъ она Его разгнѣвала?

И каждую пятницу и субботу она постилась, чтобы вымолить отпущеніе грѣховъ, которыхъ сама не знала. Но вѣдь даже праведные грѣшатъ семь разъ въ день. А можетъ

быть, ея любовь къ Фальку — грѣхъ? Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь Фалькъ пріѣхалъ! Господь ее услышалъ...

Она встала. На верандѣ такъ душно... Во всемъ саду такая страшная духота. Она вышла на дорогу, которая вела къ ближайшему мѣстечку. Этой дорогой долженъ итти Фалькъ.

Вдругъ она вздрогнула. Вся кровь прилила къ сердцу. Задрожала, какъ осиновый листъ.

Онъ! Онъ! Навѣрное!

Она притаилась у забора. Что-то толкало ее впередъ. Какъ ей хочется броситься къ нему на грудь!

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ей хочется только показать, что она безконечно рада. Къ чему скрывать, что она такъ страшно обрадовалась? Пусть знаетъ, что она счастлива!

Нѣтъ, тоже нельзя! Нельзя, нельзя этого показывать...

Нѣтъ, этого нельзя сдѣлать... Бѣжать! А то она встрѣтится съ нимъ здѣсь, на дорогѣ... Голова ея пылала, она чувствовала, какъ ее жжетъ горячій блескъ его глазъ. Она не могла бы сказать ни слова при встрѣчѣ.

Вбѣжала въ свою комнату, бросилась на кровать, зарылась лицомъ въ подушку и громко заплакала.

Кауеръ очень радушно встрѣтилъ Фалька...

— Странно, вы еще живы?!. Впрочемъ, съ вашей стороны очень хорошо, что вы вспомнили, наконецъ, о родныхъ краяхъ. Мы такъ давно васъ ждемъ...

Фалькъ былъ необыкновенно любезенъ.

Онъ постоянно мечтаетъ о родинѣ. У него такая масса работы. Еще недавно онъ долженъ былъ прокорректировать тридцать листовъ своего новаго романа. А это самая подлая, самая тяжелая работа, какую онъ только знаетъ. Теперь онъ безконечно счастливъ. Онъ такъ радъ, что онъ снова у матери и окруженъ любовью... Родина все-таки необыкновенно хорошая вещь.

— Я страшно въ этомъ нуждался. Разнервничался и совсѣмъ отупѣлъ. Надѣюсь, что у матери все это пройдетъ. Послѣ книгопечатнаго искусства мать—самое цѣнное изобрѣтеніе.

Кауеръ былъ очень счастливъ, что снова видитъ его. Ему такъ хотѣлось поговорить съ нимъ.

Эта подлая провинція, словно домъ съ заколоченными ставнями,—ничего не знаешь, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ.

Теперь Фалькъ долженъ разсказать все подробно.

Принесли бутылку вина.

— Фалькъ, вѣроятно, много пьетъ... Вино превосходное... И хоть бы тамъ, въ Парижѣ, дѣлали овесъ изъ риса,—такого вина тамъ не достать! Страшно пріятно пить съ такимъ интеллигентнымъ компаньономъ...

Вскорѣ оба завели интересный разговоръ о томъ, какъ лучше всего выращивать спаржу.

— Вы должны испробовать новѣйшій способъ. Для каждаго корня надо оставить метръ земли, окопать кругомъ...

Дверь открылась. Маритъ вошла въ комнату. Она была очень блѣдна и, казалось, словно только что умылась.

Фалькъ подбѣжалъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Онъ пересталъ ужъ думать, что когда-нибудь ее увидитъ...

Боже, сколько времени уже прошло!..

— Мы васъ уже не ждали... Она отвернулась и начала искать чего-то въ оконной нишѣ.

Фалькъ продолжалъ говорить о спаржѣ, но былъ какъ-то безпокоенъ.

Кауеръ слушалъ со вниманіемъ и увѣрялъ, что онъ очень радъ. Несчастья сыпались, какъ градъ, на его голову: про-

шлогодній неурожай, потомъ болѣзнь жены, которую онъ долженъ былъ послать на воды, гдѣ она живетъ уже полгода. Маритъ приходится вести все хозяйство, и они справляются съ грѣхомъ пополамъ. Producing Фалькъ будетъ такъ великодушенъ и проститъ его: ему надо уйти на часокъ. Теперь время посѣва...

Фалькъ остался съ глазу на глазъ съ Маритъ.

Она внимательно смотрѣла въ окно. Фалькъ ходилъ по комнатѣ и пилъ рюмку за рюмкой. Подошелъ къ ней.

Она дрожала, цвѣтъ ея лица постоянно мѣнялся.

— Ну, что же вы подѣлывали все это время?

Онъ очень дружелюбно улыбнулся...

— Ничего. Мнѣ было хорошо, очень хорошо...

Она опустила глаза и вдругъ взглянула на него, какъ на чужого.

— Какъ странно, что вы, наконецъ, пріѣхали! Что васъ побудило къ этому?

— Хе, видите ли, когда человѣкъ поживетъ такой жизнью, какъ я, когда нервы такъ безобразно разстроятся, то онъ поневолѣ захочетъ отдохнуть у матери. Что бы ни было, я навсегда останусь тѣмъ ребенкомъ, который не знаетъ иного убѣжища, кромѣ матери...

Они замолчали. Фалькъ ходилъ въ раздумьѣ.

— Я ужасно люблю свою мать. Но не могъ пріѣхать. Обстоятельства сложились такъ странно, что задержали меня.

— Да, да, я слышала кое-что объ этихъ обстоятельствахъ.

Она сказала это съ ироническимъ оттѣнкомъ.

Фалькъ взглянулъ на нее удивленно, но, казалось, что онъ ожидалъ этого.

— Ну да... Боже! Развѣ онъ можетъ что-нибудь подѣлать? О немъ распускаютъ столько дикихъ сплетенъ! Впрочемъ, ему безразлично, что о немъ говорятъ.

Она сурово взглянула на него.

Онъ былъ очень блѣденъ, глаза глубоко впали и странно, лихорадочно блестѣли...

Онъ, вѣрно, много страдалъ... Въ ней проснулась жалость къ нему.

— Простите... Я совсѣмъ не хотѣла говорить съ вами объ этомъ. Я даже не имѣю права. Это меня не должно касаться...

— Ну да, да...

Фалькъ очень усталъ.

— Да, странно... Гм... Я ѣхалъ цѣлыхъ двое сутокъ, двѣ ночи не смыкалъ глазъ, не могъ успокоиться: и только успѣлъ я пріѣхать, какъ долженъ былъ пойти сюда увидать васъ...

Первый день расцвѣтающей весны кончался. Они стояли у окна, смотрѣли на рѣку, на холмы за рѣкою, поросшіе орѣшникомъ.

Надъ рѣкой поднимались мглистые туманы, покрывали собою холмы, проникали въ заросли,—словно рѣка выступила изъ своихъ береговъ и хотѣла залить весь міръ. Понемногу исчезали холмы и кусты, и все это широкое, блестящее море тумановъ сливалось съ краями неба.

Кауеръ тѣмъ временемъ далъ знать, что „часокъ“ протянется еще одинъ часочекъ, но Маритъ заявила, что Фалькъ обязательно долженъ остаться ужинать.

Они опять остались вдвоемъ. Фалькъ все время пилъ.

Время отъ времени онъ произносилъ, какъ бы нехотя, какую-нибудь незначительную фразу.

— Не сердитесь на меня за то, что я такъ много пью. Но теперь это мнѣ ужъ необходимо... Я очень опустился... но до delirium еще далеко. Впрочемъ, я бы даже хотѣлъ заболѣть бѣлой горячкой... Не думайте, что я сталъ санти-

ментальнымъ. О, нѣтъ! Я констатирую только самый простой фактъ подъ солнцемъ: у меня червякъ въ сердцѣ. Я несчастливъ... Но все это такъ глупо... Не придавайте этому никакого значенія...

Маритъ подошла къ нему.

— Église, не играйте комедій. Будьте искренни! Когда вы были здѣсь годъ тому назадъ,—знаете,—тогда, когда я съ вами познакомилась, вы говорили, что любите меня. Вы даже писали мнѣ тогда. У меня есть всѣ ваши письма: это мое величайшее, величайшее сокровище. Вы знаете, какъ я отношусь къ вамъ, вы знаете это очень хорошо. Я всѣмъ сердцемъ отдалась этому чувству—любви къ вамъ. Будьте добрымъ... Скажите мнѣ все! Я хотѣла подавить въ себѣ эту любовь. Я знаю вѣдь, что все это ни къ чему не приведетъ... Вы мнѣ говорили, впрочемъ, что ничего обѣщать мнѣ не можете, что у нашей любви нѣтъ будущаго... Я не хотѣла, я не требовала ни клятвъ, ни обѣщаній... Я ничего отъ васъ не хотѣла. Я любила васъ и люблю, потому что должна любить...

Маритъ терялась все больше и больше. Она хотѣла ему сказать такъ много, но мысли ея путались.

— Я не то хотѣла вамъ сказать. Мнѣ хочется только, чтобы вы сказали все откровенно. Всю, всю голую правду. Я такъ страшно мучилась, такъ страдала...

Фалькъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Ну, что же вы хотите узнать отъ меня?

— Вы знаете... О васъ такъ много говорятъ и, вѣрно, не безъ основанія... Это правда? Правда, что говорятъ о француженкѣ и ребенкѣ?.. Вѣдь это невозможно!

— Что?

— Ребенокъ...

— Ребенокъ?

Фалькъ большими шагами ходилъ по комнатѣ.

Наступило мучительное молчаніе. Вдругъ онъ остановился передъ ней.

— Ну, такъ я вамъ скажу всю жестокую правду. Я хочу быть вполнѣ откровеннымъ. Настолько откровеннымъ, насколько умѣю,—даже если это грозитъ мнѣ тѣмъ, что вы укажете мнѣ на дверь. У меня есть ребенокъ... Прежде, чѣмъ я познакомился съ вами, у меня былъ сынъ. А ребенокъ—чудная вещь. Какъ желѣзный клинъ, вбивается онъ въ спинной мозгъ, даетъ силу, даетъ мощь... А вѣдь я совсѣмъ ужъ разваливался... Я былъ хуже худшихъ... Выслушайте меня спокойно. Я, какъ и другіе, былъ самцомъ и имѣлъ право плодить дѣтей...

Онъ былъ раздраженъ.

— Ну, если вы ни на минуту не можете забыть вашей глупой pruderie, то не вызывайте меня на откровенность.

У Маритъ на глазахъ блестѣли слезы.

— Простите меня, но я въ самомъ дѣлѣ очень разстроенъ.

Слезы текли по ея лицу.

— Золотая, дорогая Маритъ! Будь доброй! Выслушай меня, какъ сестра! И если ты не поймешь и половины изъ того, что я скажу, то все-таки выслушай...

— Ну что же? Вы хотите играть со мной въ жмурки? Я этого допустить не могу, я слишкомъ васъ люблю и уважаю.

— Ну, хорошо, вы уже знаете, что у меня есть сынъ. Его матери,—гм... ея я не люблю. Я былъ уже совсѣмъ развалиной. Когда она стала поперекъ моего пути, она была очень добра ко мнѣ. Нѣкоторое время мы жили вмѣстѣ... Ну, и случилось...

— Боже, Боже, неужели это возможно?

— Гм... все возможно.

Фалькъ говорилъ страшно усталымъ голосомъ. Прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и взялъ ее за руку.

— Маритъ, я скажу тебѣ теперь совершенно искренно. Маритъ, ты не должна меня любить! Правда, я просилъ у тебя любви, но тогда мнѣ казалось, что я дамъ тебѣ хоть немного счастья и вѣрилъ въ это. Я хотѣлъ, чтобъ ты была моей женой... Ты бы любила моего сына?.. Но эта женщина впилась въ меня, какъ репейникъ. Тысячу разъ я старался отвязаться отъ нея, но не сумѣлъ этого сдѣлать... Вѣрно, такъ и не отвяжусь...

Фалькъ былъ очень разстроенъ. Маритъ хотѣла перебить его.

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте мнѣ досказать. Я думалъ, что дамъ вамъ счастье. Только эта мысль позволяла мнѣ поддерживать вашу любовь. Не думайте, что я подлецъ... Теперь я не прошу любви, я знаю, что любить меня невозможно. Я не могу дать вамъ ни капли счастья... Одно лишь,— будте моей сестрой, другомъ, моя дорогая...

Маритъ сидѣла, почти потерявъ сознаніе.

Фалькъ опустился передъ ней на колѣни, взялъ ея руки и сталъ ихъ ласкать.

— Будь доброй! Ты не можешь быть моей любовницей, такъ будь другомъ... Нѣтъ, и другомъ ты быть не можешь; нѣтъ, я уйду лучше... уйду... Скажи, уйти мнѣ... уйти? Ну, прощай, я иду, иду...

Но Маритъ въ ту же минуту вскочила въ отчаяньи.

— Останьтесь, останьтесь! Дѣлайте, что хотите, но я должна васъ видѣть,—я больна, когда не вижу васъ. Боже, Боже, какъ это все страшно!

Фалькъ бросился къ ней.

— О, нѣтъ! Ради Бога, нѣтъ!

Она оттолкнула его и выбѣжала изъ комнаты.

Онъ сѣлъ у стола, выпилъ бутылку до дна и смотрѣлъ въ пространство въ тупой задумчивости. Мракъ хорошо вліялъ на него.

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Странно, какъ свѣтъ можетъ испугать. Я такъ разнервничался.

Маритъ улыбнулась. Видъ у нея былъ очень утомленный. Поставила лампу на столъ.

— Отецъ сейчасъ придетъ. Вы непремѣнно должны остаться ужинать.

— Останусь, останусь... Я — порядочный человѣкъ... Джентльменъ... Вашъ отецъ еще, пожалуй, началъ бы что-нибудь подозрѣвать, если бы я неожиданно исчезъ...

II.

На слѣдующій день Фалькъ опять пришелъ.

Онъ былъ очень любезенъ, казался даже веселымъ. Но съ трудомъ скрывалъ сильное нервное раздраженіе.

— Вѣдь между нами не произошло ничего? Вы забыли обо всемъ?.. Правда? Я ничего не помню...

Маритъ упорно смотрѣла въ землю.

— Да, это меня безпокоитъ. Я теряю иногда сознаніе,— нѣтъ, только память,—но я не пьянъ. Вчера, положимъ, я много пилъ, но, надѣюсь, я не произвелъ на васъ впечатлѣнія пьянаго человѣка? Или, можетъ быть, да? Ну, такъ я только притворялся пьянымъ, чтобы говорить все безнаказанно. Я часто это дѣлаю.

Фалькъ очень много говорилъ и слишкомъ часто смѣялся.

Маритъ смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Съ вами случилось, вѣроятно, что-нибудь очень пріятное?..

— Да, какъ же... Я получилъ очень пріятныя извѣстія изъ Парижа. Мои сочиненія перевели на французскій языкъ, и ихъ очень дружелюбно встрѣтили. Это меня радуетъ. Я, положимъ, не въ восторгѣ отъ французовъ, но какъ бы то ни было, Парижъ—метрополія всей современной культуры...

А потомъ...—Нѣтъ, я долженъ вамъ это разсказать, это ужасно комично...

Маритъ смотрѣла на него съ изумленіемъ. Какой онъ сегодня странный!

— Вы знаете, что вашъ отецъ далъ мнѣ экипажъ, когда я возвращался домой. Ну, да вы это, конечно, помните. Ну-съ, такъ вотъ... Ѣдемъ мы очень скоро...

Вдругъ лошади останавливаются, какъ вкопанныя, поднимаются на дыбы и ржутъ, какъ жеребцы въ сказкахъ... Кучеръ бьетъ ихъ кнутомъ, но только портитъ этимъ дѣло... Соскакиваетъ съ козелъ... Я выхожу изъ экипажа, мы беремъ лошадей подъ уздцы и тянемъ ихъ впередъ. Ни съ мѣста!.. Лошади бѣсятся все больше, и кучеръ заявляетъ, что онѣ не хотятъ итти. Что такое? Темно такъ, что если бы кто-нибудь далъ мнѣ пощечину, то я бы даже не зналъ, кто оказалъ мнѣ эту услугу. Набираюсь храбрости, ощупываю руками и ногами дорогу, но вдругъ... сердце перестаетъ биться: я споткнулся о гробъ и упалъ на какой-то трупъ.

Маритъ вскочила.

— Не можетъ быть!

— Нѣтъ, я не вру. Кричу, какъ сумасшедшій, кучера. Въ ту же минуту мнѣ самому становится стыдно за мою трусость, но снова меня охватываетъ ужасъ... Трупъ жалобно стонетъ. Не знаю, испытывалъ ли я когда-нибудь чувство такого страха, какъ вчера.

Но вы страшно поблѣднѣли. Успокойтесь. Въ томъ-то и весь комизмъ, что это былъ совсѣмъ не трупъ, а сильно выпившій крестьянинъ. У него умерла жена, онъ везъ для нея гробъ изъ города, самъ былъ страшно пьянъ, сонливость его одолѣла, — стащилъ гробъ съ воза, пустилъ лошадь на волю Божію и легъ въ гробъ, чтобы проспаться хорошенько...

Маритъ отъ души хохотала.

— Мнѣ ужасно пріятно, что я заставилъ васъ такъ искренно смѣяться. Вы должны смѣться, цѣлый день смѣяться... Мы всегда будемъ смѣяться, какъ маленькія дѣти. Я всегда буду веселымъ школьникомъ, какъ сегодня... Или можетъ быть, я не хорошъ? Вѣдь я очень, въ сущности, милый молодой человѣкъ... Ну-съ, хорошо... Я останусь такимъ цѣлый день.

Églaise — Фалькъ разсмѣялся, но потомъ сталъ серьезнымъ.—Господи, что это за чудный ребенокъ!

— Маритъ, дорогая моя, я хотѣлъ бы лечь у твоихъ ногъ, какъ персидскій коверъ...

— Ну, не морщи лобика, я никогда не буду говорить такихъ вещей!

Глаза Фалька стали влажны. Маритъ смотрѣла на него съ невыразимой любовью.

— Отчего вы опять стали грустнымъ? Я не могу этого видѣть. Я больна, когда вижу, что вы такой грустный.

— Какое?.. Я очень, очень веселъ!..

Молчаніе.

— Хотите пройтись? Пойдемъ погулять на берегъ озера.

— О, съ большимъ удовольствіемъ.

Былъ чудный весенній день.

Зазеленѣло только нѣсколько дней тому назадъ. Деревья распускали листочки, а холмы на противоположномъ берегу покрылись роскошнымъ ковромъ зеленѣющей травы.

Они шли, и ноги ихъ тонули во влажномъ, сыромъ пескѣ. Фалькъ молчалъ. Время отъ времени онъ подбиралъ плоскіе кремни и бросалъ ихъ такъ, что они прыгали по водѣ. Лицо его было серьезно, какъ лицо человѣка, у котораго въ сердцѣ страшная грусть.

Шелъ, смотрѣлъ куда-то впередъ, собиралъ плоскіе камешки и бросалъ ихъ по зеркальной поверхности озера.

Маритъ смотрѣла на него все грустнѣе.

— Отчего вы меня такъ мучите? Отчего вы ничего не говорите? Я не въ состояніи переносить этихъ длинныхъ паузъ.

— Да, да, да...—Фалькъ, казалось, проснулся отъ долгаго сна.—Сейчасъ, сейчасъ... Онъ разскажетъ ей чудныя вещи...

И разсмѣялся необыкновенно-веселымъ смѣхомъ.

— Разсказать вамъ что-нибудь о Парижѣ? Я видѣлъ тамъ великихъ людей, знаменитостей. А знаете, что значитъ быть великимъ человѣкомъ, знаменитостью? Ну, если вы знаете, то мнѣ нечего вамъ объяснять...

Странные они—эти великіе и знаменитые люди,—я встрѣчалъ много людей такого сорта. Главнымъ образомъ одинъ изъ нихъ...

Онъ былъ безподобенъ!

Ненавидѣлъ женщинъ, потому что страшно ихъ любилъ. Простите мнѣ за опредѣленіе, которымъ я хочу охарактеризовать всю его натуру, но это очень къ нему подходитъ: онъ былъ, какъ бѣшеный жеребецъ...

Нѣтъ, нѣтъ... не сердитесь, больше вы никогда не услышите отъ меня ничего подобнаго. Я больше не буду разсказывать объ этомъ. Я знаю, что вы ревностная католичка, а такого выраженія, даю вамъ слово, вы не встрѣтите въ писаніяхъ отцовъ церкви.

Итакъ, этотъ великій человѣкъ, — не бойтесь, я не скажу ничего дурного,—сказалъ себѣ: зачѣмъ мнѣ смотрѣть на луну въ телескопъ, когда я съ такимъ же успѣхомъ могу видѣть ее въ микроскопъ. Этотъ великій человѣкъ былъ страшно парадоксаленъ. Онъ хотѣлъ дѣлать все иначе, чѣмъ другіе.

Но, Боже мой, какъ вы прекрасны! Я очень, очень васъ люблю. Помните? Я любилъ васъ уже прошлой весной.

Такъ вотъ, этотъ великій человѣкъ повернулъ трубу микроскопа такъ, что объективъ былъ обращенъ къ глазу, налилъ нѣсколько капель ртути, благодаря чему можно достигнуть нѣкотораго увеличенія предметовъ... Ну... и смотритъ на луну...

— Луна принимаетъ, конечно, необыкновенно туманную форму.

Но этотъ человѣкъ справился, конечно, съ такимъ пустякомъ.

Это пятно, тамъ, развѣ не Европа? А этотъ четыреугольникъ, да это—настоящая Австралія!..

Какъ вы чудно смѣетесь! Ваши глаза такъ мягко, нѣжно углубляются...

Хорошо, хорошо... Такъ этотъ великій и извѣстный человѣкъ вывелъ изъ такого поразительнаго факта слѣдующее заключеніе: на лунѣ нѣтъ ни горъ, ни кратеровъ, ни вулкановъ... Луна попросту зеркальная поверхность, въ которой отражается наша земля.

Маритъ хохотала, какъ ребенокъ.

— Какъ вы высмѣиваете великихъ людей! Неужели вы совсѣмъ ихъ не уважаете?

— Нѣтъ, нисколько не уважаю. Я видѣлъ ихъ всѣхъ и во фракѣ и въ negligée, и всегда они одинаково смѣшны. За все они берутся такъ серьезно, ходятъ между людьми, какъ надменныя готическія башни, становятся на пьедесталы,—охъ, какъ это все смѣшно!

Фалькъ задумался...

— Разъ только видѣлъ я великаго человѣка, передъ которымъ до сихъ поръ преклоняюсь.

— Разскажите, разскажите!.. Навѣрно, онъ былъ очень интересный человѣкъ, разъ импонировалъ даже вамъ,—вамъ, Фальку!

— Да, это дѣйствительно странно.

— Но это въ самомъ дѣлѣ былъ великій человѣкъ. Я встрѣтилъ его въ Христіаніи. Цѣлое лѣто я прожилъ тогда въ Норвегіи. Онъ былъ низкаго роста, худой, видъ у него былъ непрезентабельный. Онъ былъ такой тихенькій... и глаза... глаза... большіе, странные... Въ нихъ не было той проницательности и того огня, который составляетъ необходимый признакъ обыкновенныхъ великихъ людей,—въ нихъ было что-то, что напоминало мнѣ надломленныя крылья птицы,— большой, царственной птицы. Онъ чудно игралъ на скрипкѣ... Какъ-то разъ мы много пили, а потомъ отправились къ одному знакомому. Онъ началъ играть, когда въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно... У него была... эта великая стыдливость слишкомъ впечатлительной души... Я никогда не слышалъ такой обнаженной музыки. Словно передо мною дрожало только что вырванное изъ груди голубиное сердце.

Въ этой музыкѣ было страданіе, что давитъ грудь и сжимаетъ горло. Маритъ, Маритъ, ты стояла у меня передъ глазами, ты, ты была этимъ голубинымъ сердцемъ, ты была тѣмъ звукомъ, который кричалъ, молилъ о счастьѣ и замиралъ въ страданьѣ.

О, позволь, позволь мнѣ сказать, дай мнѣ хоть разъ тебѣ все высказать...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что... Опять выйдетъ что-нибудь, въ родѣ вчерашней сцены. Вы такъ нервны,—надо быть благоразумнымъ...

Фалькъ замолчалъ. Они долго шли молча.

— Вы просили у меня вчера дружбы... Какъ у друга, у меня есть нѣкоторыя права?

— Понятно.

— Вы въ самомъ дѣлѣ женаты?

— Нѣтъ. У меня есть только ребенокъ, котораго я страшно люблю. Я вернусь къ нему, возьму его съ собой

куда-нибудь въ Сѣверную Италію и тамъ буду жить съ нимъ и для него. Да, это мое непоколебимое рѣшеніе. Я безконечно люблю этого мальчика, люблю его больше всего на свѣтѣ.

Маритъ была разстроена, но молчала.

— Это чудный ребенокъ...—Фалькъ съ необыкновенной нѣжностью и любовью началъ говорить о своемъ сынѣ и въ то же время смотрѣлъ, какое впечатлѣніе производятъ на Маритъ его слова.

Маритъ явно страдала.

— Да, правда! Вы этого не знаете... Въ Парижѣ я былъ очень боленъ, отравился никотиномъ. Теперь я былъ бы уже на лонѣ Авраама, не будь у меня такой заботливой сидѣлки...

— Кто же за вами ухаживалъ?

— Замѣчательная дѣвушка. Она необыкновенно интеллигентна и чудно играетъ на роялѣ.

— Это мать вашего ребенка?

— О, нѣтъ! Съ матерью его я даже никогда не встрѣчаюсь.

Маритъ взглянула на него съ удивленіемъ.

— Но вѣдь вы вчера говорили, что никакъ не можете отъ нея избавиться?.. Вы говорили, что она прилипла къ вамъ, какъ репейникъ?..

— Да?.. Въ самомъ дѣлѣ?—Фалькъ немного смутился.

— Да, вы это говорили и прибавили еще, что только это и стоитъ на дорогѣ къ нашему счастью.

Фалькъ задумался.

— Ну, значитъ, я былъ пьянъ. Не понимаю, какъ я могъ сказать что-нибудь подобное.

Маритъ должна была повторить ему все, слово въ слово.

— Ну да, конечно, я былъ пьянъ. Не обращайте вниманія на то, что я говорю въ такомъ состояніи. Я тогда страшно сочиняю.

Маритъ взглянула на него подозрительно.

— Вѣрьте мнѣ,—я начинаю разсказывать тогда небывалыя вещи. Нѣтъ, нѣтъ,—мать моего ребенка пропала безъ вѣсти. Я думаю, что она стала натурщицей и живетъ съ какимъ-нибудь художникомъ.

Маритъ страшно обрадовалась этому.

— Я отвязался отъ нея довольно скоро. Та дѣвушка, которая ухаживала за мной во время болѣзни, это совсѣмъ другая, ее зовутъ... M-lle Перье. Двѣ недѣли она сидѣла день и ночь у моей кровати. Самые страшные капризы мои она переносила съ ангельскимъ терпѣніемъ—и играла мнѣ на фортепьяно... И днемъ и ночью она была со мной.

— Она жила съ вами?

Фалькъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Что же въ этомъ страннаго? Въ Европѣ,—онъ подчеркнулъ это слово,—въ Европѣ—полнѣйшая свобода отношеній между мужчиной и женщиной. Тамъ нѣтъ этихъ глупыхъ предразсудковъ, этихъ допотопныхъ обычаевъ, какъ у васъ. Здѣсь дѣвушка можетъ быть даже офиціально помолвлена передъ всѣмъ міромъ, а все-таки за женихомъ и невѣстой бѣгаютъ всегда мамаша и всѣ тетушки. Нѣтъ въ Европѣ нѣтъ никакихъ кодексовъ въ дѣлахъ любви. Тамъ каждый самъ для себя—кодексъ и право.

Боже Милостивый, какъ здѣсь тѣсно, какъ невыносимо тѣсно.

Здѣсь есть права, границы, препятствія, правила, формулы, люди ходятъ въ какихъ-то тѣсныхъ, идіотскихъ кафтанахъ: это ты можешь дѣлать, а этого тебѣ нельзя... Другими словами, на вашемъ языкѣ: это—удобно, это—неудобно, это—неприлично... ха, ха, ха...

Талькъ презрительно разсмѣялся.

— Отчего вы вчера такъ порывисто вырвались? Развѣ цѣловать сестру или друга—неудобно?

— Нѣтъ, этого не должно быть. Я стала бы презирать себя, я не посмѣла бы взглянуть вамъ спокойно въ глаза...

— Развѣ у васъ осталась бы ко мнѣ хоть капля уваженія?

Фалькъ расхохотался во все горло.

— Уваженія? Уваженія? Что это такое?... Неужели и впрямь существуетъ такое комичное слово? Я, къ сожалѣнію, не знаю ни такого слова, ни такого понятія.

— Я знаю только свободныхъ женщинъ, для которыхъ единственный законъ—ихъ воля, и знаю женщинъ—рабынь, у которыхъ нѣтъ собственной воли, которыя должны слушаться того, что имъ приказываетъ свѣтъ. Да, я знаю женщинъ, у которыхъ есть сила и презрѣніе къ толпѣ, у которыхъ столько красоты въ душѣ, что онѣ могутъ итти туда, куда ихъ влечетъ инстинктъ,—и знаю женщинъ... ну, просто—стадо, которое можно продать и купить, смотря по обстоятельствамъ, на ярмаркѣ невѣстъ.

— Такъ вы, вѣроятно, очень высоко цѣните ту женщину, которая родила вамъ ребенка, а потомъ ушла къ другому?

— Я никакъ ее не цѣню, потому что вообще не знаю нравственной оцѣнки. Она пошла туда, куда ей велѣла итти любовь,—и это прекрасно!

— Нѣтъ, это отвратительно!

— Гм... называйте, какъ хотите.

Маритъ страшно волновалась.

— А какъ зовутъ... эту барышню?

— Перье.

— Такъ, значитъ, она—вашъ высшій идеалъ?

— О, да, это самая интеллигентная женщина изъ всѣхъ, которыхъ я знаю.

Маритъ вздрогнула.

— Отчего же вы ея не любите?

— Не люблю ея я потому, что мой полъ, то-есть органъ, которымъ мы любимъ, не зависитъ отъ мозга. Я могу, напримѣръ, кого-нибудь считать самымъ прекраснымъ человѣкомъ въ мірѣ, но все-таки не влюбиться въ него.

— Такъ вотъ передъ какими женщинами вы преклоняетесь!

Маритъ почти плакала.

— А я знаю, знаю, что эта ваша Перье—дрянь!

Фалькъ презрительно пожалъ плечами.

Онъ былъ холоденъ и давалъ ей понять, что продолжать этотъ разговоръ не къ чему.

Маритъ страшно страдала.

Одинъ вопросъ снова терзалъ ее: Къ чему онъ выдумалъ вчера всю эту исторію объ этой женщинѣ и ребенкѣ?

— Вы говорите, что мать убѣжала отъ ребенка? Будьте же откровенны! Я мучилась всю ночь...

— Но зачѣмъ вамъ знать это?

— Я должна, должна знать.

Фалькъ посмотрѣлъ на нее удивленно.

— Вѣдь я уже говорилъ вамъ объ этомъ.

Онъ сказалъ это такимъ искреннимъ, такимъ убѣдительнымъ тономъ, что Маритъ повѣрила. Она была благодарна ему, смотрѣла на него такими глазами, какими смотрятъ маленькія дѣти, когда хотятъ просить прощенія, но не рѣшаются этого сдѣлать. Фалькъ не взглянулъ на нее ни разу. Онъ упорно смотрѣлъ въ землю.

Такъ дошли они до садовой калитки.

— Вѣдь вы останетесь ужинать? Папа просилъ задержать васъ... Я во что бы то ни стало должна васъ задержать...

Но Фалькъ былъ непоколебимъ. Онъ очень вѣжливо и холодно отказался. Простился съ серьезнымъ лицомъ и ушелъ.

Маритъ смотрѣла ему вслѣдъ. Долженъ же онъ хоть разъ обернуться!

Но Фалькъ скрылся на поворотѣ,—такъ и не обернулся.

— Боже мой, Боже мой,—зарыдала Маритъ.—Что я ему сдѣлала?

Она прошла въ свою комнату, зажгла лампадку передъ образомъ Божьей Матери, стала на колѣни и начала горячо молиться.

III.

Милькъ не пошелъ въ городъ.

Онъ повернулъ къ озеру, пошелъ вдоль берега и задумчиво смотрѣлъ впередъ.

Лѣсъ на той сторонѣ погружался въ тяжелую, вечернюю грусть. Озеро было чисто, какъ зеркало, и отражало въ себѣ темные тона вечерняго неба.

Остановился.

Какъ онъ могъ забыть все, что вчера говорилъ? Вся эта исторія превратилась въ пошлую комедію,—глупую дѣтскую комедію.

Но Маритъ—гм...—вѣрила мнѣ слѣпо и ничего не замѣтила, повѣрила всему, что я говорилъ.

Онъ снова успокоился. Сѣлъ на берегу озера и сталъ безсмысленно смотрѣть вдаль.

Въ его мозгу кружился цѣлый хаосъ мыслей, только иногда проскальзывали какіе-то образы и безсвязныя впечатлѣнія.

Онъ снова всталъ и пошелъ медленнно, съ трудомъ раздумывая. Хотѣлъ что-то вспомнить, заставлялъ себя что-то обдумать, продумать до конца...

Темнѣло. Въ сосѣднихъ деревняхъ мелькали огни.

Время отъ времени слышался грохотъ возовъ на дорогѣ,—потомъ снова трещанье кузнечиковъ и кваканье лягушекъ въ прудахъ.

Чего жѣ онъ хочетъ, собственно?

Вѣдь онъ—не профессіональный соблазнитель! Никогда у него не было этого смѣшного самолюбія—увлечь женщину только для того, чтобы обладать ею...

Онъ совершенно запутался въ своихъ мысляхъ, снова сѣлъ и сталъ смотрѣть на все больше и больше темнѣющій лѣсъ.

Что-то забрезжило въ его душѣ, и медленно сталъ выплывать образъ женщины съ безконечной граціей вымирающихъ аристократическихъ родовъ,—ему казалось, что она протягиваетъ къ нему свою длинную узкую руку, а лучи необыкновенно добрыхъ, нѣжныхъ глазъ расплываются въ его крови...

Это была его жена—хе, хе, m-lle Перье.

Онъ язвительно улыбнулся, но тотчасъ же снова сталъ серьезенъ.

Онъ любитъ ее. О, какъ страшно онъ любитъ ее!

Вдругъ что-то его укололо. Ха-ха-ха... — Тотъ, который обладалъ ею до него,—стоялъ предъ его глазами.

Онъ вскочилъ въ бѣшенствѣ. Ему стало страшно больно.

Боже, Боже, только не думать объ этомъ! Никогда больше не думать!

Неужели онъ не избавится уже никогда отъ этой страшной боли, этихъ бѣшеныхъ воспоминаній?

Развѣ она виновата, что не знала его, когда сошлась съ его предшественникомъ,—инстинктъ ее обманулъ, она ошиблась... Она его не любила...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—Она такая красивая, у нея мужской умъ,—она понимаетъ его, какъ никто.

Вдругъ онъ увидѣлъ ее такой, какъ въ первый разъ.

Хе-хе... невѣстой Микиты... Расплывчатый красноватый свѣтъ—неопредѣленный блескъ около глазъ, это движеніе руки и туманный голосъ: „Это вы—Фалькъ?..“

Да, это я, дорогая Иза,—я сразу тебя полюбилъ.

Да, я люблю ее и тоскую по ней. Мнѣ хотѣлось бы сидѣть въ своемъ кабинетѣ въ большомъ креслѣ, держать ее на колѣняхъ, чувствовать ея руки вокругъ своей шеи.

Но отчего же онъ не можетъ забыть Маритъ?

Въ безконечномъ блаженствѣ любви онъ видѣлъ, какъ лицо его жены мѣнялось, становилось маленькимъ и узкимъ личикомъ,—о, это Маритъ, Маритъ...

И вдругъ силы стали его покидать, онъ почувствовалъ слабость, смотрѣлъ блуждающими глазами въ это лицо, а мысли его упорно возвращались къ тѣмъ нѣсколькимъ недѣлямъ, которыя онъ провелъ вмѣстѣ съ Маритъ, когда годъ тому назадъ мать вызвала его по важному дѣлу.

Онъ снова почувствовалъ сильную тоску по той любви, что могла стать только мукой, страшной, мучительной страстью къ женщинѣ, которой нельзя обладать.

Какъ онъ былъ счастливъ съ своей женой, пока не зналъ Маритъ. Счастливъ? Гм... гм... снова всталъ передъ его глазами Микита... ея женихъ.

Онъ вздрогнулъ и отряхнулся... Ну, допустимъ, что онъ любилъ ее, былъ счастливъ... А теперь Маритъ стала между ними, отталкиваетъ ихъ другъ отъ друга, онъ долженъ бороться съ собой, чтобы не отдѣлиться отъ своей жены.

Зачѣмъ онъ опять сюда пріѣхалъ? Чего онъ хочетъ отъ Маритъ? Зачѣмъ обманываетъ ее? Зачѣмъ играетъ всю эту комедію?

Если бы онъ могъ это понять!

Вѣдь у него есть какая-нибудь цѣль въ виду. Гдѣ-то за предѣлами логическаго сознанія должна скрываться какая-нибудь цѣль...

Похоть, которая подстерегаетъ новую жертву?..

Нѣтъ, невозможно, это было бы чудовищно—осквернить эту чистую, голубиную душу!..Этого бы онъ никогда не сдѣлалъ.

Черезъ двѣ недѣли онъ вернется къ женѣ. Если бы онъ овладѣлъ Маритъ, то его бы мучили страшныя угрызенія совѣсти.

О, эта отвратительная совѣсть!

Сидѣть въ Парижѣ и вѣчно думать о ней: теперь она лежитъ ницъ на землѣ, извивается отъ боли и молитъ у Бога милости!.. У него не было бы ни одной минуты покоя. Нѣтъ, это было бы ужасно,—всю жизнь съ одной только мыслью, съ этой вѣчной картиной передъ глазами, съ этимъ вѣчнымъ безпокойствомъ и мукой...

Онъ шелъ медленно, глубоко задумавшись.

Совсѣмъ ужъ стемнѣло, а съ луговъ поднимался мглистый туманъ, пресыщенный луннымъ свѣтомъ.

Онъ остановился, смотрѣлъ на это серебряное море и думалъ о чемъ-то, чего никакъ не могъ вспомнить.

Ни одной ясной мысли, только одинъ все тотъ же вѣчный проклятый вопросъ: — Чего онъ, собственно, хочетъ?

Вдругъ представилъ ясно Маритъ. Какъ она была прекрасна, когда сидѣла на камнѣ, съ этими красными рефлексами свѣта, падавшими на ея лицо отъ полей лѣтней шляпы. Такая стройная и тонкая...

Совѣсть—ха-ха, совѣсть! Боже милостивый, этотъ глупый, смѣшной сверхъ-человѣкъ!

Господинъ профессоръ Ницще забылъ о всѣхъ традиціяхъ и культурѣ, которой понадобились цѣлыя тысячи вѣковъ, чтобы создать совѣсть. Хе-хе, — конечно, глупый умъ можетъ даже совѣсть не принимаетъ въ расчетъ. Разсуждая логически, если человѣкъ умѣло возьмется за дѣло, то разумомъ онъ можетъ даже побороть совѣсть. А однако нельзя... Ха-ха... какъ однако смѣшонъ этотъ сверхъ-человѣкъ безъ совѣсти!

И снова думалъ онъ о Маритъ. Его интересовала эта проблема, проблема двойной любви. Это ясно, какъ Божій день: онъ любитъ обѣихъ. Несомнѣнно. Нечего обманывать себя. Когда онъ писалъ горячія, страшно горячія любовныя письма къ своей женѣ, то не лгалъ, а дѣйствительно любилъ ее! Когда же два часа спустя увѣрялъ Маритъ, что ее любитъ, то, видитъ Богъ, тоже не лгалъ.

Онъ громко разсмѣялся.

Но за этимъ смѣхомъ онъ чувствовалъ мучительную боль, ядовитое бѣшенство...

У него есть право любить Маритъ.

Почему же нѣтъ? Кто можетъ запретить ему это? Неужели глупыя правила нравственности, созданныя толпой, должны быть сильнѣе его чувства?

Почему бы ему и не соблазнить ея, если онъ хочетъ обладать ею? Отчего же ему не обладать ею, если они любятъ другъ друга?

А вѣдь она его любитъ! Итакъ, что же стоитъ на пути къ его счастью? Нравственность?

Боже, что такое нравственность? Онъ не знаетъ другой силы, кромѣ силы чувства,—а въ этомъ чувствѣ, которое теперь разрываетъ ему грудь, нѣтъ права, которое связывало бы волю.

Онъ шелъ по тропинкѣ около кладбища.

На кладбищѣ шумѣли листья серебристыхъ тополей съ глубокой, мрачной таинственностью. На темномъ фонѣ ночи выдѣлялись бѣлыя мраморныя могильныя плиты. Его охватило какое-то странное, пронизывающее чувство. Этотъ зловѣщій шумъ деревьевъ напоминалъ ему танецъ скелетовъ.

Смѣшно, что эти идіотскія легенды, въ которыхъ простой народъ изображаетъ смерть, еще производятъ на него такое впечатлѣніе.

Онъ сильно разнервничался.

Мысли его все больше путались. Былъ страшно измученъ. Ни одной мысли онъ не могъ продумать логически до конца. Да и къ чему, чортъ возьми?

Да и на что эта глупая логика? То, что происходитъ въ его душѣ, то, что связываетъ его чувствующіе нервы съ двигательными, то, что кроется за предѣлами сознанья, имѣетъ другую, особенную логику, которой смѣшна логика сознательная.

Онъ шелъ вдоль монастырской стѣны. Остановился, глядя на бѣлыя, высокія стѣны.

Да! Годъ тому назадъ она вышла изъ монастыря. Тамъ ее воспитали—ха-ха—воспитали! Убили, убили, спеленали въ пеленки нравственныхъ правилъ и предразсудковъ. Теперь она задыхается въ нихъ, не можетъ сдѣлать шагу свободно.

Отчего не можетъ сказать мнѣ: Я люблю тебя,—возьми меня!

Ха-ха... снова эта смѣшная логика разума! Но онъ будетъ сильнѣе—онъ выполетъ изъ ея души сорную траву предразсудковъ. Принудитъ ее... она будетъ его рабой,—нѣтъ, онъ сдѣлаетъ ее свободною и себя тоже.

Развѣ и онъ не рабъ? Рабъ своей жены, рабъ совѣсти, старыхъ предразсудковъ, которые выползаютъ теперь, какъ черви послѣ весенняго дождя...

Дикая энергія разсаживала его мозгъ.

Онъ шелъ все скорѣй и скорѣй.

Пришелъ домой весь въ поту.

Мать ждала его.

— Но милая, дорогая мама, почему ты до сихъ поръ не спишь?

— Знаешь, я такъ боюсь, когда ты гасишь лампу. Столько бываетъ несчастныхъ случаевъ...

— Но вѣдь, мама, не можешь же ты пріѣзжать въ Парижъ, чтобы гасить каждый вечеръ мою лампу!

— Ну, да, къ сожалѣнію, не могу. Впрочемъ, ты правъ, но мать—видишь ли...

— Да, да—мать... Хорошо имѣть мать.

Фалькъ поцѣловалъ ей обѣ руки.

— Мама, есть у тебя немного коньяку?

— Есть-то есть, но дамъ тебѣ его съ большимъ неудовольствіемъ. Ты такъ много пьешь, а и безъ этого ты слишкомъ нервенъ...

Фалькъ разсмѣялся.

— Это очень хорошее лѣкарство. Меня немного лихорадитъ, а алкоголь понижаетъ температуру.

Мать принесла бутылку коньяку. Фалькъ глубоко задумался. Наконецъ, онъ рѣшился.

— Дорогая мама, я хочу разсказать тебѣ одну вещь! Я долго скрывалъ отъ тебя, но, наконецъ, эта тайна стала меня мучить. Только ты должна дать мнѣ слово, что спокойно выслушаешь меня...

— Сдѣлаю все, что могу, дитя мое.

Фалькъ выпилъ рюмку коньяку и поцѣловалъ у матери руку.

— Такъ вотъ, дорогая мама, я женатъ.

Госпожа Фалькъ съ минуту смотрѣла на него остановившимся взглядомъ. Въ ея большихъ, умныхъ и добрыхъ глазахъ промелькнулъ испугъ.

— Нѣтъ, Эрикъ, не шути такъ со мной.

— Но это правда, мама! Женился потому, что любилъ ее... Это барышня изъ очень хорошей семьи,—ну, и она любила меня,—пошли къ нотаріусу и заключили брачный контрактъ.

— Какъ? Безъ костела?

— Конечно. Къ чему костелъ въ подобныхъ случаяхъ? Вѣдь ты, мама, знаешь мои убѣжденія, я ихъ никогда не скрывалъ—къ тому же жена моя лютеранка.

— Боже мой! Лютеранка! Въ глазахъ госпожи Фалькъ заблестѣли слезы.

Но Фалькъ взялъ ея руки, цѣловалъ ихъ, много и горячо говорилъ о своемъ счастьѣ, въ концѣ концовъ самъ пересталъ понимать, что говоритъ, но старуха-мать понемногу успокоилась.

— Почему же ты раньше не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Зачѣмъ? Бракъ не имѣетъ для меня религіознаго значенія—это простой договоръ, обезпечивающій женѣ экономическое положеніе и охраняющій отъ придирокъ полиціи.

— И онъ живетъ вмѣстѣ со своей, такъ называемой, женой?

— Такъ называемой?

Фалькъ страшно разсердился.

— Ну, конечно, мама, ты должна привыкнуть уважать какъ гражданскіе, такъ и церковные обычаи. Впрочемъ, я очень прошу никому этого не разсказывать,—положительно никому. Я не хочу, чтобы кто-нибудь вмѣшивался въ мои частныя дѣла! Этого бы я никогда не простилъ тебѣ.

— Я охотно даю тебѣ слово, что никому не скажу. Ради твоей и своей пользы не скажу этого. Что стали бы говорить объ этомъ люди?! Я не могла бы показаться на улицу... Лютеранка!..

— Да, да, мамочка,—люди, люди... Ну, ложись, мама... Съ лампой я буду оченъ остороженъ... Спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи, дитя мое.

Фалькъ снова началъ думать.

Онъ сѣлъ. Мозгъ его работалъ необычайно ясно.

Что же толкаетъ его къ Маритъ съ такой непреодолимой силой?

Только похоть?

Но вѣдь есть же тысячи болѣе красивыхъ женщинъ, которыми онъ могъ бы обладать очень легко.

Чего жъ хочетъ онъ отъ Маритъ, отъ этого глухого, въ половомъ отношеніи, ребенка?

— Глухого въ половомъ отношеніи—да, это единственно вѣрное опредѣленіе для Маритъ.

Есть ли это настоящая любовь? Любовь—такая, какую онъ чувствовалъ къ своей женѣ? Какую онъ зналъ только по отношенію къ своей женѣ?

Нѣтъ, это невозможно.

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Надо же это выяснить, наконецъ.

Онъ старался думать совершенно ясно и логично. Боже мой! Какъ ему знакомъ этотъ путь мышленія! Каждый разъ съ новыми аргументами тончайшей психологіи.

Итакъ!—Во-первыхъ...

Онъ отъ души разсмѣялся. Вспомнилъ своего школьнаго товарища, который всегда, о чемъ бы его ни спросили, начиналъ: „Во-первыхъ“, но на этомъ обыкновенно и останавливался.

Глупости!

— Да, да—тогда, тогда, въ первый разъ, когда онъ познакомился съ Маритъ... Эта странная галлюцинація запаха розъ и чего-то необыкновенно мистическаго...

Съ неслыханной быстротой промелькнуло въ его мозгу одно давно забытое воспоминанье. Онъ увидѣлъ большую комнату... Посерединѣ—гробъ. Свѣчи, большія восковыя свѣчи около гроба. Вся комната была полна бѣлыхъ розъ, распространявшихъ одуряющій ароматъ.

А потомъ громадная процессія, которая медленно подвигалась къ костелу на горѣ. Чудный лѣтній вечеръ. У всѣхъ были въ рукахъ факелы или свѣчи... Около него задуло вѣтромъ свѣчу. Это одно, что приковало его вниманье. Потомъ поставили гробъ на катафалкъ. Восемь ксендзовъ въ черныхъ епитрахиляхъ стали вокругъ катафалка... А вокругъ разливался потокъ аромата бѣлыхъ розъ.

Наконецъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Въ волосахъ у Маритъ была бѣлая роза.

Фалькъ задумался.

Такъ это бѣлыя розы сдѣлали то, что я хочу ее!

Какимъ образомъ моя страсть могла ассоціироваться съ этимъ воспоминаніемъ.

Вторая половина его „я“,—скрытая въ немъ, понимала это гораздо лучше. Половое впечатлѣніе, которое было въ немъ съ самого начала, было разбужено розой въ волосахъ Маритъ. Но какимъ же образомъ,—то-есть,—какая же связь была между запахомъ розъ и его половымъ влеченіемъ?

Какая связь была между впечатлѣніемъ, полученнымъ въ молодые годы, и страстью взрослаго человѣка?

Не знаю, не знаю, почтенная публика...

Ну и что жъ дальше?

Еще болѣе странная вещь!

Руки ихъ встрѣтились случайно, а можетъ быть, и не случайно. Онъ чувствовалъ впечатлѣніе чего-то обнаженнаго—да, какъ бы обнаженнаго дѣвичьяго тѣла, прижавшагося къ его груди. Теперь онъ уже навѣрное зналъ, откуда это взялось. Ему было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ купался вмѣстѣ съ одной дѣвочкой.

Пусть почтеннѣйшая, добродѣтельная публика цинично не улыбается, въ этомъ не было ничего предосудительнаго—въ этомъ была только красота, чистота и невинность тѣхъ, которые еще не знали грѣха...

Дѣвочка нечаянно попала въ омутъ.

Ее подхватилъ водоворотъ.

Онъ бросился за нею, схватилъ за волосы, прижалъ ее къ себѣ и вытащилъ изъ воды.

Тогда въ немъ родился мужчина.

Съ удивительною нѣжностью Фалькъ думалъ о той ровесницѣ, у которой теперь было уже двое дѣтей.

Странно, непостижимо... что давно забытое чувство послѣ столькихъ лѣтъ опять пробудилось при видѣ Маритъ.

Правда! Онъ вспомнилъ еще одно.

Вспомнилъ то время, когда онъ стоялъ на страшномъ распутьѣ, когда въ немъ происходила борьба между дружбой и любовью. Онъ боролся, мучился, извивался отъ муки,—и убѣжалъ отъ нея, чтобы больше не видѣться.

Тогда же онъ получилъ письмо отъ матери, гдѣ она впервые писала о безконечно доброй и нѣжной Маритъ.

Маритъ! Маритъ! Это имя сразу поразило его.

Это имя преслѣдовало его цѣлыми днями, въѣлось въ его душу—въ немъ была для него какая-то музыка, какая-то таинственность и какое-то странное предчу́вствіе.

Маритъ! Маритъ! Это имя обрисовывало ее вполнѣ. Норвежская березка съ раскрывающимися почками—золото на головкѣ, которое растопило норвежское чудное, весеннее солнце...

Онъ не понималъ этого. Но что можно понять на этомъ свѣтѣ?

Итакъ, изъ нѣсколькихъ незначительныхъ впечатлѣній должна была родиться его любовь къ Маритъ? Не можетъ быть! Причина этого должна крыться гдѣ-то гораздо глубже.

Въ Маритъ было что-то непередаваемое—что-то, что проникало въ сокровеннѣйшія глубины его существа.

Вдругъ онъ понялъ. Такъ навѣрное и было: Маритъ и его родина—одно.

Въ ея лицѣ была какая-то широкая, тихая и грустная задумчивость. Что-то близкое къ рѣзкимъ очертаніямъ равнины, которую онъ такъ любилъ.

Это смѣшная родина, которую любой идіотъ могъ бы нарисовать нѣсколькими линіями...

Почему его глубочайшее чувство остановилось на такихъ простыхъ формахъ? Отчего онъ такъ любитъ ее, любитъ ея лобъ съ бѣлокурыми густыми волосами?

Что съ нимъ происходитъ?

Неужели это и въ самомъ дѣлѣ любовь?

Нѣтъ, нисколько! Онъ любитъ только свою жену, свою красавицу-жену,—душу своей души, сердце своего сердца.

Значитъ это самое обыкновенное половое влеченіе?

Но вѣдь это тоже непонятно. Этотъ глупый полъ могъ бы найти тысячи другихъ женщинъ...

Гм...

فалькъ вѣдь человѣкъ очень высокой культуры, онъ—очень утонченный человѣкъ! Онъ не можетъ довольствоваться любымъ товаромъ? Его полъ очень стыдливъ и очень разборчивъ...

Ну, и что же?

Что? А то, что я хочу Маритъ, хочу, чтобы она была моею, ибо такова моя воля.

Фалька лихорадило. Онъ почувствовалъ вдругъ дикую, безпокойную тоску по Маритъ.

Теперь она лежитъ въ своей кровати, руки сложены на одѣялѣ,—можетъ быть, она держитъ въ нихъ то мѣдное распятіе, которое онъ такъ часто у нея видѣлъ!

Обладать ею... Это было бы неслыханно! — подумалъ онъ.

Эта страшная тоска, какъ жгучая гангрена, отравляетъ его душу, лишаетъ его покоя, рветъ его нервы такъ, что онъ не можетъ работать.

Онъ долженъ это сдѣлать. Онъ имѣетъ полное право.

Итакъ, господа, неужели я не правъ? Нѣтъ ни справедливости, ни несправедливости. Это понятія, которыя могутъ лишь регулировать отношенія между Войткомъ и Мацькомъ. Но если намъ во что бы ни стало надо знать, имѣемъ ли мы право это сдѣлать—(обойтись безъ этого къ несчастію нельзя,—необходимо успокоить глупый атавистическій пережитокъ — совѣсть), — то я формулирую свои мысли такъ:

Прежде всего—я человѣкъ, способный гораздо сильнѣе, гораздо всестороннѣе чувствовать жизнь, чѣмъ дѣвушка, которая впослѣдствіи будетъ рожать дѣтей и разводить куръ.

Эти слова, господа, относятся къ философамъ.

Я человѣкъ, котораго страсть и тоска по этой женщинѣ губитъ, это я говорю врачамъ.—А потому до нѣкоторой степени нахожусь въ состояніи необходимой обороны,—это—юристамъ.

Итакъ, я имѣю полное право.

Но вотъ выступаетъ господинъ X и говоритъ:

— Вы безнравственный человѣкъ.

— Отчего?—спрашиваю я съ самымъ любезнымъ выраженіемъ лица.

— Оттого, что вы обольстили невинную дѣвушку.

— И только?—спрашиваю я съ удивленіемъ. Ну, такъ слушайте. Я совсѣмъ ея не обольщалъ, она отдалась мнѣ сама. Вы знаете то мѣсто кодекса Наполеона, которое запрещаетъ отыскивать родителей незаконорожденнаго? Вы не знаете этого изумительнаго факта?

Ну, такъ вы просто невѣжда. Вѣдь Наполеонъ по меньшей мѣрѣ такъ же великъ, какъ Моисей.

Слушайте дальше: самая высокая цѣль природы—творить жизнь. А для этого необходимо половое общеніе двухъ существъ. Я тоже хотѣлъ выполнить эту цѣль,—значитъ я исполнилъ лишь тѣ обязанности, которыя возложила на меня природа.

Но вотъ появляется господинъ У.

— Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ,—кричу я.—Я—я, и кончено!

Фалькъ раздражался все больше и больше. Онъ пришелъ въ бѣшенство; въ мозгу былъ какой-то дикій хаосъ.

На дворѣ свѣтало. Весь міръ тонулъ въ волшебствѣ смутныхъ волнъ разсвѣта. Начали просыпаться птицы.

Онъ выпилъ стаканъ коньяку, закурилъ папиросу. Понемногу успокоился.

Маритъ, славное, дорогое дитя... Эти глаза, что смотрѣли на него то съ такой невыразимой любовью, то со страхомъ!

Онъ чувствовалъ ея руки на своихъ вискахъ, слышалъ ея горячій голосъ, который шепталъ ему, дрожа отъ страсти: Эрикъ, Эрикъ! Мой... только мой...

Онъ почувствовалъ ее на своихъ колѣняхъ, ея руки обвились вокругъ его шеи,—она страстно прижалась къ его груди.

Фалькъ пилъ и становился все сантиментальнѣе.

Вдругъ сорвался съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю тебя, лживый, хитрый полъ! Ты хочешь свою кровожадную похоть прикрыть плащемъ сантиментальности. Нѣтъ! Покорно благодарю за такое смѣшное лицемѣріе.

Если я дѣлаю что-нибудь, то дѣлаю это сознательно. Я люблю только мою жену, а если хочу обладать Маритъ, то этимъ ничуть не измѣняю женѣ... Напротивъ, я отдаюсь ей больше, чѣмъ когда бы то ни было.

Небо освѣщало комнату заревомъ разсвѣта,—свѣтъ лампы тускнѣлъ все больше и больше.

Фалькъ взглянулъ въ зеркало.

Его продолговатое лицо въ этомъ полумракѣ пріобрѣло какое-то демоническое выраженіе. Глаза горѣли и блестѣли, какъ въ лихорадкѣ.

Сѣлъ на диванъ. Онъ очень усталъ.

Смѣшно, какъ онъ вдругъ сталъ равнодушенъ къ этой глупой дѣвочкѣ. Это дѣйствительно странно. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ ней.

Да, да, но завтра опять это вернется... Завтра онъ снова будетъ хотѣть ее.

Вѣдь это безуміе жить дольше въ этой атмосферѣ, вѣчно быть съ нею!

Нѣтъ! Надо же, наконецъ, положить этому конецъ!

Фалькъ вскочилъ.

Завтра или послѣзавтра онъ вернется къ женѣ,—въ Парижъ.

Онъ видѣлъ себя уже въ вагонѣ. Мчится экспрессомъ въ Парижъ.

Кельнъ! Господи, еще десять часовъ въ вагонѣ! Безпокойство и нетерпѣніе разрывали его грудь. Это протянется цѣлую вѣчность. О, если бы можно было выпрыгнуть изъ поѣзда и бѣжать, бѣжать быстрѣй всѣхъ поѣздовъ!.. Еще три часа до Парижа,—два часа... онъ держалъ часы въ рукѣ и слѣдилъ за стрѣлкой.

Еще полчаса. Дыханіе становилось учащеннымъ, въ глазахъ темнѣло, сердце стучало, какъ молотокъ. Поѣздъ мед-

ленно подъѣзжалъ къ вокзалу, его глаза, какъ безпокойныя ласточки, облетали толпу. Вотъ она, вотъ,—тамъ, въ желтой накидкѣ... онъ сейчасъ же ее узналъ.

Она ищетъ его въ безпокойствѣ, бѣжитъ вдоль вагоновъ... Вотъ они бросились другъ къ другу, схватили другъ друга за руки... Онъ взялъ ее подъ руку, сильно прижалъ къ груди.

Очнулся.

Онъ сейчасъ же долженъ телеграфировать ей, что надняхъ прiѣзжаетъ.

Вдругъ его охватилъ нервный страхъ. Ему казалось, что у него не хватитъ силъ для такого далекаго путешествiя. Сѣлъ. Руки безсильно опустились.

Парижъ казался ему гдѣ-то на краю свѣта, за миллiоны верстъ.

Странно, но онъ никакъ не могъ вспомнить лица своей жены. Лица этой барышни... Боже, какъ же онъ ее назвалъ?

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, но не могъ вспомнить.

Ну, наконецъ!

Онъ глубоко вздохнулъ.

M-elle Перье... Перье... Перье...

Имъ снова овладѣло безпокойство. Онъ былъ очень недоволенъ собой.

Эта глупая, идiотская комедiя! Ужъ если лгать, то такъ, чтобы тебя не могли поймать въ этомъ. Теперь онъ выдалъ себя. Маритъ будетъ теперь осторожна.

А если нѣтъ?.. Ну, конечно,—это невозможно! Она скорѣе дастъ отрубить себѣ голову, чѣмъ повѣритъ, что Фалькъ можетъ лгать...

— Нѣтъ, никогда въ жизни! Она, конечно, вѣритъ, что онъ былъ пьянъ...

Въ комнатѣ было совсѣмъ свѣтло.

Надо лечь. Голова горѣла, руки были такія горячія.

Что-нибудь холодное на голову... Ея руки...

Чьи руки?

Фалькъ иронически засмѣялся.

Руки Маритъ... Ну, конечно! Ея... Маритъ....

Въ саду громко чирикали птицы. Онъ открылъ окно.

Струя холоднаго воздуха освѣжила его голову.

Клочья тумана разсѣялись въ воздухѣ,—открылся лугъ,—далекій, зеленый лугъ.

Въ саду, примыкавшемъ къ лугу, расцвѣли деревья,—цѣлое море бѣлыхъ цвѣтовъ, которое волновалось и одуряло своимъ ароматомъ,—а на лугу цѣлые оазисы желтыхъ лютиковъ.

IV.

Фалькъ вскочилъ. Онъ, не раздѣваясь, заснулъ на кровати. Дневной свѣтъ, проникая сквозь листву деревьевъ въ саду, падалъ пятнами на его изнуренное лицо и придавалъ ему выраженіе великой, спокойной печали.

Передъ нимъ стояла мать и хотѣла подсунуть ему подъ голову подушку.

Боже, какіе страшные сны мучили меня!

— Но, дорогое дитя, ты себя погубишь, если будешь просиживать напролетъ цѣлыя ночи.

— Напротивъ, мама, я спалъ очень хорошо... Я не привыкъ много спать. Вѣдь есть люди, которые умѣютъ спать даже на ходу. Я зналъ одного почтальона, который такъ спалъ и дожилъ до 90 лѣтъ. Впрочемъ, мама, я на дняхъ уѣзжаю, мнѣ необходимо вернуться въ Парижъ.

Мать была очень огорчена.

Къ чему же было пріѣзжать? Къ чему было дѣлать такое громадное путешествіе, чтобы черезъ нѣсколько дней уѣхать? Жена можетъ и безъ него прожить двѣ-три недѣли.

— Богъ знаетъ, увижу ли я тебя еще когда-нибудь...— прибавила она грустно.

— Я бы съ удовольствіемъ остался, но никакъ не могу...

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь. Вошла Маритъ очень смущенная.

Она поцѣловала въ плечо мать Фалька. Фалькъ подалъ ей руку и очень холодно поклонился.

— Не сердитесь, г-жа Фалькъ, что я пришла такъ рано, но у папы какія-то дѣла... и... и...

Г-жа Фалькъ стала извиняться, что еще не убрано, но вѣдь этотъ лѣнтяй Эрикъ только что всталъ.

— Подумай только, мое дитя, Эрикъ хочетъ уѣзжать, ты должна просить его, чтобы онъ еще остался.

Маритъ вздрогнула.

— Что? Вы хотите уѣхать?

— Да, непремѣнно. Надо начать работать. Здѣсь я ничего не могу дѣлать.

Маритъ сидѣла, какъ окаменѣлая, и осмотрѣла испуганными глазами на Фалька.

— Впрочемъ, нѣтъ никакого смысла сидѣть здѣсь дольше. Жизнь здѣсь такъ невыносимо узка, человѣкъ здѣсь словно въ какомъ-то заколдованномъ кругу... Не сердись, мама, но я привыкъ къ широкой, свободной жизни большого города... Здѣсь я чувствую себя связаннымъ...

Маритъ сидѣла, задумавшись. Вдругъ встала.

Мнѣ надо итти. Вѣдь вы придете проститься?

Но г-жа Фалькъ задержала ее. Она накрыла столъ и принесла завтракъ.

Фалькъ сидѣлъ противъ Маритъ. Онъ задумчиво смотрѣлъ въ свою тарелку и иногда пристально взглядывалъ на Маритъ.

— Странно, какъ вы похожи на одну барышню, которую я видѣлъ въ Христіаніи, но еще страннѣе то, что ее тоже звали Маритъ.

Фалькъ говорилъ сухо, словно о самомъ пустячномъ фактѣ.

— Она была очень мила, а вокругъ головы у нея была корона изъ золотистыхъ волосъ. Словно на ея головѣ разлилось сѣверное весенне солнце...

Впрочемъ, у васъ очень скверный видъ,—странно, что вы не умѣете быть веселой. Ваша религія, вѣроятно, запрещаетъ вамъ это?.. Вѣдь быть веселымъ—грѣхъ?

— Ну, мама, не дѣлай такого сердитаго лица, вѣдь я упомянулъ объ этомъ фактѣ только такъ, къ слову...

Снова молчаніе.

Г-жа Фалькъ долго говорила о покойномъ мужѣ, въ ея глазахъ показались слезы.

Маритъ встала.

— Мнѣ надо итти. Я не буду ждать отца...

Фалькъ тоже всталъ.

— Я могу васъ проводить. Я всегда дѣлаю въ это время большія прогулки...

— Если вамъ это не будетъ непріятно.

Они долго шли молча. Фалькъ надвинулъ шляпу на глаза, засунулъ небрежно руки въ карманы и, казалось, о чемъ-то глубоко думалъ.

Маритъ изрѣдка поглядывала на него украдкой. Но онъ дѣлалъ видъ, что ничего не видитъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите уѣхать?

Фалькъ взглянулъ на нее холодными, усталыми глазами, словно не понимая, о чемъ она его спрашиваетъ.

— А! Уѣхать? Ну да, конечно, что мнѣ здѣсь дѣлать? Пусть вамъ не кажется, что мучиться около васъ—для меня блаженство. Да, я уѣду... Можетъ быть, даже завтра... Впрочемъ, это все равно. Я сдѣлаю такъ, какъ мнѣ придетъ въ голову.

Глаза Маритъ наполнились слезами.

— Вы этого не можете сдѣлать! Иначе все, что вы мнѣ говорили о вашей любви—неправда. Человѣкъ, который любитъ, сдѣлать этого не можетъ.

— Ну, такъ скажите, чего вы отъ меня хотите? Мнѣ хотѣлось бы васъ цѣловать,—вы знаете, что это было бы для меня величайшимъ счастьемъ, но вы мнѣ этого не позволяете...

Я хочу говорить съ вами о томъ, что меня мучитъ, вы не хотите этого слушать,—ну такъ, что же, что?

Маритъ плакала.

— Вѣдь вы говорили, что мнѣ нельзя васъ любить, что вы ничего мнѣ не можете дать...

— Но я вамъ объяснялъ, почему я говорилъ это. Но даже если бы такъ и было,—неужели вы не понимаете безконечнаго счастья мгновенія?

Маритъ взглянула на него удивленно.

— Что же мнѣ дѣлать? Чего вы отъ меня хотите?

— Чего я хочу? Я?.. Да почемъ я знаю.

— Погубить меня, сдѣлать несчастной, а потомъ уѣхать...

— Погубить, сдѣлать несчастной? Гм... Счастье это неудачное англійское изобрѣтеніе. Противно, отвратительно это сытое счастье Войтка, Кубы, Казьки! Высшее, единственное счастье—въ одномъ мгновеніи. И для этого мгновенья стоитъ пожертвовать даже цѣлою жизнью. Вы хотите на всю жизнь погрязнуть въ этомъ болотѣ мѣщанскаго счастья? Чего я хочу отъ васъ? Двухъ-трехъ часовъ счастья и потомъ уѣхать далеко, далеко! Счастье стыдливо. Оно загрязняется, дѣлается чѣмъ-то гадкимъ, если имъ слишкомъ долго наслаждаются.

— Не мучьте меня! Это выше моихъ силъ. Вы хотите, чтобъ я погибла?!

— Да нѣтъ, нисколько. Но не будемъ говорить объ этомъ. Постоянно вертѣться вокругъ одной и той же мысли- безумiе! Довольно и этого... Я больше ничего не скажу. Я буду очень добръ веселъ, только не плачьте... Не плачьте...

Фалькъ почувствовалъ глубокую жалость.

— Не плачьте, я буду добръ и веселъ, только не плачьте...

Нѣкоторое время они шли молча. Вошли въ небольшую рощу, тутъ же на берегу озера.

Было страшно душно, а надъ лѣсомъ, съ противоположной стороны, въ страшномъ зноѣ дрожало полуденное солнце. Передъ ними усталое и тихое озеро. Гнетущее спокойствiе сковало широкую равнину.

— Отдохнемъ здѣсь минутку. Не бойтесь, я не буду ни назойливымъ, ни навязчивымъ,—нисколько... Я сяду на приличномъ разстоянiи.

Онъ легъ во мху; она сѣла въ трехъ шагахъ отъ него на камнѣ и машинально играла зонтикомъ.

— Зачѣмъ вы, собственно, ходите въ костелъ?

Неужели у васъ не хватаетъ гордости не ходить туда, куда сбѣгается чернь, гдѣ всесильно царитъ невыносимый запахъ пота и плохо переваренной пищи?..

У Маритъ блеснуло воспоминанiе о томъ, какъ она однажды упала въ обморокъ отъ ужаснаго воздуха, какъ ее отнесли въ ризницу; какъ ей разстегивали лифъ,—да, это противно!

Она молчала.

— Неужели вы не понимаете, что это унижаетъ человѣка, отъ этого онъ сливается съ толпой?

— Нѣтъ, я этого не понимаю и не хочу понимать. Вѣра для меня—единственное убѣжище.

— Да?..— сказалъ протяжно Фалькъ. Ну, хорошо, хорошо...

Салькъ, казалось, очень усталъ. Онъ снова вытянулся во весь ростъ во мху и закрылъ глаза. На его лицѣ играли тѣни кустовъ—Маритъ видѣла на немъ слѣды глубокаго страданья.

Смотрѣла.

Это страшный человѣкъ... Она не могла избавиться отъ представленія о костелѣ, пропитанномъ запахомъ пота. Ну, а это механическое перебираніе четокъ, чтеніе безконечныхъ молитвъ, и это монотонное, скучное чтеніе молитвъ... Она не смѣла дальше думать... Боже, Боже, что онъ изъ нея сдѣлаетъ?

Выраженіе страданія на лицѣ Фалька обозначилось еще сильнѣе. Онъ былъ блѣденъ, а около губъ образовались глубокія морщины.

Теперь она была готова броситься къ нему на грудь, и нѣжно разгладить эти морщины.

Охъ, какъ бы ей хотѣлось видѣть этого человѣка счастливымъ! Какъ бы ей хотѣлось дать ему хоть немного счастья!

Въ ея глазахъ заблестѣли слезы.

— Фалькъ!..—Она хотѣла что-то сказать, но не могла.

Фалькъ вскочилъ съ удивленіемъ.

Она смущенно смотрѣла въ землю, боролась со слезами; но онѣ катились одна за другой.

Фалькъ придвинулся къ ней.

Она захотѣла встать.

— Ради Бога, не бойтесь меня. Вѣдь я ничего отъ васъ не хочу. Если я вообще хочу чего-нибудь, то мнѣ надо давать это добровольно и съ радостью. Нѣтъ, нѣтъ, я даже не подумалъ о томъ, чтобъ дотронуться до васъ. Вы можете быть совершенно спокойны.

Онъ упорно смотрѣлъ на озеро и на танцующій, дрожащій жаръ полуденнаго солнца надъ лѣсомъ.

Маритъ снова хотѣла завязать разговоръ.

— Отчего вы вчера были такой недобрый?

— Я?

Фалькъ зѣвнулъ.

— Недобрый? Нисколько. Я былъ только немного разстроенъ. Я люблю васъ, хотѣлъ бы, чтобы вы сжились со мной, думали моими мыслями,—а выходитъ все напротивъ! Вы любите, боготворите все то, что я считаю ничтожнымъ и глупымъ! Я не могу сказать вамъ ничего, что хотѣлъ бы вамъ сказать. Я, человѣкъ совершенно свободный, не могу спокойно смотрѣть, какъ женщина, которую я такъ безконечно люблю, можетъ жить въ такомъ унизительномъ рабствѣ, можетъ быть невольницей правилъ и предписаній, созданныхъ только для того, чтобы обуздывать дурные инстинкты толпы...

— Я теряю васъ, благодаря этому,—говорилъ онъ раздраженно,—это стушевываетъ вашъ образъ въ моемъ сердцѣ и въ моемъ мозгу. Вы раздаете нищимъ милостыню, вѣдь я это знаю навѣрно. Въ вашемъ молитвенникѣ сказано: будьте милосердны, дабы открылись предъ вами врата царствія небеснаго,—идите къ больному, идете съ мыслію, что васъ ждетъ за это въ будущемъ награда.—Вы за все требуете награды, и вамъ обѣщаютъ даже проценты на проценты... Вы по просту—ростовщики. Срамъ, срамъ! Даже за прочтенную молитву вы требуете на нѣсколько лѣтъ отпущенія грѣховъ... Ха-ха-ха...

Фалькъ смѣялся съ дикимъ презрѣніемъ.

Маритъ поблѣднѣла.

— Сдѣлайте что-нибудь не потому, что отъ васъ этого требуютъ, а потому, что этого хочетъ ваше сердце. Сдѣлайте что-нибудь даромъ, безъ этихъ сложныхъ процентовъ. Отбросьте все это, забудьте эту отвратительную торговлю

добродѣтелью, это подлое ростовщичество. Будьте собою, только собою, прекрасною, дорогою Маритъ... Хе-хе... Вы говорите, что любите меня, а одного правила о нечистомъ вожделѣніи,—вѣдь такъ, кажется, у васъ называютъ самые глубокіе и самые прекрасные инстинкты,—совершенно достаточно, чтобы заглушить въ васъ самые благородные и самые сильные порывы, заглушить голосъ сердца, погасить огонь, который васъ жжетъ. А потомъ вы еще десять разъ помолитесь о томъ, чтобы Дѣва Марія вырвала вашу душу изъ когтей злого духа. И это, по-вашему, любовь?.. Любовь?!. Любовь, которую могутъ подавить заповѣди, правила, страхъ передъ адомъ? Ха-ха-ха...

Талькъ смѣялся все съ большимъ презрѣніемъ.

Маритъ сидѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ну, отвѣчайте мнѣ! Это по-вашему любовь? Скажите, по крайней мѣрѣ, что вы называете любовью?

Маритъ молчала.

— Ну, отвѣть же! Я не хочу тебя мучить... Я люблю тебя. Тоскую по тебѣ до безумія. Знаю, что и ты меня любишь, знаю...

Фалькъ бросился къ ней и обнялъ ее.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! Что ты дѣлаешь? Эрикъ! Эрикъ! Не мучь меня такъ страшно...

— Ахъ, виноватъ... Простите великодушно... Что это я, чортъ возьми, такъ часто забываюсь! Ну, да все равно!.. Это никогда больше не повторится... Пойдемъ? А? Кажется, уже время обѣда.

Фалькъ нарочно зѣвнулъ. Маритъ пошла рядомъ съ нимъ. Она страшно устала, и страданіе терзало ее.

— Ну, до свиданія. Фалькъ подалъ ей руку. Они дошли до садовой калитки.

Маритъ вздрогнула.

Онъ не уѣдетъ, не уѣдетъ! -кричало ея сердце. Только бы не уѣхалъ!..

Она горячо схватила его за руку.

— Вѣдь вы не поѣдете! Вѣдь нѣтъ? Дѣлайте, что хотите, но только не уѣзжайте, не уѣзжайте...

Ея губы сильно задрожали. Она дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Не уѣзжайте, не уѣзжайте,—я погибну здѣсь...

Она зарыдала. Фалькъ взглянулъ на нее холодно и твердо.

— Я не знаю навѣрное. Это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, я увижу васъ передъ отъѣздомъ.

Онъ холодно простился и пошелъ.

V.

Была ночь. Въ саду бушевала буря. Временами она разражалась потоками дождя, который со стономъ ударялъ объ оконныя стекла.

Маритъ полураздѣтая сидѣла на кровати; у нея не хватало силъ совсѣмъ раздѣться.

И къ чему? Она знала эти безсонныя ночи. Она ляжетъ: кровать начнетъ подъ нею танцовать,—она снова сядетъ, поправитъ подушки, прислонится къ стѣнѣ и уставится глазами въ эту страшную темноту и молчаніе комнаты... Потомъ опять встанетъ, прижмется лбомъ къ стеклу,—и такъ всю ночь.

— Ну, все кончено... Все напрасно.—Она все время повторяла это и каждый разъ съ новой болью.

Передъ иконой чудотворной Маріи горѣла красная лампада, разливая по комнатѣ какой-то зловѣщій, грозный свѣтъ.

Фитилекъ опрокинулся. Лампадное масло вспыхнуло. Страшный чадъ наполнилъ комнату.

Потный костелъ съ противномъ запахомъ,—молніей мелькнули слова Фалька въ ея головѣ.

Она потушила огонь. Страшная темнота... Она стала безмысленно смотрѣть въ глухую пустоту черной, бурной ночи.

— Боже милостивый, чего онъ отъ нея хочетъ?—Волна горячей крови залила ея лицо.

Она предчувствовала все это, но не понимала. Вдругъ она почувствовала его дрожащія отъ страсти губы на своихъ губахъ. Огненная змѣя дикой страсти проскользнула по ея тѣлу.

Она ни о чемъ не думала, а только дрожала отъ страсти. Она сжала руки между колѣнъ, согнулась и поджала ноги. Такъ сидѣла она, горя всѣмъ тѣломъ, скорчившись и вслушиваясь въ эту невѣдомую, полную страха и блаженства дрожь.

Что это было? Это такъ часто повторялось. Она такъ этого боялась. Съ какимъ дикимъ наслажденіемъ она бросилась бы къ нему на шею, со всею страстью, которая жгла ея тѣло,—какъ бы она его цѣловала, цѣловала, цѣловала... Но волна горячей крови снова ударяла въ голову, все начинало кружиться, сливаться въ какой-то бѣшеный круговоротъ.

Это былъ грѣхъ!

Грѣхъ! Грѣхъ!

Она вскочила, дрожа какъ въ лихорадкѣ, дрожащими руками стала искать спичекъ... Не нашла ихъ и упала на колѣни.

Хотѣла молиться. Не могла.

Снова въ ужасѣ вскочила.

Ясно слышала насмѣшливый голосъ: „Глупыя правила“.

Нѣтъ, это въ ней что-то смѣялось...—Фалькъ, Фалькъ...

— Вы все дѣлаете за ту плату, которую вы получите въ царствіи небесномъ, да еще съ процентами!

— О, Боже, Боже!—зарыдала она.

Вдругъ ей показалось, что что-то не позволяетъ ей молиться. Она снова упала на колѣни, искала словъ: она хо-

тѣла бы вырвать слова молитвы изъ своего сердца, вмѣстѣ съ кускомъ окровавленнаго сердца...

Но она не нашла ни одного слова. Матерь Божія оставила ее.

Грѣхъ! Грѣхъ!—гремѣло, гудѣло, грохотало въ ея головѣ.

За что Господь такъ караетъ ее? За что? За что?

Все, что говорилъ ей Фалькъ, съ необыкновенной ясностью ожило въ ея мозгу.

Безнадежное отчаяніе обезсилило ее.

А онъ сказалъ, что я его не люблю! Что заповѣди и правила сильнѣй моей любви! О нѣтъ, нѣтъ! Завтра, завтра онъ увидитъ, какъ я его люблю! Я сама брошусь ему на шею! Я хочу его любить и буду любить! Пусть Господь низвергнетъ меня на самое дно преисподней, но я буду его любить!—Она вскочила и присѣла у окна.

Пробовала думать.

А въ саду дико бушевалъ вѣтеръ и ломалъ сучья и вѣтви деревьевъ.

И снова она почувствовала, какъ онъ обнимаетъ ея шею; она не сопротивлялась; отдавалась этимъ нечеловѣческимъ ласкамъ. Пила ядъ и отраву этого наслажденія, повисла у него на шеѣ...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Она нашла, наконецъ, спички. Зажгла свѣчу.

Полоски дрожащаго свѣта падали на ликъ византійской Мадонны.

Маритъ испугалась; она не могла двинуться съ мѣста.

Смотрѣла съ возрастающимъ ужасомъ. Въ лихорадочномъ мозгу ея ликъ Богородицы принялъ какое-то насмѣшливое выраженіе, съежился въ судорогѣ страданія и вдругъ сдѣлался грознымъ и суровымъ.

Она хотѣла броситься на землю, но не могла. Она какъ будто приросла къ мѣсту. Сердце такъ сильно сжалось отъ страха, что она не могла дышать.

Но вдругъ на устахъ Богоматери расцвѣла ласковая, добрая улыбка.

Подъ кроватью что-то затрещало.

Въ ужасѣ она отскочила. Боялась дышать.

Нѣтъ, это обои отклеиваются.

Она хотѣла бѣжать. Весь домъ полонъ привидѣній. Она напряженно вслушивалась въ тишину, дрожа отъ страха.

Тихо...

Господи, какъ все это страшно! Бѣжать, бѣжать къ нему, къ нему!..

Нѣтъ! Нѣтъ!

Молись! Молись!—кричало что-то въ ней.

Нѣтъ! Она не могла молиться. Что-то разрывало ея руки, когда она складывала ихъ къ молитвѣ, — а духота, нестерпимый запахъ пота въ костелѣ снова заставляли ее вскакивать.

Охъ, какъ она несчастна! Онъ, онъ довелъ ее до этого... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не онъ! Онъ самъ такой несчастный, такой разбитый...

Что же дѣлать? Что же дѣлать? Всѣ ее покинули.

Она бросилась на кровать, спрятала въ подушку лицо. Громкія рыданія душили ее.

И она снова успокоилась... Онъ такой добрый... Она будетъ такъ горячо, такъ ласково просить его, ничего отъ него не требовать.

Пусть онъ только останется съ нею, пусть говоритъ съ нею такъ, какъ одинъ умѣетъ говорить.

Но онъ уѣдетъ... завтра уѣдетъ!

Она бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ.

А можетъ быть, онъ уже уѣхалъ?!

Она припала къ землѣ, и снова въ ея сердцѣ поднялась буря рыданій и стоновъ.

Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... Онъ такой добрый,—онъ отъ нея не уѣдетъ.

— Эрикъ, Эрикъ,—рыдала она.—Я съ тобою, я сдѣлаю все, только останься со мною.

Она прислушивалась къ своимъ собственнымъ рыданіямъ.

Но безпокойство ея росло, пѣнилось и кипѣло. Она не въ состояніи перенести этой муки... Боже! Эти ужасныя, чудовищныя тѣни,—эти дьявольскіе уроды на стѣнахъ, это строгое, неумолимое лицо Богоматери!!

Бѣжать! Бѣжать!

Съ лихорадочной поспѣшностью она одѣлась и убѣжала въ паркъ.

Холодный вѣтеръ отрезвилъ ее. Сердце стало тихо и спокойно. Она ни о чемъ не думала.

Она ходила по длинной аллеѣ тополей. Становилось все холоднѣй. Она промокла до нитки.

Вернулась въ комнату, раздѣлась и легла въ постель, разбитая и усталая.

Она уже засыпала... Вдругъ увидѣла лицо Фалька.

Онъ смотрѣлъ на нее съ презрительной, дьявольской усмѣшкой, впился своими глазами вампира глубоко въ ея душу.

Она смотрѣла въ ужасѣ. Хотѣла бы провалиться сквозь землю. Казалось, словно тяжесть какой-то планеты придавила ея сердце...

Собравъ послѣднія силы, она вскочила. Лицо исчезло, только какое-то адское хихиканье раздавалось въ воздухѣ.

Она прерывисто дышала... Сѣла на кровати.

Прислушалась сама къ себѣ. Въ ней было что-то, что хотѣло говорить, что предупреждало ее...

Оно рвалось все выше и выше: теперь, теперь она узнаетъ эту страшную тайну: взглянетъ въ душу Фалька, въ самыя откровенныя ея глубины.

Она еще никогда не видѣла его такимъ. Она начала что-то понимать. Со страшной тревогой вслушивалась она въ свои сомнѣнія. А вдругъ... вдругъ онъ лжетъ?

Онъ? Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не лжетъ! Но что же, что же это?..

Силы ее покинули. Она такъ смертельно устала... Лежала и смотрѣла въ темную, глухую пустоту.

Въ саду стихло. Вѣтеръ пересталъ гудѣть и завывать. На лицѣ Богоматери заиграла тихая, добрая улыбка.

Въ головѣ ея все начало подергиваться туманомъ... Передъ ея глазами вдругъ раскинулся широкій лугъ, вдали шелъ Фалькъ,—она бѣжала къ нему изо всѣхъ силъ. Сегодня онъ такъ безконечно добръ, такъ добръ...

VI.

Было чудное утро. Луга и поля блестѣли алмазной росой отъ лучей восходящаго солнца, а надо всѣмъ этимъ поднимались дымки легкихъ облаковъ тумана.

Маритъ шла къ ранней обѣднѣ. Она была очень блѣдна. На ея усталомъ грустномъ дѣтскомъ личикѣ лежало какое-то тихое, святое спокойствіе.

Она шла тихо, перебирала четки и молилась св. Духу.

Когда она пришла въ монастырь, прислужникъ только что позвнилъ къ Introibo. Ксендзъ служилъ обѣдню въ придѣлѣ. Но Маритъ подошла къ главному алтарю, стала на колѣни и начала горячо молиться. Сбоку въ исповѣдальнѣ сидѣлъ молодой ксендзъ и съ любопытствомъ разглядывалъ ее. У него въ рукахъ тоже были четки, и онъ механически перебиралъ ихъ пальцами.

Маритъ, наконецъ, встала и подошла къ исповѣдальнѣ.

Исповѣдь продолжалась долго.

Вдругъ Маритъ поднялась, быстрыми, нервными шагами прошла черезъ весь костелъ и сѣла подъ хорами. Закрыла руками лицо и заплакала.

Безстыдный человѣкъ! Спрашивать ее о такихъ вещахъ! Она не могла даже думать объ этомъ. Въ головѣ у нея все путалось. Вѣдь это невозможно. Служитель Бога ставитъ такіе вопросы!

Густая краска залила ея лицо.

Грубый сынъ холопа! Онъ, вѣрно, изъ крестьянъ! Эрикъ говорилъ вѣдь ей, что они всѣ изъ холоповъ.

Но вѣдь всѣ люди грѣшатъ. Ксендзъ тоже можетъ ошибиться. Онъ, вѣроятно, по-просту, не интеллигентный человѣкъ...

Но душа Маритъ обливалась кровью отъ стыда и униженія. Она плакала. Чувствовала себя приниженной, раздавленной. Ни Богъ, ни Божья Матерь, ни ксендзъ—никто, никто не хочетъ ей помочь. Всѣ ее оставили! О, Боже! Всемогущій, Всесильный Боже! Что за несчастье!

Прислужникъ трижды позвонилъ.

Нѣтъ, сегодня она не будетъ причащаться,—не хочетъ... не можетъ...

Она въ смущеніи оглянулась.

Это костелъ, костелъ съ запахомъ пота и плохо переваренной пищи! Фалькъ правъ: этотъ воздухъ невыносимъ...

Маритъ вышла изъ костела.

Не пойти ли ей къ г-жѣ Фалькъ! Нѣтъ — невозможно. Охъ, какъ ясно видѣла она ея пристальные глаза, которыми она смотрѣла то на нее, то на Фалька.

И Эрикъ сегодня навѣрно придетъ. Теперь бы она съ удовольствіемъ его слушала. Онъ нисколько не преувеличиваетъ. Ксендзы — сыновья мужиковъ и холоповъ. Они идутъ въ семинарію, потому что потомъ легче зарабатывать хлѣбъ.

— Ха-ха-ха... Она разсмѣялась злобнымъ смѣхомъ Фалька.

За монастыремъ бѣжалъ маленькій ручей, черезъ который былъ перекинутъ мостикъ.

Маритъ остановилась на мостикѣ и лѣниво смотрѣла, какъ плыветъ вода.

Дрожь отвращенія пробѣжала по ея тѣлу.

Она вспомнила объ исповѣдальнѣ.

Ни о чемъ не думая, пошла впередъ.

Охъ, если бъ она теперь его встрѣтила! Вѣдь онъ всегда дѣлаетъ большія прогулки.

Сердце ея усиленно билось, словно хотѣло выскочить изъ груди.

Теперь, теперь онъ все могъ бы ей сказать, а она слушала бы и поддакивала ему...

Она стала ждать, но напрасно. Ждала цѣлый день. Фалькъ не пришелъ. Сто разъ она обходила весь паркъ, смотрѣла на дорогу, которая вела въ городъ, всѣ глаза проглядѣла, но его не было. Временами надъ дорогой поднимались облака пыли, но вскорѣ она узнавала телѣжку какого-нибудь крестьянина изъ сосѣдней деревни.

Завтра онъ придетъ,—подумала она и стала раздѣваться. Не зажигала огня, потому что боялась лика Пречистой Дѣвы... Она не могла на него смотрѣть.

Остановилась въ безпокойствѣ передъ постелью...

Молиться?

Молиться?—спросила она еще разъ.

Глупая жажда какого-то дѣтскаго счастья въ загробной жизни...—язвилъ въ ея душѣ чей-то голосъ.

Не накажетъ ли ее Всемогущій, Всезнающій тутъ же, на мѣстѣ?

Она прислушивалась съ напряженнымъ ужасомъ.

Нѣтъ! Ничего...

Часы своимъ боемъ прервали глубокую тишину.

Она очень устала и почти засыпала. Мозгъ ея былъ разбитъ. Разъ только въ ея головѣ промелькнулъ вопросъ: придетъ онъ завтра или нѣтъ?

А если уже онъ уѣхалъ? Нѣтъ! Нѣтъ! Она знала, знала навѣрно, что онъ не уѣхалъ. Теперь, когда она вся принадлежитъ ему, только ему,—теперь онъ не могъ бы уѣхать.

Странно, что она знаетъ это съ такой увѣренностью...

Но на слѣдующій день она ждала Фалька напрасно, ждала его цѣлый безконечно длинный, безконечно страшный день... Долго ли она будетъ въ силахъ переносить эту ужасную тоску, которая выше ея силъ?

Она невольно взглянула въ зеркало.

Лицо ея было совсѣмъ разстроено. Глаза горѣли отъ длинныхъ безсонныхъ ночей и были обведены синими кругами. На щекахъ красныя лихорадочныя пятна.

Ей стало жаль себя.

Какъ онъ можетъ такъ страшно мучить ее? Отчего онъ такъ мститъ ей? За что? За что?

Она чувствовала себя ребенкомъ, котораго несправедливо наказали.

Пыталась думать, но не могла собрать мыслей. Въ головѣ все какъ-то странно кружилось.

Что съ ней случилось? Она ясно слышала слова, отдѣльныя фразы Фалька,—запуталась въ какой-то страшной проволочной сѣти,—нѣтъ, это была желѣзная клѣтка, изъ которой она не могла выйти.

Боже, Боже—что съ ней творится?

Она боролась изо всѣхъ силъ, сопротивлялась, но со всѣхъ сторонъ нападали на нее бѣшеныя издѣвающіяся мысли Фалька. Ей казалось, что онъ отнялъ у нея все святое,—у, какъ ужасна эта нагота...

Вчера въ костелѣ... подъ маской служителя Бога—это грубое любопытство холопа...

А теперь,—что теперь съ нею творится?.. Силы небесныя!

Она не хотѣла смотрѣть на это, не хотѣла этого видѣть, но что-то заставляло ее смотрѣть на все это...

И что же случилось? Выраженіе святости и неземного блаженства вдругъ исчезло съ лика византійской Мадонны,— Маритъ видѣла только какую-то усмѣшку...

До чего это смѣшно! Она долго сидѣла на землѣ... да, да... Весь міръ ее оставилъ,—и онъ тоже! Когда она вышла въ столовую, былъ уже вечеръ.

— Слушай, Маритъ,—говорилъ старикъ Кауэръ,—я долженъ ѣхать къ мамѣ. Ея состояніе значительно ухудшилось. Опаснаго нѣтъ ничего, но я очень безпокоюсь. Поѣду завтра ночью.

Кауэръ старательно намазывалъ масломъ ломтикъ хлѣба.

Мама! Мама! Да. Она обо всемъ уже забыла. Она ко всему равнодушна. Надъ собой она чувствовала какой-то страшный, глухой и скорбный рокъ, тучу, которая должна была разразиться надъ головой страшнымъ градомъ...

— Ландратъ пригласилъ насъ завтра къ себѣ,—произнесъ Кауэръ черезъ минуту.

Маритъ задрожала отъ радости.—Тамъ вѣрно будетъ Фалькъ. Наконецъ, наконецъ она его увидитъ. Вѣдь онъ другъ ландрата.

— Папа, дорогой—поѣдемъ къ нему!

Но Кауэръ во что бы то ни стало долженъ ѣхать завтра утромъ.

Маритъ стала его очень просить. Кауэръ страшно любилъ свою дочь и не могъ ей ни въ чемъ отказать.

— Ну, такъ я поѣду съ ночнымъ поѣздомъ. Но ты должна будешь одна возвращаться домой.

— Развѣ это въ первый разъ? Вѣдь я уже взрослая дѣвушка!

Кауэръ ѣлъ и надъ чѣмъ-то глубоко думалъ.

— Странно, что Фалькъ не приходитъ больше. Я неравнодушенъ къ этому человѣку. Весь городъ возмущенъ имъ и въ то же время въ восторгѣ отъ него. Но онъ дѣйствительно дѣлаетъ дикія вещи. Вчера онъ встрѣтилъ свою мать, она гнала домой свинью, которую купила на рынкѣ. У нея не было никого подъ рукой, кому бы она могла поручить эту свинью. Что же дѣлаетъ мой Фалькъ? Беретъ свинью за веревку, вставляетъ въ глазъ монокль и гонитъ свинью съ невѣроятнымъ спокойствіемъ черезъ весь городъ; всѣ выбѣгаютъ смотрѣть на это удивительное представленіе, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ моноклемъ въ глазу, подгоняетъ свинью...

Маритъ расхохоталась.

— Ха-ха-ха... — хохоталъ Кауэръ, — свинопасъ съ моноклемъ въ глазу... Но онъ пьетъ... Вчера онъ спросилъ директора гимназіи, нельзя ли дать ему пощечину. Директоръ остолбенѣлъ. А Фалькъ продолжалъ сидѣть въ глубокомъ раздумьѣ.

— Я хотѣлъ бы дать вамъ по физіономіи, но мнѣ лѣнь...

— Зачѣмъ онъ хотѣлъ это сдѣлать?

— Не знаю! Но подумай только, вѣдь это директоръ гимназіи!

— Этотъ Фалькъ страшный чудакъ! Но что меня особенно удивляетъ—несмотря на все, его невольно любишь... Жаль,—онъ очень пьетъ.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ много пьетъ?—спросила Маритъ.

— Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ.

Маритъ думала о томъ, что ей говорилъ Фалькъ: „Я пью только тогда, когда чувствую себя очень несчастнымъ...“

Маритъ волновалась и радовалась.

Но завтра, завтра она, наконецъ, его увидитъ и все, все ему скажетъ.

VII.

Все лицо Маритъ засіяло отъ счастья, когда она среди гостей ландрата увидѣла Фалька.

Но Фалькъ какъ-то не спѣшилъ съ ней здороваться. Онъ стоялъ въ сторонѣ и углубился въ разговоръ съ молодымъ врачемъ.

А вѣдь онъ ее видѣлъ!—Она уловила его пристальный взглядъ.

Только спустя нѣсколько времени онъ подошелъ къ ней и холодно поздоровался.

— Гдѣ же это вы такъ долго пропадали?—Кауэръ сердечно пожалъ руку Фалька.—Я такъ хотѣлъ съ вами переговорить передъ отъѣздомъ.

— Передъ отъѣздомъ?

— Да, да. Сегодня ночью я ѣду къ моей женѣ. Ей стало хуже... Маритъ я поручаю вашей опекѣ.

Молодой врачъ вмѣшался въ разговоръ. Ему очень хотѣлось знать, въ какомъ положеніи теперь находится неврологія. Онъ слышалъ, что Фалькъ долго и усиленно этимъ занимался.

— Я давно уже забылъ объ этомъ... теперь я литераторъ, пишу книжки, но нѣкоторыя разъясненія дать вамъ все же могу.

— Итакъ, непосредственныхъ соприкосновеній нѣтъ? Какъ же по нейронамъ распространяется нервный токъ? Но вѣдь это просто революція.

Маритъ сидѣла вблизи; она съ напряженіемъ прислушивалась и въ то же время разсѣянно отвѣчала на вопросы, которые ей задавала жена прокурора.

Слова, незнакомыя, страшно ученыя слова звучали въ ея ушахъ: Гольджи, Рамонъ—и—Кахаль... она не понимала ни слова. Фалькъ все знаетъ.

Какимъ жалкимъ, маленькимъ казался ей врачъ, который все хотѣлъ знать и ничего не зналъ! Теперь онъ слушалъ, какъ школьникъ.

Какая-то радостная гордость наполнила ея сердце. И онъ, онъ—Фалькъ—любитъ ее! Какъ онъ прекрасенъ и гордъ!

Вздрогнула.

Пригласили ужинать.

Разговоръ, сначала отрывочный, сталъ общимъ,—начали говорить о злобахъ дня.

Маритъ сидѣла противъ Фалька, хотѣла уловить его взглядъ, но онъ, казалось, ничего не видѣлъ.

Отчего онъ не хочетъ на нее взглянуть? Вѣдь она такъ страшно тоскуетъ о немъ. Никогда еще такъ не тосковала.

Говорили о политикѣ нѣмцевъ въ Познани.

— Этого ужъ я совсѣмъ не понимаю.—Фалькъ говорилъ быстро и убѣдительно.—Меня нельзя упрекнуть въ особой симпатіи къ полякамъ или антипатіи къ нѣмцамъ,—но я этого по-просту не понимаю.

Подумайте только: что за глупое противорѣчіе. Пруссаки чувствуютъ себя однимъ изъ самыхъ сильныхъ народовъ Европы. Ха-ха... Бисмарку удалось сострить: Wir Preusen fürchten nur Gott, sonnst Niemand! Но тотъ же Бисмаркъ—великій и могучій Бисмаркъ, который боится толь-

ко Бога,—дрожитъ отъ страха передъ горстью поляковъ. Что значатъ эти нѣсколько милліоновъ польскаго населенія въ сравненіи съ пятьюдесятью милліонами нѣмцевъ?! И эти сильные, могучіе пруссаки боятся горсти обнищавшаго народа! Борются противъ него! Ха-ха... Я начинаю преклоняться и глубоко уважать горсть людей, которая грозитъ опасностью огромной, гордой, могучей Германіи. О, господа, это не шутка! Если два или три милліона могутъ ополячить 50 милліоновъ нѣмцевъ,—à la bonne heure! Мое почтеніе! Но Германія, несмотря на свою кичливость и могущество, поступаетъ прямо по-идіотски. Вы знаете, господа, изъ физіологіи, что великаны—всегда идіоты. И вотъ такое громадное государство запрещаетъ въ школахъ польскій языкъ, душитъ и давитъ поляковъ, гдѣ можно. Поразительный примѣръ въ исторіи, что государство старается о томъ, чтобы часть подданныхъ превратилась въ идіотовъ. Я по собственному опыту знаю, что польскія дѣти забываютъ польскій языкъ и говорятъ на какомъ-то отвратительномъ нарѣчіи, которое нельзя даже назвать языкомъ человѣческимъ. Но я оставляю въ сторонѣ эту глупость. Пруссія дѣлаетъ еще большую глупость,—вѣдь что же можетъ быть гибельнѣе для современнаго общества, чѣмъ тупоуміе въ экономическихъ вопросахъ?..

Переселенческая комиссія закупаетъ земли и помѣстья, раздробляетъ ихъ, дѣлитъ и заселяетъ нѣмецкими колонистами. Но что же сдѣлаетъ несчастный колонистъ? Его тупость и флегматичность не въ состояніи замѣнить вошедшую въ пословицу трудоспособность польскаго крестьянина. А потому онъ или ополячится, какъ это случилось съ колонистами, которыхъ поселилъ Фридрихъ Великій на Нотечи, или обнищаетъ, какъ большая часть колонистовъ въ теперешней Познани.

Мнѣ ужасно нравится та гордость, та ненависть польскаго мужика, съ которой онъ встрѣчаетъ пришлецовъ—нѣмцевъ. Онъ не продастъ ему фунта масла, хотя бы тотъ сулилъ ему золотыя горы.

— Позвольте,—перебилъ Фалька ландратъ,—это не глупость, не страхъ, а самая обыкновенная осторожность. Вѣдь такихъ элементовъ, какъ поляки, въ Пруссіи много: вельфы, баварцы, соціалисты...

— Прекрасно, прекрасно! Но тогда оставьте въ покоѣ глупую фразу, стыдитесь этой non plus ultra смѣшной фразы Бисмарка. Къ чему эта глупая ложь? Не проще ли сказать: Пруссія слабое государство, въ сущности даже совсѣмъ не государство. Пруссія—жалкое и ничтожное государство, такъ какъ горсти поляковъ достаточно, чтобы эту бѣдную „великую націю" сбросить съ сѣдла, ополячить ее во всемъ бассейнѣ рѣки Шпре, вмѣстѣ съ вендами, съ силезійскими лужичанами завладѣть Берлиномъ, задавить эту бѣдную націю, склеенную изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: евреевъ, остатковъ славянъ и крестоносцевъ. Итакъ, надо задушить поляковъ!.. Но вашъ кичливый патріотизмъ, маскирующій страхъ передъ славянами, похожъ на прыжки скверного клоуна, когда онъ перескакиваетъ черезъ бумажные круги.

Фалькъ былъ очень возбужденъ.

— Прекрасно! Превосходно! Мы—не нація, даже не хотимъ ею быть: мы хотимъ только стать экономической силой. Да! Тогда можно было бы сказать: достигну ли я этой цѣли тѣмъ или инымъ путемъ это рѣшительно все равно, вѣдь я имѣю въ виду не Германію, а копейку. Но въ то же время надо съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ и наглостью сказать: мы—нація, сложившаяся неестественнымъ путемъ. Три войны сплотили, слѣпили насъ глупо и безтолково; мы

не народъ, мы—промышленники, купцы, земледѣльцы. То, что стоитъ на пути нашего экономическаго прогресса, мы душимъ и топчемъ ногами... Но, господа, говорить о томъ, что отечество находится въ опасности,—это срамъ и позоръ! Говорить о необходимости истребленія поляковъ—это непростительная трусость... Говорить: wir fürchten nur Gott!—это смѣшная, глупая удочка, на которую можетъ попасться только ожирѣвшій шинкарь.

Однимъ словомъ: или въ сторону вранье и сказать себѣ: мы мерзавцы, мы топчемъ права народовъ, мы—народъ лавочниковъ, ростовщиковъ, безсовѣстныхъ выжигъ: all right!

Или—мы народъ до того слабый, что горсть другихъ народовъ можетъ растворить насъ въ себѣ.—Во всякомъ случаѣ надо оставить въ сторонѣ: „die grosse Nation", „vom Fels zum Meer", „wir fürchten nur Gott"—и тому подобныя дурачества.

Ну, да оставимъ въ покоѣ „mit Schiller und Göthe",—ха-ха-ха,—народъ идеологовъ, народъ мыслителей, который со всей своей огромною силой набрасывается на горсть поляковъ, лойяльныхъ поляковъ,—„прусскихъ подданныхъ польской національности". Фалькъ засмѣялся тихимъ, ядовитымъ смѣхомъ.

— Вы выводите отсюда совершенно ложное заключеніе,—перебилъ его уѣздный врачъ,—совершенно ложное. Пруссаки нисколько не боятся поляковъ, но они имѣютъ дѣло съ очень подвижнымъ и безпокойнымъ элементомъ. Каждую минуту можно ожидать новыхъ смутъ: соціалисты только и ждутъ этого,—а тогда государство будетъ въ опасности.

— Помилуйте, что вы говорите? Вы, можетъ быть, думаете устроить для поляковъ складъ оружія,—ха-ха... можетъ быть, въ Англіи? Или, можетъ быть, вы думаете, что Круппъ приметъ заказъ отъ поляковъ и вышлетъ въ познан-

скую провинцію нѣсколько сотъ пушекъ? Онъ, можетъ быть, и выслалъ бы, да поляки не пользуются кредитомъ,—ха-ха... При настоящемъ положеніи вещей пяти прусскихъ пушекъ было бы достаточно, чтобы разсѣять польскую армію, которая можетъ вооружиться только вилами, косами и старомодными двустволками.

Вся эта политика, мелочная лицемѣрная политика страха передъ тѣмъ, что кто-нибудь другой можетъ оторвать маленькій кусочекъ отъ прусскаго хлѣба,—вся эта политика попросту уродлива. Взгляните на Галицію! Тамъ во всѣхъ школахъ преподаваніе ведется на польскомъ языкѣ, тамъ есть два университета, во главѣ которыхъ стоятъ люди, преданные Богу и папѣ, вѣрящіе, что наука—самая преданная слуга церкви. И это красивое, удивительно красивое зрѣлище, когда профессора въ своихъ живописныхъ костюмахъ шествуютъ въ костелъ. Поляки тамъ могутъ ходить въ своихъ національныхъ кунтушахъ,—и я никогда не видалъ такихъ красивыхъ людей и костюмовъ, какъ на львовскомъ сеймѣ.

Зато поляки самые вѣрные подданные Австріи! Это люди—нищіе духомъ, терпѣливые и кроткіе, какъ агнцы. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы поляки нарушали безмятежное спокойствіе папскаго престола? Напротивъ! Если надо отрубить какой-нибудь государственной гидрѣ голову, то пользуются прежде всего поляками. Они, какъ говоритъ вашъ Шиллеръ—„frisch und munter zur Hand“.

— Такъ вы и Шиллера не признаете?—спросилъ редакторъ мѣстной газеты.

— Какъ же?.. Вѣдь Бисмаркъ у него позаимствовалъ эти глупыя фразы...

Ландратъ былъ задумчивъ и мраченъ.

— Вы никогда не интересовались чешской политикой? Вѣдь тѣ же отношенія, которыя установились въ Австріи между чехами и нѣмцами, есть и у насъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, господинъ ландратъ. Чешская политика—это исключительно политика экономическихъ интересовъ. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется. Чехія—самая богатая страна въ Австріи. Чешская промышленность достигла удивительнаго расцвѣта. Эта промышленность ищетъ, конечно, самаго широкаго сбыта, а потому вытѣсняетъ нѣмцевъ на всемірномъ рынкѣ...

Кауэръ, который немного выпилъ, громко засмѣялся.

— Итакъ, пруссаки копируютъ чешскую политику?

О, нѣтъ! Прусская политика экономическихъ интересовъ еще глупѣе политики страха... Подумайте, нѣмецкая промышленность хочетъ распространить сферу своего дѣйствія и на Познань... Является переселенческая комиссія и скупаетъ всѣ помѣстья... Помѣщики, конечно, разсѣиваются во всѣ стороны, и настоящая потребительная сила исчезаетъ. Помѣстья раздробляются на мелкіе кусочки, населяются бѣдными колонистами,—польскій мужикъ не можетъ, конечно, явиться потребителемъ, потому что для себя онъ все производитъ самъ. И что же?

Польская промышленность,—объ ней не стоитъ даже говорить,—но та, которая еще существуетъ, приходитъ въ упадокъ, такъ какъ нѣмцы продаютъ дешевле,—такимъ образомъ промышленность не находитъ потребителей. Нѣмецкая промышленность отъ этого ничего не выигрываетъ. И что же? Идіотизмъ, глупость, невѣроятное непониманіе интересовъ. Не возмущайтесь, господа, но развѣ не глупо— разорять громадную часть собственной страны?

Фалькъ все больше возбуждался. Его глаза на минуту остановились на разгоряченномъ, почти лихо-

радочномъ лицѣ Маритъ. Она, казалось, глотала каждое его слово.

— Да, вся эта прусская политика,—Фалькъ ломалъ кусочки хлѣба, дѣлалъ изъ нихъ шарики и машинально складывалъ изъ нихъ небольшіе круги, вся эта прусская смѣшная политика по отношенію къ полякамъ непонятна для меня ни съ политической, ни съ экономической точки зрѣнія.

Наконецъ,—наконецъ, ее еще можно понять, какъ неудачную, очень неудачную биржевую спекуляцію. Но есть одна политика по отношенію къ полякамъ, которой я совершенно не понимаю—это политика папы.

И снова его глаза остановились на минуту на лицѣ Маритъ.

— Только вы, ваше преподобіе, не волнуйтесь. Мнѣ кажется, что вы будете совершенно согласны со мной. Я ни минуты не думаю затѣвать какого-нибудь религіознаго спора. Я не хочу затрогивать ни одного вопроса, въ которомъ папа непогрѣшимъ. Я говорю только о политикѣ, а вѣдь непогрѣшимость папы въ дѣлахъ политики еще не была объявлена ни на одномъ соборѣ. Не правда ли? Ну да?

Я видѣлъ разъ папу Льва,—Льва XIII въ Римѣ. Такого красиваго старика я никогда не видалъ. Такого благороднаго, умнаго лица я нигдѣ не встрѣчалъ. А его бѣлыя, длинныя аристократическія руки! Говорятъ, онъ пишетъ очень хорошіе стихи на классическомъ латинскомъ языкѣ!

И... и говорятъ, что онъ защитникъ всѣхъ угнетенныхъ. Поляки, поэтому, должны бы быть ближе всѣхъ его сердцу, такъ какъ во всей Европѣ ихъ угнетаютъ больше всѣхъ.

И что же? Могу себѣ представить изумленіе поляковъ: когда Бисмаркъ выгналъ изъ Пруссіи 20.000 поляковъ, онъ получилъ орденъ Іисуса, высшій папскій орденъ,—онъ очень красивъ и очень дорогъ...

Ваше преподобіе, не сердитесь на меня, но я стою на чисто политической точкѣ...

Ксендзъ былъ внѣ себя.

Всѣ тревожно переглядывались. Это было уже слишкомъ смѣло. Говорить въ присутствіи старика священника... Всѣ смотрѣли то на Фалька, то на ксендза.

Маритъ съ бьющимся сердцемъ вслушивалась въ разговоръ: она ожидала взрыва.

Ксендзъ былъ блѣденъ.

— Молодой человѣкъ, вы еще слишкомъ молоды, чтобы разрѣшать важнѣйшіе церковно-политическіе вопросы своимъ умомъ, зараженнымъ заграничной ересью.

Фалькъ ни на минуту не потерялъ хладнокровія.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что дѣлаетъ папа или прусское правительство. Я хочу только констатировать фактъ, что папскій престолъ, какъ и прусское правительство, поступилъ съ поляками по меньшей мѣрѣ...

Фалькъ оборвалъ.—Хе-хе, недосказанное въ данномъ случаѣ является самымъ точнымъ опредѣленіемъ.

— Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ споры,—я вижу, что вы, господа, не можете спокойно слышать моихъ доводовъ, а отъ перебранокъ я отучился за границей. Впрочемъ, люди или понимаютъ другъ друга, или нѣтъ. Я не хочу вамъ навязывать какихъ бы то ни было мнѣній.

Всѣ замолкли, только редакторъ мѣстнаго листка хотѣлъ узнать у Фалька, что онъ думаетъ о соціалистахъ. Его подозрѣвали въ приверженности къ соціализму, самъ онъ не смѣлъ говорить объ этомъ, а Фалькъ все скажетъ...

— Все это хорошо, господинъ Фалькъ, вы—революціонеръ. Прекрасно! Но вы живете въ монархическомъ государствѣ. Ну, и такой порядокъ вещей не можетъ васъ

удовлетворить! Что вы думаете о монархическомъ образѣ правленія?

Редакторъ былъ очень доволенъ, что такое авторитетное лицо, какъ Фалькъ, поставитъ на твердую почву и оправдаетъ идеи, въ которыхъ подозрѣвали его, бѣднаго редактора.

— Что я думаю, гм... Знаете, господинъ редакторъ, вѣдь это похоже на ловушку!.. Но послушайте! Я былъ разъ въ Гельсинборгѣ, я ѣхалъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ, убѣжденнымъ анархистомъ. Мы стояли на поромѣ и смотрѣли на великолѣпный, дивный замокъ, о которомъ говоритъ еще Шекспиръ въ своемъ Гамлетѣ.

— Знаете, что сказалъ мой другъ, этотъ завзятый анархистъ? Знаете? Онъ сказалъ:—Тебя, вѣроятно, удивитъ моя мысль. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такія чудеса архитектуры и искусства возможны только въ монархическомъ государствѣ.—Вы удивлены? Взгляните только на искусство эпохи возрожденія! Поищите сегодня меценатовъ для Тиціана, Микель-Анджелло, Джорджоне... взгляните на эпоху бурбоновъ, на время, когда строили кафедральные соборы въ Парижѣ, Толедо, Бургосскій соборъ,—и сравните ихъ съ этимъ варварскимъ, уродливымъ владычествомъ коммунаровъ, которые чуть не разрушили Нотръ-Дамъ и Лувръ.

— Развѣ вамъ нужны еще какія-нибудь доказательства? Развѣ этого мало?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не терплю демократіи. Она опошляетъ, нивелируетъ людей, дѣлаетъ ихъ какою-то отвратительною массой, которая знаетъ только деньги и нравственное вліяніе пошлыхъ театральныхъ пьесъ. Демократія очищаетъ путь къ господству Клеоновъ, кожевниковъ и Саванароллы, который велѣлъ сжечь самыя цѣнныя произведенія искусства,—къ господству мужиковъ и торгашей, которые нена-

видятъ все великое и прекрасное. Охъ, нѣтъ, нѣтъ? Разнуздывать плебейскіе инстинкты и направлять ихъ противъ того, что выше, благороднѣе и утонченнѣе...

Фалька покоробило.

И вдругъ все общество примирилось съ Falькомъ. Но Фалькъ откашлялся и продолжалъ:

— А все-таки я до нѣкоторой степени симпатизирую революціоннымъ идеямъ. Самъ я не принимаю участія. Эта жизнь меня слишкомъ мало интересуетъ. Я наблюдаю за ея развитіемъ, какъ астрономъ за ходомъ звѣздъ.

Если я до нѣкоторой степени симпатизирую демократической партіи, то вотъ почему: экономическое равенство, котораго она добивается,—совсѣмъ не то, что интеллектуальное равенство. Я увѣренъ, что въ будущемъ государствѣ образуется олигархія интеллигенціи, къ которой понемногу перейдетъ руль управленія. Тогда сызнова начнется экономическая эволюція, но такая почва для этой эволюціи гораздо лучше той, которая существуетъ со временъ варваровъ до нашихъ дней.

Въ настоящее время правящій классъ, т.-е. аристократія, выродилась и обнищала. Демократія же грозитъ господствомъ нечистыхъ рукъ, грязныхъ выскочекъ и биржевыхъ маклеровъ. Дожить до этого мнѣ бы не хотѣлось.

Редакторъ сталъ похожъ на пуделя, котораго только что выкупали.

— Еще одинъ вопросъ... Что вы думаете о теперешнемъ правительствѣ?

— Гм... теперешнее правительство — это императоръ Вильгельмъ, а ему я очень симпатизирую. Онъ мнѣ очень нравится. Недавно онъ произвелъ пожарнаго офицера въ полковники. За что? За то, что онъ во время какого-то парада сумѣлъ великолѣпно отрѣзать берлинскую толпу отъ

дворца... Производство это было сдѣлано на основаніи прусскихъ бюрократическихъ принциповъ,—тѣмъ лучше! Но здѣсь есть красота, самостоятельность,—о, это великая душа! Гм... гм... Да здравствуетъ нѣмецкій императоръ Вильгельмъ II!

Всѣ смущенно переглянулись. Но наконецъ, встали и чокнулись.

Редакторъ, котораго всѣ считали соціалъ-демократомъ, остолбенѣлъ, но тоже всталъ, такъ какъ на него пристально смотрѣлъ ландратъ.

Встали изъ-за стола.

Фалькъ чувствовалъ, какъ его жгли горящіе, тоскующіе глаза. Взглянулъ на Маритъ: она сіяла отъ счастья...

Опустила глаза.

Фалькъ подошелъ къ ней. Они были очень близко другъ отъ друга. Гости, которые столпились въ дверяхъ гостиной, тѣсно прижали Фалька къ Маритъ.

Прикосновеніе Маритъ расплылось горячимъ потокомъ по его груди.

— Эрикъ,—вы великій человѣкъ!—Лицо Маритъ покрылось краской.

Фалькъ окинулъ ее горячимъ взглядомъ. Что случилось съ Маритъ?

Въ эту минуту подошелъ Кауэръ.

— Вы—дьяволъ! Вы говорили, какъ мужчина! Этого бы никто не рѣшился сказать. А иной разъ хочется ввернуть словечко!.. Только вы мнѣ дочку не портите,—съ ней такъ говорить нельзя...

Фалькъ хотѣлъ возразить ему.

— Ну, ну,—вѣдь я шучу. Я питаю къ вамъ безусловное довѣріе; у васъ что на умѣ, то на языкѣ,—а этого вполнѣ достаточно. Черезъ недѣлю я вернусь. А теперь я на ан-

глійскій манеръ испарюсь. Только смотрите, вы должны быть здѣсь, когда я вернусь.

И Кауэръ на англійскій манеръ испарился.

— Какъ чудно вы сегодня говорили...

Маритъ съ восхищеніемъ смотрѣла на Фалька.

— Я? Чудно говорилъ? Я говорилъ совсѣмъ глупо. Каждая фраза, которую я говорилъ, могла бы вызвать тысячи возраженій,—но господа, которые черпаютъ свою мудрость изъ Уѣздныхъ Листковъ и Курьеровъ, хе-хе,—навѣрное будутъ довольствоваться этимъ... но, но... Маритъ,—это, что я говорилъ о папѣ, вамъ тоже нравилось?

Маритъ поспѣшила отвѣтить:

— Очень! Очень... Я такъ много думала обо всемъ этомъ. Вы правы даже въ томъ, о чемъ мнѣ раньше больно было думать... Фалькъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Онъ не былъ къ этому подготовленъ. Странная метаморфоза... Все это случилось такъ скоро.

— Отчего вы не приходили къ намъ? Я ждала васъ цѣлыхъ два дня и такъ страшно мучилась.

— Дорогая, славная Маритъ, вѣдь вамъ лучше знать, отчего я не приходилъ. Я не хотѣлъ по-просту нарушать вашего спокойствія. Кромѣ того, вы знаете, что я очень нервенъ и не долженъ подвергать себя этимъ мукамъ,—потому что если прорвется, то...—хе-хе...

Фалькъ добродушно улыбнулся.

Они замолчали. Къ нимъ подошелъ редакторъ. Онъ не могъ простить Фальку его тостъ за здоровье нѣмецкаго императора, и въ душѣ желалъ Фальку сломать себѣ когда-нибудь ногу.

— Что вы думаете объ анархистскомъ терроризмѣ? Вѣдь вы—знатокъ человѣческихъ душъ, такъ называемый психологъ! Какъ вы объясните ихъ?

— Вы очень любознательны. Но вѣдь вы вѣроятно не потребуете отъ меня, чтобы я излагалъ здѣсь мое политическое Credo.

Фалькъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ странными, усталыми глазами; взглянулъ на Маритъ, дружелюбно улыбнулся потомъ взглянулъ на директора гимназіи.

— Я понимаю одни только преступленія или убійства,— называйте это, какъ хотите,—и преступленія, вызванныя возмущеніемъ и презрѣніемъ.

— Вчера, напримѣръ, я былъ такъ возмущенъ директоромъ здѣшней гимназіи, что подошелъ къ нему и сказалъ: я съ удовольствіемъ ударилъ бы васъ по физіономіи,—да вы не стóите!

Всѣ невольно взглянули въ сторону директора.

— Я очень сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ въ минуту возмущенія...

— Отчего я это сдѣлалъ? Оттого, господа, что если кто-нибудь негодуетъ на чьи-либо произведенія, то нечего говорить этого передъ мальчишками.

Фалькъ разсмѣялся искреннимъ смѣхомъ.

Съ Фалькомъ ничего не подѣлаешь. Онъ выскользнетъ, какъ ужъ.

Маритъ все время стояла около Фалька, не спуская съ него глазъ и сіяя отъ счастья. Онъ такъ часто обращался къ ней, словно хотѣлъ сказать:—вѣдь правда, Маритъ?

У него одного это великое, прекрасное сердце, о которомъ онъ говорилъ. У него гордое сердце, полное негодованія и отваги: онъ можетъ сказать всему міру, что онъ чувствуетъ и думаетъ.

Чувство какого-то блаженства и безконечной преданности разрывало ея грудь. Она дрожала. Лицо ея покрылось румянцемъ.

Фалькъ на минуту исчезъ.

Вдругъ онъ взялъ ее руку.

— Пойдемъ, Маритъ, пойдемъ!—шепнулъ онъ ей тихо на ухо.

Маритъ прильнула къ нему.

— Пойдемъ, пойдемъ!

Въ домѣ ландрата было принято не прощаться. Каждый уходилъ, когда хотѣлъ,—испарялся на англійскій манеръ, какъ говорилъ Кауэръ.

VIII.

Когда они вышли на улицу, Фалькъ чувствовалъ себя немного неловко.

— Я отправилъ кучера домой. Ночь такъ дивно хороша,— мнѣ бы хотѣлось еще съ вами поговорить... Вѣдь мы пойдемъ пѣшкомъ,—правда?

Его голосъ немного дрожалъ.

Маритъ не произнесла ни слова. Какое-то неясное чувство захватывало дыханіе.

Они вышли за городъ. Оба были задумчивы и молчаливы.

Настала минута, когда въ душѣ любимаго существа можно читать, какъ въ своей собственной.

— Можетъ быть, вы возьмете меня подъ руку? Дорога не особенно хороша... Легко можно споткнуться.

Взяла его руку. Онъ крѣпко прижалъ ее и чувствовалъ, что она дрожала.

Онъ зналъ, что долженъ теперь говорить, но боялся, что у него не хватитъ голоса.

Безпокойство все росло.

Нѣтъ, еще нѣтъ! У него есть еще время. Такъ только мужикъ берется за дѣло.

Мѣсяцъ лилъ струи свѣта на луга, а вдали виднѣлись высокія кучи торфа.

励Фалькъ овладѣлъ собой. Надо еще подождать, не сразу брать то, что дается... Тогда онъ сильнѣе все это перечувствуетъ.

Они остановились и начали смотрѣть на луга и торфяники.

И снова пошли, не глядя другъ на друга, словно испытывая что-то въ родѣ стыда.

Фалькъ опять остановился.

— Странно, что каждый разъ, когда я смотрю на торфяники, я вспоминаю одного работника изъ имѣнія отца... Онъ страшно пилъ, допился до delirium и сталъ маніакомъ.

Фалькъ инстинктивно старался отвлечь ея вниманіе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе напасть на нее врасплохъ.

— Онъ увѣрилъ себя, что блуждающіе огоньки—это души умершихъ масоновъ; а въ это время только что вышла папская энциклика, объявившая, что масоны одержимы бѣсомъ.

— Цѣлыми ночами бѣгалъ онъ по болоту съ старымъ пистолетомъ. Съ странной увѣренностью сомнамбулиста онъ перепрыгивалъ черезъ широчайшіе рвы, вязъ въ трясинахъ, переходилъ болота, пробивался сквозь лѣса и чащи болотныхъ растеній и все стрѣлялъ.

Въ этомъ было что-то страшно трагическое. Я видѣлъ его разъ послѣ такой ночи. Глаза налиты кровью, весь въ грязи, по лицу течетъ грязная болотная вода, волосы слиплись отъ грязи. Но онъ былъ счастливъ.

Размахивая пистолетомъ, онъ прыгалъ отъ счастья. Въ ту ночь ему удалось убить масонскую душу серебряной монетой.

Потомъ, на этомъ мѣстѣ онъ нашелъ немного жидкой смолы.

Съ тѣхъ поръ пистолетъ сталъ его святыней. Но разъ его посадили подъ арестъ за то, что онъ не посылалъ въ

школу своего сына. Сынъ остался дома на волю Божію и пасъ на торфяныхъ канавахъ козу,—все, что было у рабочаго.

Вдругъ мальчику пришло въ голову напугать ребенка сосѣда, за которымъ онъ тоже долженъ былъ присматривать. Онъ принесъ пистолетъ, повернулъ его дуломъ къ лицу, зажегъ спичку и поднесъ ее къ полкѣ.

— Я сейчасъ застрѣлюсь, застрѣлюсь!—Онъ подвинулъ спичку еще ближе.

Ребенокъ перепугался, сталъ кричать, но въ ту же минуту пистолетъ выстрѣлилъ: весь зарядъ попалъ мальчику въ ротъ.

Я въ это время шелъ изъ школы и былъ свидѣтелемъ сцены, которой никогда въ жизни не забуду.

Мальчикъ обезумѣлъ отъ ужаса, подпрыгнулъ, упалъ, сталъ бѣгать вокругъ; кровь хлынула у него изъ носа и рта, и съ каждымъ крикомъ, каждымъ стономъ билъ потокъ крови.

Ребенокъ ничего не понималъ. Онъ покатывался со смѣху, глядя на странные прыжки и крикъ своего дяди.

Одна только коза, повидимому, поняла весь ужасъ этой сцены. Въ дикомъ страхѣ она сорвалась съ привязи, стала скакать, прыгать черезъ мальчика, черезъ широкіе рвы... О, это было ужасно...

Маритъ была очень взволнована.

— Господи, какой ужасъ! Мальчикъ умеръ?

— Умеръ.

И снова они молча пошли другъ около друга... такъ близко, такъ близко...

— Какъ хороши были вы сегодня! На вашемъ лицѣ было выраженіе,—знаете, то выраженіе, которое я только разъ видѣлъ у васъ, годъ тому назадъ... Мы были тогда такъ не-

обыкновенно веселы, такъ счастливы,—ахъ, какія это были чудныя минуты. Мы стояли вечеромъ на верандѣ. Гдѣ-то далеко, далеко звонили къ вечерней молитвѣ, а вы стояли и смотрѣли куда-то съ тѣмъ восторгомъ, съ той сосредоточенностью, которую даетъ только счастье.

Фалькъ дрожалъ.

— Сегодня я смотрѣлъ на васъ весь вечеръ, смотрѣлъ съ глубокимъ восхищеніемъ... Я былъ счастливъ, что чувствую васъ такъ близко, такъ близко...

Онъ прижалъ ее къ себѣ, задыхаясь.

— Маритъ. Я люблю тебя... Люблю...

Она чувствовала, какъ горячій потокъ облилъ ея тѣло...

— Вѣдь я только изъ-за тебя и пріѣхалъ сюда. Я сидѣлъ въ Пирижѣ и безумно мучился отъ тоски по тебѣ. Вотъ и теперь меня мучитъ болѣзненное желаніе взять тебя на руки, прижать такъ сильно, сильно къ сердцу, чувствовать, какъ твое сердце бьется у моего...

Маритъ, золотая, рай мой, я все для тебя сдѣлаю. Не сопротивляйся больше! Ты дашь мнѣ такое счастье, котораго нельзя выразить словами,—ты все мнѣ дашь... Я такъ страдалъ все это время, солнце мое, радость моя,—дай мнѣ это счастье! Я никогда не любилъ такъ слѣпо, такъ безгранично, какъ теперь,—какъ тебя, тебя...

Она чувствовала надъ собою его бездонные глаза, какъ двѣ темныхъ звѣзды,—голова кружилась, она понимала только его горячія, отрывистыя слова, что, какъ капли расплавленнаго олова, падали ей въ душу.

Чувствовала, какъ онъ обнималъ ее, какъ искалъ ея губъ, чувствовала, какъ онъ впился въ нее своими воспаленными, горящими отъ страсти губами.

Она уже не сопротивлялась. Безсильно отдалась его дикимъ, жгучимъ поцѣлуямъ. Въ душѣ у нея было какое-то

безумное ликованіе человѣка, который танцуетъ надъ пропастью. Обвила руками его шею и цѣловала, цѣловала...

Фалькъ не ожидалъ въ ней такой страсти.

Онъ чувствовалъ глубокую благодарность.

— Ты будешь моей, Маритъ, моей...

Да, это случится... Что-то должно случиться... Но что?.. Эти глаза, эти страшные глаза... и его голосъ...—это... наслажденіе...

— Пусти меня теперь—пусти меня... Я должна притти въ себя... Я упаду въ обморокъ...—шептала она.

И снова они пошли дальше, дрожа всѣмъ тѣломъ и не говоря ни слова...

— Будешь моей?

— Что?.. Что?.. Что ты говоришь?

Фалькъ молчалъ.

— Не понимаю.

Больше они не сказали ни слова.

У садовой калитки еще одинъ долгій молчаливый поцѣлуй.

IX.

Фалькъ медленно шелъ въ городъ.

Вдругъ остановился.

А можетъ быть, вернуться, взять ее на руки и отнести въ ея комнату?..

Да! Просить ее, чтобы она позволила ему сѣсть у изголовья кровати, или присѣсть около нея на землѣ?

Вдругъ онъ задумался: неужели это—въ самомъ дѣлѣ непреодолимая страсть? Можетъ быть, я только хочу отуманить ее новыми внушенiями, показать ей всю дикость своей страсти?

Онъ настойчиво пыталъ свое сердце, но не могъ разобрать, что было въ немъ на самомъ дѣлѣ и что являлось результатомъ самовнушенiя? Вѣдь онъ придумывалъ столько плановъ, какъ овладѣть ею, искалъ столько словъ, чтобы привязать ее къ себѣ,—что совсѣмъ пересталъ чувствовать, что было въ немъ правдой и что—ложью.

Его самовнушенiя казались ему вполнѣ искренними,—слова, которыя онъ придумывалъ холоднымъ, разсудочнымъ путемъ, были согрѣты теперь его страстью. Онъ до тѣхъ поръ игралъ чувствами, пока они дѣйствительно въ немъ не зародились.

Онъ запутался въ психологiи той формы любви, которую вызываетъ самовнушенiе.

Онъ, вѣроятно, вызвалъ въ своемъ мозгу новое кровообращеніе.

Связалъ съ своимъ сердцемъ слова, которыя прежде были пустыми и не имѣли подъ собой чувственной почвы...

Если не такъ, то отчего его сердце дрожитъ и усиленно бьется, когда онъ говоритъ ей то, что нѣсколько дней тому назадъ могъ говорить вполнѣ хладнокровно и почти машинально?

Интересная тема! Какъ бы это формулировать?

Итакъ, какой-нибудь научный журналъ поручилъ ему сдѣлать психилогическій анализъ.

— Попробую... Состояніе, часто повторявшееся въ мозгу, ищетъ новыхъ путей къ новымъ нервнымъ центрамъ, соединяется съ новыми кровеносными сосудами и дѣйствуетъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не образуютъ новыхъ сѣтей,—и состояніе чистаго мышленія обратится въ чувственное.

Ха-ха-ха... да я созданъ къ тому, чтобы основать научную „Bierzeitung“...

Въ это время около него проѣхалъ экипажъ, но такъ тихо, что Фалькъ чуть было не попалъ подъ лошадей.

— Значитъ на резиновыхъ шинахъ.

Онъ оглянулся, по обѣимъ сторонамъ горѣли фонари; онъ сталъ внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ мигалъ ихъ свѣтъ. Онъ тускнѣлъ, исчезалъ, снова блеснулъ гдѣ-то на поворотѣ...

Фалькъ невольно вспомнилъ маніака-рабочаго и его массонскія души.

А тамъ—домъ Маритъ! Не вернуться ли туда?

А можетъ быть, она его ждетъ, можетъ быть, она будетъ даже счастлива, если увидитъ его вдругъ? А можетъ быть, она ходитъ по парку, чтобы освѣжиться? Или пошла

къ озеру и сѣла на томъ большомъ камнѣ, на которомъ они всегда сидѣли?

Но въ ту же самую минуту онъ снова повернулъ къ городу.

Мозгъ его былъ утомленъ, но, несмотря на это, со странной настойчивостью пускался въ самый тонкій анализъ.

— Итакъ, эта интересная тема! Какъ съ научнымъ фактомъ, съ ней ничего не подѣлаешь,—но для романа, для повѣсти она превосходна!

Итакъ, этотъ господинъ страдаетъ любовью, вызванной самовнушеніемъ.

Хорошо!

Но въ то же время вполнѣ искренно любитъ свою жену.

И любитъ такъ сильно, что ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что эта любовь не призрачна.

Любитъ и ту и другую.

Вѣдь онъ любитъ Маритъ, любитъ! Быть можетъ, это—самовнушеніе, иллюзія,—но то, что соединилось въ его душѣ съ образомъ Маритъ, было такъ сильно, такъ полно желанья и тоски, что этого чувства иначе назвать нельзя.

Но вдругъ онъ почувствовалъ какую-то неожиданную и немного непріятную пресыщенность: одно лишь предвкушеніе пола вызвало пресыщенность.

Завтра онъ, положимъ, опять пойдетъ къ Маритъ, снова въ его крови загорится огонь, но тѣмъ не менѣе фактомъ останется то, что онъ,—Эрикъ Фалькъ,—чувствуетъ себя сегодня пресыщеннымъ.

Значитъ, онъ не любитъ Маритъ, такъ какъ чувство пресыщенности онъ никогда не испытывалъ, живя съ своей женой.

Нѣтъ! Никогда!

А вѣдь онъ помнитъ, что въ ту минуту, когда выпустилъ Марить изъ своихъ объятій, почувствовалъ стыдъ, ненависть къ себѣ и къ ней, словно совершилъ какое-то преступленіе.

Итакъ, это не дало счастья?

Нѣтъ.

Значитъ это было страданіе?

Да, страданіе, ненависть и стыдъ.

Вѣдь настоящая любовь, не искусственная, не вызванная внушеніемъ, любовь, которая не анализируетъ, которая не знаетъ мозга, а только сердце,—такая любовь не знаетъ стыда.

Ну, такъ что же, что же это?

— Позвольте! Вы, г-нъ Фалькъ, въ одномъ лицѣ являетесь обвинителемъ и обвиняемымъ. Вы—Фалькъ и X.

Итакъ, вы, г-нъ X., обвиняете меня въ томъ, что я обольстилъ молодую дѣвушку и разбилъ ея жизнь?

Ну, такъ позвольте. Не торопитесь... Вы знаете: Hors la methode point de salut...

Primo, во мнѣ возникло необъяснимое внушеніе, что я долженъ обладать этой дѣвушкой. Такъ какъ я никогда раньше не испытывалъ подобнаго внушенія, то этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Какъ оно впервые возникло въ моемъ мозгу—не знаю.

Я могъ бы, конечно, логическимъ путемъ обосновать его генезу, перечислить тысячу причинъ, которыя могли его вызвать,—но все это было бы только метафизической бездѣлушкой. Я знаю только одно: мой мозгъ меня обманываетъ, я до нѣкоторой степени Чичисбей моего мозга, а потому долженъ сказать: причины этого внушенія мнѣ неизвѣстны. Я могу только опредѣлить его характеръ,—сильный и страстный половой характеръ.

Когда я впервые разгадалъ этотъ характеръ?

Сейчасъ, сейчасъ...

Еще въ прошломъ году, на третій день послѣ нашего знакомства. Она шла съ письмомъ на почту, я встрѣтилъ ее на углу двухъ улицъ, такъ что мы столкнулись совершенно неожиданно. Мы страшно смутились и оробѣли. Отчего? Почему? Хе-хе... Въ этомъ уже есть половой элементъ. Я проводилъ ее домой,—потомъ она еще разъ прошла со мной полдороги въ городъ, потомъ я проводилъ ее обратно до садовой калитки: мы не могли разстаться. Я очень много говорилъ... О религіи...

Стойте! А... это очень, очень интересно! Объясните мнѣ, какъ умный человѣкъ, отчего я съ самаго начала старался разбить ея религіозные догматы?

Вы вѣдь меня знаете и знаете очень хорошо, что мнѣ рѣшительно все равно, вѣритъ ли данный человѣкъ или нѣтъ. А кромѣ того, я рѣдко говорю о моихъ убѣжденіяхъ—попросту потому, что у меня ихъ нѣтъ.

Ну, такъ слушайте. Прежде, чѣмъ я былъ въ состояніи понять, что, собственно, со мной происходитъ, мой полъ работалъ уже съ изумительной логикой. Онъ подсказалъ мнѣ, что пока я не разобью ея религіозныхъ догматовъ, всѣ мои усилія и старанія будутъ напрасны. Могу васъ увѣрить, что тогда я еще не думалъ о томъ, чтобы соблазнить ее,—впервые эта мысль возникла у меня только недѣлю спустя. Это было около кладбища на той тропинкѣ, гдѣ висятъ вѣтви плакучихъ березъ, что растутъ за кладбищенской стѣной. Я не знаю, что произошло, но почувствовалъ тогда, какъ голосъ мой сталъ необыкновенно нѣжнымъ, теплымъ, понижался до тихаго шопота,—я знаю, что мой голосъ началъ создавать атмосферу какого-то таинственнаго взаимнаго пониманія.

— И только тогда я понялъ:—голосъ крови.

— И съ тѣхъ поръ это росло во мнѣ, росло непрерывно, не давало мнѣ покоя, — а теперь случилось! Почти что случилось, такъ какъ это внутреннее влеченіе сломаетъ всѣ препятствія... Отчего, — не знаю!

Хе-хе, я знаю васъ, господинъ Х! Васъ интересуетъ эта тема. Вы хотите показать свой умъ и проницательность рѣшить этотъ сложный ребусъ...

— Охъ вы не знаете, какъ легко рѣшать ребусы! Объясните мнѣ, напримѣръ, отчего зависятъ регулярныя менструаціи у женщинъ?

— Вы не знаете? Конечно, отъ луны!

— Вы спрашиваете: Отчего?

— Нѣтъ ничего легче, какъ объяснить этотъ фактъ. Первыя живыя существа жили на днѣ моря. Съ другой стороны, вы знаете, что вліяніе луны на море прямо поразительно, отъ нея зависятъ приливъ и отливъ. Итакъ, вліяніе луны на извѣстную среду распространяется и на живыхъ существъ, которыя живутъ въ этой средѣ. Это вліяніе переходитъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ строго опредѣленная особенность, и въ великомъ эволюціонномъ шествіи она переходитъ, наконецъ, въ человѣка: quod erat demonstrandum!

— Хе-хе, это вамъ не нравится?

— Ну, такъ оглянитесь по сторонамъ. Вѣдь всѣ ваши научныя логическія доказательства имѣютъ болѣе или менѣе такую же цѣнность, какъ то, что я такъ прекрасно только что изложилъ.

Фалькъ оглянулся. Ему казалось, что онъ видитъ редактора съ гордымъ презрѣніемъ на лицѣ.

— Такъ вы, можетъ быть, не вѣрите въ четвертое измѣреніе? Послушайте, господинъ редакторъ! Вы умный, дѣльный человѣкъ, полный здоровыхъ, общественныхъ и позитивныхъ убѣжденій. Вы раціоналистъ и матеріалистъ. Но

пока вы не можете мнѣ доказать, что между вами и мной въ эту минуту нѣтъ еще тысячи людей, я не перестану предполагать, что существуетъ не только четвертое, но и тысячное измѣреніе...

— То, что вы этого не обоняете и не видите, это еще не доказательство. Въ насъ могутъ дремать тысячи чувствъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ понятія и которыя со временемъ могутъ развиться.

— Отчего же они не развились въ теченіе милліона лѣтъ?

— Ха-ха-ха,—милліонъ лѣтъ. Для насъ это много, но, въ связи съ вѣчностью, эта математическая линія, которая, какъ вамъ извѣстно, въ дѣйствительности не существуетъ... Ну, оставимъ это въ покоѣ. Несмотря на это, вы всегда будете для меня необыкновеннымъ интеллигентнымъ человѣкомъ. Вы преспокойно могли бы быть той лопатой, которой накладываютъ умъ въ головы.

Фалькъ почувствовалъ вдругъ странную усталость. Мысли путались.

Взглянулъ: бѣлыя стѣны монастыря.

Маритъ! Маритъ!

Отчего онъ вспомнилъ вдругъ о Маритъ?

— Ну вотъ, господинъ редакторъ, объясните, отчего мнѣ вспомнилась теперь Маритъ? Объясните мнѣ, всезнающій и всепонимающій г-нъ редакторъ, и объясните научнымъ путемъ!

Вы не знаете? Такъ я вамъ скажу.

Я ненавижу монастыри, такъ какъ въ монастырѣ извратили душу Маритъ. И когда я вижу какой-нибудь монастырь, то тотчасъ невольно думаю о ней,—и даже въ томъ случаѣ, если мнѣ придется видѣть милліоны монастырей, то Маритъ всегда будетъ у меня передъ глазами...

А впрочемъ, убирайтесь къ чорту! Это значитъ, что вы оселъ!

Фалькъ могъ думать о чемъ угодно, засорять свой мозгъ всевозможными пустяками и безделушками, стараясь оглушить его, но все это ни къ чему не приводило. Сквозь туманъ его мыслей, сквозь весь этотъ хаосъ чувствъ все сильнѣе и отчетливѣе пробивалась одна мысль: Маритъ, Маритъ...

Вдругъ онъ сильно вздрогнулъ. Неужели нормальный человѣкъ можетъ такъ маніакально мыслить?

Онъ шелъ, какъ въ лихорадкѣ. Страхъ и ужасъ пѣнился въ его душѣ, какъ горячій потокъ, который заливалъ его мозгъ. Ему казалось, что онъ летитъ въ какую-то бездонную пропасть...—Пересталъ думать, осталось только адское чувство страха передъ этой глухой темнотой. Все такъ безнадежно, такъ темно.

И снова скользнула мысль: эта жизнь съ ея адской тоской, безпокойствомъ, лихорадочной жаждой творчества и уничтоженія...

Къ чему, къ чему это все? Къ чему я мучусь? Къ чему всѣ эти усилія, направленныя къ удовлетворенію своего пола?!..

Онъ презрительно засмѣялся.

Развѣ это не смѣшное и не грустное безуміе?

И снова его охватилъ больной, безумный страхъ, какого онъ раньше никогда не испытывалъ. Онъ все спрашивалъ шопотомъ:

Къ чему? Зачѣмъ? Зачѣмъ?—Онъ перескочилъ вдругъ черезъ ровъ: ему казалось, что за нимъ гонится какой-то дикій звѣрь,—но въ ту же минуту онъ пришелъ въ себя.

Надо думать спокойно, трезво: это успокоитъ страхъ.

Итакъ, онъ орудіе въ рукахъ какого-то существа или воли, которую онъ не знаетъ, но которая дѣйствуетъ въ

немъ, дѣлаетъ съ нимъ все, что ей нравится, а мозгъ его ограничивается ролью обыкновеннаго помощника, — онъ долженъ напримѣръ лгать человѣку, скрывать передъ нимъ настоящія побужденія, сбивать его на ложные пути.

Если онъ, напримѣръ, соблазнитъ теперь Маритъ, то совсѣмъ не онъ будетъ этому виной. Нисколько. Онъ долженъ дѣлать то, что ему велитъ невѣдомое X.

Не правда ли, г-нъ Фалькъ? Тамъ гдѣ-то въ тайникахъ образовалась какая-то сильная цѣпь, одно звено необходимости неразрывно соединились съ другими... Или такъ: тамъ былъ заведенъ часовой механизмъ, и теперь всѣ колесики должны вертѣться въ ту, а не въ другую сторону.

Ну, прекрасно,—я борюсь съ собой, я еще защищаюсь, но вѣдь я долженъ поддаться!.. Долженъ!..

Онъ почувствовалъ глубокую грусть.

И къ чему эти муки, эти страданія?

Вѣдь онъ не можетъ больше бороться съ собой, онъ долженъ опустить руки и—пусть будетъ, что будетъ... Что должно быть....

Должно! Должно!

Силы его совсѣмъ покинули.

И вдругъ, какъ радуга послѣ бури, засіяло передъ его глазами личико его мальчика—Янка. Вся его душа до краевъ наполнилась тоской.

Онъ вошелъ въ городъ. Ему нужно было пройти мимо дома ландрата.

Въ эту минуту оттуда выходили редакторъ и молодой врачъ.

— А, г-нъ Фалькъ! Куда вы такъ вдругъ исчезли?

Фалькъ немного смутился.

— Я долженъ былъ проводить г-жу Кауэръ домой. Кучеръ такъ страшно напился, что я не могъ поручить дѣвушки этому подлецу.

— Не распить ли намъ бутылочки у Флаума?

Палькъ подумалъ, но въ ту же минуту почувствовалъ въ своей душѣ этотъ больной, безумный страхъ. Онъ подстерегалъ его, подстерегалъ.

... Только бы не быть одному! О нѣтъ, нѣтъ!

— Конечно, господа, съ удовольствіемъ.

X.

Ресторанъ былъ еще открытъ несмотря на то, что было очень поздно.

Редакторъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ вина.

— Я очень радъ,—говорилъ онъ,—что познакомился съ вами. То, что вы говорите, очень интересно, но мнѣ кажется, что вы дѣлаете слишкомъ общія и рѣзкія заключенія.

— Да, конечно. Я это дѣлаю умышленно. Каждая вещь имѣетъ тысячу сторонъ: онѣ не лежатъ другъ около друга такъ, чтобы ихъ можно было спокойно и удобно разсматривать. Напротивъ, господа!.. Каждая вещь представится въ совершенно другомъ видѣ, если измѣнить освѣщеніе. Каждая вещь—стереометрическій тысячегранникъ: только на одну плоскость падаетъ свѣтъ. Способъ логическаго разсужденія основанъ на томъ, что онъ обращаетъ свое вниманіе только на одну эту плоскость и можетъ видѣть еще двѣ-три—смежныя...

Фалькъ залпомъ выпилъ стаканъ вина.

— Что значитъ разсуждатъ? Какъ можно вообще судить о чемъ-нибудь? Это хорошо, когда надо приноровиться къ условіямъ внѣшней жизни, хорошо въ борьбѣ за существованіе, но сужденія въ чистомъ мышленіи—это бичъ изъ песку.

Я ни о чемъ ничего не могу сказать; если кто-нибудь требуетъ отъ меня моего сужденія,—пожалуйста! Но принимать то, что я скажу, какъ нѣчто абсолютное, безсмыслица. Я высказываю только мои личныя впечатлѣнія о различныхъ предметахъ, но не сужденія.

— Это метафизика, господинъ Фалькъ,—говорилъ редакторъ.—Я ничего не понимаю.

Молодой врачъ внимательно прислушивался къ разговору. Вдругъ ему пришло на умъ хорошенько подразнить редактора. Фалькъ умѣетъ все осмѣять.

— Что вы думаете о соціальномъ государствѣ будущаго?

Редакторъ безпокойно заморгалъ глазами: онъ чувствовалъ злой умыселъ.

— Что я думаю? Вѣдь я уже высказалъ у ландрата мое мнѣніе.

— Впрочемъ, все это интересуетъ меня по стольку, по скольку затрогиваетъ область искусства.

— Съ этой точки зрѣнія я согласенъ вполнѣ со всевозможными призрачными мечтаніями, иллюзіями, фантасмагоріями, которыя зарождались до сихъ поръ въ мозгу человѣка и, пожалуй, будутъ еще зарождаться.

— Видите, господа, когда все будетъ нормировано въ правовомъ отношеніи, то и условія жизни артиста станутъ болѣе или менѣе возможными, и артистъ будетъ въ состояніи спокойно отдаваться своему труду. И съ другой стороны всѣ тѣ люди, которые посвящаютъ себя искусству изъ-за денегъ, или по лѣни, или за неимѣніемъ другого подходящаго ремесла, будутъ счастливы, если при общественномъ равенствѣ и шестичасовомъ трудѣ, получатъ мѣста въ магазинахъ, конторахъ и т. д. Артистомъ будетъ только тотъ, кто долженъ имъ быть.

Редакторъ, который въ каждомъ словѣ Фалька искалъ насмѣшки, раздраженно засмѣялся.

— Ну, вотъ тебѣ и разъ! Такъ вы и объ артистахъ не высокаго мнѣнія?

— Нѣтъ, нисколько, нисколько... Ихъ почти нѣтъ, а тѣ, у которыхъ есть эта искра Божія, очень скоро теряютъ ее, такъ какъ вынуждены нести свой трудъ на рынокъ...

Денікъ... Фалькъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Я считаю артистомъ только того, кто не можетъ иначе творить, какъ только въ моментъ страшнаго вулканическаго изверженія своей души,—кто не пишетъ ни одного слова, которое ни было бы вырвано изъ сердца, которое бы ни было живымъ организмомъ, полнымъ крови... а впрочемъ...

Онъ взглянулъ съ тихой улыбкой на одураченное лицо редактора.

— А развѣ есть такіе люди?—спросилъ удивленно докторъ.

— Есть, есть, но это осмѣянные, проклинаемые всѣми poètes maudits, которыхъ толпа считаетъ идіотами. Ха-ха...

Фалькъ задумался.

— Да, да! Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ погибалъ. Онъ былъ моимъ школьнымъ товарищемъ. И это былъ прекраснѣйшій человѣкъ, другого такого я никогда не встрѣчалъ. Онъ бывалъ нѣженъ и грубъ, мягокъ и твердъ, онъ бывалъ деревомъ и металломъ. Но всегда былъ прекрасенъ. Въ немъ была великая, жестокая и слѣпая любовь и царственное презрѣніе.

— Да пейте же, чортъ возьми, а то вино испарится...

— Да, это былъ странный человѣкъ. Ха-ха,—помню, еще на школьной скамьѣ онъ писалъ невѣроятныя вещи на тему: какъ надо чествовать героя по смерти? И знаете, что казалось ему величайшею почестью?

— Ну?

— Онъ писалъ, что самая прекрасная почесть для героя должна заключаться въ томъ, чтобы пахарь, когда герой уже сгніетъ въ землѣ, вырылъ изъ земли его кости, а какой-нибудь пастухъ сдѣлалъ изъ его костей свирѣль и игралъ на ней пѣсни въ его честь.

Въ другой разъ онъ написалъ, что война выполняетъ очень высокую задачу. Тѣла павшихъ воиновъ являются превосходнымъ удобреніемъ, гораздо лучшимъ, чѣмъ суперфосфатъ.

Я согласенъ, что это грубо, но вѣдь и природа груба. Допустимъ, что это циничная насмѣшка, но съ такимъ же цинизмомъ природа играетъ человѣческимъ родомъ.

Редакторъ былъ оскорбленъ.

— Съ вашей стороны, господинъ Фалькъ, очень нехорошо, что вы не считаете насъ людьми, съ которыми можно говорить серьезно! Это ужъ слишкомъ откровенная насмѣшка!

— Но я нисколько не шучу, сохрани меня Богъ!

— Ну, такъ вы высказываете, значитъ, только тѣ впечатлѣнія, которыя всякому постороннему человѣку могутъ показаться, самое большее,—парадоксами?

Фалькъ былъ раздраженъ, но овладѣлъ собою.

— Мои мнѣнія, убѣжденія, сужденія, впечатлѣнія—только для меня и ни для кого больше. Я—міръ для самого себя, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла, согласенъ ли со мной кто-нибудь или нѣтъ.

— О, такъ вы, вѣроятно, очень высоко себя цѣните?

— Конечно,—и такъ долженъ дѣлать всякій. Послушайте, въ Дрезденѣ живетъ одинъ очень почтенный человѣкъ, по фамиліи Генрихъ Пудоръ. Всѣ считаютъ его шарлатаномъ, на самомъ же дѣлѣ онъ маніакъ, но несмотря на это, въ немъ очень много необыкновенной силы.

Онъ устроилъ недавно въ Мюнхенѣ выставку своихъ картинъ. Картины были смѣшны и ничего не стоили, но очень интересенъ былъ каталогъ, который онъ самъ къ нимъ составилъ. Тамъ было написано: Я—это я! Я ни артистъ, ни не артистъ, у меня нѣтъ никакихъ иныхъ особенностей кромѣ одной: Я—я!

И это прекрасно сказано.

Вы ошибаетесь, господинъ докторъ; это совсѣмъ не претенціозное самолюбіе. Разъ я человѣкъ, то я въ то же время — таинственная, сокровенная, безконечно глубокая часть природы. Итакъ, если я говорю: смотрите—вотъ мои картины, онѣ могутъ быть смѣшны, но онѣ—мои, и если я создалъ ихъ подъ вліяніемъ непреодолимаго внутренняго побужденія, то онѣ даютъ лучшій образъ моего Я, чѣмъ всѣ мои пороки и добродѣтели. Это картины моей индивидуальности. Кого она интересуетъ, пусть идетъ на выставку моихъ картинъ. Эти картины—я, а во мнѣ нѣтъ ничего, чего мнѣ слѣдовало бы стыдиться.

— Но вѣдь это уже совершенная манія величія!—крикнулъ докторъ.

— Ни совершенная, ни относительная. Вы должны знать, что манія величія сопровождается потерей сознанія своей индивидуальности. Только тогда, когда я потеряю это сознаніе, я начинаю считать себя Наполеономъ, Цезаремъ и т. д... Но какъ бы сильно ни было сознаніе моего „я“ и его важности,—въ немъ не будетъ еще маніакальности.

Наоборотъ,—эта вѣра въ себя создаетъ сильныхъ индивидуумовъ, недостатокъ которыхъ такъ мучительно даетъ себя чувствовать въ наше время,—даетъ силу, мощь и ту священную отвагу совершать преступленіе, которому все обязано своимъ существованіемъ.

Да, да, господинъ редакторъ! Только это, это сознаніе даетъ отвагу разрушенія, — а на развалинахъ разрушеннаго выростаетъ все великое и прекрасное...

Ну, оставимъ все это въ покоѣ: мы тратимъ время на пустую болтовню,—все это только труха, вымолоченная солома. Къ чорту всѣ жизненныя проблемы! Гей, г-нъ хозяинъ, еще бутылку!

И они пили. Фалькъ былъ безпокоенъ и очень нервенъ. Настроеніе стало странно возбужденнымъ.

Вскорѣ редакторъ сталъ уже лепетать.

— Я люблю васъ, г-нъ Фалькъ, присылайте мнѣ только оригинальныя корреспонденціи изъ Парижа!

— Пришлю, пришлю, каждую недѣлю буду присылать.

Докторъ покатывался отъ смѣху. — Ха-ха-ха, этотъ Листокъ, который заполняется отчетами уѣздныхъ базаровъ и ярмарокъ,—будетъ получать корреспонденціи изъ Парижа. А гдѣ такое эта дыра, эта деревушка—Парижъ? Ха-ха-ха,— вотъ такъ сострилъ! Редакторъ былъ смертельно обиженъ.

Фалькъ вслушивался въ себя со страхомъ и безпокойствомъ.

Его охватила безконечная тоска по женѣ, охватила съ такою силой, что онъ забылъ о Маритъ,—онъ ничего не чувствовалъ къ ней, ни любви, ни страсти...

Когда онъ пришелъ домой, уже свѣтало. Онъ умылся, сѣлъ за столъ и началъ писать:

„Моя любимая, безконечно любимая жена!

„Я пьянъ отъ любви къ тебѣ. Тоскую по тебѣ до сумасшествія. Мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла,—кромѣ тебя, тебя одной.

„А ты меня любишь? О, скажи, скажи, какъ ты меня любишь? А когда я пріѣду къ тебѣ, какой я тебя застану? Я все еще твой великій, прекрасный мужъ?

„Отчего твое послѣднее письмо такъ грустно?

„Ахъ, какъ все во мнѣ рвется къ тебѣ! Какъ я хочу тебя! О, если бы ты теперь была со мною!

„То ли я для тебя, что ты для меня? Свѣтъ, жизнь, воздухъ? Видишь ли, теперь я знаю навѣрное: у меня нѣтъ никакихъ аксіомъ, никакихъ догматовъ, кромѣ одного,—я не могу безъ тебя жить!

„А ты люби меня, люби больше, чѣмъ можешь,—нѣтъ, нѣтъ, люби меня только такъ, какъ можешь, а ты умѣешь любить, дорогая!

„Я напишу для тебя цѣлую библіотеку, лишь бы у тебя было, что читать. Я буду твоимъ клоуномъ, чтобы ты могла посмѣяться, когда тебѣ будетъ скучно! Я весь міръ брошу къ твоимъ ногамъ. Я заставлю его преклоняться передъ тобой и боготворить тебя, мою владычицу! — Только люби меня!.. Я навѣрное буду черезъ два дня съ тобою...

Твой мужъ".

Но когда Фалькъ выспался и еще разъ прочелъ письмо, онъ два дня переправилъ на пять—и отнесъ письмо на почту.

XI.

Фалькъ и Маритъ въ смущеніи стояли другъ противъ друга. Онъ увидѣлъ ее съ дороги надъ озеромъ и повернулъ къ ней.

— У меня зоркіе глаза, правда?

— Да, меня было трудно замѣтить.

Молчаніе.

День близился къ вечеру. Было страшно душно, все небо заволокло тучами.

Они сидѣли у берега. Фалькъ смотрѣлъ на зеркальную поверхность озера.

— Странно, какая глубокая тишина надъ озеромъ... Такую тишину, такую тяжелую, глубокую тишину я наблюдалъ только разъ въ жизни.

— Гдѣ?

— Въ Норвежскихъ фіордахъ. О, это безконечно красиво...

Минута молчанія.

Маритъ была очень безпокойна.

— Какъ вы вчера дошли до дому?

— Хорошо, очень хорошо.

Разговоръ все время обрывался.

— Страшно душно, — сказалъ, наконецъ, Фалькъ, — въ комнатѣ гораздо прохладнѣе.

Они пошли къ дому.

Ililiкъ пробовалъ приблизиться къ ней.

— Вчера я пережилъ самую прекрасную ночь въ моей жизни.

Маритъ молчала и только боязливо взглянула на него.

Фалькъ понялъ. Его мучило и дразнило это молчаливое упорство. Сегодня онъ долженъ все это кончить; чувствовалъ, что это необходимо, что иначе быть не можетъ,—но онъ былъ такъ измученъ, что у него не хватало энергіи сломить ея упорство.

Нужно какое-нибудь возбуждающее средство. О, это онъ отлично зналъ: послѣ второй рюмки что-то всегда начинало работать въ немъ: тогда по его жиламъ разливалась сила, которая не знала никакихъ препятствій.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь выпить? Я наглотался пыли.

Маритъ принесла бутылку вина.

Фалькъ быстро пилъ, потомъ развалился въ креслѣ и все время смотрѣлъ на нее.

Маритъ не смѣла поднять глазъ.

— Что съ вами случилось? Вы совершили какое-нибудь преступленіе?

Маритъ взглянула на него очень грустно.

— Будьте сегодня добрымъ. Пусть то, что произошло вчера, больше не повторится. Я такъ мучилась всю ночь. О, вы страшный человѣкъ...

— Неужели? Вы такъ думаете?

— Зачѣмъ вы шутите? Вы все у меня взяли. Я не могу уже молиться, такъ какъ вѣчно должна думать о томъ, что вы мнѣ говорили. Я думаю уже вашими словами... Вы отняли у меня стыдъ...

— Ну, такъ я уйду.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Эрикъ... Только будьте добрымъ... Дѣлайте, что хотите, но только не это... не требуйте этого отъ меня.

Онъ всталъ, поцѣловалъ ея руку и началъ ходить по комнатѣ.

— Хорошо, Маритъ, я уже ни о чемъ не буду тебя просить. Но только говори мнѣ „ты“... Вѣдь мы уже такъ сроднились... Наши отношенія такъ близки... Ты будешь мнѣ говорить „ты“?

Фалькъ остановился передъ ней.

— Попробую,—шепнула она.

— Видишь ли, Маритъ... Я люблю тебя такъ, что совсѣмъ теряю разсудокъ. Я таскаюсь цѣлыми днями изъ угла въ уголъ и думаю только о тебѣ. По ночамъ не могу спать...— Ну, что же дѣлать?

— Я пью и пью, чтобы успокоиться. Просиживаю цѣлые часы въ кафэ съ этими идіотами, прислушиваюсь къ ихъ глупости, пока не начинаю попросту физически страдать.—Ухожу—снова та же мука, то же безпокойство...

— Знаю, знаю, голубка моя, что ты не виновата. Я не дѣлаю тебѣ никакихъ упрековъ, но ты меня губишь...

— Знаю, знаю, что ты все для меня сдѣлаешь, все—ха-ха... Только не то, что является единственнымъ залогомъ любви,—только не это...

— Если ты мнѣ тысячу разъ скажешь, что любишь меня, я этому не повѣрю, такъ какъ, если любовь—дѣйствительно любовь, то она не знаетъ никакихъ границъ, никакого стыда, ни сомнѣній, она слѣпа и безразсудна. Она ни возвышенна, ни низка. Она не знаетъ ни пороковъ, ни добродѣтелей. Она сильна, величественна, какъ сама природа.

Или—впрочемъ, тутъ не можетъ быть никакого „или“... Существуетъ только одна любовь, а она не знаетъ ни правъ,

ни вѣры, ни стыда, она стоитъ внѣ всего, что связываетъ людей... А все остальное, это—капризъ, фантазія, средство разогнать скуку... Ха-ха-ха...

Онъ остановился передъ ней и ядовито улыбнулся.

— Золотое, дорогое дитя, мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты была орлицей, которая улетѣла бы со мной въ мое дикое одиночество... А ты—нѣжная, робкая голубка. Я хотѣлъ бы, чтобы ты была дикой, гордой львицей, а передо мной—кроликъ, который видитъ передъ собой постоянно раскрытую пасть хищника.

— Нѣтъ, нѣтъ не бойся—я тебѣ ничего не сдѣлаю.

Маритъ громко зарыдала.

— Не плачь, Маритъ, не плачь. Я съ ума сойду, если ты будешь еще плакать. Я не хотѣлъ сдѣлать тебѣ больно, но все дрожитъ во мнѣ, рвется къ тебѣ, моя дорогая, любимая...

Маритъ все плакала.

— Не плачь, не плачь, дорогая...—Онъ опустился на колѣни,—цѣловалъ ея руки...

— Не плачь...

Прижалъ ее къ себѣ, обнялъ, сталъ цѣловать ея глаза, ласкалъ лицо и все страстнѣе прижималъ къ себѣ ея русую головку.

— Моя, дорогая, моя, моя...

И она прильнула къ нему, закинула руки ему за шею, а губы ихъ слились въ долгомъ, безумномъ поцѣлуѣ.

Она, наконецъ, вырвалась.

Фалькъ всталъ.

— Ну, теперь все хорошо. Улыбнись, улыбнись...

Она улыбнулась.

Фалькъ былъ оживленъ, все время пилъ, разсказывалъ массу анекдотовъ, удачно и неудачно острилъ,—и вдругъ замолкъ.

Какое-то глухое, душное безпокойство сковало все въ комнатѣ.

Они боязливо смотрѣли другъ другу въ глаза и тяжело дышали.

Темнѣло. Служанка пришла и позвала Маритъ.

Фалькъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Въ душѣ онъ почувствовалъ какое-то безжалостное, хищное желаніе.

Въ этомъ было что-то твердое, упорное... Камень, который катился внизъ и зналъ, что упадетъ въ бездну, что долженъ туда упасть.

Въ комнатѣ все больше и больше темнѣло.

Небо было покрыто густыми, чернѣющими тучами. Невыносимая духота все больше давила землю страшной тяжестью.

Фалькъ всталъ и началъ задумчиво ходить по комнатѣ.

— Пожалуйте ужинать.

Онъ схватилъ ее подъ руку и сильно прижалъ къ себѣ.

За столомъ они упорно молчали, время отъ времени Фалькъ пробовалъ что-нибудь сказать, но разговоръ не клеился.

Они вернулись въ гостиную.

Фалькъ глубоко задумался.

— Не сердись на меня, Маритъ, если я сегодня дольше у тебя останусь... Гроза близко... — Я спать не могу. Меня ужасаетъ одиночество...—Гм... гм... вѣдь я тебѣ не мѣшаю?

Маритъ вспыхнула.

Минуту они сидѣли молча. Деревня уже спала. Весь домъ казался вымершимъ. Глухая, душная тишина передъ бурей висѣла надъ ними, давила собою все вокругъ, а тиканье часовъ причиняло попросту физическую боль.

— Ты не боишься быть одна въ этомъ большомъ, пустомъ домѣ?

— О, иногда страшно боюсь. Иногда я чувствую себя такой одинокой и покинутой, словно я одна во всемъ свѣтѣ. Я готова въ землю зарыться отъ страха.

— А сегодня ты не чувствуешь себя одинокой?

— Нѣтъ.

Снова наступила длинная, душная пауза.

— Послушай, Маритъ, у тебя цѣлы еще тѣ стихи, которые я написалъ тебѣ прошлой весною? Я съ удовольствіемъ бы ихъ прочелъ.

— Они въ моей комнатѣ, наверху, я сейчасъ ихъ принесу.

— Нѣтъ, Маритъ, я пойду съ тобой. Въ твоей комнатѣ гораздо уютнѣе. Мнѣ тутъ страшно одному...—Ты знаешь, что я очень нервенъ.

— Но вѣдь кто-нибудь можетъ услышать, какъ мы будемъ подниматься по лѣстницѣ.

— Не бойся. Я буду итти такъ тихо, что никто не услышитъ. Впрочемъ, весь домъ уже спитъ.

Маритъ все-таки не соглашалась.

— Радость моя, голубка моя, не бойся. Я ничего не сдѣлаю. Ничего... Я буду сидѣть тихо-тихо и читать свои стихи.

Загремѣло.

— Совсѣмъ тихо... А когда гроза пройдетъ, я пойду домой.

Они вошли, наконецъ, въ ея комнату. Онъ заперъ двери. У порога они остановились... Воздухъ вокругъ нихъ, казалось, жилъ, окружалъ ихъ горячими, душными кольцами...

Вдругъ Маритъ почувствовала, какъ онъ схватилъ ее въ бѣшеныя, страстныя объятія. Передъ ея глазами заплясала

огненная радуга, а въ душѣ она чувствовала дикое ликованіе безумнаго танца надъ пропастью.

Забросила къ нему на шею свои руки и слѣпо бросилась въ бездну грѣховнаго счастья.

Вдругъ въ ужасѣ отскочила.

— Нѣтъ, Эрикъ, ради Бога, нѣтъ,—только не это.

Она задыхалась, воздухъ съ трудомъ проникалъ въ ея грудь.

Фалькъ пустилъ ее—овладѣлъ собою. Долгое молчаніе.

— Слушай, Маритъ,—онъ говорилъ твердо и холодно,—теперь мы разстанемся! Ты—труслива...—Стыдись!—Ты отступаешь теперь—теперь... Ты голубка, ты кроликъ, а я—добрый человѣкъ. Я добрый, хорошій человѣкъ. У тебя не хватаетъ храбрости сказать мнѣ: иди, мой Эрикъ, иди, оставь мнѣ чистую совѣсть, оставь мнѣ мою глупую дѣвственность... У тебя не хватаетъ храбрости сказать мнѣ этого... Я сильнѣе тебя, я мужчина—а потому ухожу. Прощай, пусть будетъ, что будетъ!

— Я иду, оставляю тебѣ твою вѣру, твою дѣвственность, твою глупую дѣвственность, — хе-хе — твою чистую, спокойную совѣсть. Я избавлю тебя отъ такъ называемаго грѣха—евнухи назвали такъ величайшую красоту... Будь счастлива... Будь очень, очень счастлива!

Гроза бушевала все сильнѣе.

Въ окнахъ перекрещивались зеленые зигзаги молніи.

Фалькъ повернулся къ двери.

— Эрикъ, неужели ты можешь быть такимъ страшнымъ, такимъ безчеловѣчнымъ... жестокимъ?

И вся эта мука, которую она такъ долго подавляла въ себѣ, страшной бурей разразилась въ ея душѣ.

— Эрикъ, Эрикъ!—кричала она съ спазматическимъ плачемъ.

Фалька охватилъ безумный страхъ.

Онъ схватилъ руками вздрагивающую отъ спазматическаго плача дѣвушку.

— Нѣтъ, Маритъ, я не уйду! Я останусь съ тобой! Вѣдь я не могу отъ тебя оторваться... Это только минута безумія. Мнѣ казалось, что я смогу уйти! Но я не могу, не могу... Я никогда тебя не оставлю, Маритъ, солнце мое, счастье мое...

Раскаты грома страшно грохотали на небѣ и разрывали тяжелую пелену воздуха...

Какая-то странная, безбрежная и безконечно страстная нѣжность разрывала его грудь.

Онъ взялъ ее на руки, баюкалъ, какъ ребенка, прижималъ къ себѣ, ласкалъ, шепталъ горячія слова любви и забылъ обо всемъ.

— Я дамъ тебѣ такое счастье—такое счастье...

Потоки сильнаго дождя били въ окна.

Теперь они были одни во всемъ мірѣ. Дождь, гроза, молніи отрѣзали ихъ отъ людей.

Маритъ горячо прижалась къ нему.

— Какой ты добрый, какой ты добрый, Эрикъ! И ты уже никогда не уйдешь?..—Мы будемъ счастливы...

— Мы навсегда останемся вмѣстѣ, будемъ счастливы...— повторялъ машинально Фалькъ.

Но вдругъ онъ вспомнилъ то жестокое, хищное въ его душѣ, тотъ камень, который катился въ бездну.

Онъ прижималъ ее все сильнѣе, все страстнѣе.

Они не слышали грома, не видѣли огня на небѣ. Все вокругъ нихъ стало плясать, кружиться, вертѣться и слилось въ одинъ сплошной огненный шаръ, описывавшій громадные круги.

Фалькъ овладѣлъ ею...

Одинъ сдавленный крикъ, а потомъ лепетъ и рыданія сумасшедшаго, безпамятственнаго наслажденія...

Гроза проходила. Было уже 4 часа утра.

— Надо итти, Эрикъ!

— Надо.

— Только иди вдоль озера, потомъ перелѣзь черезъ монастырскую стѣну и такъ выйдешь на дорогу. Иначе тебя могутъ увидѣть.

Когда онъ прошелъ полдороги, собралась новая гроза.

Ему, собственно, слѣдовало бы куда-нибудь спрятаться.— Но у него не было силъ.—Впрочемъ, безразлично, если онъ и промокнетъ.

Небо быстро покрылось чернымъ туманомъ тучъ. Они спускались все ниже и ниже надъ его головой.

Долгій страшный громъ разорвалъ воздухъ. Молнія разрѣзала на двое небо.

И снова громъ, одна молнія за другой, и ливень—словно сорвалась какая-то туча. Черезъ минуту по Фальку текли потоки воды. Но онъ почти не замѣчалъ этого.

Но вдругъ онъ увидѣлъ, какъ изъ чернаго неба брызнулъ громадный снопъ огня, распался на семь молній, и въ ту же минуту столбъ огня охватилъ вербу у дороги. Она была расколота сверху до низу и распалась.

— Жизнь и разрушеніе!

— Ну, конечно, разрушеніе! Гдѣ жизнь, тамъ и разрушеніе.

— Маритъ!.. Ну да, Маритъ разрушена...

Фалькъ вдругъ необыкновенно ясно, какъ при блескѣ молніи, понялъ, что разрушилъ Маритъ.

— А отчего же нѣтъ?

Я—природа, я разрушаю и творю жизнь. Шагаю черезъ тысячи труповъ потому, что долженъ! И создаю одну жизнь за другой потому, что долженъ.

Я—не одинъ только я. Я—и ты, и онъ, и природа, и вселенная—ибо я не знаю, что такое ты,—предвѣчная глупость, предвѣчная иронія?!

Я не человѣкъ, я—сверхчеловѣкъ... У, у—сверхчеловѣкъ! Онъ смѣялся до коликъ отъ этого поразительнаго слова.—Да, сверхчеловѣкъ, безжалостный, безсовѣстный, прекрасный и добрый!—Я—природа, у меня нѣтъ совѣсти потому, что у природы ея нѣтъ...

Я—сверхчеловѣкъ—ха-ха-ха—и онъ снова смѣялся хриплымъ, безумнымъ смѣхомъ.—Сверхчеловѣкъ! Ха-ха-ха...

Онъ думалъ о томъ, что это—красный снопъ огня, который брызнулъ изъ чернаго неба, распался на семь молній и—убилъ по дорогѣ голубку. Онъ распадется еще на тысячи молній и убьетъ еще тысячи голубокъ, тысячи кроликовъ,—и вѣчно будетъ итти такъ,—рождать и убивать...

— Этого хочетъ рокъ...—Я долженъ!

— Этого хотятъ мои инстинкты.

— Я—не я. Я—преступная дьявольская природа.

— И изъ-за этого мучиться?

— Смѣшно!

— Развѣ молнія знаетъ, почему она убиваетъ. Развѣ у нея есть воля направить себя въ ту или въ другую сторону?!

— Нѣтъ! Она можетъ только констатировать, куда она ударила, и что разрушила.

— Я констатирую и записываю въ протоколъ, что разрушилъ невинную голубку...

Воздухъ былъ такъ насыщенъ электричествомъ, что вокругъ него, казалось, волновалось цѣлое море огня. Онъ шелъ, окутанный страшной бурей,—шелъ и думалъ, шелъ, какъ какая-то таинственная и грозная сила—какъ сатана, посланный на землю, съ цѣлымъ адомъ мученій, чтобы сѣять новое, созидающее разрушеніе.

Онъ остановился передъ рвомъ. Вода лилась съ него.

Обойти рва онъ не могъ, такъ какъ попалъ бы на шоссе.

А впрочемъ, все равно—немного больше воды... Какая разница?..

Онъ былъ ко всему равнодушенъ—ко всему, ко всему...

Онъ перешелъ ровъ въ бродъ—вода достигала до груди.

Когда онъ пришелъ домой и легъ въ постель, онъ почувствовалъ жаръ, лихорадку и впалъ въ страшный бредъ.

XII.

励

Фалькъ проснулся въ полдень. Онъ не могъ поднять головы съ подушки: она была тяжела, словно налита свинцомъ, а передъ глазами у него танцовали сверкающія звѣзды. Онъ, наконецъ, поднялся и началъ думать,—неясно, почти безсознательно.

Но какая-то ужасная мысль охватила его мозгъ:

Онъ долженъ что-то сказать Маритъ...

Что?

Не зналъ.

Но что-то есть,—онъ долженъ пойти къ ней и сказать что-то!

Съ нечеловѣческимъ усиліемъ слѣзъ онъ съ кровати.

Во что бы то ни стало онъ долженъ что-то сказать!

Это вѣроятно сумасшествіе, лихорадка, манія,—подумалъ онъ вдругъ. Но, несмотря на все это, онъ долженъ пойти къ Маритъ.

Всталъ, но сѣлъ снова.

Ноги его коснулись пола. Холодный полъ немного освѣжилъ его.

Какъ это хорошо!

Немного свѣжаго воздуха, и онъ совсѣмъ придетъ въ себя... Который теперь часъ?

Онъ взглянулъ на часы.

— Такъ поздно, такъ поздно... На дворѣ, должно быть, прохладно. Неужели вчера была гроза? Или это ему приснилось?

Платье его лежало на полу въ лужѣ грязи.

Онъ страшно испугался. Но вдругъ сразу успокоился.

— Мать еще не могла здѣсь быть, иначе его вещи не лежали бы здѣсь.

На столѣ стояла начатая бутылка коньяку. Онъ выпилъ ее до дна. Пришелъ въ себя. Силы снова къ нему вернулись. Онъ подошелъ къ шкафу, перемѣнилъ бѣлье и довольно скоро одѣлся. Онъ былъ бодръ и веселъ.

Какъ воръ, подкрался онъ къ двери, которая вела въ спальню матери.

Матери не было!—Она, конечно, сидитъ въ костелѣ.

Фалькъ глубоко вздохнулъ и почувствовалъ сильные уколы въ груди.

Но прежде всего къ Маритъ... Сказать ей все!.. Но что? Ну, это я вспомню по дорогѣ,—а потомъ лягу и тогда можно будетъ даже заболѣть.

Когда Маритъ увидѣла его, она вскочила въ ужасѣ.

На лицѣ Фалька появилась блуждающая улыбка.

— Не бойся,—это ничего,—я былъ цѣлую недѣлю боленъ,—а сегодня ночью страшно простудился... У меня былъ припадокъ delirium ночью... Нѣтъ, утромъ... Мнѣ, собственно, слѣдовало остаться дома. Не знаю, что меня заставило притти къ тебѣ. Я не знаю, что... Дай-ка мнѣ коньяку...

Онъ пилъ рюмку за рюмкой.

— Видишь ли, я всталъ, хотя это было страшно трудно... Но, если бы я лежалъ даже на смертномъ одрѣ, то долженъ былъ бы притти къ тебѣ...

Но вдругъ все въ его головѣ стало путаться, онъ бредилъ,—но потомъ опять пришелъ въ себя.

Маритъ смотрѣла на него все съ большимъ ужасомъ.

— Ха-ха-ха...—что ты на меня такъ смотришь? Это страшная вещь такой звѣрь, котораго одинъ профессоръ называлъ сверхчеловѣкомъ. Сверхчеловѣкъ! Маритъ! Спасай, а то я умру на мѣстѣ отъ смѣха... Но во всякомъ случаѣ, такой сверхчеловѣкъ—изумительный маніакъ. Слушай: я просыпаюсь, не знаю, что мнѣ снилось, что грезилось моей душѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, я вспоминаю только выводы, которые дѣлала моя метафизическая душа изъ этого сна, ха-ха... Но единственный выводъ моего сна, котораго я не помню,—это то, что я долженъ былъ притти къ тебѣ. Я боленъ, можетъ быть, даже очень боленъ, но долженъ былъ притти къ тебѣ.

Силы снова оставили его.

Онъ видѣлъ передъ собой красный огненный снопъ, который распался на семь молній и убилъ бѣлую, чистую голубку...

Маритъ была въ отчаяніи.

— Эрикъ, ради Бога, Эрикъ!.. Ты боленъ... Возвращайся домой... Боже, Боже, какъ ты страшно смотришь на меня!

— Подожди, Маритъ, подожди-ка на минутку. На дорогѣ лежитъ ива,—она расколота сверху до низу. Одна ея часть упала въ ровъ, а другая легла поперекъ дороги... Когда я шелъ къ тебѣ,—къ тебѣ—правда? Вѣдь я у тебя? Но что я хотѣлъ тебѣ сказать? Зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Эрикъ, дорогой, золотой, я отвезу тебя домой,—ты страшно боленъ.

Маритъ выбѣжала на дворъ и велѣла запрягать лошадей.

— Что же онъ хотѣлъ сказать ей... долженъ сказать? Голубка—молнія... Родной домъ, сонъ. Жизнь—разрушеніе... Ахъ! Разрушеніе!

— Охъ, разрушать!.. Ха-ха! Разрушать!

Дикая, ликующая жестокость разрывала его мозгъ. Его томила дикая, безчеловѣчная жажда разрушенія.

Предметы начали странную пляску передъ его глазами.

Маритъ стояла передъ нимъ въ шляпкѣ и накидкѣ—испуганная, обезумѣвшая отъ ужаса.

— Идемъ, Эрикъ, дорогой, любимый Эрикъ, идемъ—идемъ...—Она цѣловала его глаза.

— Еще, еще разъ... Цѣлуй, цѣлуй.—Онъ молилъ, какъ ребенокъ.

— Идемъ же,—молила Маритъ на колѣняхъ и цѣловала его руки.

— Мужъ мой, любимый,—улыбнулась она ему,—идемъ идемъ...

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Маритъ, такъ я тебѣ еще не сказалъ? Вѣдь я не могу быть твоимъ мужемъ... Я женатъ. Да, въ самомъ дѣлѣ женатъ. Жена моя въ Парижѣ. Перье... Она моя жена...

— Не вѣришь? Я покажу тебѣ мой брачный контрактъ...

Онъ началъ нервно искать въ карманахъ.

Вдругъ опомнился и безумно улыбнулся.

— Боже, какія черныя ямы на твоемъ лицѣ! Ты смотришь на меня, какъ мертвецъ...

— Охъ, не смотри такъ на меня, не смотри, не смотри. Я иду,—иду...

Онъ убѣжалъ, словно за нимъ гнались фуріи.

— Сюда пожалуйте, сюда! Я отвезу васъ!

— Сюда? Ага! Сюда...

Фалькъ сѣлъ въ экипажъ.

— Но гдѣ моя шляпа? Нѣтъ шляпы...

Фалькъ держалъ ее въ рукахъ.—Какъ странно, что онъ потерялъ шляпу...

Маритъ сидѣла въ комнатѣ, совершенно разбитая, почти безъ сознанія.

— Теперь онъ уѣхалъ домой. Поѣхалъ? Нѣтъ, нѣтъ!

— Да, правда, поѣхалъ.

Ни одной мысли въ головѣ.

— Итакъ, она умерла. Нѣтъ, это только сонъ... Какое! Совсѣмъ не сонъ—это все правда, что онъ говорилъ.

И снова она увидѣла дьявольское, насмѣшливое лицо Фалька: онъ впивался въ нее глазами вампира.

— Лгунъ!—крикнула ея душа.—Лгунъ!

— Наконецъ, онъ сказалъ правду.

Такъ просидѣла она почти часъ.

— Итакъ, онъ женатъ!

— Женатъ,—холодно и твердо повторила она.

Все въ ея душѣ замерзло... Все въ ней съежилось, сузилось... И весь ея мозгъ—одна мысль:—Женатъ!

Въ головѣ все путалось.

Вскочила.

— Боже! Какъ можно такъ долго сидѣть въ шляпкѣ и въ накидкѣ! Она остановилась передъ зеркаломъ.

— Вѣдь со шляпой на головѣ нельзя пойти въ кухню! А вѣдь ужъ пора,—ее тамъ ждутъ...

Она улыбнулась, какъ помѣшанная.

Зашла въ кухню... Тамъ должны были печь хлѣбъ. Она отдала всѣ нужныя распоряженія. Она была сегодня необыкновенно дѣятельна.

Потомъ вернулась въ свою комнату.

Надъ диваномъ висѣла картина изъ разноцвѣтныхъ буквъ, съ пестрыми византійскими иниціалами. Это было: „Отче нашъ“.

Она внимательно смотрѣла на нее.

— Какъ отвратителенъ этотъ драконъ въ буквѣ М.

Она читала: „И остави намъ долги наша“...

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди-ка, Маритъ...

Сѣла на стулъ.

— Да, это не сонъ, тутъ сидѣлъ Фалькъ. А потомъ?

— Я женатъ!—прозвучало въ ея ушахъ, какъ лязгъ ножа.

— Ахъ, да, женатъ на Перье...

Подошла къ окну и стала смотрѣть въ садъ.

— Какъ долго тянется день? Ну, конечно, 24 іюня, вѣдь это самый длинный день.

Взглянула на часы. Пять часовъ дня.

Теперь придетъ братъ изъ гимназіи... надо приготовить ему поѣсть.

Экипажъ подъѣхалъ къ дому.

— Маритъ, Маритъ, Фалькъ очень боленъ.

Маленькій братъ разсказывалъ въ страшномъ волненіи.

— Когда Матвѣй привезъ его домой, пришлось его вынести изъ экипажа. Мать его плакала, а потомъ пришелъ докторъ...

— Да? Фалькъ боленъ?..

Маритъ хотѣла разсказать брату о томъ, что Фалькъ женатъ, но удержалась.

Теперь она пріѣдетъ къ своему мужу, ха-ха,—жена,—его жена, будетъ ухаживать за мужемъ, отравленнымъ никотиномъ, будетъ переносить его капризы съ ангельскимъ терпѣніемъ... да, да...

Она позвонила.

Просила ея не безпокоить.—Она ляжетъ спать...—Очень устала...

— Фалькъ очень боленъ... его надо было вынести изъ экипажа—мать плакала...

Маритъ бѣгала по комнатѣ...

— Я должна пойти къ нему... сію минуту...励калькъ умретъ...

Голова ея готова была треснуть,—она схватилась за нее обѣими руками.

-- Женатъ! Женатъ!—гудѣло въ ея головѣ.

— Я дамъ тебѣ такое счастье, такое счастье,—и никогда тебя не оставлю!

Она плакала отъ боли, горло сжималось...

— Боже! Боже! Какъ онъ лгалъ!

Стыдъ и возмущеніе!.. Ей казалось, что въ мозгу лопаются всѣ жилы.

Ну,—что же случилось? Что? Ахъ, да, да...

Она чувствовала, какъ онъ качаетъ ее на своихъ рукахъ. Ее обжигали его жгучіе, бѣшеные поцѣлуи.

Все тѣло вздрагивало отъ конвульсивной дрожи въ огнѣ этихъ поцѣлуевъ...

Бросилась на кровать, зарылась въ подушки.

О, собственными руками вырыть себѣ могилу! О, стыдъ... позоръ...

Смеркалось...

За озеромъ надъ верхушками лѣса гасло солнце.

Маритъ прислушалась.

Она слышала крикъ аиста. Дѣвки, внизу, чистили картофель и весело смѣялись.

Кто-то пѣлъ...

— Ага, это братъ.

Когда она проснулась, была поздняя ночь.

Сѣла на краю постели—думала... Но мысли ея разбѣгались. Она безсмысленно смотрѣла въ темноту комнаты.

Она проклята! Господь отвергъ ее! Теперь уже все приведетъ только къ одному!..

Она думала, есть ли что-нибудь, къ чему она неравнодушна.

— Нѣтъ все глупо, все ничего не значитъ.

—励 Налькъ боленъ, но Фалькъ лгалъ ей. Обѣщалъ ей счастье, великое счастье, а былъ женатъ. Теперь прiѣдетъ его жена, будетъ ухаживать за нимъ... А Маритъ проклята, осуждена на вѣки...

Если она пойдетъ къ нему, то жена прогонитъ ее, какъ собаку. И она будетъ лежать у его дверей, какъ больная собака! Развѣ у нея есть право на него? Охъ, нѣтъ, нѣтъ! У нея ничего нѣтъ въ жизни—ничего во всемъ мiрѣ...

Все пропало. Нѣтъ ни отца, ни матери! Бога тоже нѣтъ... Фалькъ, по крайней мѣрѣ, такъ сказалъ. И видно Его, нѣтъ, вѣдь иначе Богъ не могъ бы такъ мучить дитя человѣческое.

Она, наконецъ, вскочила, остановилась передъ зеркаломъ и поправила волосы.

— О, Боже, какъ она похудѣла... какъ похудѣла... Ну, да это все равно...

Все въ домѣ словно вымерло. Поздняя ночь.

Это счастiе, безконечное счастiе... Онъ далъ мнѣ счастiе, далъ...

Взяла шляпу, накидку и пошла къ озеру.

Сѣла на камень. Она назвала его Мысомъ Доброй Надежды, когда изо дня въ день ожидала здѣсь Фалька.

На противоположномъ берегу стояла маленькая рыбачья хижина. Оттуда выползала блестящая точка свѣта и разливалась по темной поверхности озера.

Она смотрѣла на длинный и узкiй лучъ свѣта и на темную поверхность озера...

Въ этомъ водоворотѣ утонулъ въ прошломъ году работникъ съ лошадьми...

Но какое ей до этого дѣло!

Она одна,—никто, никто ее не любитъ... Она, какъ собака, которую выгнали въ дождливую погоду изъ дому.

Прiѣдетъ его жена—возьметъ его съ собою—а я останусь одна, одна...

О, Всемогущій, Милосердный Боже!.. Одна, одна... Нѣтъ, довольно уже этой муки... Конецъ близокъ.

Нечеловѣческій страхъ и ужасъ разрывали ея грудь. Она быстро разстегнула платье.

Вдругъ ее охватила безумная, ужасная мысль:

Міръ гибнетъ! Все гибнетъ! Потопъ! Потопъ!!

Вскочила.

Тамъ водоворотъ—водоворотъ!

Она бѣжала.

Въ головѣ гудѣло и шумѣло. Ничего не видѣла, ничего не слышала...

— Здѣсь, здѣсь, здѣсь...

— Еще маленькій поворотъ—здѣсь, здѣсь...

Въ водѣ она крикнула—боролась съ водоворотомъ...

Жизнь!.. Водоворотъ... Охъ, какое счастье...

XIII.

Черезъ недѣлю Фалькъ пришелъ въ сознаніе.

У кровати сидѣла его жена и спала.

Онъ совсѣмъ не удивился.

Разглядывалъ ее внимательно.

— Да, это она...

Онъ упалъ снова на подушку и закрылъ глаза.

— Теперь все уже хорошо.

Увидѣлъ вдругъ красный снопъ огня, который распался на семь молній.

— Маритъ, навѣрное, нѣтъ въ живыхъ...

Заснулъ.

Въ мальстремѣ.

I.

Янина долго смотрѣла на Фалька задумчивыми и грустными глазами.

Какъ странно измѣнился онъ за послѣднее время!

Это безпокойство! Точно онъ ждетъ каждую минуту какого-то несчастья. Впадаетъ на цѣлые часы въ какую-то безсмысленную апатію, забываетъ обо всемъ окружающемъ... Что съ нимъ случилось?

О! нѣтъ, нѣтъ, онъ не искрененъ съ нею. А можетъ быть, онъ никогда не былъ искреннимъ...

Когда она его спрашивала, онъ уклонялся отъ отвѣта, отвѣчалъ на ея вопросы пустыми фразами... Иногда она видѣла, какъ лицо его начинаетъ нервно передергиваться, ее поражали какія-то неожиданныя рѣзкія движенія рукъ и какая-то странная улыбка.

Эту улыбку, полу-злобную, полу-безнадежную, онъ привезъ изъ Парижа.

Казалось, Фалькъ очнулся отъ глубокой задумчивости. Онъ поднялся съ дивана, бросилъ въ стаканъ два куска сахару.

— Есть у тебя горячая вода?

— Ты не долженъ пить такъ много грогу. Это все больше и больше разстраиваетъ твои нервы.

— Нисколько! напротивъ,—отвѣтилъ Фалькъ нетерпѣливо.

Янина поторопилась принести воды.

Фалькъ медленно приготовлялъ себѣ грогъ.

Взглянулъ на нее; она суетилась вокругъ него, какъ бы стараясь своею заботливостью загладить то, что посмѣла ему противорѣчить. Это его тронуло. Онъ сталъ безконечно добрымъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, Янина. Это меня успокаиваетъ. Тутъ, у тебя, я провожу самыя лучшія, самыя покойныя минуты... Такъ хорошо сидѣть здѣсь и пить одинъ стаканъ за другимъ... Да, да, мнѣ хорошо съ тобою...

Вдругъ онъ замолчалъ. Казалось, что онъ вообще думаетъ совсѣмъ не о томъ.

— Эрикъ!

— Что?

— Ты очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ Парижа.

— Ты думаешь?

— Ты прежде никогда не былъ такимъ. Ты такъ страшно безпокоенъ и нервенъ.

Фалькъ пристально взглянулъ на нее, но ничего не отвѣтилъ. Выпилъ грогу, снова взглянулъ на нее и устало откинулся на спинку дивана.

— Странно, какая ты сегодня ласковая и добрая.—Онъ дружелюбно улыбнулся.—Мнѣ такъ безконечно хорошо съ тобой.

— Ты говоришь это искренно?

— Развѣ ты не видишь, что я постоянно возвращаюсь къ тебѣ.

— Да, да, возвращаешься, но только тогда, когда ты очень устанешь. Что я для тебя? Подушка подъ твою усталую голову!.. Эрикъ, Эрикъ, я не хочу тебя упрекать, но это было не хорошо, что ты оставилъ меня здѣсь

на цѣлыхъ три года, вѣдь я такъ страшно мучилась. И ни слова мнѣ не написалъ...

— Ха, я хотѣлъ, чтобы ты совсѣмъ забыла меня.

— Забыть тебя? Нѣтъ, я этого не могу. Этого никто не можетъ сдѣлать.

Онъ долго смотрѣлъ на нее и молчалъ.

— Скажи мнѣ только, Янина,—онъ вдругъ оживился,— скажи мнѣ совершенно искренно, было ли въ самомъ дѣлѣ что-нибудь между тобой и Черскимъ? Будь совершенно откровенна; вѣдь ты знаешь, какъ я смотрю на эти вещи...

— Въ сущности, между нами ничего не было. Онъ былъ моимъ женихомъ—вотъ и все. Впрочемъ, я столько разъ ужъ говорила тебѣ объ этомъ.

— Ну да, да, но все это меня очень интересуетъ,—а ты вѣдь знаешь, какъ я забывчивъ,—твой братъ, вѣроятно, очень радовался вашему обрученію.

— Вѣдь ты знаешь, что онъ очень любитъ Черскаго.

— Ну, а ты?

— Я? Боже мой! О тебѣ я даже не могла и думать. Ты совсѣмъ оставилъ меня, А Черскій былъ безконечно добръ со мною. Чего же еще я могла ждать? Кромѣ того, я очень уважаю его.

— Если бы его не посадили въ тюрьму, то ты теперь бы была почтенною хозяйкою дома—гм... гм... Любопытно, было ли бы это тебѣ къ лицу?

Янина ничего не отвѣтила. Наступило долгое молчаніе.

— Ты бывала у него въ тюрьмѣ?

— Да. Нѣсколько разъ... Вначалѣ...

— А твой братъ благополучно перебрался черезъ границу?

— Вѣдь ты знаешь.

— Гмъ, гмъ...—Фалькъ всталъ и безпокойно прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Тебѣ говорили когда-нибудь обо мнѣ?

— Кто?.. Кто говорилъ?

— Ну, твой братъ и Черскій.

— Конечно. Очень часто. Вѣдь ты же посылалъ Черскому деньги. Забылъ?

— А они знаютъ что-нибудь о нашихъ отношеніяхъ?

— Нѣтъ. Я дѣлала видъ, что отношусь къ тебѣ холодно и равнодушно. Словно я никогда не знала тебя. Я боялась ихъ. Они странные фанатики!

— Такъ они ничего не знали?

— Кажется, что нѣтъ. А ты не говорилъ съ братомъ обо мнѣ въ Парижѣ? Вѣдь вы тамъ часто встрѣчались.

— Да, встрѣчались иногда, но всегда говорили объ агитаціи... Да! Правда... Разъ какъ-то онъ сказалъ, что его сестра должна вскорѣ выйти замужъ, но я вскорѣ послѣ этого уѣхалъ изъ Парижа...

— Ну, оставимъ это въ покоѣ.

Онъ снова безпокойно началъ ходить по комнотѣ.

— Слушай, Эрикъ... ты никогда не тосковалъ обо мнѣ?

Онъ улыбнулся.

— Иногда.

— Только иногда?

Онъ снова улыбнулся,

— Вѣдь я же вернулся къ тебѣ.

— Да, вернулся, но ты не любишь меня.

Ея голосъ дрожалъ.

— Я никого не люблю, но по тебѣ тосковалъ временами.

Онъ взглянулъ на нее. На ея лицѣ было страданье. Казалось, что она каждую минуту можетъ разрыдаться.

Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Слушай, Янина, мнѣ нельзя любить. Я ненавижу тѣхъ, кого долженъ любить.

— А любилъ ли когда-нибудь?

— Одинъ разъ, и ненавидѣлъ ее въ то же время. Ненависть моя была сильнѣе любви.

— Не будемъ говорить объ этомъ.

Онъ сталъ серьезенъ. Мысль о женѣ мучила его.

— Нѣтъ, нѣтъ. Когда любишь, теряешь свободу. Женщина заполняетъ собою все. Надо помнить и думать о всякихъ пустякахъ, надо быть ея любовникомъ, имѣть общую спальню... Это, впрочемъ, не обязательно, но... ну, да ты меня понимаешь... Я долженъ быть свободенъ. Всякое малѣйшее чувство, которое меня стѣсняетъ, возбуждаетъ во мнѣ ненависть, злобу, гнѣвъ.

Онъ взялъ ея руку и нѣжно ласкалъ.

— Какъ странно, что ты меня такъ любишь, Янина?

— Почему странно?

— Мое сердце такъ холодно, такъ холодно.

Янина глотала слезы.

— Я люблю тебя такимъ, какой ты есть. Я ничего не требую отъ тебя.

— Это хорошо. Оттого-то мнѣ такъ уютно и тепло у тебя.

Онъ долго молчалъ, потомъ заговорилъ снова.

— Какъ ты думаешь, могу ли я вообще любить?

— Прежде, можетъ быть...

— Нѣтъ, а теперь?... Понимаешь—теперь... Любить такъ, чтобы тотъ человѣкъ, та женщина, допустимъ, стала моимъ рокомъ, страшнымъ рокомъ...

Янина испуганно взглянула на него.

— Ты понимаешь меня? Такъ любить эту женшину, чтобы не быть въ состояніи прожить безъ нея одной минуты?

Въ ея расширенныхъ глазахъ проглядывало недовѣріе и вопросъ.

— Не смотри же такъ на меня. Не будь ребенкомъ.

— Эрикъ, скажи мнѣ, скажи мнѣ все. Что съ тобой? Неужели ты думаешь, что я не вижу, какъ ты страдаешь, какъ мучишься и какъ хочешь скрыть это отъ меня?

Въ ея глазахъ показались слезы.

Фалькъ оживился.

— Я не понимаю, почему это тебя мучитъ. Я передъ тобой ничего не скрываю. Я совершенно спокоенъ. Я давно уже не былъ такъ спокоенъ и веселъ. Почти забылъ о томъ, что такое страданье. Нѣтъ, нѣтъ... Иногда только у меня является дикое желанье издѣваться надъ людьми, мучить ихъ. И дѣлаю я это съ настоящимъ наслажденіемъ. Я ощущаю безконечную потребность любви и чувствую ее сильнѣе всего тогда, когда мучу тѣхъ, кто меня любитъ. Хе-хе, милое дитя, если бы я хотѣлъ, если бы во мнѣ не было той капли жалости къ тебѣ, то мучилъ бы тебя еще больше. И только для того, чтобы чувствовать въ этой мукѣ всю безграничность твоей преданности. Я могъ бы тогда разсказывать тебѣ самыя небывалыя вещи. Напримѣръ, что я женатъ, что у меня есть законный ребенокъ, а твой не законенъ. Неужели ты не понимаешь этого инстинкта? А впрочемъ, не относись ко всему этому слишкомъ серьезно, у меня иногда—не всѣ дома.

Но онъ не могъ успокоить Янину.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ дорогой Эрикъ. Я это все понимаю очень хорошо. Но все это не то, что творится въ твоей душѣ. Я прекрасно понимаю, въ чемъ здѣсь разница...

Она задумалась.

— Скажи мнѣ, только совсѣмъ искренно,—тебя, можетъ быть, безпокоитъ Черскій?

Фалькъ вздрогнулъ.

Черскій?—Черскій? Гм... По всей вѣроятности у меня съ нимъ будетъ много непріятностей.

— Почему?

— Ну, я слишкомъ сильно выразился, но... но... Онъ вдругъ замолчалъ.

Они минуту молчали.

— Черскій сидѣлъ въ тюрьмѣ полтора года?

— Почти.

— Странно, что его именно теперь выпустили.

Янина удивленно взглянула на Фалька.

— Почему странно?

— Я сказалъ, что это странно? Я думалъ, вѣроятно, о чемъ-то другомъ. Но что я хотѣлъ сказать... гм... Должно быть, Черскій плохо выглядитъ... Ну, конечно... Я очень сочувствую ему... Это необыкновенно сильный, до безумія смѣлый человѣкъ! Теперь, вѣроятно, онъ сдѣлался совершеннымъ анархистомъ?

— Ну да, да... Слушай, Янина, онъ плакалъ, когда узналъ обо всемъ?

— Нѣтъ, онъ былъ совершенно спокоенъ. Говорилъ, что былъ приготовленъ къ этому. Упрекнулъ меня только въ томъ, что я не была съ нимъ откровенна... Потомъ взялъ ребенка на руки и спросилъ, кто его отецъ?

— Ты сказала ему, кто отецъ? Ну, конечно. Почему жъ бы тебѣ и не сказать? Хе-хе — мнѣ, конечно, нечего стыдиться, что я помогъ такому почтенному гражданину выкарабкаться изъ небытія и видѣть жизнь... Хе - хе, — не смотри же на меня такими испуганными глазами... Иногда

я долженъ такъ нервно смѣяться, но это оттого, что я страшно измученъ... Охъ, жизнь не такъ легка, какъ она, можетъ быть, кажется тебѣ, молодой или, скорѣе, легкомысленной дѣвушкѣ... Ну, смѣйся же, смѣйся... моему остроумію.

Но Янина не смѣялась. Она въ грустной, мучительной задумчивости смотрѣла въ пространство.

Фалька это стало раздражать.

— Отчего ты такъ грустна? Серьезно, меня всюду преслѣдуетъ какое-то несчастье. Куда я ни приду, всюду вижу унылыя лица. Вамъ, вѣроятно, кажется, что иначе со мной нельзя себя вести.

Янина испугалась. Давно онъ уже не былъ такимъ раздражительнымъ.

Онъ овладѣлъ собой.

— Маленькій Эрикъ здоровъ? Ну, конечно. Чего же ему хворать?—Но ты, вѣроятно, еще слаба? Гм... не такъ-то легко родить ребенка.

Онъ посмотрѣлъ на картину, висѣвшую надъ кроватью.

— Это рисовала тогда, со мной... Помнишь?

— Была страшная жара, на тебѣ была красная муслиновая блузка, а когда ты нагибалась... Хе-хе... Это было начало конца...

Янина грустно взглянула на него.

— Какъ я была бы счастлива, если бы не встрѣтила тебя.

— Да? Почему?

— Не знаю... Впрочемъ, Боже мой, вѣдь было время, когда я была счастлива съ тобой—безконечно счастлива...

— Но?.. Ну, и что же?

— Я боюсь тебя. Не знаю, кто ты, не знаю тебя,—я не знаю, что ты дѣлаешь, что думаешь. Десять лѣтъ ужъ тя-

нутся наши отношенія... Да, да—прошло уже столько лѣтъ. Мнѣ тогда не было еще четырнадцати лѣтъ. Одно время я почти цѣлые дни проводила съ тобой, но не знаю ничего, ничего о тебѣ. Ты страшно неискрененъ со мной... Временами мнѣ кажется, что ты говоришь со мной совершенно машинально, что ты самъ не знаешь, о чемъ говоришь.

Ты очень, очень несчастливъ. Скрыть этого ты отъ меня не сможешь. Ни въ чемъ я такъ не увѣрена, какъ въ этомъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось проникнуть, вползти въ твою душу, чтобы узнать, что въ ней дѣлается. Я схожу съ ума отъ муки, что никогда не смогу этого сдѣлать.

Я знаю слишкомъ хорошо, что ты меня не любишь, тѣмъ болѣе, что ты говоришь мнѣ это совершенно искренно, но, несмотря на это, я не могу противиться тебѣ, я тоскую по тебѣ, я твоя рабыня,—слабый, несчастный ребенокъ безъ воли, безъ мысли... Въ чемъ твоя сила, въ чемъ твое могущество?

Фалькъ таинственно улыбнулся.

— Моя воля сильнѣй твоей.

— Можетъ быть, ты полюбилъ бы меня, если бъ я была сильнѣе и не такъ легко поддавалась обаянью твоей дьявольской красоты.

— Безусловно, нѣтъ!

— Почему?

— Потому что я не выношу чужой воли—рядомъ со своей.

Онъ подошелъ къ окну.

Вздрогнулъ. Его испугала страшная, таинственная тишина ночи.

— Здѣсь всегда такъ тихо?

— Да—ночью...

Онъ взглянулъ на огромный асфальтовый дворъ: съ четырехъ сторонъ громадныя шестиугольныя постройки.

Проклятый тюремный дворъ! Напротивъ, въ какомъ-то окнѣ мигалъ огонекъ.

Онъ сѣлъ и задумался.

Черезъ минуту:

— Какъ странно, что твоему брату... какъ его зовутъ?

— Стефанъ.

— Да, Стефанъ. Странно, что Стефану удалось пробраться черезъ границу. Но бѣдному Черскому пришлось поплатиться.

У тебя тоже, вѣроятно, полиція дѣлала обыскъ?

— Да, но ничего не нашла.

— Гмъ, гм... Мнѣ очень больно, что Черскій... Должно быть, онъ очень любилъ тебя?

Она ничего не отвѣтила.

Фалькъ съ минуту смотрѣлъ на нее, потомъ вдругъ вскочилъ.

— Ну, я пойду.

Она взглянула на него умоляющими глазами.

— Не уходи, не уходи—останься сегодня у меня, только сегодня,—сегодня—останься...

Фалькъ волновался.

— Нѣтъ, Янина, нѣтъ... Не проси меня объ этомъ!

Ни о чемъ не проси. Я хочу быть свободнымъ. Какъ хорошо, что я могу приходить къ тебѣ и уходить, когда захочу. Не стѣсняй меня.

Янина глубоко вздохнула.

— Отчего ты вздыхаешь?

Она зарыдала.

Это его раздражало. Онъ сѣлъ снова.

Янина съ трудомъ овладѣла собой.

— Ты правъ, Эрикъ. Иди, иди—это только минутная слабость. Я такъ страшно боялась за тебя... Больше я никогда не буду тебя мучить...

Голосъ ея дрожалъ. Долгое, долгое молчаніе и тихая сосредоточенность грусти.

— Маленькій Эрикъ спитъ? — Что? Завтра его увижу. Приду къ тебѣ завтра или послѣзавтра.

Онъ всталъ.

— Стефанъ пишетъ тебѣ?

— Рѣдко...

— Это очень странно, что онъ ничего не зналъ о нашихъ отношеніяхъ...

— Откуда же онъ могъ знать? Вѣдь онъ былъ въ Америкѣ, когда мы жили вмѣстѣ.

— Да, правда, правда... Удивительно, что я такъ все забываю. До свиданія, Янина. Завтра, вѣроятно, я приду къ тебѣ.

II.

Едва онъ вышелъ на улицу, какъ встрѣтилъ Черскаго.

Они остановились и долго смотрѣли другъ на друга въ грозномъ молчаніи.

— Вы, вѣроятно, меня не узнаете?—процѣдилъ, наконецъ, Черскій.

— Вы, кажется,—Черскій?—Очень радъ. Но чего же вы хотите отъ меня?

— Сейчасъ узнаете.

— Да?.. Ну, хорошо — ночь такъ хороша, мы можемъ пройтись, хотя, скажу вамъ откровенно, я предпочелъ бы быть одинъ.

Они долго шли рядомъ, не говоря ни слова. Фалькъ страшно волновался, но во что бы то ни стало хотѣлъ овладѣть собой.

— Ну, скажите же, наконецъ, что вамъ отъ меня угодно?

— Хе, что мнѣ угодно? Ничего. Но вѣдь вы знаете, что я былъ женихомъ Янины.

— Да? Я ничего объ этомъ не знаю и не зналъ. Только сегодня мнѣ пришлось объ этомъ услыхать. Но я слышалъ, что вы были еще не женихомъ, а только почти женихомъ.

— Ну, хорошо. Допустимъ, что только почти. Но это насъ совсѣмъ не касается. Янина могла выбирать между вами и мною.

— Конечно!

— Да, она имѣла полнѣйшее право, — повторилъ Черскій и замолчалъ.

Они долго молчали.

— Но послушайте, — сказалъ онъ вдругъ, — вѣдь у васъ есть жена и ребенокъ?

Фалькъ вздрогнулъ и остановился.

— Какое вамъ, чортъ возьми, до этого дѣло?

— Какое мнѣ до этого дѣло? Во всякомъ случаѣ я здѣсь очень заинтересованъ. Не говоря уже о томъ, что вы разбили мою жизнь, я съ этимъ даже совсѣмъ не считаюсь, — но вы опозорили дѣвушку, которую я очень любилъ, да — вы ее опозорили. Вѣдь наши общественныя условія таковы, что дѣвушка, которую соблазнитъ женатый человѣкъ, — опозорена. И я спрашиваю васъ, зачѣмъ вы, женатый человѣкъ, соблазнили и опозорили эту дѣвушку?

Фалькъ цинично засмѣялся.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Дорогой Черскій, на такіе вопросы не можетъ быть отвѣта. Этотъ вопросъ старъ, какъ міръ, а никто еще не сумѣлъ на него отвѣтить. Зачѣмъ я соблазнилъ и опозорилъ Янину—вѣдь вы такъ выразились? Тотъ же вопросъ задавалъ я самому себѣ тысячи разъ...

Черскій посмотрѣлъ на него съ бѣшеной ненавистью.

— Вы—грязный человѣкъ и подлецъ,—подлецъ!

Фалькъ улыбнулся очень дружелюбно.

— Но вѣдь всѣ мы—подлецы. А можетъ быть, вы—не подлецъ? Въ концѣ концовъ вы нахальны до безобразія. Я съ удовольствіемъ далъ бы вамъ пощечину, если бы не былъ такъ

страшно утомленъ. Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, вы мнѣ надоѣли.

— Оставьте пока въ сторонѣ ваше донкихотство. А то вамъ плохо придется. За пощечину вамъ бы пришлось дорого поплатиться, но слушайте. У меня есть нѣкоторыя нравственныя обязанности по отношеніи къ Янинѣ, и я хочу знать, что вы думаете дѣлать. Нѣтъ, мнѣ нѣтъ дѣла до этого, что вы думаете дѣлать, — вы должны сдѣлать то, что я захочу.

Фалькъ остановился, взглянулъ на Черскаго съ величайшимъ недоумѣніемъ, а потомъ громко расхохотался.

— Скажите мнѣ, дорогой Черскій, вы, вѣроятно, немного спятили съ ума въ тюрьмѣ. Въ этомъ не было бы ничего страннаго, даже напротивъ... Ха - ха... въ такомъ отвратительномъ одиночествѣ у человѣка волей-неволей все въ головѣ перепутается. Вы были въ одиночномъ заключеніи. Что? Я сдѣлаю то, что вы хотите? Я, я? Ха-ха-ха...

— Да, вы, вы сдѣлаете то, что я захочу и что я вамъ прикажу.

— Ха-ха-ха... Вы сегодня восхитительны и очень мнѣ нравитесь... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, но — что же вы мнѣ прикажете?

— Вы женитесь на Янинѣ.

— Но вѣдь вы знаете, что я уже женатъ. Кромѣ того, вы знаете, что законъ строго преслѣдуетъ двоеженство. Или вы совсѣмъ потеряли разсудокъ въ тюрьмѣ?

— Вы разведетесь съ своей женой и женитесь на Янинѣ.

Фалькъ онѣмѣлъ. Черезъ минуту:

— Вы, кажется, въ самомъ дѣлѣ, сошли съ ума?

Ничего больше онъ не могъ произнести.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сошелъ съ ума. Я долго думалъ надо всѣмъ этимъ. Но не вижу другого исхода. Вы должны

это сдѣлать, иначе я заставлю васъ. Ваша жена не будетъ препятствовать вамъ. Сомнѣваюсь, захочетъ ли она жить съ вами, когда узнаетъ, что у васъ есть любовница.

Фалькъ задрожалъ такъ сильно, что съ трудомъ могъ итти дальше. Колѣни его ослабѣли, онъ остановился и молча смотрѣлъ на Черскаго. Потомъ онъ медленно пошелъ дальше.

— Отъ кого жена моя узнаетъ объ этомъ?

— Отъ меня.

— Отъ васъ? Отчего вы ей хотите сказать это?

Онъ откашлялся и съ трудомъ поборолъ въ себѣ необъятный ужасъ...

— Это единственный выходъ.

— Ошибаетесь. Я этого не сдѣлаю, клянусь всѣмъ, что не сдѣлаю этого. Вы прекрасно знаете, что заставить меня нельзя.

Онъ говорилъ спокойно и серьезно.

— Все, чего вы достигните вашимъ глупымъ планомъ, это только то, погубите и меня и жену своими... вы все это очень хорошо обдумали. Я согласенъ съ вами, что моя жена оставитъ меня въ ту же минуту, когда узнаетъ обо всемъ. Я въ этомъ не сомнѣваюсь нисколько. Но что касается вашихъ выводовъ, то они безусловно ложны. Я никогда въ жизни не женюсь на Янинѣ.

— Отчего?

— Оттого что не я хочу дать вамъ удовлетворенія, не хочу позволить вамъ думать, что вы были въ состояніи принудить меня къ чему-нибудь,—къ чему-нибудь. Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, все это вы въ правѣ сдѣлать,—вы въ правѣ разбить мою жизнь, погубить меня, но повторяю и даю вамъ честное слово, что Янина никогда не будетъ моею женой. Напротивъ — этимъ вы ничего не

достигните, вы заставите только меня отомстить вамъ. Я не буду разборчивъ въ средствахъ. Знаете, мнѣ очень нравятся слова ветхозавѣтнаго Iеговы: око за око, зубъ за зубъ. Слушайте! Вы принадлежите къ партiи соцiалъ-демократовъ. Но тамъ вамъ уже не довѣряютъ. Васъ считаютъ анархистомъ. А развѣ вы не знаете, что соцiалисты считаютъ каждаго анархиста политическимъ шпiономъ? Вы сидѣли въ тюрьмѣ? Ха-ха — ну, такъ что же? Такiя мелочи соцiалисты совсѣмъ не принимаютъ въ расчетъ.

Черскiй удивленно смотрѣлъ на него. Фалькъ злобно смѣялся, но внутри у него все кипѣло отъ бѣшенства и безпокойства.

— Вы знаете, Черскiй, что я предсѣдатель центральнаго комитета. Вы знаете также, что я пользуюсь безграничнымъ довѣрiемъ партiи. О васъ же она знаетъ очень мало. Кромѣ того у васъ есть тамъ очень сильный врагъ, который каждую минуту старается подставить вамъ ногу и возбуждаетъ къ вамъ недовѣрiе... Тамъ теперь всѣ уже васъ въ чемъ-то подозрѣваютъ... Да, да, все это сдѣлалъ Куницкiй. Вы были такъ наивны, что внесли предложенiе исключить Куницкаго изъ числа членовъ партiи... Итакъ, слушайте!— Фалькъ остановился. — Хе - хе... Вы сильно этимъ заинтересовались — хе-хе... Я понимаю это очень хорошо. Такъ вотъ, слушайте! Если меня спросятъ о васъ,—а вѣдь очень возможно, что у меня будутъ наводить справки о васъ, милордъ. Стоитъ сказать мнѣ только одно слово, когда будутъ спрашивать о васъ—нѣтъ, даже и говорить ничего не надо. Только сморщить лобъ, пожать плечами, покачать головой... Вѣдь вы знаете, что это въ жизни партiи имѣетъ гораздо большее значенiе, чѣмъ тысячи словъ—понимаете?

— Это было бы подлостью, — крикнулъ Черскiй въ бѣшенствѣ.

— Почему? — Билькъ холодно и презрительно посмотрѣлъ на него. — Почему? Я васъ совсѣмъ не знаю и ничѣмъ вамъ не обязанъ. Правда, я посылалъ вамъ деньги на агитаціонныя поѣздки, — но и это противъ васъ. Вамъ ничто не удавалось. Вы хотѣли нѣсколько разъ переправить черезъ границу транспортъ книгъ, но ихъ задерживали, и вы сдѣлали невозможной дальнѣйшую ихъ пересылку. Вы были такъ неосторожны во время послѣдней безработицы въ Силезіи, что возбудили рабочихъ къ открытому насилію, что можетъ сдѣлать, впрочемъ, только опытный агентъ-провокаторъ...

Казалось, что Черскій бросится на Фалька. Фалькъ презрительно улыбался.

— Успокойтесь. Не сердитесь. Я вамъ безгранично довѣряю. Я не знаю никого, кому бы вѣрилъ больше, чѣмъ вамъ. Я хочу только, чтобы вы поняли, какъ я могъ бы отомстить.

— Вы послѣдній негодяй!—крикнулъ Черскій.

— Вы ужъ разъ сказали мнѣ это. Я вамъ отвѣтилъ, что этотъ почетный титулъ я отношу точно также и къ вамъ. Да наконецъ, мой милый, не кипятитесь такъ. Вы теряете подъ ногами почву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе своего превосходства надо мной. Была минута, когда мнѣ казалось. что я сяду на улицѣ, такъ ужаснула меня ваша угроза. Теперь я совершенно спокоенъ и чувствую свое превосходство надъ вами. Вы очень неосторожны во всемъ томъ, что говорили. Вы говорили, что прикажете мнѣ, заставите... Но это уже форменная глупость. Вѣдь вы прекрасно знали, что ни къ чему меня принудить нельзя. Вы хотите уйти? Нѣтъ, не уходите,— мы можемъ разговаривать, совершенно спокойно — вѣдь согласитесь, что все это гораздо важнѣе для васъ, чѣмъ для меня. Наконецъ, я могу васъ немного проводить...

— Я не хочу имѣть съ вами никакого дѣла,—сказалъ угрюмо Черскій.

Они остановились около фонаря.

Фалькъ сталъ очень серьезенъ.

— Послушайте, вы уже сказали все, что хотѣли, а теперь я желаю, чтобы вы меня спокойно выслушали.

— Я уже все сказалъ вамъ.

— Но развѣ вы не понимаете, что это безуміе? Вы выглядите очень плохо. Вы должно быть больны. Я видѣлъ васъ два года тому назадъ на конгрессѣ. Неужели вы не понимаете, что это сумасшествіе. Чего вы хотите этимъ достигнуть? Ничего, рѣшительно ничего! Вы только заставите меня сдѣлать какую-нибудь подлость... Ха-ха... Бѣдный Черскій, вы плохой психологъ. Собственно говоря, вы немного стѣсняетесь меня.—Что? Правда? Пусть только вамъ не кажется, что я хочу просить васъ, умолять васъ о какомъ-нибудь снисхожденіи. Исполняйте спокойно свою миссію: мнѣ будетъ очень пріятно увидѣть, что вы сумѣете довести до конца свои намѣренія. До сихъ поръ я этого еще не видѣлъ. А впрочемъ, чортъ возьми, вы просто глупы!

Онъ долго и злобно смѣялся, остановившись передъ Черскимъ, который смотрѣлъ на него блуждающими, безумными глазами.

— Васъ разсердила глупая, пошлая исторія. Пошлая, неслыханно пошлая... Неужели вы дѣйствительно повѣрили въ то, что я, я—Фалькъ, былъ бы въ состояніи дать отзывъ о васъ, какъ о сомнительномъ человѣкѣ. Онъ нахмурился и вдругъ ослабѣлъ.

— Наконецъ, я совсѣмъ не въ центральномъ комитетѣ. Вся ваша партія мнѣ безконечно скучна. И вы мнѣ смѣшны съ вашими надеждами и глупымъ фанатизмомъ правды.

Онъ видѣлъ безчисленное количество огоньковъ—видѣлъ сигнальные фонари, смотрѣлъ и смотрѣлъ, пока наконецъ всѣ эти разноцвѣтные огоньки не слились въ сплошную, огромную, дрожащую, пылающую радугу,—нѣтъ, не въ радугу—а въ какое-то огромное, радужно-красное, пылающее солнце свѣта.

III.

Когда Фалькъ вернулся домой, Иза, полураздѣтая, лежала на постели и читала.

— Ну, наконецъ-то ты пришелъ.

Она встала и подошла къ нему.

— Я такъ стосковалась по тебѣ.

Фалькъ поцѣловалъ ее въ лобъ и сѣлъ.

— Боже мой, какъ я усталъ.

— Гдѣ ты былъ?

— Я былъ съ Ильтисомъ, котораго такъ удачно прозвали Хорькомъ, въ кабачкѣ.

— И что же?

— Ничего.

— Какъ ты блѣденъ, Эрикъ.

— Ничего, у меня сильно болитъ голова.

Иза сѣла возлѣ него, взяла его голову обѣими руками и долго цѣловала его лобъ, голову, губы.

— Почему тебя по цѣлымъ вечерамъ не бываетъ дома? Такъ непріятно быть одной.

Фалькъ посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— Мнѣ надо отвыкать отъ тебя.

— Почему?

— Ну, а вдругъ ты оставишь меня.

— Охъ ты, ты...—Она сильнѣе прижалась къ нему.

Фалькъ всталъ, прошелся два раза по комнатѣ, потомъ остановился и посмотрѣлъ на нее со странно грустной улыбкой.

— Ты очень красива... очень красива, Иза.

— Ты до сихъ поръ этого не замѣчалъ?

— Даже слишкомъ хорошо замѣчалъ, меня удивляетъ только то, что послѣ четырехъ лѣтъ совмѣстной жизни я нахожу тебя такою же красивой, какъ въ первые дни.

Она взглянула на него счастливыми глазами.

— Знаешь, Иза, вѣдь наша жизнь была очень счастлива.

— Я не сумѣю тебѣ сказать, какъ я была счастлива и какъ я счастлива теперь. Я такъ сильно, такъ безконечно глубоко сознаю мое счастье, что иногда меня охватываетъ ужасъ при мысли, что такое счастье долго продолжаться не можетъ... Но все это глупость, просто—женскій предразсудокъ... Вѣдь я знаю, какъ ты меня любишь, и знаю, что ты меня никогда не перестанешь любить, а больше мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Если бы даже я и хотѣла, то не сумѣла бы быть несчастной, даже тогда, когда ты такъ страшно нервенъ, какъ теперь, когда тебя цѣлыми днями не бываетъ дома... а знаешь, знаешь, Эрикъ, признаюсь тебѣ откровенно, иногда даже хорошо, что тебя нѣтъ дома... Я сижу одна и думаю о нашей любви, о нашемъ счастьѣ.

Она замолчала, Фалькъ ходилъ по комнатѣ, смотрѣлъ на нея испытующими спокойными глазами.

Иза послѣ минутнаго молчанія:

— Твоя любовь такъ прекрасна, такъ прекрасна,—я часто думаю о томъ, что я первая и единственная женщина, которую ты любишь и любилъ. Знаю, что для тебя не существуетъ ни одна женщина, кромѣ меня,—и я такъ горжусь этимъ... но, можетъ быть, ты не понимаешь этого чувства?

— О, это, должно быть, очень хорошее чувство.

Она улыбнулась, вопросительно посмотрѣла на него.

— Скажи мнѣ, Эрикъ, скажи, вѣдь ты не смотрѣлъ ни на одну женщину такъ, такъ...

— Какъ?

Она сдѣлалась смѣлѣе.

— Вѣдь ты же знаешь. Кажется, въ Новомъ Завѣтѣ написано о томъ взглядѣ, что обнажаетъ женщину сильнѣе всякихъ прикосновеній. Ха-ха-ха... эти господа, должно быть, были очень опытны... Но я тебя объ этомъ не спрашиваю... вѣдь я такъ увѣрена въ твоей любви.

— Увѣрена... гм... ты въ самомъ дѣлѣ такъ увѣрена?

Фалькъ очень таинственно посмотрѣлъ и улыбнулся.

— Я ни въ чемъ такъ не увѣрена, какъ въ этомъ...

— Гм... гм... Ты, должно быть, питаешь безграничное довѣріе ко мнѣ.

— Да, да,—безграничное довѣріе! Иначе я не была бы такъ счастлива.

Фалькъ долго и внимательно смотрѣлъ на нее.

— Но что бы ты сказала, если бъ я тебѣ когда-нибудь измѣнилъ?

Она засмѣялась.

— Если бы ты и хотѣлъ, то не сдѣлаешь этого.

— Но если бы я сдѣлалъ?

— Я знаю, что не сдѣлаешь.

— Но положимъ, что у меня поскользнулась нога при какихъ-нибудь странныхъ условіяхъ, понимаешь, при такихъ условіяхъ, при которыхъ человѣкъ совершенно не въ состояніи отвѣчать за свои поступки.

Иза безпокойно взглянула на него.

— Странно, что ты можешь допускать что-либо подобное.

Фалькъ хрипло засмѣялся.

— Ясно какъ божій день, что этого я не сдѣлалъ.

Но мы вѣдь можемъ смотрѣть на подобные случаи съ чисто психологической точки зрѣнія...

Видишь ли ты, меня интересуетъ это, такъ,—съ литературной стороны.

— Ну и что жъ?

— Слушай, Иза. Иногда я тебя ненавижу,—я говорилъ тебѣ это часто. Я могу такъ ненавидѣть тебя, что теряю разсудокъ. Ненавижу потому, что долженъ тебя такъ любить, потому, что всѣ мои мысли—лишь о тебѣ, къ тебѣ, потому что нѣтъ минуты, когда бы ты не стояла у меня передъ глазами.

— Но за это... за это я такъ и люблю тебя!

Она поцѣловала его въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ... постой... постой... я ненавижу тебя и люблю съ такимъ безпокойствомъ... я такъ хотѣлъ бы отъ тебя избавиться... знаешь, это страшное несчастье любить...

Онъ всталъ и началъ безпокойно ходить.

— Понимаешь ли ты это—въ состояніи ли ты это понять? Появляется такая тоска, простая, грубая тоска о томъ, чтобы забыть эти муки,—тоскуешь о подушкѣ, на которую могъ бы положить усталую голову, хе-хе-хе... Подушка... Боже мой! Понимаешь ли ты, что подушка можетъ быть страшной трагедіей?..

Онъ улыбнулся и сдѣлалъ некрасивую гримасу.

— Но что я хотѣлъ тебѣ сказать?

Онъ задумался.

— А... правда!.. О... о... Я знаю какую-нибудь женщину—и познакомился съ нею, предположимъ, десять лѣтъ тому назадъ. Женщина, которая совершенно ушла въ свою любовь и которая живетъ только для любви. Ну, я иду къ ней, ни

о чемъ не думая. Иду къ ней совершенно машинально, потому только, что вспоминаю объ ея существованіи. Да, я въ самомъ дѣлѣ нашелъ ее... Не имѣешь понятія, какъ она счастлива. Она ошеломлена избыткомъ счастья...—онъ нервно разсмѣялся...—Но, Боже мой, у тебя около рта такая складка, какъ у институтки, когда она слушаетъ что-нибудь съ безконечнымъ вниманіемъ... Но слушай дальше... хе-хе-хе... Видишь: Ильтисъ знаетъ это. Онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что есть минуты, когда каждая женщина кажется прекрасной. И это вѣрно. Подумай: я вижу женщину, окруженную сіяющимъ ореоломъ счастья. Она дрожитъ отъ страсти... Она становится для меня новымъ существомъ, перестаетъ быть сама собой; въ глазахъ ея горитъ эта страшная вѣчность глупой цѣли природы,—созданія новаго существа... хе-хе-хе... чтобы существованію господина Фалька не было конца...

Фалькъ оборвалъ, страданіе искривило его губы.

— Ну, и что же дальше... что дальше?

— Что дальше? Господи Боже мой! Вѣдь ты знаешь, что человѣкъ ни за что не можетъ отвѣчать, онъ сдѣлаетъ что-нибудь такое, чего даже не сознаетъ, онъ даже самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

Онъ всталъ и говорилъ очень серьезно.

— Человѣкъ очень немногимъ выше животнаго. Небольшой доли сознанія хватаетъ лишь на то, чтобы констатировать то, что уже случилось... Это, можетъ быть, только небольшая точка въ душѣ, какая-нибудь маленькая ранка... Ничего... ничего онъ раньше не зналъ о томъ, что тамъ, въ этой душѣ: и подумай... Эта маленькая ранка воспаляется. Эта маленькая точка выростаетъ до гигантскихъ размѣровъ, и крошечное чувство становится какою-то неистовою idée fixe, которая овладѣваетъ всею душею... такъ,

напримѣръ, я вижу каплю крови, а вдругъ при какихъ-нибудь необыкновенныхъ обстоятельствахъ у меня является желаніе видѣть цѣлый потокъ крови—нѣтъ... цѣлое море крови, груды разможженыхъ, залитыхъ кровью тѣлъ... видишь, такъ умеръ Гаршинъ... хе-хе-хе.

Онъ взглянулъ на Изу съ какою-то страшною боязнью и опять засмѣялся испуганнымъ смѣхомъ.

— Иза, Иза, страхъ въ глазахъ твоихъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, ты вдругъ сталъ такъ серьезенъ. Твои глаза такъ расширились—тебѣ самому становится страшно...

— Страшно?.. Страшно... Знаешь... Да, правда, я боюсь того чуждаго человѣка во мнѣ... Да, да, есть во мнѣ что-то чуждое, чего я самъ не знаю, передъ чѣмъ меня охватываетъ смертельный ужасъ, хе-хе-хе... Странно, что я сегодня такъ смѣюсь... но слушай, Иза, я еще не кончилъ... Вотъ видишь, я смотрю и смотрю на эту женщину, которую съ такимъ трудомъ отыскалъ. Она кажется мнѣ удивительно красивой—и вдругъ во мнѣ поднимается любопытство, какое-то дикое желаніе вырвать глубочайшую тайну ея жизни...

— Ну... и что?

— Хе... Тогда забываешь обо всемъ: человѣкъ перестаетъ быть самимъ собою. Тотъ чуждый человѣкъ просыпается въ моей душѣ, хе... хе... и беретъ ее... Развѣ это не ужасно?

— Ужасно. Ужасно...

— Что бы ты сказала, если бы это случилось со мной?

— Эрикъ, Эрикъ, не говори этого. Я ничего не хочу слышать объ этомъ. Я только разъ думала надъ этимъ, и мнѣ казалось, что я сойду съ ума.

Талькъ удивленно взглянулъ на нее.

— Когда? Когда?

Собственно, я не задумывалась надъ этимъ, только это, какъ молнія, промелькнуло у меня въ головѣ.

— Когда? Когда?

— Помнишь, какъ ты уѣхалъ къ своей матери и захворалъ у нея? Тогда утонула та дѣвушка.—Но что съ тобой?

— У тебя такіе испуганные глаза.

Фалькъ смотрѣлъ на нее, теряя сознаніе.

— Ха-ха-ха! И о чемъ же ты думала тогда?

— Знаешь, мнѣ такъ страшно...

Фалькъ овладѣлъ собою.

— Мы расказываемъ другъ другу удивительныя исторіи. Но скажи, скажи, что ты тогда думала?

— Я сидѣла около твоей кровати; три ночи не спала, страшно устала... вдругъ я заснула...

— Ну и что же?.. Что?..

— Вотъ я проснулась... ты сидѣлъ на кровати и смотрѣлъ на меня такими страшными глазами: цѣлый легіонъ вампировъ смотрѣлъ изъ твоихъ глазъ.

— Я ничего объ этомъ не знаю.

— Откуда же ты могъ знать объ этомъ? Я сама не увѣрена, была ли это галюцинація, сонъ... Но вдругъ у меня явилась такая странная увѣренность, что эта дѣвушка утопилась изъ-за тебя.

— Иза, Иза, да ты съ ума сошла? Вѣдь ты знаешь, что она утонула, купаясь. Откуда взялись у тебя мысли?

— Не знаю—ничего не знаю. Я тогда страшно устала. Твоя мать разсказывала, что ты былъ постоянно съ нею вмѣстѣ...

Фалькомъ овладѣло страшное безпокойство.

— Какъ странно, что ты могла думать обо мнѣ такія вещи.

— Я не могла освободиться отъ этой мысли. Я мучилась, какъ никогда въ своей жизни. Я чувствовала поразительную увѣренность, что въ ту же минуту должна уйти отъ тебя: ни секунды я не осталась бы съ тобой.

励лькъ взглянулъ на нее въ ужасѣ.

— Я вдругъ понялъ, что ты ушла бы. Правда?.. Въ ту же минуту... въ ту же самую минуту...

— Да!

— Да, я это понимаю, я это понялъ въ одну секунду. Когда ты мнѣ это говорила, мнѣ казалось, что въ тебѣ говоритъ моя судьба, странная, страшная и такая безконечно скорбная судьба.

— Твоя судьба?

— Не пугайся... въ твоемъ голосѣ есть что-то такое странное, пророческое... Видишь ли, я не зналъ, что ты меня любишь, когда мы познакомились, но я слышалъ любовь въ твоемъ голосѣ. Ты говоришь иначе, чѣмъ всѣ,—и я опять слышу въ твоемъ голосѣ мое несчастіе, мое страшное будущее, мою судьбу—почемъ я знаю... Онъ сталъ быстро ходить по комнатѣ.

— Я чувствую странную увѣренность, что ты ни минуты бы не колебалась,—безъ сожалѣній, безъ грусти...

Онъ засмѣялся.

— Но зачѣмъ намъ говорить объ этомъ? Глупости! Иза, глупости, хе-хе... ну, а что же подѣлываетъ мой прекрасный сынъ?

— Онъ былъ страшно неспокоенъ,—бѣгалъ, какъ ошпаренный, и кричалъ; когда я его спросила, чего онъ кричитъ, онъ сталъ повторять: я долженъ кричать, долженъ кричать!

Странно...

Фалькъ быстрыми и безпокойными шагами ходилъ по комнатѣ.

— Необыкновенно нервный ребенокъ. Вѣроятно, это какой-нибудь экзотическій геній. У всѣхъ геніевъ горячія головы и холодныя ноги, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ

Ломброзо... ха-ха-ха... Надо ему вырѣзать какую-нибудь ненужную часть мозга... Знаешь, Иза,—мнѣ кажется, что у каждаго человѣка есть такая ненужная часть мозга, и если бы ее удалось удалить, то всѣ мы были бы „sicut deus“, по словамъ самого прекраснаго сатаны...

Онъ снова разсмѣялся.

— Но знаешь, Иза, геній—это удивительный звѣрь... Ну, взгляни на меня! Тебѣ, можетъ быть, кажется, что я — не геній? Но повѣрь мнѣ: я геній, геній...

— Ты глупъ, Фалькъ!

— Ну, допустимъ, что я геній. Во мнѣ огромная мощь и сила. На пятьсотъ милліоновъ людей приходится четыреста девяносто девять милліоновъ кретиновъ и идіотовъ. Итакъ, на мнѣ, какъ на геніи, лежитъ глубокій нравственный долгъ—исправить человѣческую породу.

— Какимъ образомъ?

— Ну, конечно, тѣмъ, чтобы произвести на свѣтъ возможно большее количество дѣтей отъ возможно большаго количества женщинъ.

— Но вѣдь ты мнѣ долго и пространно объяснялъ, что дѣти геніевъ всегда идіоты.

Фалькъ дѣлалъ видъ, что отъ души смѣется.

— А у тебя баснословная память. Но нашему Янку было бы очень интересно изучать на живыхъ экземплярахъ качества, которыми былъ надѣленъ его прекрасный папаша. Вѣдь ты согласна со мной, что тѣ сотни дѣтей, которыя я могъ случайно прижить съ сотнями женщинъ, должны были бы унаслѣдовать тѣ сотни чудныхъ качествъ, которымъ я имѣю честь радоваться и которыя заставляютъ меня изумляться.

— Чушь, чушь, золотой, дорогой Эрикъ!

Она погладила его по лицу, поцѣловала его глаза и начала медленно раздѣваться.

— Покойной ночи, Иза... Я сегодня еще буду писать.

— Останься, останься со мною... Я не хочу быть одна.

— Не будь ребенкомъ. Весь нашъ сегодняшній разговоръ заполнитъ собою цѣлую главу моего романа.

— Ну, такъ поди, поцѣлуй меня...

— Нѣтъ, я тебя не поцѣлую, я долженъ писать. Очаровательная дама знаетъ, что это разсѣиваетъ мысли... Покойной ночи!

IV.

Фалькъ вошелъ въ свою мастерскую. Сѣлъ за письменный столъ, взялся за голову обѣими руками и глубоко вздохнулъ.

Все его спокойствіе, которое онъ съ такимъ напряженіемъ старался удержать при Изѣ, исчезло,—и опять онъ почувствовалъ волненіе и удары мукъ, страха и безпокойства. Казалось, словно какой-то острый буравъ вонзился въ его спинной мозгъ,—ему казалось, что наступаетъ уже конецъ міра, что міръ куда-то проваливается... Онъ вскочилъ, сѣлъ опять,—но не могъ съ собою справиться. Ему казалось, что все вокругъ него ломается, трещитъ, распадается: онъ чувствовалъ какую-то бѣшеную оргію экстатической жажды паденія и уничтоженія.

Духота теплой лѣтней ночи давила его своею удушливою тяжестью. Минутами онъ задыхался...

Онъ отворилъ окно и въ ужасѣ отступилъ назадъ... Это небо! Это страшное небо! Такимъ еще онъ его никогда не видалъ. Онъ видѣлъ звѣзды въ ихъ астрономической отдаленности. Онъ видѣлъ, какъ онѣ отдалились, оторвались отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ привыкъ ихъ видѣть—и ушли куда-то въ безконечность,—и горѣли, горѣли какимъ-то другимъ свѣтомъ, не тѣмъ, что до сихъ поръ.

будто гигантскія пятна гангрены на посинѣвшемъ тѣлѣ неба. Это небо, это страшное небо, казалось, жило, дышало, зіяло страданіемъ, отчаяніемъ, бездоннымъ отчаяніемъ ада.

Потъ выступилъ у него на лбу. Глаза его раскрылись, словно силясь выскочить изъ орбитъ. И долгая, долгая минута раздумья— безъ мысли, безъ воспоминанія—безъ памяти...

И вдругъ передъ его глазами всплыла вся его жизнь съ удивительною, ясновидящею отчетливостью... Одинъ періодъ жизни мелькалъ за другимъ со страшной быстротой. Все такъ страшно, отвратительно, мучительно... Одно разрушеніе за другимъ... Разъ только видѣлъ онъ такъ свою жизнь—тогда, когда онъ погубилъ, разрушилъ эту бѣлую голубиную душу—Маритъ. Боже мой—Маритъ—Маритъ... Это отвратительное безцѣльное убійство...

Онъ пришелъ въ себя и злобно засмѣялся.

— Ко всѣмъ чертямъ! Я тупѣю? Заболѣлъ старческою дряхлостью? Какое мнѣ дѣло до преступленія, совершеннаго природой?.. Ха-ха-ха, какое мнѣ дѣло до того, что эта адская, бѣшеная преступная природа была такъ любезна, что избрала меня своимъ орудіемъ—изъ-за этого я долженъ теперь мучиться и платиться? Нѣтъ, нѣтъ—видитъ Богъ, я не могу мучиться—довольно ужъ этого!

Онъ загорячился...

Высокочтимая глубокоуважаемая публика! Если говорить правду, то я съ трудомъ удерживаюсь отъ желанья плюнуть тебѣ на голову, но это — въ скобкахъ, — хе-хе... Итакъ, глубокоуважаемая публика... Вы слушаете? да! Ну, такъ слушайте! Я иду къ вамъ съ новымъ завѣтомъ, я учу васъ подсматривать за природой въ ея глупомъ коварствѣ, я учу васъ смотрѣть на ея руки въ то время, какъ она дѣлаетъ смѣшные, но очень ловкіе фокусы... Слу-

шайте, я вамъ покажу всѣ эти карточные фокусы! Слушайте, потому что это удивительнѣйшее desavouement, освобожденіе изъ когтей сатаны — природы, новое искупленье... Слушайте, слушайте мое новое ученіе.

Вначалѣ была хитрая, злобная, уродливая природа... Вамъ говорили, что она необъятная, страшная, равнодушная, холодная и гордая, что она — ни зло, ни добро, ни навозъ, ни золото... Ложь, глубокоуважаемая публика! Ложь, смѣшная ложь!

Природа злобна, адски, утонченно-злобна, лжива и лукава. Вотъ какова природа! Хе-хе-хе...

Конечно, уважаемая публика такъ широко раскрыла свой ротъ, что туда могъ бы спокойно въѣхать возъ сѣна, запряженный четверкой лошадей, но это, конечно, отъ удивленія... Природа—коварная, хитрая лиса, подлое плутоватое созданіе!

Что такое я? Ты знаешь? А онъ знаетъ? Разумѣется, разумѣется. Идивидуалисты, эти умные люди, которые бьютъ себя въ грудь и кричатъ: я—я! О, они это знаютъ, эти идивидуалисты—ха-ха. Я не знаю, кто я! — Кто я, что я, откуда произошелъ, куда я иду? Ахъ, какъ это ужасно! Ужасно! Не правда ли, Иза? Ты одна можешь видѣть это ужасное, видѣть его со всей страшной, бездонной глубиною...

Я вижу, какъ мои движенія передаютъ какой-то процессъ, происходящій въ моихъ половыхъ органахъ—вотъ! и случилось! Что случилось? Несчастье! Несчастье!

„Хи-хи-хи!..“ слышите вы смѣхъ сатаны? Кто это сдѣлалъ? Я? Я?.. Кто я?.. Что я?..

Онъ обезумѣлъ отъ дикаго, лихорадочнаго отчаянія.

— Не я это сдѣлалъ! Какъ я могъ этому противиться, когда это уже давно созрѣло во мнѣ и ждало только удоб-

наго случая прорваться наружу и залить все своей гибельной лавой? Развѣ я зналъ о томъ, что крылось во мнѣ? Могъ ли я препятствовать тому, что какой-нибудь чуждый взглядъ вопьется въ мою душу и разбудитъ тамъ силы, о существованіи которыхъ я не имѣлъ понятія? И я долженъ платиться за то, что нѣчто чуждое мнѣ, чего я самъ совершенно не зналъ, вызвало несчастье, — я долженъ мучиться угрызеніями этой глупой совѣсти?

Милѣйшая, дорогая природа, продѣлывай своя злобные фокусы съ другими людьми,—я вѣдь очень хорошо знаю твои кривыя дорожки, твои сѣти и лукавство.—Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ не удастся мучить меня!

Онъ налилъ себѣ большой стаканъ коньяку и выпилъ.

... Онъ превосходно обдумалъ этотъ вопросъ. Онъ пойдетъ къ Изѣ и скажетъ ей съ полнѣйшимъ спокойствіемъ: милостивая государыня, вашъ мужъ негодяй, свое генеалогическое дерево онъ обогатилъ съ посторонней женщиной одною вѣтью, притомъ незаконною. Вы, конечно, разведетесь съ нимъ для того, чтобы вашъ мужъ могъ жениться на той дѣвушкѣ, и такимъ образомъ обѣ генеалогическія линіи станутъ равноправными. Ха-ха-ха...

Но, дорогой и безконечно глупый Черскій, я даже и во снѣ не мечталъ о двухъ законныхъ генеалогическихъ линіяхъ!

Ну, а я все-таки скажу объ этомъ вашей женѣ, чтобы избавить васъ отъ постоянной лжи,—я послѣдователь Толстого, Бьернстьерне-Бьернсона,—я борюсь за правду, живу для того, чтобы міръ избавить отъ лжи...

Господинъ Черскій, помилосердствуйте, что вы за глупости болтаете! Развѣ вы не понимаете, что оба эти господина,—идіоты?.. Они страдаютъ старческимъ слабоуміемъ. Вѣдь правда становится ложью и преступленіемъ, когда она

губитъ людей? Развѣ вы не въ состояніи понять, какъ безконечно счастливъ былъ бы я, если бы могъ пойти самъ къ Изѣ и все ей разсказать? Развѣ вы не чувствуете, какъ я страшно мучусь изъ-за этой лжи?.. Но знаю, что правда стала бы страшнымъ мученіемъ, преступленіемъ... Преступленіемъ, господинъ Черскій, потому что погубила бы и меня и Изу! Развѣ вы такъ тупы и не можете понять, что правда въ этомъ случаѣ была бы безуміемъ, ненужнымъ и безконечно вреднымъ безразсудствомъ?

Этого, конечно, тупыя головы вашихъ философовъ понять не могутъ. И несчастье нагрянуло,—я чувствую, чувствую его уже около себя... Иза? Да, Иза... она меня оставитъ, это вѣрно, какъ смерть... Просто исчезнетъ—нѣтъ, она подастъ мнѣ руку на прощанье, а можетъ быть и не подастъ, потому что я ее осквернилъ романомъ съ той, другой. Она со мной простится именно этими словами, — но что же потомъ? Боже мой, что же потомъ? Онъ ломалъ себѣ голову, словно надъ изобрѣтеніемъ философскаго камня, а въ головѣ у него кружился неясный, склубившійся хаосъ мыслей, и ни одной изъ нихъ онъ не могъ продумать до конца.

Онъ ослабѣлъ и въ изнеможеньи упалъ на диванъ.

Безъ сомнѣнія! То чуждое въ немъ, чего онъ не зналъ, но что постоянно прорывалось въ немъ, подкосило ему ноги, погубило его...

Сила страннаго стеченія обстоятельствъ уничтожила Фалька со всею мощью его сознанія и можетъ быть именно потому, что этого сознанія было слишкомъ много. Но если погибнетъ господинъ Фалькъ, то это совсѣмъ другое, чѣмъ, напримѣръ, гибель нѣжной, маленькой Маритъ, которая утопилась, потому что не хотѣла понять, что быть матерью побочной генеалогической линіи господина Фалька—большое счастье...

Мои мысли грубы, какъ у послѣдняго рабочаго, но эта грубость причиняетъ боль, а боль уже стала для меня наслажденіемъ. И кромѣ того, если господинъ Фалькъ летитъ въ пропасть, то его сознаніе можетъ проконтролировать паденіе въ какую угодно минуту, можетъ его записывать, очень тщательно отмѣчать... Хе-хе-хе... Онъ окончательно разоблачилъ уже природу—но долженъ справиться еще съ своею совѣстью!

Собственно, совѣсти у меня уже нѣтъ, мнѣ удалось ее побороть...

Ты хочешь знать, почему? Ты,—идіотичный фанатикъ правды, хочешь это знать? Итакъ, раскрой ротъ, вытаращи глаза и навостри уши, чтобы видѣть необъятные размѣры своей глупости!.. Послушай человѣка опытнаго и мудраго, которому удалось сорвать маску съ природы!

Природа губитъ. Хорошо. Совершенно согласенъ. Развѣ нѣтъ? А чтобы уничтожать, она пользуется различными средствами, и въ первомъ ряду стоятъ такъ называемыя стихійныя силы,—громы и молніи, ураганы, смерчи на морѣ и на сушѣ и т. д. и т. д... Наконецъ, она соблаговолила избрать себѣ на службу бациллъ, превосходное и поразительно сатанинское изобрѣтеніе...

Въ-третьихъ... Къ чорту! Никакихъ третьихъ. Я не сухой классификаторъ—я философъ, а потому перескакиваю и оставляю въ сторонѣ перечисленіе безконечнаго количества невѣроятно утонченныхъ орудій убійства и уничтоженія, въ сравненіи съ которыми самыя страшныя пытки будутъ лишь самымъ невиннымъ развлеченіемъ, и приступаю сразу къ главной темѣ, къ человѣку...

Человѣкъ! Ха-ха, — человѣкъ! Позвольте мнѣ только промочить горло коньякомъ, принять извѣстную дозу никотина,—и я немедленно приступлю къ дѣлу...

Итакъ, человѣкъ! Homo sapiens—по линнеевской системѣ самобытный, автоматическій аппаратъ, одаренный регулирующими и контролирующими часами въ формѣ мозга.

Чудесно!

Но слушайте хорошенько. Это—продолженіе моего новаго евангелія, моего дѣла искупленія.

Природа устыдилась своихъ глупыхъ, безцѣльныхъ убійствъ. Хитрая и лукавая природа хотѣла свалить съ себя вину за всѣ отвратительныя преступленія и дала человѣку мозгъ. Вы знаете что такое мозгъ!

Это очень плохой аппаратъ, негодный къ употребленію. Самое большое, онъ можетъ узнать, или вѣрнѣе констатировать, что что-то происходитъ въ его душѣ, но что—объ этомъ онъ никогда не узнаетъ.

Мозгъ водятъ за носъ, обманываютъ, но объ этомъ онъ узнаетъ слишкомъ поздно. Только тогда, когда что-нибудь уже случится, мозгъ берется за умъ и говоритъ себѣ:

— Ахъ, опять эта хитрая природа обманула меня.

Но это еще не конецъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ сквернымъ аппаратомъ, который называется мозгомъ, стоитъ логическая сдѣлка, такъ удачно названная—совѣстью. Ха-ха-ха... Представьте себѣ, господинъ Черскій, удивительнѣйшаго звѣрька, котораго дьявольская природа дрессируетъ цѣлыя тысячи и тысячи лѣтъ для того, чтобы заставить людей мучиться, да вдобавокъ еще за преступленія, которыя совершила природа.

Хе-хе-хе... Поразительная дрессировка. Но и это еще не конецъ.

Съ небывалою находчивостью мозгъ вбивалъ въ голову человѣку, что это баснословное свойство и небывалое превосходство надъ всякимъ божьимъ твореньемъ — имѣть сознаніе и совѣсть.

Феноменальная острота! Что отличаетъ человѣка отъ животнаго?

Человѣкъ знаетъ, что онъ обезьяна, а животное этого не знаетъ. Единственное отличіе, господинъ Черскій, единственное, ха-ха-ха!..

Подумайте только, какъ вы глупы. Вы ходите на громадныхъ ходуляхъ, говорите проповѣди о честности, приказываете мнѣ жениться на женщинѣ, съ которой, Богъ знаетъ, какъ я прижилъ сына,—развѣ это не смѣшно? Если вы не можете смѣяться надъ собственнымъ комизмомъ, то не угодно ли вамъ почесать себѣ пятки?..

Фалькъ внимательно прислушивался, не задохнется ли онъ отъ смѣха... Онъ смѣялся нервнымъ, судорожнымъ смѣхомъ. Но понемногу онъ началъ распутывать клубокъ запутанныхъ мыслей.

Итакъ, человѣкъ получилъ мозгъ, чтобы научиться познавать природу, чтобы научиться благодарить ее и смиряться передъ ея могуществомъ: это адская подлость!

Итакъ, слушайте, господинъ Черскій, и вытаращите получше ваши глаза, дабы понять, что я говорю. Развѣ то, что человѣкъ отличается отъ животнаго только обладаніемъ мозга и совѣсти или, точнѣе, помойной ямой, въ которую природа сваливаетъ всѣ свои гадости,—развѣ это—не верхъ комизма? Подумайте, что за неслыханная подлость, что я, бѣдный человѣкъ, долженъ быть ей за это благодаренъ! Ко всѣмъ чертямъ сознаніе, совѣсть и тому подобные аппараты! Я не желаю быть человѣкомъ, я въ тысячу разъ предпочитаю быть бациллой, потому что она, когда убиваетъ, то не чувствуетъ этого или по крайней мѣрѣ не чувствуетъ ни мукъ, ни глупыхъ угрызеній совѣсти.

Охъ, этотъ премудрый господинъ профессоръ—какъ же его зовутъ? Ага,—Ницше!.. Аа, ха! Ницше...

Бѣдный господинъ профессоръ хотѣлъ создать сверхъчеловѣка, но это несчастное созданіе должно было бы уже на другой день сдохнуть отъ избытка совѣсти и сознанія!

Φалькъ вдругъ увидѣлъ себя на сценѣ. Это совсѣмъ не казалось ему страннымъ, напротивъ. Это довольно пріятно! Онъ любилъ, когда на него обращали вниманіе; тогда у него являлась осанка великаго человѣка, нѣтъ, не осанка,—у него былъ совершенно естественный видъ великаго человѣка. А публика съ восторгомъ смотрѣла на великаго человѣка, который умѣетъ быть такимъ естественнымъ и такимъ безконечно „aimable".

О, неимовѣрно глупая публика, если бы ты знала, по какимъ кривымъ дорожкамъ приходится ходить мнѣ для того, чтобы имѣть возможность пошутить надъ тобой и на каждомъ шагу показывать тебѣ фигу! Милѣйшая публика, которая чьей-то неосторожности и ошибкѣ обязана тѣмъ, что она—не стадо барановъ... Боже мой, я умру отъ смѣха.

Вдругъ онъ вздрогнулъ; страшное безпокойство подымамалось въ немъ, сжало его сзади желѣзными когтями, душило, давило...

Но что же, чортъ возьми, можетъ случиться? Что? Что? Что? Хе! Хе... Что? А случится то, что Черскій свернетъ мнѣ шею.

Φалькъ, не шути! Ты, безусловно, долженъ помѣшать этому—ты не можешь погибнуть!—Еще не время! Не время! Я безусловно долженъ удержать Черскаго отъ этого безумія... Я долженъ все ему объяснить, все, убѣдить его неопровержимыми логическими доводами, что онъ ошибается, желая свалить на меня отвѣтственность за то, что совершила какая-то чуждая во мнѣ сила. Смѣшно, страшно

смѣшно: если вы, господинъ Черскій, хотите наказывать ложь, то наказывайте не меня, а природу, которая дѣйствовала черезъ меня. Вѣдь если я уничтожаю, то и сознаю только это, и за такое уничтоженіе я отвѣчаю ни больше, ни меньше, чѣмъ червь, который подтачиваетъ ваши внутренности...

Да, надо его убѣдить, доказать ему все, выяснить...

Можно и такъ...

Фалькъ откашлялся. Точно въ галлюцинаціи видѣлъ онъ передъ собой Черскаго. Странное дѣло, — это его не безпокоило. Для діагностики чрезвычайно важна такая галлюцинація, которая не возбуждаетъ безпокойства.

Послушайте, я во сто разъ спокойнѣе, чѣмъ часъ тому назадъ... О, конечно.

Онъ выпилъ стаканъ коньяку.

Вы нетерпѣливы, Черскій, — не удивляйтесь, что я оттягиваю свои объясненія, но мнѣ придется постоянно затрогивать вещи, вспоминать о которыхъ мнѣ больно... А потому я не спѣшу.

Но отчего же вы хмурите брови? Неужели васъ совершенно не интересуютъ такіе психологическіе вопросы? Я страшно люблю копаться и въ своей душѣ и въ чужой: восхитительная помойная яма! Видите ли, всѣ мои подлости, —такъ, кажется, вы соблаговолили назвать мои благородные поступки—я совершилъ въ силу извѣстнаго психологическаго любопытства,—которымъ особенно отличается господинъ Ипполитъ Тэнъ. Вы, конечно, знаете, что это тоже—профессоръ, который хотѣлъ устроить винокурню для производства гражданской добродѣтели: развѣ производство добродѣтели въ тѣхъ же самыхъ гектолитрахъ, что и купоросъ—не блестящая мысль? Хе... Хе... Но ужъ таковъ нашъ либерализмъ, гуманитаризмъ—сатурнализмъ людской глупости...

Охъ, эти либералы, что они не видятъ?

Да сядьте же, у васъ, какъ я вижу, дрожатъ колѣни. Хотите папиросу? Можетъ быть, рюмку коньяку? Хе... хе... вы, конечно, не курите и не пьете...

Ваши моральныя ходули мѣшаютъ вамъ! Но смотрите, какъ бы у васъ ноги не запутались. Вы—филантропъ, вы фланируете на высочайшихъ вершинахъ человѣческаго совершенства и для того, чтобы быть выдержаннымъ въ стилѣ, вы пренебрегаете папиросами и водкой,—ха... ха... ха... Ну, да не хмурьтесь же такъ! Постарайтесь только понять, что для меня человѣкъ, который можетъ обойтись безъ папиросъ и водки, является чѣмъ-то непонятнымъ, чудовищнымъ, квадратурой круга. Оставляя въ сторонѣ шутки—вы, не употребляя алкоголя,—выступаете противъ органическаго закона взаимнаго уравновѣшенія силъ! Вижу ваши испуганные и недоумѣвающіе глаза: почему? Почему? Гм... почему? Да вѣдь это ясно какъ божій день. Первобытный человѣкъ, то-есть человѣкъ, не обладающій мозгомъ,—другими словами такой homo, который еще не успѣлъ стать sapiens, подверженъ сильнымъ и внезапнымъ вспышкамъ, которыя мы называемъ вдохновеніемъ, экстазомъ, пророчествомъ, откровеніемъ, ну и т. д. до безконечности. Эти явленія, положимъ, очень сродни тому сумасшествію на чувственной почвѣ, за которое наше либерально-филантропически-демократическое общество сажаетъ такихъ пророковъ въ сумасшедшій домъ,—но это ничего не значитъ. Какъ бы то ни было эта стихійная вспышка — страшная сила! Это безуміе въ сущности создало нашу культуру. Это прямолинейная, изступленная слѣпота гнала народы въ Іерусалимъ, вызвала религіозныя войны, взяла приступомъ Бастилію, добивалась конституцій, строила баррикады и, least not least, обезпечила безнаказанность подлымъ пиратамъ печати...

Не хмурьтесь такъ!

Неужели вы, барчукъ, не понимаете этой вдохновенной, экстатической силы, которая позволила Самсону разбить ослиною челюстью цѣлыя толпы филистимлянъ и въ то же время вдохновила господина Равашоля великолѣпной мыслью отправить въ блаженное лоно Авраамово нѣсколько десятковъ богобоязненныхъ и добродѣтельныхъ гражданскихъ душъ?

О, о... вы улыбаетесь, господинъ Черскій,—соціалисты, кажется, не безъ основанія подозрѣваютъ васъ въ извѣстной склонности къ анархизму.

Итакъ, эта вдохновенная сила, бѣшеное, стихійное изверженіе психическихъ силъ, которыя мы почти совсѣмъ утратили, — является необыкновенно важнымъ факторомъ въ жизни человѣчества. Трезвый разсудокъ добропорядочныхъ и сытыхъ гражданъ убилъ въ насъ эту силу, созидающую и разрушающую міры. Но мы... мы... господинъ Черскій, мы, которые взбираемся на Гималаи человѣческаго совершенства, мы обязаны хранить этотъ священный огонь экстаза. А чѣмъ же тутъ можно помочь себѣ?—Вливать въ себя алкоголь, барчукъ! Видите ли, Суворовъ, эта умнѣйшая личность, понималъ это. Передъ каждой битвой онъ позволялъ своимъ солдатамъ пить столько, сколько имъ было угодно—водки, конечно, — но за то они совершали попросту чудеса храбрости.

Вы говорите, что все это—болтовня? У васъ, вѣроятно, тоже такой либерально - демократическій мозгъ, который постигъ всѣ тайны... ха-ха... Мысль это точно такой же продуктъ, какъ фосфоръ, или продуктъ дѣятельности почекъ... Но вы, я вижу, въ самомъ дѣлѣ скучаете, а потому я приступаю теперь къ главной и единственной темѣ нашего разговора.

Простите, что я такъ долго медлилъ, но у меня какіе-то странные уколы въ сердцѣ.

Итакъ, я женатъ. Счастливъ ли я? Нѣтъ. Несчастливъ? Нѣтъ! Ну, такъ что же?

А не выпьете ли вы коньяку? Это прекрасно вліяетъ на нервное разстройство. Это успокаиваетъ подавленное состояніе духа, повышаетъ жизненную энергію, усиливаетъ вообще весь организмъ.

Такъ вы не хотите пить? Правда, я и забылъ—вѣдь вы—на ходуляхъ.

Ну, ваше здоровье!

Фалькъ пилъ. Гм... гм... мнѣ ужасно непріятно говорить съ вами объ этомъ.

Онъ взволнованно ходилъ по комнатѣ.

Думали ли вы когда-нибудь, какою страшною загадкою является человѣкъ? Нѣтъ! Ну, конечно, нѣтъ! Вы—анархистъ, слѣдовательно, унаслѣдовали либеральный мозгъ, который создалъ матеріализмъ и эвдемонистическую этику. Да, да,—вы унаслѣдовали то міровоззрѣніе, которое... Но позвольте,—вы знаете это мѣсто изъ блаженнагò Августина:

„И вотъ люди идутъ и дивятся высокимъ горамъ, и далекому простору моря, и водопадамъ горныхъ потоковъ, и океанамъ, и ходу звѣздъ, но о себѣ забываютъ“...

Видите ли,—либеральный, добропорядочно-гражданскій мозгъ забылъ о человѣкѣ. Но, чтобы снова открыть человѣка, надо забыть о завоеваніяхъ въ области естествознанія, нужно позаботиться объ умѣ ребенка, который во всемъ видитъ что-то страшное, таинственное и бездонное,—нужно научиться испытывать передъ всѣмъ этимъ страхъ, ужасъ...

Ха-ха,—я страшный идіотъ. Вы вполнѣ правы, что смотрите на меня съ такой презрительной усмѣшкой. Это ясно,

какъ божій день. Развѣ вы можете смотрѣть на меня иначе, вы, послѣдователи матеріалистическаго міровоззрѣнія?

Вы рѣшили всѣ загадки, сорвали покровъ со всѣхъ тайнъ!— Ну, ну... не сердитесь...

Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не хотите пить? Жаль, жаль... Говоря откровенно, я не люблю людей, которые не пьютъ.

Васъ это интересуетъ. Вамъ хочется узнать что-нибудь „intimes" объ этомъ загадочномъ Фалькѣ, который посылалъ вамъ деньги на агитаціи и писалъ прокламаціи для подстрекательства одного класса противъ другого,—хе-хе, подстрекательства,—вѣдь такъ это называется — офиціально... Но я не хочу говорить о себѣ, я буду говорить о вещахъ совершенно постороннихъ, о такъ называемыхъ объективныхъ вещахъ... Ха-ха-ха...

Вотъ напримѣръ. Подумайте, какъ человѣкъ можетъ измѣниться, измѣниться до неузнаваемости подъ вліяніемъ какого-нибудь пустяка. Какой-нибудь смѣшной, глупой мелочи. Я былъ вчера у Ямника. Я люблю его и хотѣлъ бы узнать его душу.

Онъ женился. Жена его—красивѣйшая женщина въ мірѣ. Удивительная женщина. Ну и что же? Несчастье! Вѣдь не могла же она пронюхать, что черезъ два, три года будетъ его женой. Попросту потому, что не предчувствовала существованія какого-то Ильтиса. Ну и въ то время, когда она не могла еще этого предчувствовать, она влюбилась. Отчего жъ ей было и не влюбиться? Отчего ей было не отдаться тому, кого любила? Это вполнѣ понятно. Вѣдь вы не осуждаете ее за то, что она не дождалась правительственнаго разрѣшенія на бракъ?

Если бы я хотѣлъ разсуждать логически, то все это казалось бы мнѣ прекраснымъ. Но такъ какъ женщина существуетъ только для послѣдняго мужчины, а этотъ послѣдній

не любилъ такихъ наѣздовъ со стороны предшественниковъ на свою допустимъ, жену, то я думаю, что жена Ямника поступила очень нехорошо, отдавшись другому слишкомъ рано.

Итакъ, Ямникъ... Впрочемъ я, ей Богу, не знаю навѣрное, Ильтисъ ли это. А можетъ это кто-нибудь совсѣмъ другой. Назовемъ его „Certain". Это звучитъ очень недурно. Я въ восторгѣ отъ этого названія. Подумайте только: „Certain".

Итакъ, Certain влюбляется въ женщину, которая уже отвѣдала плодовъ древа познанія, отвѣдала того райскаго яблока,—ну, и женится на ней. Она, конечно, обо всемъ ему разсказала! А онъ! Господи, да вѣдь этотъ пустякъ его совершенно не касается, его—человѣка, стоящаго на вершинахъ современной культуры и главаря самой дикой богемы.

Интересно? Не правда ли?

Но Certain начинаетъ понемногу задумываться.

Въ душѣ его открывается маленькая, едва замѣтная ранка. Certain въ недоумѣніи садится, нѣтъ — ложится на диванъ—и думаетъ, думаетъ...

Значитъ былъ кто-то, кто овладѣлъ этой женщиной до него. Кто-то ласкалъ ее до него такими же точно словами любви и страсти, и тѣ же самыя слова, которыя она говоритъ теперь ему, она говорила уже когда-то другому... Повисла у него на шеѣ... Льнула съ тою же страстностью къ тѣлу другого мужчины...

Чортъ возьми,—что же это такое?! Больно!—Больно?!

Онъ въ ужасѣ вскакиваетъ.

Ему кажется, что эта маленькая рана—на самомъ дѣлѣ пораженное гангреною мѣсто и что эта гангрена распространяется на душу и причинятъ ей страшную боль.

Глупости!

Certain впадаетъ въ бѣшенство, что его раздражаютъ такія естественныя вещи, которыя освятила даже природа своими таинственными цѣлями.

Онъ внушаетъ себѣ на нѣкоторое время,—что все это безуміе и забываетъ обо всемъ.

Онъ даже доволенъ собой: ему удалось такъ энергично вырвать изъ своего сердца запоздалыя требованія полового организма.

Онъ вытягивается, насвистываетъ какую-то пѣсенку, но „mit den bösen Mächten"... хе-хе!.. Вы знаете Шиллера!

Certain снова дѣлается странно безпокойнымъ. Его душу охватываетъ какое-то дикое, мучительное любопытство. Онъ идетъ къ своей женѣ, необыкновенно любезенъ съ нею, цѣлуетъ ея руки, гладитъ по лицу, говоритъ о томъ и о семъ, и вдругъ такъ, en passant, спрашиваетъ съ миной невиннаго младенца: твой первый мужъ былъ блондинъ или шатенъ? Слово „мужъ" онъ безсознательно произноситъ со страннымъ удареніемъ и дрожью въ голосѣ. Это и ненависть, и бѣшенство, и любопытство, называйте это, какъ угодно.

Онъ былъ шатенъ, но у него были голубые глаза.

Certain вздрогнулъ, онъ такъ раздраженъ, что не можетъ произнести ни слова. Онъ не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается.

Ха-ха... бѣдный Certain... Я согласенъ, что онъ глупъ, очень глупъ, но развѣ онъ виноватъ въ этомъ? У него есть еще настолько силы, чтобы не думать больше объ этомъ. Но вдругъ эта дикая мысль охватываетъ его съ новой, еще большею силой. Это ужъ почти наслажденіе—такъ мучиться—какое-то изступленіе, желаніе грубо бередить рану... И снова онъ слѣдитъ и наблюдаетъ за своей женой, конечно, очень деликатно съ высокимъ, психологическимъ

тактомъ, стараясь, чтобы она не поняла, какъ страшно важно для него узнать обо всемъ,—о деталяхъ, господинъ Черскій, этихъ ужасныхъ, отвратительныхъ деталяхъ.

Итакъ, онъ спрашиваетъ ее ради психологическаго интереса о подробностяхъ intimes, господинъ Черскій! И понемногу узнаетъ обо всемъ, что ему надо знать. И отчего же ему не узнать? Вѣдь онъ такъ говорилъ ей о свободной любви, хе-хе... И оба они настолько культурные люди, что чужды глупыхъ половыхъ предразсудковъ.

Любила ли она его? Она задумывается. О, да, она его любила, даже очень любила. Certain дрожитъ и старается овладѣть собой. Ближайшія обстоятельства? Ну, они вѣдь всегда одни и тѣ же! Она смѣется. И онъ, конечно, тоже смѣется! Но онъ проситъ ее разсказатъ все очень подробно: это такъ интересно, а главное она станетъ, благодаря этому, еще ближе ему, такъ какъ онъ проникнетъ въ самые скрытые тайники ея сердца. Она колеблется, но въ концѣ концовъ говоритъ ему все... Итакъ, этотъ таинственный шатенъ просилъ ее доказать ему наглядно — прекрасно сказано— какъ она любитъ... Послушайте только, г-нъ Черскій, въ какихъ метафорахъ я все это опишу.

Она поняла, что „это"—понимаете вы, это таинственное, мистическое „это"? — что „это" — единственный залогъ любви.

Изъ горла Certain вырываются какіе-то неопредѣленные звуки, какой-то свистъ, или чортъ знаетъ что, но все это онъ сейчасъ же старается замаскировать приступомъ сильнаго кашля. Онъ просилъ ее объ этомъ комичномъ „это"?.. Она должна была только хорошенько обдумать, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ—подумайте только, какимъ ковчегомъ мудраго благородства былъ этотъ шатенъ!

— Ты, разумѣется, ни о чемъ не думала впродолженіи того времени, въ которое должна была рѣшительно обдумать это первое „это“? Certain вѣдь и психологъ.

— Нѣтъ, я чувствовала, что это должно случиться. Мнѣ не нужно было думать: это было необходимо.

— Для кого? Для тебя или для него? Certain просто дрожитъ отъ бѣшенства. Ему страшно хочется зарычать, такъ зарычать, чтобы сосуды лопнули въ легкихъ. Отчего? Онъ этого не знаетъ.

Она не совсѣмъ поняла его циничный вопросъ и смотритъ на него такими глазами, вы знаете: глазами, выражающими лишь жгучій, недовѣрчивый, немного презрительный знакъ вопроса.

Но Certain уже овладѣлъ собою.

Онъ чуть было не возбудилъ въ ней подозрѣнія. Теперь онъ будетъ очень осторожнымъ, и онъ продолжаетъ разспрашивать съ великосвѣтской изящностью такъ, отъ нечего дѣлать—и знаетъ уже все. Динамическая механика любви всегда одна и та же. Есть извѣстные моменты обязательные для всѣхъ: для аристократа и мужика. Ха-ха-ха.

Но теперь уже чаша терпѣнія въ душѣ Certain переполнилась и пролилась черезъ край. Онъ чувствуетъ небывалое, непреодолимое желаніе броситься на эту женщину, бросить ее на землю, топтать ногами, колотить кулаками до смерти.

Ну и что же—онъ сдѣлалъ это?

Какое, г-нъ Черскій! Ему только хочется это сдѣлать, а для того, чтобы желаніе стало дѣйствіемъ, онъ слишкомъ много знаетъ. Ха-ха...

О, извините, я васъ не понялъ. Вы въ качествѣ филантропа спрашиваете только, отчего Certain хотѣлъ это сдѣлать?

Отчего? Этого онъ самъ не знаетъ.

Видите ли, все это было бы безконечно смѣшно, если бы не было въ то же время такъ необыкновенно трагично.

Эта маленькая, крошечная ранка увеличивается съ неслыханной быстротой. Это чувство превращается въ какой-то чудовищный наростъ съ милліонами длинныхъ и тонкихъ отростковъ, которые врастаютъ все глубже и глубже въ каждую пору его души... Ха-ха-ха... Отчего я такъ гадко смѣюсь? Да неужели, чортъ возьми, вы не понимаете, что тутъ можно умереть отъ смѣха?

Итакъ, это необыкновенно милое и пріятное чувство растетъ до безконечности. Фантазія Certain лихорадочно работаетъ. Она стала вдругъ богатой, какъ дѣвственные лѣса, находчивой и изобрѣтательной, какъ мозгъ Эдисона, острой и ядовитой, какъ стрѣла индѣйца, неутомимой въ своей работѣ, какъ Сократъ, который какъ извѣстно, простоялъ всю ночь подъ открытымъ небомъ и не замѣтилъ, что идетъ снѣгъ. Не кажется ли вамъ, что этотъ г-нъ Сократъ немножко позировалъ?..

Итакъ, Certain мысленно представляетъ себѣ картину съ мельчайшими подробностями. Они сидѣли въ комнатѣ. Онъ заперъ ее на ключъ. Взялся за ручку, попробовалъ, хорошо ли заперта дверь. Она въ это время причесала волосы, вѣдь Изѣ нечего было спѣшить, потомъ стала медленно разстегивать лифъ, а онъ въ это время ждалъ здѣсь, горя, дрожа и смотрѣлъ на нее горящими глазами, пожирающими ее...

Милыя картины—что?

Или же—passons d'un autre coté. Онъ глядитъ на своего ребенка. И вдругъ молніей мелькаетъ мысль, какимъ чудомъ у нея не было ребенка раньше отъ этого шатена? И этотъ вопросъ, и эта возможность того, что она должна была уже быть матерью, прежде чѣмъ стала его женою, дово-

дитъ его до бѣшенства. Или вотъ онъ читаетъ какой-нибудь глупый романъ, въ которомъ женщина любитъ впервые со всею нетронутой силой юной страсти...

Хе-хе... Почему не онъ былъ этимъ первымъ? Этотъ вопросъ доводитъ его до отчаянія.

Или вотъ: онъ видитъ одну изъ прежнихъ ея фотографій. Она была такою до или послѣ того, какъ стала женщиной? Да, конечно, до того.

И цѣлыми часами онъ смотритъ на фотографію, изучаетъ ее, мучитъ себя тѣмъ, что въ ней читаетъ, любитъ ее здѣсь, любитъ съ безконечной мукой. Онъ боготворитъ ее, преклоняется, молится передъ нею въ агоніи бѣшенства и отчаянія. Почему? Почему? Почему онъ не взялъ ее такою чистою, не знающей грѣха?

Изъ всего, что я только что изложилъ вамъ въ самыхъ грубыхъ чертахъ, вы можете, конечно, убѣдиться, что душевному состоянію Certain завидовать нечего...

Онъ совершенно теряетъ равновѣсіе. Но онъ все еще пытается вырвать эту ядовитую сорную траву, рветъ ее, ему удалось вырвать нѣсколько корней, залитыхъ кровью, но уже поздно. Онъ уже не можетъ освободиться изъ-подъ власти этихъ бѣшеныхъ видѣній. Въ душѣ его все кипитъ отъ бѣшенства, онъ теряетъ отъ ненависти разсудокъ, не можетъ дотронуться до нея, такъ какъ въ ту же минуту видитъ этого шатена. Въ его душѣ появляются морщины и сѣдина. А все же онъ все больше и больше привязывается къ своей женѣ, ласкается къ ней, какъ больная собака. Вы это понимаете?

Малькъ кричалъ во все горло.

Вы это можете понять? Это безуміе! Это уже перестало быть болью,—это, это...

Онъ вдругъ испугался самого себя. Его охватило бѣшенство противъ Черскаго, который заставилъ его снова пережить, сорвать со ствола души больную кору.

Онъ ходилъ по комнатѣ съ сжатыми кулаками,—и почти помѣшался.

Чего я кричу? Потому, что сердце у меня судорожно сжимается, колетъ въ груди.—О, если бы ты попался мнѣ теперь, проклятый фанатикъ правды—ха-ха-ха... Мнѣ жениться на Янинѣ! Ха-ха-ха...

Силы вдругъ покинули его. Онъ сѣлъ у окна. Отеръ со лба потъ и понемногу успокоился. Впалъ въ какое-то глубокое, сонное раздумье.

Снова вскочилъ.

Теперь г-нъ Черскій пойметъ, вѣроятно, какъ могло случиться то, что я постоянно возвращался къ Янинѣ.

Онъ снова взглянулъ на небо, на тяжелую больную задумчивость неба и почувствовалъ, какъ его необъятность стала углубляться, расширяться и уходить въ безконечность.

Онъ напряженно прислушивался.

Казалось, словно бездны, кружась, уходили куда-то еще дальше, страшная тишина ночи стала какимъ-то бездоннымъ кратеромъ, въ пасти котораго исчезали и свѣтъ звѣздъ, который лился скорбнымъ потокомъ, и время, и міръ. Все исчезло, осталось лишь больное небо надъ его бѣдной головой, словно темный флеръ.

И это небо, вѣдь онъ самъ разостлалъ надъ головой, онъ—своими глазами, своими руками раскинулъ этотъ голубой сводъ.

Онъ вскочилъ.

Ему казалось, словно дверь открылась и кто-то вошелъ въ комнату.

Нѣтъ.

И снова онъ началъ ходить по комнатѣ большими, нервными шагами.

Ужасно, ужасно, что такая вещь можетъ разбить душу человѣку? Почему? Отчего? Его охватилъ гнѣвъ. Какое мнѣ дѣло до этого глупаго „отчего"? Развѣ я существую на свѣтѣ только для того, чтобы рѣшать всѣ загадки? Развѣ я мало копался въ своей душѣ? Вѣдь я обшарилъ съ педантичностью и тщательностью всѣ уголки моей души? Но развѣ я могу понять то, что происходитъ во мнѣ внѣ предѣловъ моего глупаго, смѣшного сознанія? Хе?? Неужели вы не понимаете, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ можно измѣнить своей женѣ? Неужели вы не понимаете, что бываютъ моменты такой неслыханной ненависти къ собственной женѣ, что хочешь осквернить ее общеніемъ съ другой женщиной?

Фалькъ все скорѣе бѣгалъ по комнатѣ. Безпокойство его росло и бурлило въ немъ, ему казалось, что голова его сейчасъ лопнетъ.

Какъ разъ теперь, когда рана стала заживать, у него хотятъ отнять Изу.

Она, конечно, уйдетъ.

Но это невозможно! Вѣдь она для него—все. Онъ не прожилъ бы безъ нея ни одного дня...

Одна только ясная мысль кружилась у него въ головѣ: ему во что бы то ни стало надо избавиться отъ Черскаго.

Но какъ? Какъ?

Чувство мучительнаго безсилія сковало его. Теперь весь міръ обрушится на него.

Вдругъ онъ вскочилъ.

Ольга это уладитъ, Ольга, Ольга... Это единственный выходъ.

Онъ страшно обрадовался.

Какъ онъ объ этомъ раньше не подумалъ!

Съ лихорадочною поспѣшностью написалъ онъ длинное письмо, всунулъ деньги, запечаталъ конвертъ, откинулся на стулѣ и безсмысленно уставился въ потолокъ.

И снова вскочилъ.

Онъ почувствовалъ глубокую ненависть къ Изѣ.

Она, она виной тому, что онъ такъ терзается, такъ мучится, что онъ потерялъ уже всякую вѣру и что у него нѣтъ никакой цѣли въ жизни.

Она, она виной тому, что въ его мозгу кружится лишь одна больная мысль, которая перегрызла всѣ связующія нити его жизни.

Иза, Иза... Если бы этого не случилось! Хе-хе-хе...

Конечно, г-нъ Черскій, конечно... Я сказалъ: конечно?

Глупости! Ничто не можетъ быть конечно, все—загадка, и бездна, и мука...

Нѣтъ, лучше, лучше, что все кончится.

И страшная мука сжала его сердце, впивалась все глубже длинными, острыми зубами...

Ночь была такая душная, необъятная, глубокая.

Онъ совсѣмъ лишился силъ.

Конецъ міра! Міръ гибнетъ! Проваливается... Вотъ—вотъ...

V.

— Вы больны, господинъ Черскій?

Ольга очень безпокоилась.

Черскій смотрѣлъ на нее почти безсознательно, ему показалось, что онъ только теперь понялъ, что кто-то есть въ комнатѣ.

— Нѣтъ, я не боленъ. Но что привело васъ ко мнѣ?

— Вы хотѣли бы поѣхать агитировать?

— Я объ этомъ думаю уже три дня.

— У меня есть для васъ деньги, но подъ условіемъ, что вы сейчасъ же уѣдете.

Черскому это не понравилось.

— Я не принимаю никакихъ условій, а поѣду, куда мнѣ нравится и когда мнѣ нравится.

— Но я могу вамъ только тогда дать деньги, если вы сейчасъ же уѣдете.

— Почему сейчасъ же?

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее.

— Вы должны перевезти не позже, какъ черезъ два дня, транспортъ книгъ черезъ границу. Ждутъ уже два мѣсяца.

— Я живу не для того, чтобы дѣлать какія-нибудь услуги какимъ-то партіямъ, у меня нѣтъ ничего общаго ни съ одной партіей, я самъ для себя партія.

Ольга задумчиво посмотрѣла на него.

— Итакъ, вы стали совсѣмъ анархистомъ?

— Я совсѣмъ не анархистъ и не соціалистъ, я вообще совсѣмъ не „истъ“... я самъ для себя партія...

— Но у васъ убѣжденія, которыя раздѣляютъ и анархисты.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, что то или другое убѣжденіе случайно сближаетъ меня съ той или другой партіей, я никогда не позволю, чтобы какая-нибудь партія выдавала меня за своего члена.

Онъ задумался.

— Итакъ, вы не хотите ѣхать?

— Можетъ быть, съ этими деньгами соединено еще какое-нибудь другое условіе?..

— Нѣтъ.

Онъ на минуту задумался.

— Ну, я, впрочемъ, могу перевезти эти книги черезъ границу. Но повторяю вамъ еще разъ, что я не знаю никакихъ программъ, никакихъ партій, не подчиняюсь никакимъ приказаніямъ, не принимаю никакихъ условій.

— Все, что вы мнѣ говорите, очень интересно, но мнѣ приказано вручить вамъ деньги во что бы то ни стало...

Черскій вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Скажите мнѣ, эти деньги прислалъ Фалькъ затѣмъ, чтобы избавиться отъ меня?

— Откуда вы знаете объ этомъ?

— Я говорилъ съ нимъ вчера.

— Съ кѣмъ? Съ Фалькомъ?

— Да.

Онъ долго думалъ.

— Скажите мнѣ только: Фалькъ, говорятъ, очень любитъ свою жену?

— Да.

— Объясните мнѣ,—другими словами,—понимаете ли вы то, что у Фалька есть любовница? Я цѣлую ночь думалъ объ этомъ.

Ольга испуганно взглянула на него. Неужели Черскій помѣшался въ тюрьмѣ?

— Любовница, вы сказали? Но вѣдь это невѣроятно.

— Да, любовница... моя прежняя невѣста.

— Госпожа Крукъ?

— Да, у нея недавно родился сынъ.

Ольга была сильно взволнована. Старалась скрыть свое волненіе, но руки ея дрожали, и она чувствовала, какъ вся кровь у нея отлила къ сердцу. Черскій, казалось, этого не замѣчалъ. Онъ ходилъ по комнатѣ въ глубокой задумчивости.

— Да, это было больно, очень больно для меня, но я это поборолъ. Сначала, когда она перестала навѣщать меня въ тюрьмѣ, я сильно страдалъ... о, сильно, сильно...— повторилъ онъ черезъ минуту,—но я поборолъ себя... Ну, а теперь хорошо, теперь уже никто не стоитъ между мной и идеей, для которой я хочу жить.

Онъ долго молчалъ.

— Послѣдній разъ я поддался этому чувству три дня тому назадъ, когда меня выпустили изъ тюрьмы. Я пылалъ ненавистью къ Фальку. Хотѣлъ его оскорбить, обезчестить, но вдругъ испугался, что что-нибудь можетъ помѣшать моей идеѣ, я снова поборолъ въ себѣ все,—это хорошо, очень хорошо... Фалькъ, навѣрное, хочетъ избавиться отъ меня. Ему нечего меня бояться. Скажите ему это, когда вы его встрѣтите!

Онъ вдругъ быстро взглянулъ на Ольгу.

— Вы вѣрите, что Фалькъ прислалъ мнѣ деньги для того, чтобы избавиться отъ меня?

— Когда вы разговаривали съ нимъ?

— Вчера.

— Ну, это совсѣмъ не вѣрно. Онъ ждалъ только, когда васъ выпустятъ. Онъ очень цѣнитъ васъ.

— Но онъ негодяй... негодяй, а не человѣкъ.

-- Вы ошибаетесь, Фалькъ не негодяй.

Ольга проговорила это холоднымъ, отталкивающимъ тономъ.

Черскій внимательно посмотрѣлъ на нее, но ничего не отвѣтилъ.

Онъ съ минуту задумчиво ходилъ.

— Подложную буллу папы Пія для агитаціи по деревнямъ написалъ онъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Онъ.

— Очень хорошо написано. Очень хорошо, но я думаю, что онъ ко всему этому дѣлу не относится серьезно. Его все это забавляетъ. Дѣлаетъ эксперименты. Ему хочется литературныхъ ощущеній.

Ольга молчала.

— Развѣ не такъ? Вѣдь вы его хорошо знаете. Вы не отвѣчаете. Молчите? Хе-хе... Онъ ищетъ опасности; я увѣренъ, что онъ охотно позволилъ бы запереть себя въ тюрьму не потому, что вѣрилъ бы въ дѣло, изъ-за котораго онъ попалъ въ тюрьму, но для того, чтобы получить извѣстнаго рода отпущеніе грѣховъ.

Черскій все болѣе оживлялся.

— Я раньше часто получалъ отъ него письма. О, это проницательный и ловкій человѣкъ. Въ немъ масса, масса ненависти, но даже, быть можетъ, больше любви, но теперь мнѣ ясно, что это только отчаяніе. Онъ хочетъ спастись. Съ отчаяніемъ ищетъ спасенія. Но онъ ни во что, ни во что не вѣритъ... О, это очень ловкій человѣкъ, я хотѣлъ вчера

его оскорбить, но онъ самъ подшучивалъ надо мной, былъ злобенъ и остроуменъ.

Черскій вдругъ замолчалъ.

— Не хотите ли чаю?

— Съ удовольствіемъ.

Онъ медленно клалъ угли въ самоваръ.

— Вы видѣли госпожу Крукъ?

— Вскорѣ послѣ моего выхода изъ тюрьмы... Она ничего не знаетъ о томъ, что Фалькъ женатъ.

— Не знаетъ?

— Нѣтъ! Онъ обманулъ ее. Вся его жизнь—это громадная цѣпь лжи.

Ольга страшно безпокоилась. Она не могла дольше сидѣть и встала.

— Я не могу дольше оставаться.

— О, останьтесь, останьтесь,—я полтора года провелъ въ страшномъ одиночествѣ. Мнѣ доставляетъ большую радость, если есть со мной кто-нибудь.

Онъ смотрѣлъ на нее съ глубокой мольбой.

Она овладѣла собой и сѣла опять.

— Вы очень огорчились моимъ извѣстіемъ... Да, да, мы всѣ ждали отъ него чего-то другого... Гм... это очень хорошо, что онъ прислалъ деньги. Сколько всего?

— Пятьсотъ марокъ.

— Это много, очень много. Съ этимъ можно многое сдѣлать.

Они съ минуту молчали.

— Правда ли, какъ говоритъ Куницкій, что вы вмѣстѣ со Стефаномъ Крукомъ сломали и обокрали городскую кассу въ ближайшемъ городѣ?

— Совершеннѣйшая правда.

— Итакъ, вы признаете анархистскій образъ дѣйствій?

— Если этого требуетъ моя идея, то всѣ средства будутъ для меня святы. Это совсѣмъ не анархистское изобрѣтеніе. Наконецъ, мы денегъ не крали, но только ихъ по праву взяли себѣ. Это большая разница. Я сдѣлалъ это съ величайшей убѣжденностью, что я совершаю законный поступокъ.

— Итакъ, вы говорите, что можно красть, если этого требуетъ идея?

— Нѣтъ, нѣтъ, не красть, этого я не говорилъ. У васъ юридическое понятіе о преступленіи. Но если я скажу, что я вправѣ это сдѣлать, если я что-нибудь совершу съ убѣжденіемъ и святой вѣрой, что хорошо поступаю, и съ такой вѣрой, которая исключаетъ малѣйшее сомнѣніе, то кража перестаетъ быть кражей и преступленіемъ.

— Итакъ, вы говорите, что единственнымъ критеріемъ, субъективнымъ критеріемъ преступленія—служитъ нечистая совѣсть.

— Да.

— Такимъ образомъ наличность преступленія опредѣляется преступными послѣдствіями?

— Нѣтъ. Когда Христосъ началъ распространять свое ученье, онъ хорошо зналъ, что тысячи его послѣдователей пойдутъ на мученическую смерть, но онъ съ радостью жертвовалъ ими, чтобы искупить милліоны.

Ольга была разсѣяна.

— Вы вѣрите въ Бога?—вдругъ спросила она.

Черскій сильно оживился.

— Я вѣрю въ Іисуса Христа, сына человѣческаго... Но не перебивайте меня. Что, собственно, опредѣляетъ пріятность какого-нибудь чувства? Вѣдь не то, что оно само по себѣ пріятно. Сначала привыкать къ опію страшно противно, но потомъ это становится наслажденіемъ. Такимъ образомъ

окончательную сущность какого-нибудь чувства опредѣляютъ его продолжительность и постоянство этого ощущенія.

— Итакъ, вы не поколебались бы ни передъ какимъ преступленіемъ?

— Нѣтъ, не преступленіемъ,—прервалъ онъ ее быстро.— Не поколебался бы ни передъ чѣмъ, что въ состояніи привести мою идею въ исполненіе.

— Но если ваши идеи ложны?

— Онѣ не могутъ быть ложны, потому что основаны на единственной и неопровержимой истинѣ: любви!

— Но если средства ваши ложны?

— Не ложны, потому что вызваны любовью. Наконецъ, я не хочу прибѣгать къ сильнымъ средствамъ, даже тогда, когда они были бы необходимы. У меня нѣтъ программы, какъ у анархистовъ. Я не хочу совершать насилій, чтобы никакая партія съ программой пропаганды насилія не могла меня причислить къ себѣ.

— Вы очень самолюбивы.

— Нѣтъ! Но я существую только въ моемъ дѣлѣ. У меня только одно право: существовать. А мое существованіе— это мое дѣло. Это все мое самолюбіе: существовать черезъ свое дѣло. Я перестаю существовать, какъ только исполняю чужія приказанія.

— Объ этомъ уже говорилось давно и гораздо лучше.

— Не спорю. Очень можетъ быть. Но къ этой мысли я пришелъ только въ тюрьмѣ; я обдумалъ все это съ большимъ трудомъ, такимъ образомъ это стало моей собственностью. Я долго принадлежалъ къ партіи и совершенно разучился думать. Теперь я освободился отъ этого, чтобы быть самимъ собою и собственнымъ умомъ управлять своими дѣйствіями.

— Что вы теперь намѣрены дѣлать?

— Учить людей жертвовать собой.

Ольга вопросительно посмотрѣла на него.

— Умѣть жертвовать собой,—это первое условіе всякаго дѣла. Я буду учить о наслажденіи и жаждѣ самоотверженія.

— Но для того, чтобы жертвовать собой, надо вѣрить въ цѣль жертвы.

— Нѣтъ! Жертвѣ не надо теоретической вѣры, только пылкость. Это именно такъ. У всѣхъ партій есть вѣра, но нѣтъ пылкости. Нѣтъ, даже вѣры нѣтъ, а только догматы. Вся соціалъ-демократія закоснѣла, утратила всю свою жизненность, потому что ее одолѣли догматы. Она теперь то же, чѣмъ сталъ католицизмъ, — мертвой вѣрой въ догматъ, безъ жара, безъ возможности жертвы собой. Найдете ли вы человѣка, который позволилъ бы себя замучить за своего Бога? Нѣтъ. Есть ли соціалъ-демократы, которые за свою идею позволили бы снять себѣ голову, если бы это понадобилось? Нѣтъ. У нихъ у всѣхъ спокойная, полная твердости вѣра—ихъ догматы стали для нихъ китайской стѣной, за которую имъ нельзя перейти, а у самихъ нѣтъ для этого желанья. Но я хочу создать горячую, пламенную, огненную вѣру—вѣру, которая перестала быть вѣрой, а стала вдохновеніемъ и огнемъ, пылающимъ стремленіемъ къ жертвѣ и самоотверженію.

Онъ совсѣмъ пришелъ въ экстазъ. Глаза его разгорѣлись, а по лицу разлился странный блескъ.

— Итакъ, вы разсчитываете на фанатическую ненависть толпы?

— Фанатизмъ любви,—сказалъ онъ радостно,—фанатизмъ любви къ безконечности рода человѣческаго, любовь къ вѣчности жизни, любовь къ могущественной мысли,—что я и всѣ творенія—одно неразрывное цѣлое.

Онъ все дальше и дальше развивалъ эту мысль, внося въ нее различныя измѣненія.

— Я не скажу: приносите себя въ жертву, чтобы ваши дѣти были счастливы; я не скажу: жертвуйте собой, чтобы вамъ самимъ было лучше, чѣмъ до сихъ поръ. Я научу счастью, самоотверженію и жертвѣ безъ цѣли, безъ всякихъ разсчетовъ на будущее. У человѣчества есть безконечное желаніе жертвовать собой, но это желаніе убилъ самодовольный католицизмъ и самодовольный соціализмъ. Человѣчество забыло счастье жертвы единственно только для того, чтобы вкусить наслажденіе жертвы,—но я своими поступками напомню объ этомъ счастьѣ и этомъ наслажденіи.

Онъ вдругъ остановился и недовѣрчиво посмотрѣлъ на Ольгу.

— Вамъ, можетъ быть, кажется, что я безумный фантазеръ?

— О нѣтъ, это такъ прекрасно, что вы говорите. Я васъ очень хорошо понимаю.

Она задумалась.

Они долго молчали.

— Да, да, вы правы,—объ этихъ вещахъ уже говорилось и раньше, и лучше. Эти самыя идеи очень хорошо развилъ Фалькъ на послѣднемъ конгрессѣ въ Парижѣ. У меня тогда было искреннее желаніе цѣловать его руки...

Вдругъ онъ сразу нахмурился.

— Но во всемъ этомъ сердце его не принимаетъ участія. Это мозгъ его придумываетъ. Сердце его не пылаетъ тайнымъ, святымъ огнемъ любви... О нѣтъ, нѣтъ...

— И какъ можно высказывать такія идеи и не провалиться сквозь землю отъ стыда, что можешь обо всемъ этомъ говорить спокойно и холодно? Видите ли,—это безстыдство его мозга, что онъ не трепещетъ, не дрожитъ при такихъ мысляхъ... Его мозгъ не знаетъ стыда. Это злой человѣкъ.

Онъ недостаточно чистъ для такихъ мыслей. Для этого надо быть Христомъ, Іисусомъ Христомъ, Богомъ, святымъ источникомъ счастья въ жертвѣ.

— Вы очень измѣнились. Впрочемъ, я васъ не знала. Куницкій очень плохо отзывался о васъ.

Она встала и смотрѣла на него съ нѣкоторымъ испугомъ.

По его истощенному лицу, какъ бы не земному лицу, разлился какой-то просвѣтленный блескъ любви. Никогда она не видѣла ничего подобнаго.

— Вы должны обратить на себя вниманіе, вы больны.

— Нѣтъ, я не боленъ. Я счастливъ.

Онъ задумался.

— Вчера еще я былъ маленькимъ, слабымъ человѣкомъ, но теперь это уже прошло—прошло...

VI.

励ралькъ слушалъ съ нервнымъ безпокойствомъ. Ольга сухо разсказывала ему о своемъ визитѣ къ Черскому.

— Черскій фантазеръ,— сказалъ онъ, наконецъ.—Въ головѣ у него все перепуталось. Можетъ быть, онъ хочетъ основать фаланстеръ по примѣру Фурье... Хе - хе, Бакунинъ слишкомъ глубоко засѣлъ у него въ головѣ.

— Я не думаю, что онъ утопистъ,—сказала Ольга холодно, — быть можетъ, мысли его немного неясны, но онѣ оригинальны и, вѣроятно, осуществимы.

Фалькъ искоса посмотрѣлъ на нее.

— Гм, гм... ты думаешь? Возможно, возможно... Мнѣ лично очень симпатично, что онъ противорѣчитъ буржуазному кодексу... но скажи, что такое произошло между нимъ и Куницкимъ?

— Два года тому назадъ Куницкій застрѣлилъ на дуэли одного русскаго студента въ Цюрихѣ.

— На дуэли?

— Да. Для соціалиста это странно. И въ тотъ же вечеръ на собраніи Черскій далъ Куницкому пощечину.

— Почему?

— Онъ сказалъ, что даетъ ему пощечину не какъ Куницкому, а какъ человѣку, нарушившему основной принципъ партіи.

Фалькъ язвительно разсмѣялся.

— Чудесно! А что же Куницкій?

— Что же онъ могъ сдѣлать, вѣдь не могъ же онъ убить Черскаго?

— Удивительный фанатикъ! Но теперь не хочетъ имѣть ничего общаго съ партіей?

— Нѣтъ.

Фалькъ задумался.

— Мои дѣйствія—это мое бытіе—правда? Такъ онъ говорилъ... гм, гм...

Ольга пристально смотрѣла на него...

— Скажи только, Фалькъ, ты относишься серьезно ко всему нашему дѣлу?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что хочу, наконецъ, знать.

Она была очень раздражена.

— Потому что хочешь знать? Ну, хорошо. Я совершенно равнодушенъ къ вашему, такъ называемому, дѣлу. Что у меня общаго съ вашимъ дѣломъ? Человѣчество? Кто человѣчество? Что человѣчество? Я знаю, кто ты, кто моя жена, ну, еще двухъ, трехъ человѣкъ, но человѣчество, человѣчество!.. Я не знаю, что это значитъ.

Ольга смотрѣла на него долго, долго, потомъ грустно улыбнулась.

— Какъ ты клевещешь на себя... Неужели ты хочешь лгать передо мной?

Онъ остановился удивленный, коротко разсмѣялся и вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Итакъ, ты вѣришь, что у меня должны быть другія причины, если я все это дѣлаю,—другія, болѣе благородныя.

Она не отвѣтила.

— Вѣришь?—нетерпѣливо спрашивалъ онъ.

Но она все не отвѣчала.

— Ты должна мнѣ это сказать!—громко закричалъ онъ.

— Нѣтъ, не вѣрю, чтобы ты могъ довольствоваться такимъ злобнымъ, мелочнымъ мщеніемъ,—сказала она, наконецъ, спокойно. — Лжешь совершенно безъ цѣли. Знаю хорошо, что ты вызвалъ стачку и отдалъ цѣлое состояніе, потому что компанія владѣльцевъ копей платила 25% дивиденда своимъ акціонерамъ, а въ то же время среди рабочихъ свирѣпствовалъ голодный тифъ.

— Это не входило въ мои соображенія...

— Это неправда, неправда. Съ нѣкоторыхъ поръ ты находишь удовольствіе въ томъ, что обвиняешь себя, говоришь о себѣ какъ можно хуже.

— Ха-ха-ха... Ты великолѣпный психологъ.

Онъ натянуто разсмѣялся.

— А знаешь, знаешь, зачѣмъ я послалъ Черскому деньги?—вдругъ спросилъ онъ.

Она поблѣднѣла.

— Лжешь!—прошептала она.

— Знаешь?

Она была необычайно смущена.

— Скажи же, что это неправда,—хрипло проговорила она.

Она наклонилась надъ нимъ и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Ты хотѣлъ отъ него избавиться? Хотѣлъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ съ грустной усмѣшкой.—Я никого не боюсь.

Она глубоко вздохнула и сѣла.

Они долго молчали.

— Ну, что же ты сдѣлаешь съ Яниной?

Фалькъ поблѣднѣлъ и испуганно смотрѣлъ на Ольгу.

— Черскій тебѣ все разсказалъ?

— Да.

Онъ опустилъ голову и долго смотрѣлъ на полъ.

— Я усыновлю ребенка,—сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья.

— Ужасно, что въ тебѣ сидитъ какой-то злой демонъ. Зачѣмъ ты дѣлаешь несчастными себя и другихъ? Зачѣмъ? Ты страшно несчастный человѣкъ, Эрикъ?

— Ты думаешь?

Онъ сталъ разсѣянъ; остановился вдругъ передъ ней со странной улыбкой.

— Скажи мнѣ откровенно, Ольга, думала ли ты хоть мгновеніе, что я хочу избавиться отъ Черскаго изъ трусости?

— Нѣтъ, ни минуты. Эрикъ, ты добрый, но очень несчастный.

Онъ поцѣловалъ ея руку и сухо сказалъ:

— Благодарю.

Опять онъ началъ ходить быстрыми, безпокойными шагами по комнатѣ.

Воцарилось тяжелое молчаніе.

— Когда уѣзжаетъ Черскій?

— Сегодня ночью.

Опять молчаніе.

— Ольга, я вѣрю въ твою любовь, благоговѣю передъ нею, люблю ее: ты единственное существо, въ присутствіи котораго я становлюсь добрымъ.

Ольга, смущенная, встала, стараясь сдержать слезы.

— Не говори объ этомъ!—Зачѣмъ говоришь объ этомъ? Теперь же тебѣ предстоятъ страшныя непріятности... Если тебѣ будетъ очень скверно, Эрикъ, приходи ко мнѣ, можетъ быть, я пригожусь тебѣ на что-нибудь.

— Приду, приду, когда мнѣ буря свернетъ шею.

— Приходи, когда тебѣ ничего другого не останется.

Она вышла.
Фалькъ побѣжалъ за ней.
— Гдѣ живетъ Черскій?
Она дала ему адресъ.
— Хочешь пойти къ нему?
— Да!
Онъ стиснулъ зубы.

VII.

Когда наступилъ вечеръ, Фалькъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Черскому.

Ему нездоровилось, чувствовалъ, что у него лихорадка; боялся болѣе сильныхъ приступовъ, которые иногда бывали у него,—тогда онъ всегда дѣлалъ какія-нибудь глупости.

Но это не важно.

Непріятно только то, что долженъ теперь пойти къ Черскому и искренно, чистосердечно признаться, что струсилъ, а потому и послалъ ему деньги якобы для агитаціи, но на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы избавиться отъ него и помѣшать ему сказать его женѣ всю правду.

Ѣхалъ онъ безъ конца. Мысли его были странно разсѣяны, постоянно повторялъ нѣсколько безсмысленныхъ словъ. И странно, чѣмъ глупѣе были онѣ, тѣмъ упорнѣе, назойливѣе возвращались.

Онъ посмотрѣлъ на часы, было уже восемь. Черскій, вѣроятно, ранѣе полуночи не выѣдетъ. Итакъ, у него было время.

Наконецъ, подъѣхалъ къ дому, гдѣ жилъ Черскій.

Онъ безпомощно остановился. Который этажъ? Ну, конечно, на послѣднемъ.

Въ передней было совершенно темно. Взошелъ ощупью.

Онъ вздрогнулъ, наткнувшись на какого-то человѣка.

— Извините.

— Ничего.

Незнакомецъ былъ страшно раздраженъ.

— Это подлость—не зажигать въ такой темнотѣ огня. Я сообщу объ этомъ полиціи.

Голосъ незнакомца былъ очень непріятенъ. Фалькъ хотѣлъ спросить его, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Черскій, но подумалъ, что это, можетъ-быть, сыщикъ.

— Не знаете ли, гдѣ живетъ г-нъ Гейслеръ?—вдругъ спросилъ онъ его.

— Какъ вы сказали?

— Гейслеръ.

— Нѣтъ, не знаю.

Фалькъ сталъ взбираться вверхъ, стараясь, какъ можно больше шумѣть, на второмъ этажѣ онъ позвонилъ, снова спросилъ о Гейслерѣ,—дверь въ отвѣтъ на это съ шумомъ захлопнулась.

Фалькъ, довольный, улыбнулся. Теперь онъ пошелъ уже на цыпочкахъ и тихонько взобрался на верхній этажъ.

Онъ былъ очень доволенъ этимъ маневромъ. Тотъ ужъ, вѣрно, теперь убѣжденъ, что онъ отыскалъ во второмъ этажѣ Гейслера.

— А теперь куда? Направо или налѣво?

Постучался наугадъ.

— Войдите.

Фалькъ отворилъ дверь и вошелъ. Увидѣлъ Черскаго около окна.

Странно... Черскій не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Нисколько не удивился. Казалось, что онъ не замѣтилъ присутствія Фалька. Окинулъ его черезъ минуту равнодушными глазами и снова началъ смотрѣть задумчиво впередъ.

Фалькъ не сказалъ ни слова. Сѣлъ на стулъ противъ Черскаго и смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что не произнесъ еще ни одного слова. Видъ у Черскаго былъ страшный. Глаза впали и потускнѣли.

— Добрый вечеръ, Черскій!

Черскій посмотрѣлъ на него со страннымъ спокойствіемъ. Фальку стало страшно.

— Чего вы хотите, Фалькъ?

— Я? Въ сущности ничего. Я сейчасъ уйду, сейчасъ... не знаю даже, зачѣмъ я сюда пришелъ...—Онъ путался, но вдругъ пришелъ въ себя.

— Да, правда, правда, я пришелъ сказать вамъ, выложить, какъ на ладони, что я для того только прислалъ вамъ деньги на агитацію, чтобы избавиться отъ васъ... Я очень раскаиваюсь... Не хочу больше жить ложью,—она мнѣ больше не нужна. Но что я хотѣлъ вамъ сказать... Правда! Не ѣздите—вы совершенно правы, что хотите карать ложь и избавить міръ отъ нея. Я буду вамъ очень обязанъ, если вы теперь пойдете къ моей женѣ и все ей разскажите. Самъ я не сумѣю этого сдѣлать. Я не въ силахъ вынести этой муки... Я, знаете, слишкомъ чутокъ къ человѣческому страданью... еще съ дѣтства... Мой отецъ застрѣлилъ разъ собаку, которую я очень любилъ, собака въ предсмертной агоніи смотрѣла на меня страшными, испуганными глазами... Съ этого времени я не могу видѣть, когда кто-нибудь мучится или страдаетъ. А кромѣ того, у меня правило—никогда не препятствовать судьбѣ. И потому для меня необходимо, чтобы вы сами сказали объ этомъ моей женѣ...

— Вы трусъ!

— Да совершенно вѣрно. Я трусъ, а мою трусость я маскирую вѣрой въ детерминизмъ. Но я не вѣрю ни въ какой детерминизмъ, потому что ни во что не вѣрю... Мнѣ только очень жаль, что я нанесъ вамъ такой ударъ... Еще вчера я видѣлъ, какъ плохо вы выглядите...

励алькъ съ ужасомъ замѣтилъ, что лихорадка усиливается. Онъ съ трудомъ владѣлъ собой.

Черскій внимательно взглянулъ на него.

— У васъ лихорадка. Вы должны итти домой.

Фалькъ былъ очень раздраженъ.

— Кто можетъ вамъ поручиться, что я не играю комедіи? Я очень талантливый актеръ. Вы не можете быть увѣрены въ томъ, что случайно я не наткнулся на баснословную мысль обратить ловкой комедіей ваше вниманіе на мое ненормальное психическое состояніе и произвести на васъ впечатлѣніе человѣка, не вполнѣ отвѣтственнаго за то, что онъ дѣлаетъ или говоритъ... Хе-хе-хе...

Черскій ничего не отвѣтилъ.

Фалькъ раздражался все больше.

— Вы, кажется, ничего не слушаете.

Конечно, вы меня нарочно не слушаете... хе-хе... Хотите оскорбить меня. Еще вчера вы хотѣли меня оскорбить. Вы выдумали какое-то совсѣмъ глупое и простоватое приказаніе, чтобъ раздражить меня и довести до бѣшенства... Я васъ понимаю. Вы еще сохранили нѣкоторое уваженіе къ тому Фальку, который столько дѣлалъ для дѣла.

Вы должны были побороть себя, чтобы сказать мнѣ все то, что вы сказали. Не такъ ли?

Вы должны были подавить въ себѣ что-то, чтобы назвать меня подлецомъ—должны были вынести съ собой цѣлую борьбу, чтобы сказать это...

Черскій посмотрѣлъ на него страннымъ продолжительнымъ взглядомъ, а потомъ сказалъ почти торжественно:

— Правда.

Фалькъ былъ сильно удивленъ.

— Вы сказали, что это правда?—Вы такъ и сказали?.. Понимаете ли вы, что я говорю?

Я послалъ вамъ деньги съ условіемъ, чтобы вы сейчасъ же уѣхали отсюда. Я ожидалъ даже, что еще сегодня утромъ вы разскажете женѣ все, и приказалъ лакею не пускать къ ней никого.

Черскій улыбнулся.

— А и мнѣ въ голову не пришло итти къ вашей женѣ.

— У васъ въ самомъ дѣлѣ не было этого намѣренія? Въ самомъ дѣлѣ?

Фалькъ глубоко задумался.

— Я былъ увѣренъ, что вы сдѣлаете это.

Я слыхалъ, что вы очень прямолинейны и мстительны. Мнѣ казалось, что вы хотите погубить меня. А меня можно погубить, только отнявъ у меня жену.

Онъ посмотрѣлъ почти съ испугомъ на Черскаго.

— Видите ли,—сказалъ онъ вдругъ.—Теперь мой мозгъ солгалъ опять. Онъ ищетъ, Богъ знаетъ—гдѣ, причинъ того факта, что я уже погибъ. Моя жена со мной, а, несмотря на это, я погибъ. А причины этого кроются въ чемъ-то другомъ. Вы знаете, что такое мальстремъ? Конечно, знаете: вихрь, водоворотъ... Вода вздымается бѣшенымъ гейзеромъ, который снова, кружась, падаетъ въ бездну, валится въ страшную, открытую пропасть... А знаете, что происходитъ, когда человѣкъ попадаетъ въ такой мальстремъ? Мальстремъ втягиваетъ въ себя, снова, какъ мячъ, выбрасываетъ вверхъ, потомъ снова рветъ въ пропасть и снова выбрасываетъ вверхъ... Страшно!

Я видѣлъ это во время своего свадебнаго путешествія. И въ этотъ мальстремъ попалъ самъ. Тысячу разъ онъ можетъ еще выбросить меня, но втянетъ меня опять—не выйти ужъ мнѣ оттуда. Я погибъ безвозвратно. Хе-хе... Это странно. Что? Вѣдь это очень странно.

Вытеръ потъ со лба.

— Да, я погибъ. Вы понимаете. Я говорю о своемъ разрушеніи, какъ говорятъ о какой-нибудь каменной стѣнѣ или о кускѣ мяса, разлагающемся въ жару лѣтняго солнца. Видите ли, я погибъ въ этомъ смыслѣ, потому что моя душа разлагается въ страшномъ жару, — а у меня часто, милый Черскій, бываетъ жаръ... Хе-хе... У меня было когда-то воспаленіе легкихъ, съ этихъ поръ лихорадка травитъ меня постоянно.

Хе-хе-хе...

А такъ какъ я погибъ, то вы избавите, освободите меня отъ людей, которые любятъ меня, потому что каждый человѣкъ, который любитъ меня, причиняетъ мнѣ безконечную муку, является моимъ врагомъ. Я долженъ лгать, лгать вѣчно, потому что не въ силахъ снести той муки, когда вижу, что люди разочаровываются во мнѣ. Любятъ меня, считая великимъ, а я только бѣдный, жалкій червякъ... Общественный паразитъ... А развѣ я могу сказать имъ это? Попросту, они не вѣрятъ, когда я говорю имъ это, и отсюда все мое отчаяніе. И я долженъ лгать, потому что они съ наслажденіемъ вѣрятъ моей лжи,—да сохранитъ ихъ Богъ отъ той минуты, когда они увѣруютъ въ мою правду. Развѣ я запрещалъ кому-нибудь быть добрымъ? Но мнѣ рѣшительно не позволяютъ быть злымъ, подлецомъ, негодяемъ...

— Но что же вы смѣетесь, чортъ возьми?

У Черскаго не было ни малѣйшаго желанія смѣяться.

— Я вовсе не смѣюсь. Я не знаю только, чего вы отъ меня хотите? Вы удивительно искренни и откровенны, но я никакъ не пойму, какія у васъ намѣренія?

— Какія намѣренія? Хе-хе-хе... Я хочу ввести васъ въ заблужденіе, расчувствовать и растрогать васъ своей искренностью... Я ловкій человѣкъ—исповѣдываюсь въ грѣхахъ, которыхъ не совершалъ, чтобы замаскировать преступленіе, которое лежитъ на совѣсти... Ха-ха-ха! Какъ вы наивны!

Черскій улыбнулся, но въ улыбкѣ его было столько страданія, что Фалькъ въ ту же минуту сталъ серьезенъ.

— Это пустая болтовня, Фалькъ. Меня вы не введете въ заблужденіе,—я слишкомъ хорошо чувствую ваше страданіе и муку. Успокойтесь... Я забылъ о Янинѣ, и о васъ, и о вашей женѣ... Что мнѣ теперь все это?.. Вѣдь я не думалъ серьезно о томъ, что вы подлецъ, когда говорилъ вамъ объ этомъ вчера. Вы слишкомъ страдаете, чтобы быть подлецомъ. Въ сущности вы не злой человѣкъ. Мнѣ очень жаль, что я оскорбилъ васъ вчера такъ грубо.

Фалькъ смотрѣлъ на него съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Вы очень удивлены? Вы составили обо мнѣ совершенно ложное мнѣніе? Но что говорить объ этомъ? Я забываю все... смотрю на васъ, вижу ваше отчаяніе... мнѣ жаль, что вы такъ несчастны. Но мнѣ хочется смѣяться надъ вашими маленькими страданіями, какъ смѣюсь я надъ собой и своими любовными страданіями. Что же?.. Вы въ отчаяніи — умираете отъ тревоги и безпокойства... почему? Вы подошли къ непріятному половому конфликту? Милый, дорогой Фалькъ, во мнѣ живетъ другое, большое и страшное страданіе, которое чувствуетъ только тотъ, кто слился въ одно со всѣмъ человѣчествомъ, въ жилахъ котораго переливается цѣлый адъ и бездны его кровавыхъ страданій.

Смолкъ.

— Знаю, знаю, — сказалъ онъ послѣ длинной паузы, — что для васъ не существуетъ понятія человѣчество. Ваша душа слишкомъ мала, чтобъ обнять весь свѣтъ. Сердца ваши бьются только для вашихъ женъ, любовницъ и дѣтей; вы спеціалисты въ любви. Да, спеціалисты. У каждаго изъ васъ есть маленькая профессія въ области любви: у одного семья, у другого домъ терпимости. Чѣмъ отличаетесь вы другъ отъ друга? Чѣмъ? Только тѣмъ, что одинъ имѣетъ смѣлость преступать законы, которые регулируютъ вашу мелкую любовь и ваши ничтожныя желанія, а у другого не хватаетъ этой смѣлости. Все въ васъ грязно и мелко. Въ чемъ состоитъ сводъ вашихъ законовъ? Не пожелай жены ближняго твоего, не укради и не убій! Въ чемъ ваша религія? Къ чему она вамъ служитъ? Чтобы послѣ трудовъ, обжорства и пьянства на землѣ обезпечить вамъ спокойный уголокъ для пищеваренія на небѣ... Что такое ваша философія? Читалъ я вашего Штирнера и Ницше. Все это ложь. Все мелкая, низкая ложь. Надо было устранить все великое—и любовь, и милосердіе, и подвигъ, и человѣчество, и Бога, потому что все это мѣшаетъ вашему пищеваренію. Я и еще разъ Я,—говорите вы. Но что же такое ваше Я? Противоядіе противъ мукъ совѣсти? Ваше Я служитъ только для того, чтобы придать вамъ смѣлости нарушить ваши маленькіе законы, регулирующіе ваши мелкія желанія. Несмотря на свой богатый индивидуализмъ, вы, फалькъ, все же маленькій, маленькій человѣкъ. Къ чему свелась ваша жизнь? Къ пьянству и разврату. Но нѣтъ, нѣтъ—я сказалъ слишкомъ много. Вы еще великій артистъ, вы все же отдавали очень много человѣчеству, которое вы презираете, но не для того ли, признайтесь, чтобы заглушить муки совѣсти.

Онъ всталъ передъ Фалькомъ, словно угрожая ему, но сѣлъ снова.

— А впрочемъ, что для меня вы? У меня уже нѣтъ съ вами ничего общаго.

Я сижу дома цѣлый день; съ десяти часовъ думаю только надъ тѣмъ, что уже ничто не связываетъ меня съ вами. Я лишился всего, что было во мнѣ личнаго... Вы не знаете понятія человѣчество—и я не знаю этого понятія, но люблю и знаю человѣчество, какъ сущность моей души, чувствую его въ каждомъ біеніи моего сердца, чувствую его какъ основное, первое чувство, знаю, что пожертвовать собою для милліоновъ это нѣчто иное, чѣмъ летать, потѣть и ползать передъ первой красивой самкой. Но теперь уйдите, уйдите, мнѣ хотѣлось бы остаться одному передъ отъѣздомъ... Думайте только о томъ, что вы—маленькій человѣкъ, а могли бы быть однимъ изъ великихъ, да, да...

Фалькъ былъ глубоко взволнованъ.

Но въ ту же минуту имъ овладѣлъ циничный стыдъ за то, что онъ такъ потрясенъ—его мозгъ глумился надъ его безпомощностью.

— Вы употребляете опій?—спросилъ онъ съ иронической улыбкой.

Черскій посмотрѣлъ на него съ холоднымъ спокойствіемъ.

— Вашъ мозгъ безстыденъ,—говорилъ онъ медленно и торжественно.—Безстыденъ!

Фалькъ съежился подъ этимъ вдохновеннымъ взглядомъ и ясновидящими словами.

Онъ былъ смущенъ, чувствовалъ, какъ двѣ души борются въ немъ, стараясь побѣдить другъ друга.

— Да, вы правы, моя душа, мой мозгъ—безстыдны.

Но въ ту же минуту скептическая, саркастическая и циничная душа побѣдила. Онъ язвительно разсмѣялся.

— Все это очень хорошо, что вы сказали, хотя все это сказалъ уже Ницше, котораго вы такъ презираете.

Ему интересно было знать, какъ это подѣйствуетъ на Черскаго.

Но Черскій, казалось, ничего не слышалъ. Онъ стоялъ у окна, повернувшись къ нему спиной.

Фалькъ вдругъ сталъ грустнымъ и серьезнымъ. Онъ говорилъ, но только потому, что боялся молчанья.

— Да, да, мой мозгъ безстыденъ, такъ какъ не можетъ понять, что ваша любовь къ человѣчеству не вызвана причинами, лежащими въ вашихъ личныхъ неудачахъ и страданіяхъ. Мой мозгъ таковъ, что онъ не вѣритъ слѣпо въ ваши чувства, онъ ставитъ ихъ подъ микроскопъ и анализируетъ. Вы сидѣли въ тюрьмѣ. Женщина, которую вы любили, отдалась другому. Одиночество, отчаяніе, грусть, разбитыя надежды вызвали въ васъ одно лишь желаніе—забыть о самомъ себѣ, жить только самоотреченіемъ и жертвой. Ваше человѣчество—это только ложь; вы сами обманываете себя, чтобы спастись отъ отчаянія, чтобы притупить боль,—ваше человѣчество—это инстиктъ самосохраненія вашего организма, который во что бы то ни стало нуждается въ отдыхѣ и покоѣ. И вотъ какая разница между мною и вами: вы счастливы со своей великой ложью, а я несчастливъ, такъ какъ ложь моя мала. Но что значитъ велика? Что значитъ мала? Господи, у меня перепутались всѣ понятія... Но это ничего не значитъ. Какое намъ дѣло до логическихъ сужденій? Вѣдь они существуютъ только для того, чтобы способствовать пищеваренію. Вѣдь человѣчество и логикой успокаиваетъ нечистую совѣсть...

Черскій вдругъ обернулся.

— Вы напьетесь чаю?

— Я буду вамъ очень благодаренъ... Послушайте, вы меня презираете. Вы назвали меня подлецомъ. Отчего вы меня такъ назвали? потому что въ моихъ разрушеніяхъ похоть и полъ сыграли большую роль, то-есть даже были единственнымъ мотивомъ... Я говорю—разрушеніяхъ, потому что, кромѣ Янины, есть еще цѣлый рядъ людей на моей совѣсти...

Онъ пилъ чай, стаканъ за стаканомъ. Лихорадка увеличивалась.

— Похоть, полъ, сладострастіе были мотивомъ,—прекрасно, прекрасно...

Нить мыслей снова оборвалась... онъ долго думалъ, потомъ вскочилъ съ торжествующимъ лицомъ.

— Смотрите—вотъ, вотъ... Наполеонъ! Это классическій примѣръ во всѣхъ такихъ случаяхъ.

Лицо его сіяло.

— Вы улыбаетесь. Не думайте пожалуйста, что я хочу сравнить себя съ Наполеономъ. Я только взвѣшиваю взаимное соотношеніе между различными мотивами и дѣйствіями. Какіе мотивы руководили душой Наполеона? Хе-хе... Говорятъ, что онъ былъ грозой, которая очищаетъ воздухъ. Но это глупое сравненіе. То, что гроза очищаетъ воздухъ— это только случайность,—вѣдь вы не признаете разумной цѣли въ природѣ... Хе-хе... Дайте-ка мнѣ еще стаканъ чаю.

— Но вѣдь всѣ преступленія Наполеона были чѣмъ-нибудь вызваны. Честолюбіе, par exemple. Но что же такое честолюбіе? Вѣдь это не самодовлѣющій фактъ... но можетъ, вамъ наскучила моя болтовня?..

— Говорите, говорите,—это, кажется, васъ успокаиваетъ.

— Да, это дѣйствительно меня успокаиваетъ. Вы хорошій психологъ. Итакъ, честолюбіе—это чувство въ высшей степени сложное. Это не элементарное чувство, какъ го-

лодъ, или любовь. Это что-то такое, что вызвано рядомъ такихъ элементарныхъ, неразложимыхъ чувствъ.

Фалькъ нервно разсмѣялся.

— Простите, у меня немного путается въ головѣ, но я нездоровъ, въ самомъ дѣлѣ. Я хотѣлъ только сказать, что всѣ мотивы каждаго поступка имѣютъ болѣе или менѣе одинаковую цѣнность. Корни каждаго чувства — въ элементарныхъ чувствахъ, — хе-хе, — а потому и ихъ послѣдствія равноцѣнны. Но это — спеціальныя теоріи, и всѣ онѣ могутъ никуда не годиться,—я хотѣлъ только доказать вамъ, что мотивы моихъ благородныхъ поступковъ ничѣмъ не отличаются отъ мотивовъ Наполеона. Хотя, положимъ, мотивы человѣческихъ поступковъ по большей части неизвѣстны. Неизвѣстно, почему дѣлаютъ то или другое... Ну да, да...

Фалькъ съ большимъ трудомъ собиралъ свои мысли,— онѣ, казалось, разрывались и разбѣгались во всѣ стороны.

Черскій съ усмѣшкой перебилъ его.

— Да, вы сражаетесь съ вѣтреными мельницами. Вамъ кажется, что Наполеонъ великій человѣкъ? Онъ, можетъ быть, великъ для васъ, такъ какъ далъ вамъ примѣръ, какимъ грубымъ и жестокимъ надо быть для того, чтобы насытить свою похоть.

Фалькъ смотрѣлъ на него съ лихорадочной напряженностью. Онь вдругъ увидалъ его такимъ, какимъ прежде никогда не видѣлъ.

— Странно, странно,—повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Вдругъ онъ приблизился къ Черскому и заговорилъ очень тихо.

— Вы совершите страшное преступленіе! Не волнуйтесь, вы совершите то, что люди называютъ преступленіемъ. Я это знаю. Я увидалъ это вдругъ на вашемъ лицѣ. Я думалъ прежде, что вы больны или употребляете опіумъ, но это не

то, не то. Я не знаю, откуда взялась у меня эта мысль, это ясновидѣніе. У всѣхъ политическихъ преступниковъ одинаковое выраженіе лица. Я видѣлъ Падлевскаго въ Парижѣ нѣсколько часовъ спустя послѣ убійства русскаго посланника... Правда, я видѣлъ его и нѣсколькими днями раньше...

励алькъ снова сѣлъ, въ глазахъ у него потемнѣло, но это продолжалось нѣсколько мгновеній.

— И вотъ смотрите, когда вы будете разрушать и убивать,—у васъ будутъ мотивы... И чѣмъ это будетъ вызвано? Вашей любовью къ человѣчеству, состраданьемъ, мученьемъ. Прекрасно! Но въ чемъ же корни вашей любви и состраданья? Вѣдь только въ бѣшеномъ желаніи осуществить цѣль, которая у васъ передъ глазами. Въ чемъ же разница между вашимъ желаніемъ осчастливить человѣчество и моимъ, когда я хочу забыть кровавую муку своей жизни и дѣлаю несчастной какую-нибудь Маритъ или Янину? Хе... хе... Вы за тысячу миль отсюда—вы меня не слушаете, стараясь показать свое презрѣніе...

Но скажите мнѣ, скажите, чѣмъ отличаются мои преступленія отъ тѣхъ, которыя совершаете вы? Вѣдь только тѣмъ, что мои преступленія не разсмотрѣны уголовнымъ законоположеніемъ, а васъ казнятъ. Но меня загрызутъ мои муки и укоры совѣсти, а жертва, принесенная вами, дастъ вамъ страшное счастье... жертвы,—крикнулъ онъ громко—жертвы!

Черскій вздрогнулъ.

— Что вы сказали, что?

— Счастье святой жертвы, принесенной вами,—а у меня въ сердцѣ такая мука.

Состояніе, въ которомъ находился Фалькъ, граничило съ болѣзненнымъ экстазомъ.

— Вы сказали, что плюете на все это. Приблизительно такъ. Знаете, это насъ очень сближаетъ. И я плюю на все, и на себя, и на Наполеона, и на сверхъ-человѣка, и на весь міръ... Все ничтожество... глупость и вранье... Черскій— вранье!—крикнулъ онъ.

Онъ растерялся и вдругъ сталъ очень серьезенъ. И снова заговорилъ быстро, безсвязно, путался, словно хотѣлъ высказать все, что у него на душѣ.

— Я никому не говорилъ того, что говорю вамъ. Я удивляюсь вамъ, люблю васъ. А знаете почему?—Почему?—спросилъ онъ таинственно.—Потому что вы перестали быть самимъ собой... Да, вы и Ольга... Я люблю васъ потому, что только вы умѣете любить. А это—единственное чувство, которое я люблю и передъ которымъ преклоняюсь...

Развѣ вы не слышите, какъ дрожитъ мое сердце, развѣ вы не видите, какъ кровь стучитъ въ моихъ вискахъ... но чтобы любить, какъ любите вы — нужно вѣрить... вѣрить... только въ вѣрѣ—любовь... хе... хе... Въ вѣрѣ, которая стала самою любовью.

И странно, что вы, борцы за толпу — вы одни сверхъ-люди. И ваша адская любовь и состраданіе даютъ вамъ такую силу и мощь. Я? Что такое я? Я—человѣкъ, обреченный на вымираніе. Я послѣдній человѣкъ... Знаете—въ полинезійскомъ архипелагѣ была удивительная человѣческая раса, которая вымретъ лѣтъ черезъ 30. Она вымираетъ отъ физической чахотки. А моя раса вымираетъ отъ психическихъ phtysis. Легкія мозга разрушены, вѣра разбита, подточена, изъѣдена.

Фалькъ началъ долго и нервно смѣяться.

Ха-ха-ха... У меня былъ другъ; онъ былъ такимъ же сверхъ-человѣкомъ, какъ я. Но, къ сожалѣнію, не былъ такъ силенъ, какъ я. Умеръ отъ пьянства и разврата. Когда онъ

умеръ, я пошелъ въ кафэ, чтобы подумать и понять, что Болеславъ умеръ. Я зналъ, что онъ умеръ, но не былъ въ состояніи понять этого. Въ кафэ я засталъ одного толстаго, жирнаго медика, самаго страшнаго развратника изъ всѣхъ, кого я знаю. Онъ былъ сильно пьянъ. Я подошелъ къ нему.— Болеславъ умеръ,—сказалъ я ему.—Онъ на минуту задумался.—Ну, тутъ нѣтъ ничего страннаго. — Какъ такъ? -- спросилъ я.—Нужно имѣть принципы,—отвѣтилъ этотъ противный пьянчуга,—когда они есть, тогда не умираютъ.

Фалькъ всталъ, потеръ себѣ лобъ и на минуту потерялъ сознаніе.

— Милый Черскій, постарайтесь только понять, что это отчаяніе говоритъ во мнѣ. Черскій, вы правы, вы до страннаго правы. Эта жалкая жизнь, жизнь червя, который залѣзъ въ муку. Ничтожная жизнь мелкой любви... Какъ вы это сказали? Любовь къ семьѣ и привязанность къ публичному дому? Не сердитесь, что я такъ грубо выражаюсь. Какъ вы знаете, я плюю на все,—на жизнь, на себя, на васъ... Нѣтъ, на васъ я не плюю, вы слишкомъ велики, слишкомъ святы для того, чтобы я могъ на васъ плевать.

Фалькъ вдругъ припалъ къ рукѣ Черскаго и цѣловалъ ее со странной торжественной грустью.

Черскій съ силой вырвалъ руку.

Фалькъ долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова, потомъ сѣлъ и сталъ смотрѣть въ пространство.

Ему казалось, что лихорадка прошла. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что сдѣлалъ и что сказалъ. Черскій странно блѣднѣлъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ, сюда?

Голосъ его дрожалъ и понизился.

Фалькъ долго, долго смотрѣлъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ.

— Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что меня привели сюда не какія-нибудь мелочи, въ родѣ...

— Вы говорите правду?

— Я никогда не былъ правдивѣе.

Черскій взволнованно ходилъ по комнатѣ.

— Я беру назадъ все, что сказалъ вамъ вчера и сегодня,—онъ говорилъ очень тихо и, видно, съ большимъ трудомъ боролся со своимъ волненіемъ.—Вы не подлецъ и не мерзавецъ... Простите меня за то, что я хотѣлъ васъ оскорбить.

Долгое, долгое молчаніе.

Черскій вдругъ обернулся.

— Я не зналъ васъ, мнѣ казалось, что вы безсовѣстный человѣкъ, и мнѣ очень жаль, что я написалъ обо всемъ Стефану.

— Такъ вы написали обо всемъ Стефану?

— Да.

Фалькъ равнодушно посмотрѣлъ на него.

— Гм... можетъ быть, вы хорошо сдѣлали. Но я теперь усталъ. Будьте здоровы, Черскій! Я радъ, что мы разстаемся друзьями.

Онъ не подалъ ему руки и машинально сошелъ по лѣстницѣ.

VIII.

Въ сѣняхъ онъ вспомнилъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ ему показалось, что онъ наткнулся на какого-то сыщика, зажегъ спичку, оглянулся по сторонамъ, но никого не было.

А можетъ быть, онъ ошибся или страдаетъ маніей преслѣдованія... Холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу... Это, вѣрно, опять лихорадка.

Онъ шелъ и шелъ, не зная куда.

Задумался...

Домой? Зачѣмъ домой? Чтобы видѣть людей, которые мучатъ его своею любовью. Зачѣмъ? Онъ ненавидитъ все это. Все, что случилось, случилось оттого, что кто-то тамъ его любилъ. Фалька никто не можетъ любить. Фалькъ—скотина. Нѣтъ... не скотина, а очень грустный человѣкъ.

Отвратительно, что онъ поцѣловалъ руку Черскаго, ха-ха-ха... Кому только Фалькъ не цѣловалъ руки! Но теперь онъ не позволитъ себѣ стыдиться. И чего же ему стыдиться, хе-хе...

Его охватила страшная, болѣзненная меланхолія.

Онъ остановился и долго смотрѣлъ впередъ.

Начать новую жизнь? Нѣтъ, у него нѣтъ уже силъ для этого. Это ничуть не было бы лучше, чѣмъ теперь. Лучше, что теперь міръ на него обрушится.

— Иза? Иза?.. Боже Милостивый, — между мною и ею вѣчно встаетъ ея прошлое — ея прежній возлюбленный убиваетъ меня.

— И чего хочу я отъ жизни?

— Искусство? Хе... хе... Да, я былъ артистомъ, говорятъ даже, однимъ изъ самыхъ крупныхъ артистовъ, — я творилъ, потому что долженъ быть творить, но въ минуты творчества у меня появлялась больная мысль: къ чему это все? Смотрю на людей, которыхъ творю, какіе-то новые міры обнажаетъ моя рука, а все это такъ смѣшно, такъ безконечно смѣшно — и какъ тутъ творить, господинъ Черскій, какъ... какъ? Чтобы творить, нужно вѣрить, а откуда взять вѣру, разъ ея нѣтъ? Онъ разсмѣялся во все горло. Что-то глубоко кольнуло его сердце.

— Эхъ, господинъ Черскій, я подарю вамъ все мое искусство, я брошу къ вашимъ ногамъ свою славу, отрекусь отъ прошлаго и будущаго, отъ всѣхъ памятниковъ и надписей въ память обо мнѣ за одно мгновеніе счастья... Хе-хе... И вы, господинъ Черскій, поборникъ правды и искренности, вы, который хотите осчастливить милліоны людей, испробуйте ваши силы — дайте Эрику Фальку мгновеніе счастья...

Онъ вдругъ вздрогнулъ.

— Что сказалъ Черскій?.. Что?.. Написалъ обо всемъ Стефану?

Его охватилъ обезсиливающій ужасъ. Написалъ Стефану... Онъ сначала не понялъ этого... Слышалъ только слова... Чувствовалъ бѣшеное желаніе вернуться къ Черскому, бить его, размозжить кулакомъ его голову, свернуть ему шею...

Но сейчасъ же забылъ о своемъ возбужденіи, и только чувство дрожащаго страха гнало его кровь опять къ сердцу. Онъ тяжело дышалъ. Очень ослабѣлъ.

Онъ шелъ медленно, но что-то страшно давило грудь. Словно весь міръ обрушился на него.

— Такъ не можетъ продолжаться. Это его уничтожитъ окончательно, а вѣдь онъ долженъ жить, долженъ извѣдать еще хоть немного счастья съ Изой.

Странная энергія наполнила его мозгъ. Онъ шелъ большими шагами и думалъ о томъ, какъ Иза красива. Если бы онъ жилъ съ нею милліоны лѣтъ, всѣ они утонули бы въ той секундѣ, когда онъ поймалъ впервые ея взглядъ, если бы онъ былъ распростертъ надо всѣмъ міромъ, то вползъ бы, съежившись, въ одинъ этотъ взглядъ, полный любви.

— Хе-хе, это красиво подумалъ, очень красиво...

И снова вздрогнулъ.

Онъ вдругъ увидѣлъ ее въ объятіяхъ другого.

Весь сжался отъ страха.

— Только не это,—нѣтъ, нѣтъ...

Надо, наконецъ, успокоиться.

Правда! Онъ забылъ о папиросахъ. Остановился.

— Который теперь часъ? Еще нѣтъ половины одиннадцатаго. Ну,—онъ закуривалъ папиросу,—такъ я могъ бы пойти къ Ольгѣ — поговорить немного о человѣчествѣ, объ идеалахъ... Хе-хе... Она добрая, а мнѣ очень нужна доброта...

Вдругъ его охватила странная маніакальная мысль. Ему казалось, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ шпіонами, что черезъ минуту его арестуютъ.

Испугъ и ужасъ расли въ немъ все больше и больше. Онъ оглянулся по сторонамъ. На улицѣ было совсѣмъ темно. Огни потушены. Вдругъ—передъ нимъ кто-то стоитъ. Фалькъ задрожалъ, но овладѣлъ собою и сталъ раздумывать. Конечно, какой-то сыщикъ. Какъ бы отъ него отдѣлаться? Онъ обернулся, прошелъ мимо него, пристально глядя ему

въ глаза. Но тотъ, казалось, не обратилъ на это вниманія и продолжалъ итти.

Фалькъ злобно разсмѣялся.

— Глупый маневръ! Дѣлаетъ видъ, что не видитъ, а самъ видитъ все прекрасно.

— Что же теперь?

— Сѣсть на извозчика? Но развѣ это поможетъ?

Онъ вошелъ въ какой-то ресторанъ, заказалъ пива и взялъ въ руки газету.

Въ ту же минуту вошелъ какой-то человѣкъ, сѣлъ напротивъ и сталъ смотрѣть на Фалька со странной наглостью,—такъ по крайней мѣрѣ ему казалось. Фалькъ нѣсколько разъ поднималъ глаза изъ-за газеты, и каждый разъ глаза ихъ встрѣчались.

Это было невыносимо.

Его охватило какое-то дикое отчаяніе.

Онъ отбросилъ газету, заплатилъ за пиво и презрительно взглянулъ на незнакомца.

Вдругъ его сердце перестало биться.

Незнакомецъ всталъ и пошелъ къ нему.

— Но вѣдь у него видъ совсѣмъ не сыщика!—промелькнуло у него въ головѣ.

— Я имѣю честь говорить съ господиномъ Фалькомъ?

— Вы хотите меня арестовать? Хорошо, только не здѣсь.

Фалькъ дрожалъ и оперся на столъ.

— Я не понимаю васъ,—удивленно отвѣтилъ незнакомецъ.

Фалькъ пришелъ въ себя.

— Вы меня преслѣдуете?

— Нѣтъ. Я встрѣтилъ васъ случайно. Я, дѣйствительно, ищу васъ съ нѣкотораго времени, но я совсѣмъ васъ не преслѣдую и не имѣю никакого намѣренія васъ преслѣдовать. Я хочу только поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Онъ лжетъ,—хочетъ устроить ему ловушку.

— Такъ вы не хотите меня арестовать? Ну, разъ вы хотите поговорить со мной, то приходите ко мнѣ.—Фалькъ язвительно смѣялся.—Теперь, видитъ Богъ, у меня нѣтъ ни малѣйшаго расположенія вести какіе бы то ни было споры... Можетъ быть, вы хотите узнать что-нибудь о моемъ участіи въ стачкѣ на копяхъ? Хе-хе... Приходите ко мнѣ, поговоримъ объ этомъ.

Фалькъ сѣлъ, сердце такъ сильно билось, кровь прилила къ мозгу.

Незнакомецъ смотрѣлъ на него съ возрастающимъ изумленіемъ. Фалькъ, наконецъ, всталъ и ушелъ.

На улицѣ онъ глубоко вздохнулъ. Все, что произошло, показалось ему происшедшимъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ. Итакъ, онъ улизнулъ отъ какой-то очень большой опасности...

— Хе-хе... Это странно! Но что не странно въ этой адской жизни?—спросилъ съ болѣзненной усмѣшкой.—Что не странно? Ха-ха-ха... Какой-то совершенно посторонній человѣкъ нагналъ на меня такой страхъ.

— Это, конечно, не сыщикъ. Вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, кому я съ пьяныхъ глазъ наговорилъ о своей дружбѣ. Можетъ быть, я сказалъ ему, что онъ самый красивый человѣкъ на землѣ—изъ всѣхъ, кого я видѣлъ; можетъ быть, я говорилъ, что онъ мой единственный другъ... Фалькъ долго смѣялся судорожнымъ, злымъ смѣхомъ. Кому я этого не говорилъ? Есть ли такой человѣкъ, которому бы я этого не говорилъ?

— Ха-ха-ха... Теперь этотъ господинъ помчится по всему городу и будетъ разсказывать, что видѣлъ Фалька въ состояніи полной невмѣняемости, что Фалькъ былъ почти помѣшанъ и говорилъ, не отдавая себѣ отчета въ словахъ... Ха-ха-ха...

Вдругъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ пойти къ Ольгѣ. Тутъ очень близко.

IX.

Въ маленькой комнатѣ ресторана „Зеленый Соловей“ сидѣлъ только одинъ человѣкъ. Тяжело оперся головою на руки и погрузился въ глубокую задумчивость.

Фалькъ вздрогнулъ:

— Боже мой,—Гродскій! Откуда онъ взялся? Вѣдь онъ долженъ быть теперь въ Швейцаріи... И одинъ!

Его охватило безпокойство. Онъ сѣлъ за тотъ же столъ и молча смотрѣлъ на него.

Но Гродскій, казалось, не замѣчалъ, что кто-то смотритъ на него.

— Ты спишь что ли?—Фалькъ толкнулъ его нетерпѣливо. Онъ былъ раздражителенъ, самъ не зная отчего.

Гродскій пристально посмотрѣлъ на него, а потомъ съ глубокой задумчивостью сталъ смотрѣть въ свой стаканъ.

— Да ты не можешь произнести ни слова,—крикнулъ раздраженно Фалькъ.

Гродскій снова взглянулъ на него и злобно усмѣхнулся.

Фалькъ хотѣлъ что-то сказать, но въ ту же минуту замѣтилъ, какъ страшно выглядѣлъ Гродскій. Лицо мертвенно-блѣдно. Глаза глубоко впали, неподвижные, мертвые.

— Ты боленъ?

Гродскій покачалъ головой.

— Такъ что съ тобой?

— Гм... тебѣ хочется знать... Можетъ, ты опять хочешь продѣлать надо мной свои прежніе опыты? Хе-хе, прошло ужъ то время, когда я, какъ медіумъ, подчинялся твоему вліянію.

Фалькъ, казалось, ничего не слышалъ.

— Странно, — сказалъ онъ черезъ минуту, — какъ разъ сегодня я говорилъ о тебѣ и о твоемъ припадкѣ сумасшествія въ Африканскомъ погребѣ... Ты велъ себя тогда необыкновенно смѣшно и неприлично.

Фалькъ былъ очень возбужденъ.

— Скажи только, чего ты такъ кричалъ тогда? А? Впрочемъ, мнѣ очень и очень непріятно, что я тебя встрѣтилъ здѣсь.

Гродскій взглянулъ на него проницательно и улыбнулся.

— Мнѣ тоже. Можетъ быть, даже больше. Собственно говоря, я долженъ былъ знать, что ты шляешься по ночамъ и что тебя въ это время можно встрѣтить вездѣ.—Онъ злобно разсмѣялся.—Ты еще не оставилъ своего распутства?— Фалькъ презрительно пожалъ плечами. Его трясла лихорадочная дрожь, въ горлѣ жгло, въ глазахъ временами темнѣло. Онъ на самомъ дѣлѣ былъ боленъ.

Вытеръ потъ со лба.

— У тебя, вѣрно, опять лихорадка?—спросилъ Гродскій съ неопредѣленной улыбкой.

Фалькъ все больше и больше лишался силъ.

— Да, да,—я, вѣрно, боленъ, хотя навѣрно не знаю... Но это пройдетъ... Я только страшно безпокоюсь.

Онъ вдругъ почувствовалъ желаніе говорить, говорить, какъ можно больше, хотѣлъ объ очень многомъ разспросить Гродскаго, но забылъ—о чемъ.

— Нѣтъ, это пройдетъ—пустяки. Да, правда! Я такъ давно не видалъ тебя, со времени этого скандала. У меня теперь часто бываютъ приступы лихорадки.

Онъ долго думалъ.

— Да—это была страшно скандальная исторія... Ты вѣдь бѣжалъ съ этой женщиной... какъ же ее зовутъ? Какъ же ты снова очутился здѣсь? А что же она?

— Умерла, вѣрно,—задумчиво отвѣтилъ Гродскій.

— Умерла? Умерла? Постой, я, кажется, тебя не понялъ. Ты сказалъ,—умерла, вѣрно.

— Я навѣрное не знаю.—Гродскій говорилъ необыкновенно медленно.—Не знаю, зачѣмъ я вернулся сюда. Ничего не знаю навѣрное. Разъ въ кафэ я сказалъ ей, что она мнѣ въ тягость. Ну, она и ушла. Въ ту же минуту ушла. Потомъ я потерялъ сознаніе, заболѣлъ воспаленіемъ мозга и ужъ не могъ отличить моихъ сновъ и видѣній отъ дѣйствительности. Никто мнѣ ничего не говорилъ, я не спрашивалъ никого о томъ, что случилось... Ну, видишь, большаго я тебѣ не могу сказать, такъ какъ ничего не знаю... Впрочемъ, мнѣ теперь все равно, это уже для меня кончилось.

Фалькъ испуганно смотрѣлъ на него.

— Все это правда, что ты говоришь?

— Не знаю даже, правда ли это, но мнѣ не интересно знать даже правду.

Замолчали. Минутъ десять сидѣли они въ глубокомъ молчаніи.

— Послушай, Фалькъ, вѣришь ты въ безсмертіе души?

— Вѣрю.

— Какъ ты себѣ это представляешь?

— Вѣра себѣ ничего не представляетъ. Или вѣришь, или не вѣришь. Впрочемъ, я ни во что не вѣрю. Не вѣрю, что она безсмертна. Ни во что не вѣрю... Но ты, въ самомъ дѣлѣ, ничего не знаешь о ней?

— О комъ?

— О ней!

— Нѣтъ, но оставимъ это въ покоѣ... Гм... Вѣра—вѣра... Я самъ тоже ни во что не вѣрю, но меня охватываетъ такой странный ужасъ и страхъ.

— Ужасъ и страхъ?

— Да, страхъ и такой невѣроятный ужасъ. Объ этомъ никогда не думаютъ. Вѣдь жизнь такъ длинна. Но когда человѣкъ хочетъ или, лучше говоря, долженъ умереть, то тогда онъ постоянно думаетъ о томъ, что потомъ будетъ, послѣ смерти. Я уже покончилъ съ жизнью. Теперь я умру,— сказалъ онъ съ безумной улыбкой.

— Да? Хочешь умереть? Это очень благоразумно. Ничего лучшаго я не могу тебѣ посовѣтовать.

Онъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

Гродскій впалъ въ глубокую задумчивость.

— Это, собственно, не страхъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.—Это что-то совсѣмъ другое.

Въ тотъ моментъ, когда я хочу застрѣлиться, я теряю сознаніе. Я не хочу ни думать, ни контролировать того, что дѣлаю. Это какое-то лихорадочное состояніе, а я хочу умереть, сознавая все вполнѣ ясно, холодно, отчетливо... Это страшно трудно... Впрочемъ, есть одно средство. Въ моментъ, когда говоришь о себѣ: ты не сдѣлаешь этого, не сдѣлаешь—спустить курокъ,—но я не хочу обманывать себя... Такъ, вѣроятно, кончаетъ съ собой большинство. Но я не хочу обманывать себя. Я хочу умереть, вполнѣ сознавая, что умираю.

Фалькъ все время смотрѣлъ на него. Онъ только удивлялся тому, что все, что Гродскій говорилъ, не производило на него никакого впечатлѣнія. Страннымъ показалось ему только его лицо. Посмертная маска. Прежде всего странной была усмѣшка. Губы медленно удлинялись, машинально, и ни одинъ мускулъ не принималъ въ этомъ участія.

Онъ думалъ:

Что дѣлалось въ его душѣ?

— Отчего ты, собственно, хочешь лишить себя жизни?— Сердце его безпокойно билось.

— Отчего? Отчего? На такомъ же основанiи я могъ бы спросить тебя, отчего ты хочешь еще жить. Это вѣдь гораздо болѣе странно. Только теперь я понимаю тебя. Я очень много о тебѣ думалъ.

Ты сыгралъ большую роль въ моей жизни... Зачѣмъ ты хочешь продолжать жить со своимъ отчаянiемъ и своей нечистой совѣстью?

Онъ засмѣялся.

— Все, что ты дѣлаешь, ты дѣлаешь оттого, что совѣсть загрызаетъ тебя до смерти... А если ты губишь кого-нибудь, то только для того, чтобы имѣть соучастниковъ, чтобы видѣть, что и другiе также страдаютъ. Впрочемъ, въ тебѣ слишкомъ много скорби и страданiя,—правда.

Они долго смотрѣли другъ на друга. Фалькъ вдругъ почувствовалъ странное бѣшенство къ этому человѣку. Это бѣшенство, казалось, сообщилось и Гродскому. Глаза его стали вдругъ оживляться, расширяться и смотрѣть на него съ какой-то изступленной ненавистью. Фалькъ чувствовалъ, что лицо его подергивается,—онъ всталъ и снова сѣлъ. И былъ моментъ, когда они хотѣли броситься другъ на друга съ бѣшеными кулаками — не могли оторвать своихъ глазъ одинъ отъ другого.

Чары исчезли вдругъ.

Гродскiй презрительно разсмѣялся.

— Ха-ха, ты пересталъ уже быть для меня опаснымъ. Ты безвреденъ, ты только развалины прежняго Фалька... Я любилъ тебя когда-то, больше, чѣмъ можетъ понять твоя угасшая душа.

И въ ту же минуту онъ сталъ серьезенъ и нахмурился. Фалькъ не могъ оторвать глазъ отъ этой посмертной маски. Онъ почти не слышалъ, что говорилъ Гродскій. Впивался глазами въ это лицо, чтобы прочесть въ немъ страшную тайну.

— Я тебя очень, очень любилъ. Ты былъ Богомъ въ моихъ глазахъ. Но теперь я вижу, что ты только человѣкъ, маленькій человѣкъ. Мнѣ кажется, что я, наконецъ, проснулся отъ гипнотическаго сна... Да, ты только человѣкъ, разновидность обезьяны,— развращенный человѣкъ. Нѣтъ, нѣтъ, я уже не люблю тебя. Не знаю даже—отчего? Впрочемъ, я никого не люблю. Ея я тоже не любилъ. Ты самъ, можетъ быть, когда-нибудь переживєшь это. Мы не умѣемъ любить. Все это—только самообманъ... Тебя я тоже всегда больше ненавидѣлъ, чѣмъ любилъ... Я всегда былъ насторожѣ и зорко наблюдалъ, какъ бы не попасть въ силки природы. А природа меня, человѣка, хотѣла запутать въ силкахъ любви...

Онъ долго молчалъ.

— Знаешь, Эрикъ,—ты маленькій человѣкъ. А въ сущности, мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла!

Долго смотрѣлъ на Фалька и въ то же время игралъ стаканомъ вина.

— Больше я ничего не могу тебѣ сказать. Глупая случайность—эта встрѣча. Мнѣ страшно непріятно, что я тебя встрѣтилъ.

Фалькъ злобно усмѣхнулся.

Гродскій становился все серьезнѣй.

— А можетъ быть, можетъ быть, я бы могъ еще уважать тебя, если бы ты соблаговолилъ покончить со своей жизнью... Знаешь, Эрикъ, я не хочу играть роль проницательнаго психолога, но бываютъ минуты, когда читаешь въ

душѣ другихъ съ какою-то странною отчетливостью. Я вижу твое страшное отчаяніе, твое страшное отвращеніе къ жизни... И мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

— Только не повторяй этого такъ часто, а то мнѣ придется повѣрить, что ты думаешь какъ разъ обратное,—отвѣтилъ励лькъ со злобной усмѣшкой.

Гродскій вдругъ встревожился и, казалось, не зналъ—о чемъ говорить, даже забылъ, что сказалъ минуту назадъ.

— Ты думаешь или, вѣрнѣе, я думаю, что этого нельзя хотѣть. Ты, милѣйшій Фалькъ, сдѣлаешь это, потому что ты долженъ сдѣлать, а я хочу это сдѣлать. Воля!.. Долгъ... Qu'est ce que ça veut dire? Я лишу себя жизни, такъ какъ хочу этого, а ты пустишь себѣ въ лобъ пулю, думая, что такъ должно быть... Но позволь же мнѣ доставить себѣ удовольствіе захотѣть чего-нибудь хоть разъ въ жизни. Это такъ трудно—чего-нибудь хотѣть. Я вчера хотѣлъ сдѣлать это, но испугался и съ отчаянія укусилъ себя за палецъ, самъ не сознавая этого. Есть въ человѣкѣ что-то такое, что страшно борется противъ смерти... Оно такъ неслыханно мучится, такъ страшно страдаетъ, что волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, но это не поможетъ. Единственный разъ въ жизни мой мозгъ чего-то захотѣлъ,— и странно, что захотѣлъ смерти.

Замолчалъ.

Фалькъ смотрѣлъ на него съ возрастающимъ ужасомъ.

— Такъ ты дѣйствительно лишишь себя жизни?

Гродскій не слышалъ этого.

— Не надо только дѣлать этого въ отчаяніи. Такъ лишаетъ себя жизни любой мужикъ, съ которымъ плохо обращаются на военной службѣ. Это надо сдѣлать спокойно... Совершенно спокойно.

Онъ смотрѣлъ на Фалька мертвыми глазами.

— Слушай, Эрикъ. Я видѣлъ разъ картину, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе. Какой-то господинъ шествуетъ въ царство смерти. Идетъ въ лакированныхъ ботинкахъ и подвернутыхъ панталонахъ. Идетъ sans peur et sans reproche. Съ большимъ шикомъ. Двѣ лиліи растутъ по обѣимъ сторонамъ. А гдѣ-то внизу зѣваетъ смертельно скучающая смерть. Понимаешь,—скучающая смерть? А глупымъ людямъ кажется, что смерть—это великая вещь. Понимаешь,—смерть съ истасканнымъ лицомъ? Понимаешь, что это значитъ,—истасканная и смертельно скучающая смерть?

Они очень долго молчали.

— Я не могу сказать, что боюсь. Я ни минуты не чувствовалъ бы страха, если бы могъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Но я хочу умереть прилично и красиво. Я не хочу, чтобы мой мозгъ разлетѣлся брызгами во всѣ стороны... Ну, и видишь ли, я боюсь тѣхъ нѣсколькихъ секундъ, когда мозгъ мой будетъ еще жить въ то время, какъ сердце давно уже умретъ. Я переживу всю свою жизнь въ эти нѣсколько секундъ. Меня охватитъ страстное желаніе жизни: все это будетъ казаться мнѣ такимъ прекраснымъ. Меня охватитъ безконечное отчаяніе, какъ бы вернуться къ жизни; я буду чувствовать необъятный страхъ, что вотъ-вотъ пройдутъ нѣсколько секундъ, что черезъ сотую долю секунды я уже перестану мыслить... Я буду считать каждую былинку, я буду видѣть мельчайшіе листки надъ собой, буду думать о всякихъ мелочахъ и пустякахъ, чтобы только владѣть своимъ мозгомъ... Но мысли мои понемногу начнутъ путаться. Въ послѣднюю тысячную долю секунды я подумаю о ней,—потомъ страшная дрожь пробѣжитъ по тѣлу. Потомъ въ моихъ глазахъ начнетъ плясать бѣшеный кругъ. Я буду смотрѣть на него, какъ онъ суживается, уменьшается и гаснетъ: вотъ онъ величиною съ тарелку, теперь уже—

какъ блюдечко,— а вотъ, какъ обручальное кольцо... Еще послѣдняя дрожь: слабое мерцанье свѣта блестящей точки въ черномъ глазу небытія... Гродскій безумно улыбался.— Ну, а потомъ все кончится...

Чувство необъятнаго страха холодною дрожью пробѣжало по тѣлу Фалька. Но только одно мгновеніе. Онъ сразу успокоился, и въ то же время онъ чувствовалъ тревожное, мучительное любопытство; ему хотѣлось всею душею впиться въ Гродскаго, вырвать изъ него тайну, которая могла бы раскрыть ему послѣднія тайны бытія. Но мозгъ его былъ словно окутанъ туманомъ; у него темнѣло въ глазахъ, и онъ жадно безъ перерыва пилъ. И снова увидѣлъ онъ съ ужасною отчетливостью посмертную маску Гродскаго, старался ее запомнить. Такъ вотъ какое лицо бываетъ у человѣка, который долженъ черезъ часъ умереть. Онъ нагнулся надъ столомъ и спросилъ таинственно:

— Ты дѣйствительно лишишь себя жизни?

— Да, сегодня.

— Сегодня?

— Да.

Они съ минуту смотрѣли другъ на друга. Но Гродскій, казалось, ничего уже не видѣлъ. Онъ былъ совершенно невмѣняемъ или по крайней мѣрѣ производилъ такое впечатлѣніе. Онъ смотрѣлъ въ какую-то страшную, безконечную пустоту. Вдругъ онъ придвинулся къ Фальку и спросилъ съ таинственнымъ любопытствомъ:

— Какъ ты думаешь, не ошибся ли святой Іоаннъ, говоря, что въ началѣ было Слово?

Фалькъ въ ужасѣ смотрѣлъ на него. Гродскій, казалось, сошелъ съ ума. Глаза его неестественно расширились и были похожи на двѣ блестящія черныя пули.

— Это ложь! Слово явилось потомъ. Полъ создалъ слово. Полъ—имманентная субстанція бытія... Смотри на меня. На мнѣ разбились послѣднія волны его эволюціи... Я послѣдній. Ты—только переходная ступень, маленькое звено въ цѣпи эволюціи, а я—послѣдній. Я на цѣлое небо выше тебя, ты еще навозъ для развитія, а я—Богъ!

— Богъ? — переспросилъ Фалькъ съ возрастающимъ ужасомъ.

— Сейчасъ буду Богомъ. Богъ—послѣднее выраженіе небытія,—пѣна, которую выбросило небытіе. Я выше Бога, я—послѣднее выраженіе бытія...

Всталъ. Великое, царственное торжество разлилось по его лицу.

— Богъ—состраданіе, отчаянье и скука небытія. А я—воля величайшаго созданія міра,—я—воля моего мозга!—крикнулъ онъ, но въ ту же минуту притихъ.

Какое-то болѣзненное безпокойство закружилось въ головѣ Фалька. Если это такъ дольше протянется, то онъ не выдержитъ... Лихорадка разорветъ ему мозгъ. Только бы онъ ушелъ, только бы все это кончилось... Секунды тянулись цѣлую вѣчность. Онъ съ трудомъ сидѣлъ на мѣстѣ и не могъ дождаться, когда, наконецъ, Гродскій соблаговолитъ лишить себя жизни.

Вдругъ Гродскій всталъ, всталъ медленно, словно не сознавая, что дѣлаетъ. Какъ во снѣ онъ подошелъ къ двери. Остановился въ глубокомъ раздумьи.

— Фалькъ, вѣришь ты, что есть сатанинскія ложи?

— Ни во что я не вѣрю, ничего не знаю, — можетъ быть, въ Нью-Іоркѣ, въ Крыму, не знаю, не знаю...

Онъ сходилъ съ ума отъ нетерпѣнія.

Гродскій задумался... Потомъ медленно вышелъ.

Фалькъ облегченно вздохнулъ. Словно съ сердца спала страшная тяжесть. Но вдругъ въ немъ поднялось страшное безпокойство. Ему казалось, будто онъ только теперь понялъ, что хочетъ сдѣлать Гродскій.

Онъ хотѣлъ подумать объ этомъ, но не могъ. Лишь безпокойство росло и росло. Животный страхъ все больше охватывалъ его, а сердце временами переставало биться.

Схватилъ шляпу, но отбросилъ ее опять, потомъ сталъ искать денегъ, нашелъ ихъ, наконецъ, въ карманѣ жилета, позвалъ кельнера, бросилъ все, что было у него въ рукѣ, и выбѣжалъ на улицу.

Вдали онъ увидѣлъ Гродскаго, какъ тотъ остановился передъ уличными часами и внимательно смотрѣлъ на нихъ.

Фалькъ прижался къ стѣнѣ, боясь, какъ бы Гродскій случайно не увидѣлъ его, и снова его охватило страшное безпокойство о томъ, когда, наконецъ, все это кончится.

Гродскій послѣ продолжительнаго раздумья пошелъ дальше.

Фалькъ со странною отчетливостью видѣлъ каждое его движеніе, изучалъ внимательно эту странную манеру ходить, волоча ногу. Ему казалось, что онъ можетъ съ математической точностью опредѣлить секунду, въ которую нога поднимается и опять опустится.

Потомъ вниманіе его разсѣялось. Онъ старался только итти, какъ можно тише. Это было очень трудно, пальцы на ногахъ заболѣли, но это его успокоило.

Онъ не понималъ только, что могло значить это страшное любопытство, это безпокойство и мучительное нетерпѣніе.

Онъ долго шелъ за Гродскимъ, пока, наконецъ, не замѣтилъ, что тотъ исчезъ въ паркѣ.

Фалькъ такъ ослабѣлъ, что долженъ былъ опереться о стѣну, чтобы не упасть. Все въ немъ было до того напряжено, что малѣйшій шумъ причинялъ ему боль.

Онъ слышалъ вдали грохотъ экипажа, потомъ какой-то смѣхъ... дрожалъ все сильнѣе, зубы стучали...

Теперь это должно, наконецъ, случиться. Закрылъ глаза... теперь... вотъ... сердце сжалось. Онъ задыхался.

Вдругъ въ его головѣ молніей мелькнула мысль. А если онъ не услышитъ выстрѣла? Кровь шумѣла у него въ головѣ, гудѣла, кипѣла. А можетъ быть, онъ не въ состояніи ничего слышать.

Онъ напряженно прислушивался.

А можетъ быть, онъ совсѣмъ не думаетъ стрѣляться,— подумалъ онъ и сжалъ кулаки въ пароксизмѣ бѣшенства. Можетъ быть, Гродскій только хочетъ пошутить надъ нимъ.— Конечно, онъ не застрѣлится!—повторялъ онъ въ бѣшенствѣ.

Въ ту же минуту услышалъ выстрѣлъ.

Необъятный страхъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ хотѣлъ крикнуть отъ испуга, вся душа его рвалась къ этому страшному, спасительному крику, но горло было словно стянуто веревкой, и онъ могъ издать только какой-то хриплый звукъ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ необыкновенную радость, что все это уже кончилось, и снова чувствовалъ дикую ненависть къ человѣку, который заставилъ его такъ мучиться.

Прислушался. Было тихо. И онъ впивался каждымъ нервомъ въ эту тишину, не могъ вдоволь наслушаться. Ему казалось, что эта тишина широкимъ потокомъ льется въ его душу.

Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ жгучее желаніе заглянуть ему въ глаза, увидѣть эти огненные круги, о которыхъ онъ только что говорилъ... Онъ осторожно сдѣлалъ

шагъ впередъ, остановился, вдохнулъ воздуха, но тутъ же его охватилъ какой-то чудовищный страхъ, словно онъ самъ совершилъ убійство. Колѣни дрожали. Кровь застыла въ сердцѣ.

И онъ пошелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шатаясь, почти безъ сознанія...

Вдругъ онъ услышалъ за собой какіе-то шаги; онъ вдругъ вспомнилъ, что и раньше ихъ слышалъ, собралъ всѣ свои силы, шелъ все скорѣе и скорѣе и, наконецъ, пустился бѣжать безъ оглядки. Ноги путались. Что-то рвало, тащило его назадъ. И онъ бѣжалъ, бѣжалъ,—въ головѣ шумъ, стонъ, грохотъ: каждую минуту могутъ лопнуть кровеносные сосуды.

Обливаясь потомъ, онъ вбѣжалъ въ сѣни дома, въ которомъ жилъ, и упалъ безъ сознанія на лѣстницѣ.

Какъ долго онъ тамъ лежалъ, онъ не зналъ. Когда онъ пришелъ въ себя,—поднялся тихо и медленно по лѣстницѣ, отворилъ тихонько двери своей комнаты и бросился на кроватъ.

Но вдругъ онъ очутился на улицѣ.

Страшно удивился. Не зналъ, какъ вышелъ изъ дому. Вѣдь двери были заперты на ключъ. Онъ не помнилъ, что бы отворялъ ихъ.

Остановился и задумался.

— Это странно, очень странно... А тамъ на углу какой-то новый домъ. И какъ онъ его раньше не видѣлъ?

Прочелъ вывѣску, написанную громадными буквами: „Магазинъ похоронныхъ принадлежностей“... Вздрогнулъ... Чего онъ смотритъ на этотъ дурацкій домъ?.. Вѣдь ему еще не нужно похоронныхъ принадлежностей... Онъ удивился, что вдругъ такъ встревожился. Отчего же такъ вдругъ? Какой-то человѣкъ прошелъ мимо него. На немъ былъ длинный

сюртукъ, на которомъ не хватало одной пуговицы. Это онъ видѣлъ совершенно ясно...

Теперь онъ прошелъ черезъ какую-то большую площадь, по которой въ ту и другую сторону ѣхало нѣсколько возовъ, но онъ не видѣлъ людей, не слышалъ ни малѣйшаго шороха, напротивъ: вездѣ вокругъ царила мертвая тишина.

Ему стало страшно. Необъяснимый страхъ ползъ по всему его тѣлу; онъ хотѣлъ думать о причинѣ этого страха, но въ мозгу его переливались клубы тумановъ самыхъ странныхъ впечатлѣній, а въ глазахъ плясалъ весь міръ, изорванный въ пурпурные лохмотья.

Онъ снова успокоился. Онъ быстро шелъ впередъ,—но куда? Куда?

Ага, тамъ кончается улица, а тутъ же, рядомъ, паркъ.

Онъ внезапно вздрогнулъ. Страхъ и лихорадка трясли его поочередно. Онъ не могъ итти дальше,—и міръ разорвался на милліарды пляшущихъ огненныхъ шариковъ, въ родѣ клочьевъ пылающаго снѣга.

Онъ не зналъ, что съ нимъ. Закрылъ глаза, но что-то заставило его смотрѣть на черную фигуру—тамъ—тамъ, тамъ лежалъ Гродскій.

Теперь онъ не чувствовалъ уже страха, а только безумное, неудержимое любопытство.

Впрочемъ, онъ не совсѣмъ отчетливо видѣлъ Гродскаго. Только голову. Глаза были закрыты. Ротъ широко раскрытъ. Онъ долго смотрѣлъ на эту посмертную маску, но вдругъ его охватилъ безумный гнѣвъ. Чувствовалъ, что не можетъ двинуться съ мѣста. Хотѣлъ поднять руку со страшными мученіями.

Не могъ. Захотѣлъ собрать всѣ свои силы, чтобы упасть на колѣни и уползти на четверенькахъ. Но и этого не могъ сдѣлать. Не могъ оторвать глазъ отъ трупа.

Онъ сходилъ съ ума отъ отчаянія. Ему казалось, что вѣки трупа поднимаются, а изъ глазъ брызнула ядовитая, злая насмѣшка.

Это было ужасно.

Глаза вполнѣ отчетливо моргали, звали его, и вдругъ раскрытыя губы вытянулись въ отвратительную гримасу.

И вдругъ по его тѣлу скользнула какая-то страшная, ледяная рука, и холодъ трупа пробѣжалъ мурашками по спинѣ.

Онъ сорвался съ мѣста, словно молнія ударила вблизи.

Оглянулся полубезумными глазами. Гдѣ же онъ? Вѣдь это только сонъ... Проклятая лихорадка!

Только бы это не повторилось. Страхъ ослабилъ ассоціаціонныя волокна его мозга. Онъ снялъ машинально воротничокъ. Запонка отъ рубашки упала. Онъ долго искалъ ее съ необыкновеннымъ стараніемъ, все тщательнѣе и нетерпѣливѣе. Искалъ ее вездѣ вокругъ, дрожа отъ бѣшенства,—обшарилъ всю комнату руками, залѣзъ подъ кровать, выбросилъ всѣ бумажки изъ-подъ письменнаго стола, разбросалъ въ бѣшенствѣ всѣ бумаги и предметы, — сходилъ съ ума отъ отчаянія. Плакалъ, скрежеталъ зубами и съ трудомъ поднялъ большой коверъ, закрывавшій собою весь полъ.

Тамъ лежала запонка.

Онъ былъ безконечно счастливъ. Никогда еще не былъ такъ счастливъ.

Положилъ ее бережно на письменный столъ, еще разъ взглянулъ внимательно, дѣйствительно ли она тамъ, и безконечно довольный сѣлъ у окна. Свѣтало.

Онъ окончательно пришелъ въ себя. Значитъ, это была сильная лихорадка. Не позвать ли Изу? О, нѣтъ, нѣтъ, она умретъ отъ страха. Необходимо имѣть дома морфій. Это непростительное легкомысліе—не имѣть у себя дома никакихъ успокаивающихъ средствъ...

Теперь надо собрать всю энергію, слѣдить за собой, чтобы не потерять сознанія. Эти страшные, чудовищные сны... Онъ всталъ, открылъ окно, но снова лишился силъ... Лишь минуту покоя... одну лишь минуту... Снова легъ на кровать.

Стало тихо какою-то страшною, мучительною тишиною. Тысячи огоньковъ горѣли на далекихъ торфяныхъ болотахъ, летали со страшной быстротой—исчезали. Вербы у дорогъ скрипѣли и трещали, словно въ нихъ разсыпалась древесная гниль... Въ ближайшей деревнѣ завыла собака, другая отвѣтила ей протяжнымъ, жалобнымъ воемъ...

И вдругъ онъ услышалъ ту же самую протяжную, завывающую жалобу—тутъ, за спиной.

Сердце перестало биться.

Еще разъ что-то завыло, еще сильнѣе... страшное завываніе, а потомъ пронзительный крикъ...

Онъ обернулся въ судорожной агоніи страха: ничего не видѣлъ. Никого не было, но онъ чувствовалъ что-то за собою, слышалъ, какъ оно стонетъ, визжитъ, воетъ, плачетъ и кричитъ, кричитъ...

Его охватило страшное безпокойство.—Чего ты хочешь?—кричалъ онъ.—Это не я! Это не я! Я не виновенъ. Не я это сдѣлалъ!—кричалъ онъ въ безпамятствѣ.—Пусти меня, Маритъ, пусти!

Но вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то адски гонитъ его огненнымъ бичомъ—вся спина изрѣзана длинными, жгучими рубцами.

Онъ бѣжалъ, какъ безумный,—онъ долженъ спастись отъ этого, долженъ.

Но земля размякла отъ постоянныхъ дождей, онъ не могъ тронуться съ мѣста, ноги вязли въ болотистой землѣ, иногда онъ проваливался до пояса, снова выкарабкивался,

но въ минуту, когда онъ долженъ былъ ступить на сухую землю, какая-то рука хватала его сзади и бросала назадъ въ болото. Онъ тонулъ, задыхался; илъ и грязь наполняли ротъ. Но вотъ въ предсмертной агоніи онъ вырвался съ нечеловѣческими усиліями, выкарабкался изъ болота и снова началъ бѣжать, но на этотъ разъ по твердому, мощеному двору. Но снова слышалъ за собой стонъ, плачъ и отчаянные крики. Терялъ сознаніе, терялъ силы—не могъ идти дальше... Конецъ...

Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный.

Старый, сѣдой человѣкъ стоялъ на базарѣ маленькаго города и приковалъ его своими глазами къ землѣ. Онъ не могъ вынести этихъ глазъ, отвернулся, но куда ни смотрѣлъ, вездѣ видѣлъ сотни этихъ страшныхъ, неумолимыхъ глазъ, которые впивались въ него, жгли, кололи, вырывали душу изъ тѣла, зіяли местью и окружали его какимъ-то вѣнцомъ зажженыхъ, смолистыхъ головней. Онъ прижимался къ землѣ, хотѣлъ совсѣмъ уйти въ нее, но вѣнецъ этихъ глазъ становился все уже вокругъ него—онъ въ отчаяніи осмѣлился поднять глаза и увидѣлъ стараго, сѣдого человѣка—отца Маритъ!

— Преступникъ!—кричалъ старикъ.—Преступникъ!

И въ ту же минуту поднялись сотни кулаковъ, чтобы упасть на него адскимъ градомъ и раздавить, размозжить его... Страшнымъ, сумасшедшимъ прыжкомъ онъ перепрыгнулъ черезъ всю эту толпу, вбѣжалъ къ себѣ домой, въ одинъ прыжокъ очутился на первомъ этажѣ и заперъ двери.

Онъ ждалъ, прислонившись къ стѣнѣ. Прошла безконечно длинная минута. Она тянулась цѣлую вѣчность. Кровь молотомъ била въ виски, шумѣла и гудѣла, онъ боялся, что этотъ шумъ можетъ выдать его. Вдругъ лишился силъ. Зубы

стучали. Опустился на колѣни, прислонившись къ стѣнѣ. Сильнѣй, еще сильнѣй, вѣдь стѣна должна поддержать его.

Постучались въ дверь.

Онъ вскочилъ.

Маритъ! Это навѣрное Маритъ!

Постучались снова.

Прошла цѣлая вѣчность.

И вдругъ онъ увидѣлъ, какъ двери начали отворяться.

Адскій страхъ ледянымъ холодомъ сковалъ его члены.

Онъ бросился тяжестью всего своего тѣла на дверь, уперся въ нее со всею силой послѣдняго отчаянія, но дверь все больше и больше отворяли, какая-то страшная сила отталкивала его все дальше; щель, сначала незамѣтная, увеличивалась и увеличивалась—высунулась какая-то голова, и онъ увидѣлъ страшные, адскіе глаза, въ которыхъ застыла безумная боль.

Фалькъ пронзительно крикнулъ.

Онъ увидѣлъ передъ собой незнакомца.

Что это—новая галлюцинація? спросилъ онъ себя. Можетъ быть, это дѣйствительность? Можетъ, я сошелъ съ ума?—испуганно спрашивалъ онъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ запонку отъ рубашки на письменномъ столѣ. Ну, ужъ это не галлюцинація... Просто визитъ какого-то незнакомца.

Онъ всталъ съ кровати. Сѣлъ къ письменному столу и робко смотрѣлъ на незнакомца, который всматривался въ него со страннымъ, болѣзненнымъ спокойствіемъ.

Прошло много времени.

— Вы оттуда пришли?—спросилъ его Фалькъ безпокойно и указалъ на дверь.

Незнакомецъ утвердительно кивнулъ.

Фалькъ напряженно думалъ. Какое-то воспоминаніе блеснуло въ его мозгу.

— Кажется, это вы хотѣли начать со мной разговоръ въ какомъ-то ресторанѣ?

— Да. Вы меня, положимъ, не знаете. Но я васъ знаю. Довольно часто видѣлъ васъ. Простите, что я такъ ворвался къ вамъ, но я долженъ непремѣнно поговорить съ вами... Кажется, васъ мучили тяжелые сны. Боже, какъ это мнѣ знакомо! Въ послѣднее время я испыталъ все это... Вы закричали... Ну, разумѣется.. Если человѣкъ такъ вдругъ проснется... Вы очень нервны, такъ я и подумалъ, что надо только посмотрѣть подольше вамъ въ глаза, и вы тотчасъ же проснетесь... Такъ и случилось. У васъ необыкновенные нервы. Я уже вчера догадался объ этомъ, когда вы меня спросили, не хочу ли я васъ арестовать. Вы мнѣ не дали сказать ни одного слова. Я искалъ васъ, собственно, очень долго, но встрѣтилъ васъ вчера совершенно случайно.

— Какъ вы попали въ мою комнату?

— Двери изъ коридора были открыты. Я вошелъ и постучался наугадъ, но такъ какъ мнѣ никто не отвѣтилъ, я отворилъ дверь... Я часто васъ видѣлъ. Видѣлъ васъ нѣсколько разъ въ обществѣ вашихъ друзей.

— Но что же вамъ угодно, чѣмъ я могу вамъ служить?— закричалъ раздраженно Фалькъ.

Незнакомецъ, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на раздраженіе Фалька.

— Ну, говорите, говорите! — крикнулъ Фалькъ, теряя сознаніе.

И снова незнакомецъ началъ смотрѣть на него съ тѣмъ же самымъ болѣзненнымъ спокойствіемъ...

— Не перебивайте меня... Человѣкъ, въ обществѣ котораго я видѣлъ васъ, соблазнилъ мою жену. Простите... Женщинъ не соблазняютъ... Ха-ха... У меня есть такая маленькая

теорія—моя собственная... Мужчина—вошь, рабъ женщины, а рабъ не соблазняетъ своей повелительницы.

— Есть очень много кучеровъ на свѣтѣ, которые наплодили дѣтей со своими знатными барынями.—Фалькъ цинично смѣялся.

Незнакомецъ, казалось, не слышалъ этого.

— Женщина создала мужчину. Женщина первая... женщина заставила мужчину развить свои силы—почти сверхъ возможности.

Онъ вдругъ смутился и посмотрѣлъ на Фалька со смущенной, почти безумной улыбкой.

— Послушайте,—сказалъ онъ черезъ минуту, таинственно улыбаясь. — Зачѣмъ первобытный человѣкъ взялъ въ руки дубину? Вѣдь только для того, чтобы бороться за самку, чтобы убить соперника. Не правда ли?

— Неправда! — произнесъ брезгливо Фалькъ.

— Вы, г-нъ Фалькъ, образованный человѣкъ, скажете, конечно, что это была такъ называемая борьба за существованіе... О, нѣтъ, нѣтъ... Вы ошибаетесь. Борьба за существованіе—это только слѣдствіе; она началась тогда, когда надо было удовлетворить свою похоть... Похоть была средствомъ, при помощи котораго природа доказала человѣку, что борьбу за существованіе стоитъ поднять.

Онъ поблѣднѣлъ и былъ страшно взволнованъ.

— Но я пришелъ не за тѣмъ, чтобы наводить на васъ скуку своими теоріями. Мнѣ нужно не то, совсѣмъ не то...

Онъ тревожно оглянулся.

— Я скажу вамъ кое-что, но вамъ одному. Вы произвели на меня необыкновенное впечатлѣніе... Человѣкъ, который соблазнилъ мою жену,—котораго моя жена соблазнила, разсказывалъ мнѣ о васъ удивительныя вещи.

Франкъ все больше и больше терялъ терпѣніе. Онъ не понималъ даже половины того, что говорилъ незнакомецъ...

— Скорѣе! Я боленъ. У меня сильная лихорадка.

Незнакомецъ странно улыбнулся.

— И это я пережилъ. Мнѣ было очень скверно за последнее время.

Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе, лицо его позеленѣло, и онъ еще ближе придвинулся къ Фальку.

— Что-то заставило меня пойти къ вамъ, сдѣлать васъ счастливымъ. Сегодня, когда вы такъ убѣгали отъ меня...

Фалькъ почувствовалъ холодную дрожь. Неужели это въ самомъ дѣлѣ галлюцинація? Его охватилъ безумный страхъ. Глаза незнакомца неподвижно смотрѣли на него.

— Что вы сказали?

— Я хочу дать вамъ счастье.

Онъ замолчалъ и на минуту задумался.

Фалькъ смотрѣлъ разсѣянно на него. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ. На сюртукѣ незнакомца недоставало одной пуговицы. Гдѣ же онъ видѣлъ этого человѣка? Вчера, да, вчера,—но вѣдь во снѣ—или нѣтъ, въ этомъ проклятомъ ресторанѣ.

Незнакомецъ, казалось, съ трудомъ подыскивалъ слова для своихъ мыслей.

— Знаете ли вы какое-то странное чувство покоя? Нѣтъ, вы, конечно, его знать не можете... Это чувство какой-то абсолютной гармоніи... Не чувствуешь страданья, не чувствуешь тѣла; человѣкъ освободился отъ тѣлесныхъ узъ. Погружаешься во что-то безконечное и безпространственное. Пространство расширяется; мили удлиняются въ милліоны миль, грязныя лачужки становятся дворцами... Вы не знаете, гдѣ вы находитесь,—не знаете ни дороги, ни направленья...

Глаза блестѣли вдохновеннымъ экстазомъ.

И снова по тѣлу Фалька пробѣжала холодная дрожь.

— Въ теченіе одной секунды вы переживаете цѣлыя столѣтія, на небольшомъ пространствѣ земли вы видите тысячи громадныхъ городовъ — счастливъ, кто видитъ это великолѣпіе, это великолѣпіе!

Глаза его омертвѣли. Лицо искривилось въ болѣзненную гримасу.

— Сначала человѣкъ чувствуетъ адскій страхъ... Когда земля вдругъ начинала дрожать подъ ногами и колебаться, когда я вдругъ попадалъ въ незнакомые города и края, то случалось, что я бросался на колѣни передъ прохожими и умолялъ позволить мнѣ прикоснуться къ краю ихъ одежды... О, это были тяжелыя минуты испытаній...

— Вы страдаете эпилепсіей? -- спросилъ взволнованно Фалькъ.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ...—Незнакомецъ безумно улыбнулся.— Я не боленъ, я счастливъ. И пришелъ, чтобы дать вамъ счастье...

Онъ придвинулся еще ближе къ Фальку и шепталъ ему на ухо:

— Онѣ страшно тяжелы, эти минуты испытаній, но вы сумѣйте ихъ вынести. Прогоните всѣ мысли. Всѣ, всѣ... Онѣ—самая непоколебимая опора духа, который во всѣмъ сомнѣвается и все отрицаетъ. Прогоните все изъ вашего мозга, очистите себя отъ сомнѣній, а потомъ сядьте и сосредоточьтесь для того, чтобы всѣ силы организма слились въ одну точку, чтобы вы могли почувствовать себя атомомъ, дрожащимъ атомомъ въ міровомъ пространствѣ. А потомъ ждите долго, терпѣливо... Потомъ васъ захватитъ какой-то страшный хаосъ,—передъ вами откроется бездна— отвратительныя привидѣнія выползутъ изъ всѣхъ угловъ.

Глаза его заблестѣли неестественнымъ огнемъ...

— Вы услышите адскій вой и ревъ, стѣны оживутъ, начнутъ подступать къ вамъ, чтобы раздавить васъ... Вы переживаете такія мученія, въ сравненіи съ которыми человѣческія муки — наслажденіе... Но вдругъ все исчезаетъ... Что-то ведетъ васъ въ міръ, вся жизнь плыветъ передъ вашими глазами необыкновенно свѣтлою... Нѣтъ уже загадокъ, нѣтъ тайнъ... въ душѣ другого читаешь, какъ въ открытой книгѣ... Нѣтъ уже муки, нѣтъ страданья, боли, гнѣва, ненависти... Я люблю человѣка, который отнялъ у меня жену, я шелъ за нимъ, когда онъ хотѣлъ застрѣлиться, я шелъ за нимъ вмѣстѣ съ вами. Я хотѣлъ его спасти, но въ минуту смерти не надо мѣшать.

Фалькъ сходилъ съ ума.

— Чего вы хотите отъ меня?

— Вы виноваты въ его смерти. Онъ былъ, какъ воскъ въ вашихъ рукахъ. Вы были его богомъ—и погубили, отравили своимъ ядомъ его душу. Вы сдѣлали то, что онъ сталъ преступникомъ по отношенію къ себѣ и другимъ. Послушайте меня, идите за мною...

Незнакомецъ глядѣлъ на него строгими глазами.

— О, какъ ваше сердце очерствѣло! Отчего вы такъ блѣдны, отчего вы такъ дрожите? Онъ на вашей совѣсти.

— Кто, кто?

— Гродскій,—шепнулъ незнакомецъ.

Фалькъ застоналъ, голова опустилась на грудь. Но вдругъ онъ рванулся и крикнулъ:

— Я не желаю этого! Я хотѣлъ испортить и разрушить весь міръ. Я смѣюсь надъ вашими мистическими откровеніями. Мнѣ ихъ не надо... Мнѣ не надо счастья! Я плюю на счастье! Мнѣ жаль только, что я такъ мало разрушилъ, понимаете?

— Духъ зла! Духъ зла!—шепталъ незнакомецъ въ ужасѣ.

Вдругъ лицо его прояснилось и голосъ сталъ почти нѣжнымъ.

— Вы больны. Я не хочу васъ безпокоить... Я шелъ за вами, боялся за васъ, вы ждали выстрѣла Гродскаго.

Онъ снова сталъ безпокоенъ. Голосъ его сильно дрожалъ.

— Вы такъ долго говорили съ нимъ передъ этимъ.

— Онъ вамъ ничего не говорилъ о моей женѣ?.. Бросилъ ее... Теперь она погибнетъ...

— Ничего не говорилъ!.. Только уходите! Вы убиваете меня... Уходите, уходите!

Фалькъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи больше выдержать.

— Вы такъ больны, такъ больны... Не сердитесь, Фалькъ, я иду, иду...—Онъ медленно вышелъ.

Фалькъ ничего уже не слышалъ и не видѣлъ. Въ головѣ закружилось—онъ упалъ и потерялъ сознаніе.

X.

— Теперь ты долженъ пойти къ Гейслеру и все уладить, тогда мы послѣзавтра можемъ выѣхать.

Фалькъ минуту стоялъ, задумавшись.

— Да, да... завтра поѣдемъ.

Разсѣянно улыбнулся.

— Ты очень его любишь?—спросилъ онъ вдругъ

— Кого?

— Ну, конечно, Гейслера. Если бы со мной случилось какое-нибудь несчастіе, ты могла бы выйти за него замужъ?.. Правда?

— Сначала умри, а потомъ увидимъ,—пошутила Иза.

— Ну, такъ до свиданья,—онъ поцѣловалъ ея глаза.

— Только не возвращайся опять такъ поздно. Я всегда такъ боюсь за тебя.

— Я скоро приду.

Вышелъ на улицу.

Пробило шесть часовъ. Рабочіе толпами выходили изъ фабрикъ.

Онъ боязливо свернулъ въ маленькую, узкую улицу. Странно, что все ему внушало теперь страхъ: сердце его бьется въ вѣчной лихорадкѣ.

Когда онъ слышалъ стукъ въ дверь, вскакивалъ и долго не могъ успокоиться. Когда кричалъ маленькій Янекъ, его

охватывалъ ужасъ и онъ долго не могъ понять, что у него есть сынъ,—ну, теперь у него оказалось даже двое—маленькiй Янекъ и маленькiй Эрикъ, двое милыхъ, красивыхъ дѣтей...

О, это чудная отцовская идилiя! Если бы только это не было такъ безконечно смѣшно...

Онъ задумчиво шелъ по улицѣ.

Все, что произошло за послѣднiе дни, кружилось въ его головѣ, сливалось въ чувство безбрежной грусти. Ему казалось, что онъ задохнулся. Вѣдь это не путешествiе, а просто — позорное бѣгство. Дышалъ тяжело и съ трудомъ. Помогло ли бы ему бѣгство? Онъ бѣжитъ, чтобы вся его ложь не открылась. Но онъ уже не можетъ жить со всей этой ложью. Теперь онъ не можетъ спокойно смотрѣть Изѣ въ глаза: ея довѣрчивость, ея слѣпая вѣра въ него мучитъ его, онъ противенъ самому себѣ, ему такъ мучительно стыдно за себя, что онъ готовъ себя оплевать.

Странная женщина эта Иза. Ея вѣра такъ загипнотизировала ее. Она ходитъ, какъ въ сомнамбулическомъ снѣ. Не видитъ, что онъ мучится, даже не догадывается, какъ онъ страдаетъ. Это будетъ ужасно, когда она проснется. Итакъ, я преступникъ вдвойнѣ. Я разбилъ супружескую вѣру и совершилъ преступленiе по отношенiю къ себѣ. Я перерѣзалъ корни моего бытiя. Вѣдь я не могу жить безъ Изы. Съ какой стороны я ни подойду къ мысли, не могу ли я жить безъ нея, — вижу, что не могу. А такъ какъ я — я, то значитъ я—Богъ, такъ какъ каждый, кому принадлежитъ все—Богъ, а все существуетъ только благодаря мнѣ, и, значитъ, я совершилъ преступленiе противъ Бога—или святотатство.

Онъ вдругъ остановился.

Вѣдь серьезно онъ этого не говоритъ. Онъ не знаетъ даже этого понятія: преступленіе. И не могъ его совершить, такъ какъ необходимымъ постулатомъ преступленія является такое душевное состояніе, которое, ей-же-ей, не похоже на добродушіе... Я хотѣлъ сказать на твердость души. А у меня, чортъ возьми, слишкомъ много этой мягкости души. Во мнѣ больше состраданія къ людямъ и ихъ нищетѣ, чѣмъ у всѣхъ у нихъ вмѣстѣ взятыхъ. А потому,—я не преступникъ.

Онъ терялся въ очень тонкихъ изслѣдованіяхъ.

— Но можетъ быть, теперь зарождается такое состояніе чувства, котораго раньше не было. Быть можетъ теперь преступленіемъ является то, что раньше не было нарушеніемъ законовъ развитія цивилизаціи,—напримѣръ, моногамія.

Мозгъ его такъ усталъ, что онъ не могъ дальше развивать своихъ мыслей; впрочемъ, это все равно; эта шельма мозгъ со своими адвокатскими уловками совершенно безсиленъ противъ моего чувства. Къ чему же еще думать надъ этимъ?

Онъ вдругъ со страшною увѣренностью понялъ, что все это ни къ чему не приведетъ, что-то страшное свалится на него съ желѣзной необходимостью и раздавитъ...

Вздрогнулъ—оглянулся.

Ни одной скамейки вблизи.

Онъ въ отчаяніи съ трудомъ поплелся дальше.

Мысли разсѣивались все больше и больше. Онъ никакъ не могъ собрать ихъ. Но зато онъ видѣлъ съ необыкновенной отчетливостью, замѣчалъ глупѣйшія подробности, видѣлъ на одной вывѣскѣ искривившуюся букву, прутъ, вырванный изъ желѣзной ограды какого-то сада, замѣтилъ характерную походку одного прохожаго, которому жали сапоги.

Эти подробности изнуряли его мозгъ.

Вдругъ онъ тихо крикнулъ.

Мысль, которая уже нѣсколько дней бурлила гдѣ-то въ глубочайшихъ тайникахъ его души и которую онъ подавлялъ съ такимъ трудомъ, вдругъ прорвалась.

Онъ долженъ послѣдовать примѣру Гродскаго.

Онъ уже часто думалъ о самоубійствѣ, но теперь эта мысль сдѣлалась idée fixe—страшной, нетерпящей никакихъ противорѣчій.

Онъ задрожалъ, пошатнулся и прислонился къ стѣнѣ дома.

Да, ничего другого не остается.

И вдругъ онъ почувствовалъ въ сердцѣ странную, глухую тишину. Заставлялъ себя думать, но не могъ, безсмысленно шелъ впередъ, погруженный въ эту глухую, мертвенную тишину.

Вдругъ онъ споткнулся и чуть не упалъ. Отъ этого онъ очнулся.

Вѣдь это не такъ трудно,—лишить себя жизни. Нужно только выдрессировать волю мозга, чтобы она научилась слушать волю инстинкта или наоборотъ.

Наконецъ эта мука кончится.

Онъ долго думалъ, что не было бы мукой, но ничего не могъ найти. Потомъ думалъ, что не было бы ложью, но все оказалось ложью,—развѣ только фактъ. Но что такое фактъ?—спросилъ Пилатъ и умылъ руки. Нѣтъ! Пилатъ спросилъ: что есть истина?—и только тогда умылъ свои руки.

Онъ началъ путаться.

Но когда онъ подошелъ къ дому, въ которомъ долженъ былъ жить Гейслеръ, онъ смутился.

Вѣдь этотъ домъ не похожъ на домъ Гейслера,—а можетъ быть, онъ забылъ. Онъ читалъ всѣ надписи и между

ними очень внимательно прочелъ: Вальтеръ Гейслеръ, адвокатъ, — но все-таки не могъ оріентироваться.

Вошелъ въ ворота, потомъ опять на улицу, еще разъ прочелъ всѣ надписи, пришелъ въ себя и задрожалъ въ смертельномъ страхѣ.

Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сходитъ съ ума? О, Боже, Боже, только не это, только не это... Онъ съ трудомъ овладѣлъ собой, въ немъ росъ болѣзненный стыдъ, — лишь бы только не показать никому, что съ нимъ происходитъ.

Онъ началъ улыбаться, старался придать лицу выраженіе человѣка, который только такъ, отъ нечего дѣлать, хочетъ поболтать съ пріятелемъ и вошелъ наверхъ.

— Подожди минуту.

Гейслеръ былъ очень занятъ.

Наконецъ, повернулся и дружески пожалъ руку Фалька.

— Что тебя привело ко мнѣ?

— Да вотъ, я хочу уладить свои дѣла!

Гейслеръ отъ души расхохотался.

— Улаживать нечего. Ты не имѣешь понятія о своемъ состояніи. У тебя осталось самое большое три тысячи марокъ.

— Ну, хорошо. Тогда я завтра приду къ тебѣ, ты можешь до завтра все устроить?

— Посмотрю.

Вдругъ Фалькъ задумался.

— Ты, собственно, дашь мнѣ только пятьсотъ, остальные будешь высылать ежемѣсячно по этому адресу.

Онъ написалъ адресъ Янины.

— А кто же это?

— О, это невинная жертва самой обыкновенной подлости.

— Да? Ну, а ты? Отправишься въ пустыню поститься?

— Можетъ быть.

Фалькъ улыбнулся. Но вдругъ онъ вспомнилъ свою роль и началъ отъ души смѣяться.

— Вообрази, я очень усердно о тебѣ разспрашивалъ.

— Гдѣ? Когда?

— Вчера въ совершенно незнакомомъ домѣ. Я хотѣлъ провести одного шпіона, который, вѣроятно, слѣдилъ за мной, а потому громко спросилъ о тебѣ во второмъ этажѣ. Но это чепуха. Можетъ быть, это совсѣмъ и не былъ шпіонъ.

— Ну, разскажи, разскажи...

— Нѣтъ, это ужасно скучно.

Фалькъ погрузился въ тяжелое раздумье.

Гейслеръ смотрѣлъ на него удивленно.

— Ты боленъ?

— Собственно, нѣтъ. У меня былъ только сильный приступъ лихорадки.

— Правда!—Гейслеръ щелкнулъ пальцами.—Ну, а что ты скажешь о томъ, что Гродскій застрѣлился?

— Гродскій?—Холодная дрожь пробѣжала по его спинѣ.

— Весь городъ говоритъ объ этомъ. Онъ бѣжалъ съ женой какого-то художника, но вдругъ вернулся и застрѣлился.

— Съ женой художника?

— Ну, да. Художникъ сошелъ съ ума, а Гродскій застрѣлился изъ страха...

— Изъ страха передъ чѣмъ?

— Говорятъ, что онъ виновенъ въ какихъ-то уголовныхъ продѣлкахъ—его бы, навѣрное, арестовали... Что-то похоже на процессъ Уайльда. Говорятъ, что эта барыня вдругъ куда-то исчезла,—подозрѣваютъ, что онъ ее упряталъ...

Фалькъ разсмѣялся.

— Такъ вотъ отчего люди лишаютъ себя жизни! Ха-ха-ха, — а я думалъ, — ихъ воля такъ сильна, что они властвуютъ надъ жизнью и надъ смертью.

— Все это, вѣрно, сплетни. Я этому не вѣрю. Но онъ былъ очень способный человѣкъ. Впрочемъ, ты лучше его знаешь... Твою фамилію постоянно связываютъ съ фамиліей Гродскаго.

— Мою фамилію? Фалькъ былъ странно разсѣянъ.

Гейслеръ внимательно смотрѣлъ на него.

— Болѣзнь, видно, очень подкосила тебя. Тебѣ надо смотрѣть за собой. Ну, а что же Иза?

Фалькъ вздрогнулъ.

— Ты ее очень любилъ, Вальтеръ?

— До сумашествія.

— А теперь уже нѣтъ?

— Хе-хе, это такъ скоро не проходитъ.

Фалькъ страшно обрадовался.

— Странно, что это тебя такъ радуетъ?

— Я привожу въ порядокъ свои дѣла, — сказалъ Фалькъ весело.

— Что ты говоришь?

— Ну, а если бы со мной случилось какое-нибудь несчастіе?

— Не болтай вздора. Ты боленъ. Тебѣ надо въ кровать.

— Ты правъ...—Фалькъ опять сталъ очень разсѣяннымъ...

— Но что я хотѣлъ сказать?—Вѣдь ты придешь къ намъ?

— Съ удовольствіемъ.

Когда Фалькъ сошелъ внизъ, онъ вспомнилъ, что долженъ поговорить съ Гейслеромъ относительно путешествія. Но теперь онъ уже видѣлъ, что не поѣдетъ.

На улицѣ онъ снова началъ думать о прощальныхъ визитахъ... Мысль объ отъѣздѣ снова овладѣла его мозгомъ. Но онъ не хотѣлъ объ этомъ думать. Чувствовалъ, что ему при-

дется обдумать множество послѣдствій этой мысли,—ему нужно будетъ вернуться къ Гейслеру, заняться всевозможными приготовленіями, и такъ до безконечности. Нѣтъ, нѣтъ, теперь у него голова должна быть свободна отъ всѣхъ мыслей.

А теперь, можетъ быть, пойти къ Ольгѣ?

Онъ долго думалъ и почти машинально подошелъ къ ея дому. Этотъ вѣчно открытый ресторанъ доводилъ его до страшнаго раздраженія. Онъ вспомнилъ, какъ его, еще ребенкомъ, страшно раздражала неугасимая лампада въ костелѣ. Смѣшно, что она никогда не должна погаснуть. А можетъ быть, Ольга—какая-нибудь священная весталка и поддерживаетъ неугасимый огонь въ этомъ кабачкѣ... Ну-ну, господинъ Фалькъ, вы становитесь даже пошлы...

Онъ вошелъ наверхъ и постучалъ.

Въ комнатѣ Ольги сидѣлъ Куницкій безъ сюртука—онъ былъ очень раздраженъ.

— Убилъ русскаго на дуэли,—молніей скользнула эта мысль въ головѣ Фалька, и въ одну секунду у него созрѣлъ страшный планъ.

Куницкій никогда не промахнется.

— Что же это вы такъ горячитесь,—какъ всегда, какъ всегда...

Фалькъ улыбнулся съ дружелюбной язвительностью.

Куницкій мрачно взглянулъ на него.

— Ну, милѣйшій Куницкій, что же случилось? У васъ такой видъ, словно вы послѣзавтра хотите ввести общественную гармонію.

Фалькъ смѣялся еще дружелюбнѣе и сердечно пожалъ Ольгѣ обѣ руки.

— Какъ ты сегодня красива!

— Не болтай вздора, Куницкій въ бѣшенствѣ, что мы послали Черскаго на агитацію.

— А можетъ быть, Куницкій самъ хотѣлъ ѣхать? — Фалькъ былъ необыкновенно любезенъ. — Это благородное соревнованіе въ благородномъ дѣлѣ.

Куницкій смѣрилъ Фалька полными ненависти глазами и сказалъ раздраженно:

— Оставьте ваши остроты при себѣ. Вопросъ касается дѣла. Вы прекрасно знаете, что Черскій — анархистъ.

— Никто этого не знаетъ лучше меня. Я много и долго говорилъ съ нимъ объ этомъ.

— Тѣмъ хуже. Вы не будете на меня въ претензіи, если я открою глаза комитету и скажу, кто вы такой.

— Ну ихъ къ чорту, ваши комитеты! Какое мнѣ до нихъ дѣло? Я дѣлаю то, что хочу.

— Но мы вамъ этого не позволимъ, — крикнулъ Куницкій внѣ себя. — Вы при помощи Черскаго разрушаете нашу трехлѣтнюю работу.

— Вашу работу, работу! — Фалькъ презрительно засмѣялся. — Развѣ вы забыли, что вы въ сущности сдѣлали своей работой? Хе-хе — полтора года тому назадъ вы развивали передо мной баснословный планъ... вы ясно и отчетливо, какъ на ладони, показали мнѣ, что устраните всѣ препятствія и организуете забастовку всѣхъ горнорабочихъ. Я вамъ далъ на это деньги, хотя не вѣрилъ въ ваши мечты. Далъ, потому что хотѣлъ знать, можете ли вы хоть отчасти дѣйствовать внушеніемъ на толпу... Вы должны были показать мнѣ въ миніатюрѣ, какъ устраиваются крестовые походы, только съ измѣненнымъ девизомъ: l'estomac le veut... Ха-ха... И что же случилось — вы вернулись черезъ недѣлю, съ нѣсколько помятыми боками...

— Вы лжете! — крикнулъ Куницкій въ бѣшенствѣ, но все же еще сдерживая себя. — Вы хотите поднять меня на смѣхъ. Ну, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, я съ востор-

гомъ прощаю вамъ вашъ дѣтскій, у васъ вдвойнѣ комичный, —хе-хе, — аристократически-эстетическій, ницшеанскій зудъ мощи и величія...—Куницкій смѣялся дѣланнымъ ядовитымъ смѣхомъ.

— Продолжайте.—Фалькъ злобно разсмѣялся...—Я не хотѣлъ васъ оскорблять, и тѣмъ болѣе теперь, когда вижу, какъ васъ грызетъ та безконечно смѣшная роль, которую вы сыграли.

— Ошибаетесь!—Фалькъ наслаждался тѣми усиліями, съ которыми Куницкій старался владѣть собой.—Ошибаетесь, разъ вамъ кажется, что такой человѣкъ, какъ вы, можетъ меня оскорбить.

Фалькъ долго смѣялся веселымъ, искреннимъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха,—понимаю: я не могу оскорбить такого человѣка, какъ вы. Но вы слишкомъ громко выразились, если принять во вниманіе тѣ усилія, которыя вы дѣлаете, чтобы не чувствовать себя оскорбленнымъ... Но вернемся къ Черскому. Я не вѣрю въ спасительность соціалъ-демократическаго строя. Не вѣрю, чтобы партія, которая думаетъ о спокойномъ, раціональномъ рѣшеніи соціальныхъ вопросовъ, могла что-нибудь сдѣлать. Все это ваше догматическое зданіе строится на могуществѣ разума, а потому оно глупо. Все, что сдѣлано до сихъ поръ, вызвано глупостью, слѣпой отвагой или случайностью.

— Значитъ, вы выслали Черскаго для того, чтобы онъ сдѣлалъ ту же глупость?

— Я отъ всей души хочу, чтобы Черскій сдѣлалъ какую-нибудь дикую глупость.

Куницкій нагло смѣялся и, наконецъ, медленно процѣдилъ:

— О васъ можно составить интересное и далеко нелестное мнѣніе. Болѣе или менѣе то же говорилъ одинъ изъ agents provocateurs въ Цюрихѣ.

„Вотъ моментъ“, — подумалъ Фалькъ.

— Значитъ, вы думаете, что я сыщикъ?

Куницкій смѣялся еще злобнѣе.

— Я только обращаю вниманіе на поразительное и очень подозрительное сходство...

Въ эту минуту Фалькъ перегнулся черезъ столъ и изо всей силы ударилъ Куницкаго въ лицо.

Куницкій вскочилъ и бросился на Фалька.

Но Фалькъ схватилъ его за руки, скрутилъ ихъ такъ, что Куницкій застоналъ отъ боли.

Фалькъ былъ немного раздраженъ.

— Вѣдь мы не будемъ здѣсь устраивать скандала. Если вамъ угодно получить удовлетвореніе, то я къ вашимъ услугамъ... Съ наслажденіемъ... А главное—я сильнѣе васъ и могъ бы вамъ здорово помять бока.

Онъ отпустилъ его и оттолкнулъ такъ, что тотъ пошатнулся.

Куницкій былъ смертельно блѣденъ. Пѣна выступила на губахъ. Онъ взялъ сюртукъ и вышелъ изъ комнаты.

Фалькъ сѣлъ. Ольга стояла у окна и смотрѣла на него.

Это страшное молчаніе длилось по крайней мѣрѣ добрыхъ полчаса.

Вдругъ онъ всталъ.

— Вѣдь онъ навѣрное пришлетъ мнѣ своихъ секундантовъ?

Какое-то тихое торжество просвѣчивало въ его словахъ.

— Ты самъ этого добился. Принудилъ его. Ты хочешь, чтобы онъ убилъ тебя,—и этимъ путемъ избѣжать самоубійства?

Она нервно разсмѣялась и вытянула руку.

— Значитъ, у тебя нѣтъ уже силъ. Ты говорилъ, что любишь мою любовь. Я думала, что ты будешь жить для моей любви. Ты лгалъ. Ты никого не любишь...

— Тебя люблю,—сказалъ Фалькъ машинально.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты никого не любишь. Любишь свои страданія, свое холодное, насмѣшливое любопытство, но не меня.

Она была очень разстроена. Губы ея дрожали, глаза неестественно расширились.

— Люблю тебя,—прошепталъ беззвучно Фалькъ.

— Не лги, не лги больше. Ты никогда меня не любилъ. Что я для тебя? Ты говорилъ: будь со мною, мнѣ нужна твоя любовь,—но развѣ ты хоть минуту думалъ о томъ, что я живу только для тебя? Вокругъ тебя много людей, которые тебя любятъ, но есть ли у меня кто-нибудь, кромѣ тебя? Думалъ ты когда-нибудь обо мнѣ?

— Я всегда думаю о тебѣ,— сказалъ Фалькъ очень грустно.

Она хотѣла что-то сказать, но голосъ ея оборвался, лицо стало безконечно грустнымъ, и она снова смотрѣла на Фалька, а слезы бѣжали по ея тихому, грустному лицу. Она быстро отвернулась къ окну.

Но въ ту же минуту подошла къ нему, схватила его съ отчаянной страстью за руку.

— Хочешь умереть?

Онъ смотрѣлъ на нее, словно ничего не понимая.

— Хочешь умереть?—спросила она съ бѣшенствомъ.

— Да!

— Да?—крикнула она.

— Да,—отвѣтилъ онъ очень робко.

Руки ея опустились.

— Я не люблю тебя больше. Не люблю тебя такъ, какъ прежде любила... Отчего ты не даешь мнѣ ни одного гроша за тѣ милліоны, которые получаешь? Неужели ты такъ бѣденъ? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ?

Она отступила назадъ и смотрѣла на него съ мукой и отчаяніемъ.

И въ ту же самую минуту Фалькъ упалъ на колѣни, схватилъ ея платье и долго цѣловалъ его съ какимъ-то страннымъ благоговѣніемъ.

Она опустилась, схватила его голову, цѣловала глаза, волосы, губы. Она не могла насытиться этой головой, которую любила съ такою мукой, съ такою скорбною покорностью.

Вдругъ она вскочила.

— Ты не любишь меня!

Голосъ ея усталъ и словно надорвался.

Фалькъ ничего не отвѣтилъ. Сѣлъ, поддерживая лобъ обѣими руками,—и страдалъ. Такого страданія онъ не зналъ еще до сихъ поръ.

Безсиліе его души окончательно надорвало его. Выхода нѣтъ. Душа отупѣла, временами лишь скользитъ какая-нибудь равнодушная мысль.

Ольга сѣла на кровать и не сводила съ него глазъ.

Онъ взглянулъ на нее, глаза ихъ остановились,—вдругъ Фалькъ полубезумно улыбнулся и снова началъ смотрѣть впередъ, ничего не видя.

И вдругъ произнесъ словно про себя:

— Я ударилъ его по лицу, потому что онъ ничтожный червякъ.

— Ты боленъ, Фалькъ. Только теперь я вижу, что мозгъ твой боленъ.

Она смотрѣла на него все съ большимъ изумленіемъ.

— Ты всегда былъ боленъ. Ты не нормаленъ.

— Не нормаленъ?.. Можетъ быть, ты права. Я часто спрашиваю самъ себя, не сумасшедшій ли я? Но мое сумасшествіе не такое, какъ у обыкновеныхъ людей... Да, да—мой мозгъ боленъ... Гадливость, отвращеніе убиваютъ меня...

Онъ долго сидѣлъ съ опущенной головой и говорилъ очень тихо.

— Отвращеніе къ самому себѣ, отвращеніе къ людямъ, подтачиваетъ меня, какъ гангрена... Можетъ быть, я могъ бы что-нибудь сдѣлать въ моей жизни, но распутство разъѣло до дна мою душу. Я шелъ, уничтожалъ и страдалъ. Охъ, какія страшныя муки и пытки я пережилъ!.. А несмотря на это, я долженъ былъ снова дѣлать то же,—меня толкала къ этому какая-то невѣдомая, демоническая сила. Люди поддавались моему внушенію... Но къ чему объ этомъ говорить?.. Быть можетъ, во мнѣ говоритъ только моя суетность. Въ сущности, меня радуетъ то, что у меня была такая сила.

Всталъ.

— Теперь я пойду. Ты была очень несправедлива ко мнѣ. Я тебя всегда очень любилъ.

Онъ нагнулся къ ея рукѣ и долго ее цѣловалъ. Рука ея сильно дрожала.

Въ дверяхъ остановился.

— Если кончится скверно,—знаешь, вѣдь Куницкій превосходно стрѣляетъ,—такъ ты заходи иногда къ Янинѣ... Она была добра со мной. Отвратительно то, что я долженъ былъ разбить ея жизнь!..

Онъ смотрѣлъ на нее и странно улыбался.

— Ты это сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

— Будь здорова, Ольга,—ну—и... и... кто знаетъ, увидимся ли мы еще...

XI.

Рано утромъ Фалька разбудили.

Какой-то господинъ ждалъ въ гостиной по очень важному дѣлу.

— Ага!—произнесъ Фалькъ и сталъ быстро одѣваться.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, то увидѣлъ молодого человѣка, который очень чопорно и церемонно поклонился.

— Отъ Куницкаго... Не правда ли?..

Нетерпѣливо слушалъ, что онъ говорилъ.

— Тяжелыя условія? Да, самыя тяжелыя. Дайте только вашъ адресъ. Только, Бога ради, никакихъ церемоній. Стрѣлять до послѣдней возможности. Только безъ длинныхъ церемоній...

Незнакомецъ взглянулъ на Фалька немного удивленно, поклонился и вышелъ.

— Превосходно!—шепталъ Фалькъ довольно.

Сталъ ходить взадъ и впередъ по гостиной.

Вдругъ почувствовалъ страшную тоску по Изѣ. Пойдетъ къ ней, возьметъ на руки, скажетъ ей все, приласкаетъ, зацѣлуетъ, вымолитъ прощенье...

Но въ слѣдующую минуту вниманіе его приковала картина, которая висѣла надъ фортепіано.

Небо, рядъ широкихъ, грубыхъ полосъ, кричащія пятна, не слитыя другъ съ другомъ; протяжный, страшный крикъ

отчаянія... Морской берегъ, съ длиннымъ помостомъ. На помостѣ двое людей; она въ бѣломъ платьѣ. Видно было, собственно, одно только это бѣлое платье,—и бѣлое пятно во всей этой отчаянной оргіи неба было такимъ зловѣщимъ и такимъ таинственнымъ, что терзало нервы безуміемъ ужаса. Онъ всею душою впился въ это бѣлое пятно.

Да, это—рокъ, бѣлая молнія, пляска міра въ хаосѣ.

Онъ обернулся и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на увядающую орхидею.

Надо поискать теперь секундантовъ—Гейслеръ, конечно, онъ все устроитъ.

Долго искалъ шляпы, подслушивалъ у двери въ спальню Изы и снова долго ходилъ по комнатѣ...

Ну, теперь надо пойти, иначе онъ можетъ не застать Гейслера.

Почти въ ту же минуту Иза вошла въ его комнату.

У нея была лихорадка и страшные сны мучили ее цѣлую ночь.

Она удивилась, что Фалькъ уже ушелъ. А ей такъ хотѣлось съ нимъ поговорить, успокоиться.. Ей стало грустно. Она оглянулась по сторонамъ.

Комната показалась ей вдругъ совершенно чужой. Чувствовала себя въ ней не по себѣ. Словно на нее пахнуло болѣзненнымъ, пропитаннымъ лихорадкой воздухомъ въ этой комнатѣ. Бумаги были разбросаны въ страшномъ безпорядкѣ, а на столѣ лежалъ бѣлый листокъ.

Она задумчиво смотрѣла на него.

Весь листокъ сверху до низу былъ исписанъ однимъ словомъ: Ananke.

Какое-то странное предчувствіе сжало ея сердце. Ей стало душно. И вдругъ взгрустнулось. Ей казалось, что счастье отъ нея улетѣло.

Но она не понимала; откуда эта грусть. Хотѣла развлечь себя болѣе веселыми мыслями, но не могла избавиться отъ этого страннаго безпокойства.

Вернулась въ спальню и начала медленно одѣваться.

Вдругъ вошла горничная.

— Какой-то господинъ непремѣнно хочетъ съ вами поговорить.

Подала ей визитную карточку: Стефанъ Крукъ.

Иза съ удивленіемъ прочла эту фамилію. Вѣдь это невозможно. Крукъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи. Его присудили здѣсь къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ... Ее охватила какая-то тревога. Предчувствіе несчастья давило грудь. Едва успѣла кончить одѣваться.

Въ гостиной она застала Крука. Онъ былъ страшно блѣденъ. Глаза дикіе и красные.

Иза остановилась въ испугѣ.

— Что случилось? Что случилось?

— Гдѣ вашъ мужъ?

Голосъ его охрипъ и сильно дрожалъ.

— Только что вышелъ. Но что съ вами? Какъ вы могли вернуться?

Крукъ оглянулся, словно не отдавая себѣ отчета, гдѣ онъ.

Иза попятилась въ ужасѣ.

— Вашъ мужъ подлецъ!—крикнулъ онъ вдругъ.—Онъ опозорилъ мою сестру.

Иза слышала еще нѣсколько словъ: содержанка, незаконнорожденный, соблазнитель, а потомъ уже ничего не понимала.

Крукъ пришелъ въ себя. Онъ видѣлъ, какъ кровь отхлынула отъ ея лица и губы посинѣли. Она покачнулась, но онъ успѣлъ ее поддержать...

— У моего мужа ребенокъ... теперь, теперь... отъ вашей

сестры? Нѣсколько недѣль тому назадъ?.. Ребенокъ отъ вашей сестры?

Она смотрѣла безсознательно на Крука и все повторяла:

— Ребенокъ, ребенокъ...

Вдругъ вскочила.

— Я должна видѣть ребенка, должна... это невозможно, нѣтъ, нѣтъ...

Она быстро ходила по комнатѣ.

— Отчего вы не скажете ни слова? Скажите же, что это неправда, что это невозможно... О, Боже, Боже... Поищите мою шляпу, скорѣй... Боже, вѣдь это невозможно... Ха-ха-ха, онъ спрашивалъ, что бы я на это сказала... Grand Dieu, c'est impossible... Ахъ, какой вы блѣдный и угрюмый... Пойдемъ, скорѣй...

Она не знала, что говоритъ и что дѣлаетъ. Пришла въ себя только на извозчикѣ. Они не говорили ни слова.

Она ощущала какую-то черную, холодную тѣнь въ своемъ мозгу. Спазматически смѣялась, утихла совсѣмъ и снова смѣялась.

Взглянула на Крука почти съ заигрывающей улыбкой.

— Я сейчасъ же васъ узнала,—я видѣла васъ два раза въ Парижѣ. Какъ вы измѣнились—какъ вы страшно блѣдны... Mais c'est terrible, c'est terrible!

Она смотрѣла блуждающими глазами въ окно.

Но вдругъ услышала грохотъ другого экипажа, тутъ же за собой, это ее оглушило, она уже ничего не знала, ничего не видѣла и только повторяла машинально: c'est terrible!

Наконецъ экипажъ, остановился, а около него остановился другой.

Крукъ страшно измѣнился.

Въ минуту, когда Иза сходила съ экипажа, два полицейскихъ бросились къ Круку.

— Im Namen des Gesetzes!

Крукъ моментально выхватилъ револьверъ, но его въ тотъ же моментъ повалили на землю.

Иза быстро вбѣжала въ ворота.

Прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть,—голова кружилась.

Оглянулась, ничего не понимая.

— Что она здѣсь дѣлаетъ? Видѣть любовницу Эрика? Ха-ха... Боже, Боже!.. Она овладѣла собой и вошла во дворъ. Вдругъ остановилась, какъ вкопанная. Въ одномъ изъ оконъ перваго этажа она увидѣла блѣдное, изстрадавшееся лицо—у дѣвушки на рукахъ былъ ребенокъ. Онѣ долго смотрѣли другъ на друга...

— C'est elle!—шепнула Иза. Она увидѣла, какъ Янина въ испугѣ отскочила отъ окна.

Иза вошла и постучалась.

Дверь открылась—боязливо и только на половину.

— Да пустите же меня...—оттолкнула она вдругъ Янину... Вѣдь я не сдѣлаю вамъ ничего... Я только хочу видѣть вашего ребенка... Вѣдь мой мужъ—его отецъ!

Вошла въ комнату.

— Не дрожите такъ... право, я ничего вамъ не сдѣлаю!

Засмѣялась нервнымъ смѣхомъ...

— У Эрика не дурной вкусъ—вы очень красивы. Такое дитя и уже любовница Эрика! Ха... ха... ха... Сядьте... Вы такъ поблѣднѣли... Господи, какъ вы исхудали, бѣдняжка... Онъ высосалъ изъ васъ всю кровь... А эта малютка, это вашъ ребенокъ, а господинъ Эрикъ Фалькъ его отецъ...

Она истерически засмѣялась и посмотрѣла на Янину съ безумной ненавистью, но только одну минуту.

— Вы не знали, конечно, что Фалькъ женатъ... Ахъ, какъ онъ лжетъ, какъ лжетъ...

Совсѣмъ ослабѣла.

Янина вдругъ бросилась на кровать и зарыдала.

Иза встала.

— Я оскорбила васъ?—спросила она холодно.

Она не дождалась отвѣта. Подошла къ кроваткѣ, на которой лежалъ маленькій Эрикъ и смотрѣла на него долго и внимательно.

— Не плачьте. Я не хотѣла оскорблять васъ... Это необыкновенно красивый ребенокъ... Вѣдь вы не виноваты ни въ чемъ,—вы сами бѣдный, слабый ребенокъ...

И она опять стала смѣяться.

— Странно, что у васъ ребенокъ... Сколько вамъ лѣтъ? Восемнадцать? Девятнадцать? Будьте здоровы! Не плачьте, я пришлю его вамъ... Вернется!

— Не мучьте меня такъ ужасно...—рыдала Янина.

— Я васъ мучу? Я пришлю его сюда... Tout de suite... tout de suite...

На улицѣ остановилась—стояла очень долго.

Прошло нѣсколько уличныхъ мальчишекъ. Они закидали ее градомъ бранныхъ словъ.

Оглянулась. Пошла... все быстрѣй и быстрѣй.

— Только бы не возвращаться къ этому лгуну,—шептала она...

— Но, Боже, что за люди живутъ здѣсь? Зачѣмъ они издѣваются надо мной? Что я имъ сдѣлала?..

Она скрежетала зубами въ безсильной злобѣ.

Вдругъ почувствовала сильную боль—какой-то рабочій толкнулъ ее такъ сильно, что она чуть не упала.

Боль отрезвила ее.

Шла теперь медленно по тротуару. Она боялась, какъ маленькій ребенокъ, судорожное рыданіе давило и душило ее, она съ трудомъ удерживалась, чтобъ не разрыдаться, но крупныя слезы текли по ея лицу.

Наконецъ, вышла на пустую площадь. Сѣла на скамейку и успокоилась. Теперь окончательно пришла въ себя и поняла все. Страшная боль начала мучить ее. Она сходила съ ума. Вскочила. Гейслеръ дастъ денегъ—только бы бѣжать отъ него далеко... далеко... Гейслеръ дастъ денегъ... Гейслеръ...—повторяла она все время.

Сѣла на извозчика и сказала адресъ Гейслера.

Боль доводила ее до сумасшествія... Словно адъ справлялъ въ ней свою оргію... Ха-ха-ха... Mais non, pas du tout; je suis au contraire très enchantée... Какія громадныя буквы! Исаакъ — сынъ Исаака... Это ужасно смѣшно... Фалькъ геніальный человѣкъ. Онъ говорилъ, что хочетъ улучшить человѣческую расу и наплодить дѣтей отъ возможно большаго количества женщинъ... Здѣсь я могу купить матеріи на платье... Фридрихштрассе 183, какъ же его зовутъ? Исаакъ—сынъ Исаака 183.

Вдругъ она почувствовала бѣшеное отвращеніе.

Фалькъ тѣми же руками прикасался къ ней, что и къ этой дѣвушкѣ, цѣловалъ ее тѣми же губами...

Она дрожала. Ей было такъ жарко и душно, что она готова была разорвать платье.

— Отчего онъ не притащилъ эту дѣвушку на мою кровать?

Вѣдь онъ могъ бы совершить этотъ актъ высокой цивилизаціи и на моихъ глазахъ.

Она не могла дольше владѣть собой. Она корчилась, съеживалась, снова срывалась,—какая-то страшная боль въ груди, въ головѣ, вездѣ... Охъ, вездѣ...

Oh, que j'ai mal, que j'ai mal... Grand Dieu, que j'ai mal!

Вошла въ комнату Гейслера. Она была необыкновенно весела.

— Ахъ, какъ славно, какъ хорошо ты на меня смотришь! Ты похожъ на сконфузившагося ребенка... ха-ха-ха!.. Что ты на меня такъ смотришь, словно надъ тобой открылось небо св. Антонія Падуанскаго... вѣдь я законная жена г-на Эрика Фалька... Понимаешь... Сочетались съ нимъ законнымъ бракомъ въ пятнадцатомъ arondissement Парижа.

Она отъ души смѣялась.

Гейслеръ смотрѣлъ на нее недоумѣвающими глазами. Но она такъ искренно смѣялась, что разсмѣялся и онъ.

— Подумай только, Вальтеръ, вѣдь мы съ тобой даже не поздоровались...

Она держала его руку въ своей рукѣ.

— Твоя рука—такая большая, добрая, теплая!

— Ты не встрѣтила внизу своего мужа?—тревожно спросилъ Гейслеръ.

— Эрика Фалька, моего мужа...—Она задыхалась отъ смѣха: Мой мужъ,—ха-ха. Mon mari! quelle drôle idée plus philosophique qu' originale, n'est ce pas?—Она оглянулась и сѣла.

— Отчего ты смотришь на меня такъ грустно?.. А... а... Онъ былъ здѣсь, былъ, все тебѣ сказалъ?..

Гейслеръ отвернулся и началъ искать папиросъ.

— Онъ разсказалъ тебѣ о своемъ маленькомъ сынѣ? И о своей бѣдной, маленькой любовницѣ? Ха... ха... Можетъ быть, онъ захотѣлъ отвести съ тобой душу...

— Ну, Иза, не принимай этого такъ близко къ сердцу... Ты женщина... У мужчинъ совсѣмъ другая организація...

Она сѣла, но вдругъ почувствовала страшную усталость. Ей казалось, что она упадетъ въ обморокъ.

— Дай воды!

Выпила большой стаканъ.

— Ха-ха... я не видѣла моего мужа... Je ne l'ai pas vu depuis cinq jours... необыкновенно пріятно говорить на родномъ языкѣ... Я почти его забыла... Я была въ громадномъ нѣмецкомъ пансіонѣ... Въ пять часовъ утра надо было вставать... о, брр... брр... Какъ ты не похожъ на другихъ, какъ ты добръ,—твоя рука—такая большая и добрая...

Взглянула на него.

— Отчего ты такъ грустно смотришь? Мнѣ не надо состраданія. Дай мнѣ 500 рейнскихъ! Ты долженъ мнѣ дать!—сказала она твердо.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Ну, и джентльменъ! Ха-ха-ха... Ты спрашиваешь женщину, зачѣмъ ей нужны деньги? Дай мнѣ денегъ, потому что онѣ мнѣ очень нужны.

— Иза, будь хоть минуту благоразумна,—вѣдь ты не сдѣлаешь никакихъ глупостей?

— О чемъ ты?

— Слушай,—ты прекрасно знаешь, что ты для меня... Въ вашемъ домѣ случилось несчастіе,—вѣдь ты меня понимаешь... Сколько тебѣ надо?

— Триста, четыреста...

— Дамъ и шестьсотъ.

Она не поняла его,—только смотрѣла на него съ возрастающимъ восхищеніемъ. Въ головѣ закружилось.

— О, какой ты славный, какой ты добрый!.. Дай мнѣ, дай мнѣ твою большую, славную, теплую руку... Сожми сильнѣе, еще сильнѣе... Oh, que j'ai mal, que j'ai mal.

Она зарыдала—судорожно, истерически.

XII.

励Фалькъ цѣлый день тревожно бродилъ по городу.

Наконецъ, застрялъ въ какомъ-то кафэ и просидѣлъ тамъ нѣсколько часовъ. Онъ такъ усталъ, что не могъ собраться съ силами, чтобы встать и достать газеты. Попросить у кельнера? Охъ нѣтъ, нѣтъ.... Даже слово сказать больно.

Онъ даже отчасти радовался, что все такъ хорошо сложилось. А Куницкій—извѣстный стрѣлокъ. Завтра все кончится... И хорошо.

Онъ удивился, что былъ такъ ко всему равнодушенъ. А вѣдь это былъ вопросъ его жизни. Его жизни... Онъ странно улыбнулся... Его жизни...

Вдругъ сорвался со стула.

Надо же поговорить съ Изой. Надо поговорить о самомъ важномъ, но такъ осторожно, чтобы не возбудить въ ней ни малѣйшаго подозрѣнія.

Можно, пожалуй, написать.—Онъ долго думалъ.—Иначе ей могутъ притти въ голову дурныя или, собственно, хорошія мысли. Лучше написать письмо.

Вдругъ онъ пришелъ въ себя. Мозгъ его встрепенулся и началъ работать.

Наконецъ, онъ понялъ, что завтра, вѣроятно, смерть закроетъ ему глаза... Дрожь пробѣжала по его тѣлу... Дрожь

и страхъ, несмотря на то, что револьверные герои не испытываютъ ни дрожи, ни страха.

Весь процессъ этой смерти на дуэли всталъ вдругъ у него передъ глазами съ наглой отчетливостью.

Онъ долженъ будетъ спокойно стоять, дуло пистолета онъ будетъ видѣть какъ черную точку, потомъ услышитъ, какъ щелкнетъ курокъ, — совершенно ясно, словно сильный трескъ...

Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Онъ съ трудомъ отогналъ эти мысли.

Зѣвнулъ. Но замѣтилъ, что этотъ зѣвокъ только желаніе замаскировать страхъ.

Куницкій первымъ же выстрѣломъ убилъ русскаго.

И въ меня не промахнется... И все оставить. И Изу и все будущее.

Успокоился.

Откуда вдругъ эта ложь о будущемъ? Глупая ложь! Ха-ха-ха... Странно, что надо себя такъ обманывать. Моя лживая душа, вѣроятно, хотѣла это такъ аргументировать. Все это не такъ скверно, какъ кажется... Все еще можно будетъ уладить...

Онъ сорвался, какъ сумасшедшій...

Вѣдь Крукъ не можетъ вернуться въ Германію. Его присудили къ пятилѣтнему заключенію. Значитъ, никто не можетъ ему помѣшать.

Онъ бѣгалъ, какъ безумный, по комнатѣ.

Ну, значитъ, Иза никогда не узнаетъ о томъ, что случилось. А писемъ она никогда не распечатываетъ.

Такого животнаго, непосредственнаго счастья онъ никогда раньше не испытывалъ.

Онъ почти терялъ сознаніе отъ избытка счастья. Страшная жажда жизни разрывала его грудь. Онъ ни о чемъ не

думалъ, одна только могучая, упорная мысль наполняла его мозгъ—уѣхать какъ можно скорѣе.

Куницкій? Куницкій? Какое ему теперь дѣло до Куницкаго? Какое ему дѣло до чести, до позора? Только бы поскорѣе уѣхать!

Съ послѣдними отчаянными усиліями его мозгъ ухватился за эту мысль.

И вдругъ онъ началъ долго и сильно смѣяться.

Ха-ха-ха... Скверно со мной... Я начинаю играть комедію съ самимъ собою. Это скверно. И развѣ бѣгство поможетъ? Развѣ я избавлюсь отъ отвращенія, гадливости и лжи. Ха-ха-ха... Какое это дикое безуміе—мечтать о томъ, что все еще поправимо!

Вспомнилъ онъ маленькаго комичнаго жида, къ которому онъ—студентомъ—обратился за деньгами. У жида денегъ не было,—вѣрнѣе, онъ дѣлалъ видъ, что у него ихъ нѣтъ, и на всѣ просьбы Фалька онъ отвѣчалъ:—ну, это еще поправимо.

И вдругъ его сердце охватила радость. Ему казалось, что онъ никогда еще не былъ такъ веселъ.

Теперь онъ можетъ пойти къ Изѣ, веселый, радостный.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, то увидѣлъ эту бѣшеную картину съ ея серебряной, безумной оргіей отчаянія неба...

Въ столовой сталъ прислушиваться. Изъ комнаты Изы доносились какія-то рыданія, стонъ, плачъ...

Словно молнія въ него ударила. Попятился назадъ. Сердце перестало биться. Подбѣжалъ къ двери и постучалъ.

Отвѣта нѣтъ.

Вдругъ страшный крикъ.

Постучалъ еще сильнѣе.

Началъ стучать въ двери кулакомъ.

— Иза, Иза!—кричалъ онъ въ отчаянiи.

Тишина.

Его охватило безумiе.

— Отвори!—кричалъ онъ.—Отвори!

Отвѣта нѣтъ.

Онъ обезумѣлъ. Потерялъ разсудокъ—навалился со всей силой на дверь и выломилъ ее.

Иза вскочила,—дикая, растерянная.

— Чего ты хочешь? Уходи, уходи! Иди къ своей любовницѣ!—кричала она въ отчаянiи.

Фалькъ дрожалъ такъ сильно, что долженъ былъ ухватиться за столъ.

— Иди, иди вонъ!—кричала Иза, бѣгая по комнатѣ, словно боясь, что онъ ее схватитъ.

— Иза,—произнесъ онъ, наконецъ.

— Оставь меня въ покоѣ, пусти меня!—она затыкала уши пальцами.—Я ничего не хочу слышать, ничего не хочу видѣть. Я не могу смотрѣть на тебя, ты мнѣ невыразимо противенъ...

Фалькъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, какъ помѣшанный.

Слышалъ только хриплый, кричащiй голосъ, въ которомъ истерическiй смѣхъ боролся съ судорожнымъ плачемъ. Съ удивленiемъ подумалъ, что никогда раньше не слышалъ, чтобы Иза кричала.

Иза была внѣ себя. Топала ногами, выкрикивала какiе-то нечленораздѣльные звуки, бѣгала вокругъ стола и, наконецъ, припала къ дверямъ.

Фалькъ пришелъ въ себя. Схватилъ ее за руки. Она боролась съ нимъ, но онъ еще сильнѣе сжалъ ея руки, впился пальцами въ ея тѣло.

— Пусти меня,—пусти!—кричала она изо всѣхъ силъ.

Онъ пустилъ ее и остановился въ дверяхъ.

— Я уйду. Но сначала ты должна меня выслушать! — крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ.

— Я не хочу ничего слышать, я ненавижу тебя, презираю тебя, ты мнѣ противенъ! Иди, иди къ своей любовницѣ.

Она бросилась на диванъ въ дикихъ судорогахъ, плача.

Фалькъ припалъ къ ней въ безумномъ страхѣ и безпокойствѣ.

Гибкое, нѣжное тѣло Изы извивалось и дрожало въ его рукахъ, а изъ горла вырывались крики, рыданія и нечеловѣческая боль.

Фалькъ понесъ ее на балконъ, схватилъ графинъ воды, намочилъ ей виски, но вдругъ она вскочила и толкнула его въ грудь кулакомъ. И снова ослабѣла, бросилась на диванъ, тяжело дыша. Силы понемногу ее покидали. Она свѣсилась съ дивана и опустилась на полъ. Но снова сорвалась и остановилась передъ Фалькомъ, холодная, гордая.

— Ну, чего же ты еще отъ меня хочешь?

— Ничего... ничего...—лепеталъ онъ тихо и смотрѣлъ на нее стеклянными глазами. — Ничего... — повторилъ онъ тихо.

— Ты, надѣюсь, понялъ, что между нами все кончено. Я ни минуты не останусь въ твоемъ домѣ... Уйду... уйду...

Она бросилась къ нему и хотѣла оттолкнуть отъ двери.

У него потемнѣло въ глазахъ, онъ пересталъ владѣть собой и изо всѣхъ силъ бросилъ ее на кровать.

Она вскочила, хотѣла бѣжать, волосы ея распустились, онъ схватилъ ее, обезумѣвъ, за волосы, дернулъ и потащилъ къ дивану.

— Убью тебя, убью!—застучалъ онъ зубами и расхохотался, совсѣмъ теряя сознаніе.

Она уже не сопротивлялась. Все въ ней надорвалось. Наступила минута страшной тишины.

Фалькъ припалъ къ ея ногамъ въ страшной тревогѣ и ужасѣ.

Вдругъ онъ услышалъ, какъ она плачетъ и рыдаетъ, усталымъ тихимъ голосомъ, какъ маленькій ребенокъ.

— Эрикъ, Эрикъ, какъ могъ ты это сдѣлать! Эрикъ, какъ только ты могъ это сдѣлать?

Фалькъ цѣловалъ ея ноги. Схватилъ ея руки и началъ покрывать въ безпамятствѣ поцѣлуями. Слезы текли по ея рукамъ.

— Эрикъ, что ты сдѣлалъ?..

Онъ ничего не отвѣтилъ, а только еще сильнѣе прижалъ ея руки къ своимъ губамъ...

— Встань... встань... Не мучь меня...

Она плакала.

Онъ всталъ, казался очень спокойнымъ, только все его тѣло дрожало.

— Только не уходи отъ меня!--лепеталъ онъ.—Я... я такъ тебя любилъ.

Онъ замолчалъ. Нѣтъ! Этого онъ не долженъ ей говорить.

— Я потерялъ разсудокъ. Тотъ, чуждый человѣкъ, былъ постоянно передъ моими глазами.

Она испуганно смотрѣла на него, но, казалось, ничего не понимала.

— Кто? Что?

— Кто?—спросилъ Фалькъ и пришелъ въ себя.

— Нѣтъ—нѣтъ—никто...—Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ...—Только не уходи отъ меня... дѣлай со мной, что хочешь... Только не уходи!..

Онъ говорилъ измученнымъ голосомъ, какъ бы безъ сознанія.

— Теперь ничто уже не поможетъ... Ты мнѣ—чужой человѣкъ. То, что я въ тебѣ любила,—уже уничтожено.

Ты мнѣ смѣшонъ, какъ всѣ они. Ты звѣрь, животное, какъ всѣ мужчины со своею глупою животною похотью... А я думала, что ты другой... Но не мучь же меня... Я презираю тебя. Ты мнѣ безконечно противенъ... Отпусти меня, Эрикъ, отпусти... Я ни минуты не могу оставаться съ тобой...

Она подошла къ дверямъ. Фалькъ закипѣлъ отъ бѣшенаго гнѣва.

— Я не позволю тебѣ уйти! Ты должна остаться со мной! Должна! Я приказываю тебѣ! Раздавлю, убью тебя, если уйдешь.

Онъ хотѣлъ схватить ее.

Она въ ужасѣ отскочила.

— Ты съ ума сошелъ!—крикнула она.

Наконецъ онъ схватилъ ее въ бѣшеныя, страстныя объятія. Она защищалась изо всѣхъ силъ. Но онъ схватилъ ее съ такою страшною силой, что она не могла вырваться.

Безуміе заливало его мозгъ, болѣзненное безуміе, звѣрская похоть проснулась въ немъ,—желаніе овладѣть этой женщиной—въ послѣдній разъ обладать ею.

— Пусти меня—пусти!—кричала она, ошеломленная.

Но онъ уже не могъ владѣть собой, сжалъ ее еще сильнѣе въ своихъ объятіяхъ и потащилъ къ кровати.

Вдругъ она освободила одну руку, откинулась въ его рукахъ и ударила его изо всей силы кулакомъ по лицу.

Онъ выпустилъ ее въ ту же минуту. Душа его заледенѣла.

Онъ не видѣлъ ея. Смотрѣлъ только въ какую-то пропасть, которая раскрылась передъ его глазами.

Внимательно взглянулъ на нее и пришелъ въ себя.

Лицо ея окаменѣло, только въ глазахъ грызущее отвращеніе и ненависть.

— Не любитъ меня! Только теперь это понялъ.

— Не любишь меня? — спросилъ онъ съ холодной усмѣшкой. Въ сущности, ему не надобно даже и спрашивать объ этомъ.

— Нѣтъ, не люблю... — сказала она холодно и твердо.

励алькъ безсознательно улыбнулся, оттолкнулъ ногой куски выломанныхъ дверей и хотѣлъ выйти.

Иза вскочила съ бѣшеной ненавистью.

Фалькъ остановился и улыбнулся.

— А эта дѣвушка... — безумно смѣялась она... — Эта дѣвушка, которая утонула... — ха-ха-ха... случайно въ купальнѣ... Ты виноватъ, ты, ты, ты... черезъ годъ послѣ нашей свадьбы! Ха-ха-ха... — Ну, скажи, что, что ты еще сдѣлалъ, прекрасный, однобрачный мужъ?

На твоей совѣсти еще нѣсколько дѣвушекъ? Можетъ быть, которая-нибудь изъ нихъ повѣсилась изъ-за тебя?..

Она ходила по комнатѣ и говорила, не помня себя:

— О, эта ложь, эта ложь... Но оставимъ это... Все кончено, иди, иди! Ты хорошо сдѣлаешь, если займешься немного этой дѣвушкой... Она очень скверно выглядитъ... Adieu, mon mari... Je n'ai plus rien à te dire...

Adieu, adieu!

Фалькъ уже ничего не слышалъ — не чувствовалъ больше ничего. Только сѣсть гдѣ-нибудь. Сидѣть все время тихо-тихо гдѣ-нибудь среди глубокой тишины.

Иза бросилась на постель. Фалькъ тихо вышелъ.

Кто-то позвонилъ.

Фалькъ вышелъ въ коридоръ и открылъ дверь.

Смотрѣлъ безсмысленно на посыльнаго и ждалъ.

— Г-нъ Фалькъ дома?

— Это я.

— Вамъ письмо.

Фалькъ взялъ письмо, вошелъ въ свой кабинетъ и положилъ его на столъ. Сѣлъ въ кресло и долго смотрѣлъ на это странное письмо, пока, наконецъ, не заставилъ себя распечатать его.

Отъ Гейслера. Онъ писалъ ему, что все въ полномъ порядкѣ и въ пять часовъ утра будетъ дуэль.

Фалькъ усмѣхнулся, вытянулся въ креслѣ и просидѣлъ такъ всю ночь. Онъ утратилъ сознаніе времени. Впрочемъ, ему не хотѣлось спать. Только временами курилъ папиросу, удивляясь, что у него въ головѣ нѣтъ ни одной мысли.

— Я химически чистъ отъ мыслей, — повторялъ онъ, усмѣхаясь.

Когда Гейслеръ пришелъ въ назначенный часъ, Фалькъ посмотрѣлъ на него удивленными и смѣющимися глазами.

— Пора?

— Да.

— Ты не спалъ?

— Нѣтъ,—апатично отвѣтилъ Фалькъ.

Онъ взялъ свою старую поярковую шляпу.

— Но побойся Бога, нельзя же такъ итти... Возьми цилиндръ!

— Хорошо... Могу взять цилиндръ...

Гейслеръ смотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

Фалькъ разсердился.

— Почему ты такъ недовѣрчиво смотришь на меня? Можетъ быть, тебѣ кажется, что я боюсь?—Но въ ту же минуту онъ снова впалъ въ глубокую апатію.

Когда они пріѣхали, Куницкій уже ждалъ со своими секундантами.

Всѣ формальности были быстро исполнены.

Фалькъ смотрѣлъ только съ невѣроятнымъ спокойствіемъ, какъ Куницкій цѣлился ему въ грудь.

У Куницкаго преимущество спортсмэна.

Куницкій никогда не дѣлаетъ промаховъ.

Странный спортъ...

Онъ застрѣлитъ меня на мѣстѣ...

Но какъ это вяжется одно съ другимъ? Вѣдь Куницкій соціалъ-демократъ, а выступаетъ на дуэли? Ха-ха-ха... Un citoyen cosmopolite, un citoyen du monde entier...

Всѣ эти мысли промелькнули молніей въ его мозгу. Ему хотѣлось громко разсмѣяться.

Въ эту же минуту пуля пролетѣла у него надъ ухомъ.

Имъ овладѣла одна только мысль: un citoyen cosmopolite съ хромающими убѣжденіями долженъ самъ хромать...

Онъ съ трудомъ удержался отъ смѣха. И въ то же время началъ цѣлиться очень спокойно. Судорожный смѣхъ давилъ его грудь. Онъ попалъ Куницкому въ колѣно.

Куницкій подскочилъ и упалъ.

— Чортъ возьми, дайте папиросу!—сказалъ онъ.

— Будетъ хромать?—спросилъ Фалькъ у Гейслера, когда они возвращались въ городъ. Эта единственная мысль бурлила въ немъ.

— Не знаю.

— Citoyen cosmopolite... Citoyen съ хромающими убѣжденіями... Ха-ха-ха... Перстъ Божій. Теперь самъ будетъ хромать...—Гейслера это непріятно кольнуло. Фалькъ не обратилъ на это вниманія. Онъ былъ безконечно апатиченъ.

— Все-таки это чертовски жалкое удовлетвореніе,—произнесъ Гейслеръ, чтобы прервать непріятное молчаніе.

Фалькъ посмотрѣлъ на него.

— Куницкій и я — когда-то были друзьями... Это умная голова. Онъ необыкновенно ловко съѣлъ Родбертуса...

Они опять замолчали.

— Иза уже уѣхала?—спросилъ Гейслеръ.

— Развѣ она хотѣла уѣхать?

— Да, мнѣ такъ казалось...

Гейслеръ забезпокоился.

— Хочешь пойти домой?—испуганно спросилъ Фалькъ.

— Я страшно усталъ.

Фалькъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Мнѣ кажется, что ты очень безпокоишься... Хе-хе-хе... иди, иди—я пойду тоже спать.

XIII.

Фалькъ еще сильнѣе прижался къ стѣнѣ. Въ комнатѣ было совершенно темно. Онъ вздрогнулъ — въ коридорѣ послышался какой-то голосъ. Онъ внимательно прислушивался.

— Барыня съ мальчикомъ сегодня уѣхала, а баринъ сидитъ цѣлый день въ комнатѣ. Онъ, вѣроятно, боленъ, ничего не ѣстъ и никому не отвѣчаетъ.

Послышался стукъ въ дверь.

Онъ не пошевелился. Но увидѣлъ, что дверь отворяютъ; струя свѣта влилась въ комнату. И снова стало темно.

— Фалькъ!—позвала Ольга.

— Тише... тише...

— Гдѣ ты?

— Здѣсь.

— Что ты дѣлаешь?—испуганно спросила она.

— Кто-то умеръ...

— Умеръ? Кто?

— Она, она... сядь возлѣ меня... здѣсь, здѣсь...

— Что у тебя въ рукѣ?—спросила она.

— Ея письмо... Уѣхала... Никогда не вернется. Значитъ—умерла.

Они долго сидѣли рядомъ, держа другъ друга за руки.

Отъ таинственной тишины и темноты у нея закружилась голова.

— Ты сошелъ съ ума?—тихо спросила она въ ужасѣ.

— Было, но теперь прошло.

Они очень долго молчали.

— Какъ хорошо, что ты пришла.—Онъ тяжело вздохнулъ.

— Что же теперь?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она побоялась еще разъ переспросить его.

Послѣ долгаго молчанія она захотѣла снова спросить его, но онъ уже спалъ.

Она не двигалась, боясь его разбудить. Онъ даже во снѣ держалъ ее за руку.

Такъ прошло много времени.

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Я поѣду, можетъ быть, къ Черскому. Поѣдешь со мной?

— Поѣду.

— Vive l'humanité! Ха-ха-ха,—онъ засмѣялся грызущимъ, ядовитымъ смѣхомъ.